

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Исторический факультет

Dmitri Bovykine

LA RÉVOLUTION EST-ELLE FAITE ?

LE BILAN DE THERMIDOR

Presses de l'Université de Moscou

2005

Д.Ю. Бовыкин

РЕВОЛЮЦИЯ ОКОНЧЕНА?

ИТОГИ ТЕРМИДОРА

Издательство Московского университета

2005

УДК 94/99
ББК 63.3(0)52
Б72

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г.Н. Канинская*
кандидат исторических наук *Л.А. Пименова*

Бовыкин Д.Ю.

Б72 Революция окончена? Итоги Термидора. – М.: Изд-во
Моск. ун-та, 2005. – 320 с.

ISBN 5-211-06069-5

Монография посвящена одной из наиболее спорных тем в изучении Французской революции конца XVIII века – ее политическим и социальным итогам. На примере дискуссии вокруг принятия Конституции 1795 года автор ставит вопросы о сущности Термидора, подробно рассматривает общественные и идеологические изменения, произошедшие во французском обществе после падения диктатуры монтаньяров, анализирует состав и судьбы термидорианской политической элиты. Книга основана на широком круге французских архивных источников.

УДК 94/99
ББК 63.3(0)52

ISBN 5-211-06069-5

© Д.Ю. Бовыкин, 2005

Введение

Термидор. Этот период всего в полтора года – от падения Робеспьера до установления режима Директории – казался многим историкам настолько незначительным, что они уделяли ему всего несколько страниц в общих работах по Французской революции, а то и вовсе выводили за ее рамки. В нем нередко видели лишь отказ от завоеваний Революции, коррупцию, измельчание руководивших страной политиков. Якобинцы уходят, Наполеон еще не пришел к власти, так заслуживает ли это время специального изучения?

И все же, несмотря на эту давнюю историографическую традицию, Термидор представляется мне не только одним из неотъемлемых этапов Революции, но и этапом важным, принципиальным, без изучения которого история Французской революции останется неполной. Именно в это время совершался переход от революционного к конституционному способу управления государством, формировалось новое соотношение политических сил, заканчивался очередной этап передела собственности, закладывались основы политической системы Франции на следующие четыре года.

Ядром этой новой политической системы стала новая конституция, получившая название Конституции III года Республики. В дебатах, сопровождавших ее принятие, затрагивались едва ли не все ключевые проблемы того времени: от вопроса о форме правления до выработки отношения к якобинскому наследию, от прав человека до подведения итогов Революции. Именно эта проблематика – дебаты и политическая борьба вокруг принятия Конституции 1795 года – и будет поставлена в центр моего исследования.

Данный сюжет тесно связан с такой остро дискуссионной проблемой истории Революции, как общая оценка Термидора: был

ли он возвращением к либеральным принципам 1789 года, как считают одни исследователи, резким разрывом с традициями 1789–1794 годов, в чем уверены другие, или синтезом и переосмыслением революционных ценностей, как предполагают третьи.

Решение сосредоточить в настоящей работе основное внимание лишь на одной части термидорианского периода – с марта 1795 года, когда вопрос о необходимости введения в действие или пересмотра якобинской конституции 1793 года был переведен в практическую плоскость, до принятия новой конституции и самороспуска Национального конвента в октябре 1795 года – было принято не случайно. На мой взгляд, первая часть этого периода – от падения Робеспьера до весны 1795 года – во многом обладает своей собственной проблематикой и логикой развития, и она была относительно недавно проанализирована в глубокой и уже ставшей классической монографии Б. Бачко «Как выйти из Террора. Термидор и Революция»¹, тогда как последовавшие далее события и тенденции, при всей своей важности, до сих пор не удостоились специального исследования.

Поставленная задача предопределила и выбор источников. Основной их комплекс составляют хранящиеся во французском Национальном архиве (серии AA 34 и C 226 – C 232) бумаги Комиссии одиннадцати, назначенной Конвентом для подготовки текста новой конституции. Именно туда стекались все предложения, проекты и вопросы, касающиеся будущей конституции, референдума и последовавших за ним выборов. Соглашаясь с известной французкой исследовательницей Ф. Брюнель, хотелось бы подчеркнуть, что эта группа материалов никоим образом не претендует на какой бы то ни было зондаж общественного мнения². Они не могут быть до конца репрезентативны хотя бы потому, что в переписку с Конвентом вступала наиболее активная часть граждан, искренне интересующаяся обсуждавшимися вопросами и верившая, что ее мнение может и должно быть принято во внимание. Однако именно эти документы позволяют нам услышать голос не только членов политической элиты или региональных клубов, но и посмотреть на проблему «снизу».

¹ *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989.

² *Brunel F.* Aux origines d'un parti de l'ordre: les propositions de constitution de l'an III // *Mouvements populaires et conscience sociale.* P., 1985. P. 694.

Среди других архивных источников в монографии использовались находящиеся в том же архиве бумаги депутатов Конвента Э.Ж. Сийеса (серия 284 AP), П.Ш.Л. Бодена (серия 172 AP, досье 1) и Ф.А. Буасси д'Англа (серия F7 4606); частные архив одного из лидеров эмиграции – де Кастри (серия 306 AP, досье 29) и бывшего депутата Генеральных штатов, популярного при Термидоре публициста П.Л. Редерера (серия 29 AP 11); протоколы выборов и референдума 1795 года (серия В II, досье с 55 по 74); хранящееся в Национальной библиотеке рукописное наследие одного из авторов Конституции – П.К.Ф. Дону (Mss. 21891), а так же ряд документов из Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ) – фонд 32 (сношения России с Австрией), фонд 48 (сношения России с Генуей), фонд 74 (сношения России с Пруссией) и фонд 93 (сношения России с Францией). Из опубликованных архивных материалов особый интерес для данного сюжета представляли документы английской разведки и дипломатической службы¹, а также переписка генерального консула США в Париже Дж. Монро².

При существовавшей в то время относительно широкой свободе печати, вопросы политического устройства страны активно обсуждались в прессе. Я постарался привлечь для исследования как можно более широкий спектр парижских и, частично, региональных изданий, а также публиковавшийся в Лондоне еженедельник французского эмигранта-роялиста Ж.Г. Пелтье «Париж в 1795 году»³.

Большое значение для понимания политической борьбы вокруг принятия Конституции 1795 года имели протоколы заседаний Конвента, публиковавшиеся в *Gazette nationale ou le Moniteur universel*⁴. Однако отчеты эти не совсем полны и ряд речей депутатов мне пришлось цитировать по иным источникам.

¹ Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L., 1899. Vol. III.

² *Monroe J. The Writings. Vol. II. 1794-1796. N.Y., 1899.*

³ *Peltier J.G. Paris pendant l'année 1795. Londres, 1795.*

⁴ Использовался оригинал газеты (далее – *Moniteur*). Хотя переиздание (*Réimpression de l'Ancien Moniteur*) и более распространено, я все же предпочел давать ссылки на оригинал. Все указанные номера газеты (если не оговорено иное) относятся к III году республики.

Помимо прессы, в ходе работы над монографией широко использовались брошюры и памфлеты той эпохи – от антиправительственных роялистских воззваний до верноподданнических петиций, направлявшихся в Конвент отдельными гражданами и представителями департаментов. По большей части они хранятся во французской Национальной библиотеке, а также в Исторической библиотеке города Парижа и позволяют восполнить некоторые пробелы в протоколах Конвента, посмотреть на конституционный проект глазами его сторонников и противников, оценить предложения, вносившиеся известными и популярными публицистами.

* * *

Прежде чем перейти к основной части исследования, мне хотелось бы высказать слова искренней благодарности тем, кто помог ему состояться. Анатолию Васильевичу Адо, чьи мысли и помощь играли для меня наибольшую роль на протяжении всей работы. Владиславу Павловичу Смирнову, добровольно взявшему на себя нелегкий труд довести мою диссертацию до защиты после того, как Анатолия Васильевича не стало. Александру Викторовичу Чудинову, чья дружеская поддержка и чьи размышления о Французской революции для меня всегда были важны. Моей жене, помогавшей мне на протяжении всего исследования: без нее эта книга получилась бы совсем иной. Господину Морису Эмару, администратору «Дома наук о человеке», чье любезное приглашение позволило мне получить доступ к французским архивам и библиотекам, и госпоже Соне Кольпар, чье участие и забота немало помогли мне во время пребывания во Франции. А также исследователям, к мнению и мыслям которых я неизменно отношусь с большим уважением: Сержу Абердаму (INRA), Брониславу Бачко (Женевский университет), Янику Боску (Париж), Александру Владимировичу Гордону (ИНИОН РАН), Мадлен Дювьельбург (Институт Людовика XVII), Анни Жеффруа (INaLF), Моне Озуф (EHES), Франсуа Фюре, Галине Сергеевне Чертковой.

Глава I

Споры о Термидоре

Как это не удивительно, период термидорианского Конвента по сей день остается одним из наименее изученных моментов в истории Революции, даже несмотря на то, что принятая в то время конституция рассматривалась современниками не только как последнее крупное деяние Национального конвента, но и итог его работы. Она должна была, по замыслу своих создателей, закончить Революцию, стать венцом всех шести лет революционных бурь, принести стране спокойствие, процветание и стабильность, прочное, а не временное и революционное, правительство. Однако в исторической литературе о Конституции III года Республики, как правило, говорится вскользь, в лучшем случае анализируются основные ее положения, а механизм выработки и утверждения остается за рамками исследований.

Во многом то же самое можно сказать и о Термидоре в целом. Существующие на сегодняшний день исследования, по большей части, либо посвящены отдельным событиям этого периода (как, например, восстаниям в жерминале и прериале), либо представляют собой общие труды исторического и юридического характера.

Из классических работ, посвященных Конституции III года, практически единственной является небольшая статья выдающегося французского историка А. Олара, опубликованная в журнале «Французская революция» еще в 1900 году¹ и представляющая собой расширенный вариант соответствующей главы из его широко известной книги «Политическая история Французской революции». Олар рассматривает Конституцию III года прежде всего как итог опыта прошедших лет, вобравший в себя все лучшее, что было достигнуто

¹ Aulard A. La Constitution de l'an III et la République bourgeoise // La Révolution française. 1900. Vol. 38. P. 113-160.

при якобинской диктатуре, а утвердивший ее референдум – как голосование по вопросу о доверии Конвенту. В последнее время к материалам Комиссии одиннадцати и обсуждению проекта Конституции III года в Конвенте помимо Ф. Брюнель обращался и ряд других исследователей, однако их интересовали лишь отдельные аспекты этих богатых источников. Так, например, К. Ле Бозек использовала эти документы прежде всего для изучения биографии Буасси д'Англа, члена Комиссии одиннадцати¹, Я. Боск уделил основное внимание разработке и принятию Декларации прав человека и гражданина², С. Абердама³ и П. Генифе⁴ в первую очередь интересовала проблема референдума и выборов 1795 года.

Конституцию III года изучали не только историки, но и юристы, хотя посвященные ей две диссертации 1949 и 1985 годов⁵ основаны лишь на опубликованных источниках и носят сугубо описательный характер. Ограничиваясь воссозданием každодневных перипетий дискуссии, они больше напоминают работы средневековых хронистов, нежели научное исследование. Значительно более интересны исследования работы профессора права М. Тропера⁶, занятого в

¹ *Le Bozec C.* Boissy d'Anglas, un grand notable liberal. Aubenas d'Ardèche, 1995.

² *Bosc Y.* Le conflit des libertés. Thomas Paine et le débat sur la Déclaration et la Constitution de l'an III. Thèse. Université Aix-Marseille I – Université de Provence. 2000; *Idem.* Thomas Paine et les constitutions de 1793 et 1795: critique de la république formelle // Thomas Paine ou La République sans frontières. Nancy, 1993. *Idem.* Arrêter la Révolution, conserver la Révolution. Le débat sur les institutions de l'an III // Le tournant de l'an III. Aubenas d'Ardèche, 1997; *Боск Я.* «Арсенал для подстрекателей». (Декларация прав человека как программа практических действий) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 189-200.

³ *Aberdam S.* L'élargissement du droit de vote entre 1792 et 1795 au travers du dénombrement du comité de division et des votes populaires sur les constitutions de 1793 et 1795. Thèse. Université Paris I – Sorbonne. 2001. Ch. 3/4.

⁴ *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. P., 1993. Ch. XI; *Idem.* La Révolution ambiguë de l'an III: la Convention, l'élection directe et le problème des candidatures // 1795. Pour une République sans Révolution. Rennes, 1996.

⁵ *Galmiche P.* L'élaboration de la constitution de l'an III. La commission des onze. Thèse du Doctorat en Droit. P., 1949; *Singaraud J.-Ph.* Problèmes politiques et constitutionnels en France – germinal an III – messidor an IV. Thèse pour le Doctorat de troisième Cycle. P., 1985.

⁶ *Troper M.* La séparation des pouvoirs et l'histoire constitutionnelle française. P., 1980; *Idem.* La séparation des pouvoirs dans la constitution de l'an III. A paraître.

настоящее время подготовкой к печати комментированного текста Конституции 1795 года. Его хорошо аргументированные выводы идут вразрез с устоявшейся традицией, которая видит причины политической нестабильности Директории главным образом в плохой сбалансированности системы государственной власти. По мнению Тропера, термидорианцы, выступая за разделение властей, хотели лишь не допустить их сосредоточения в одних руках, а не установить баланс между исполнительной и законодательной властями, как полагает ряд других исследователей¹.

Еще в одной диссертации, автором которой является юрист, Ж.-П. Клеман, анализируются биографии трех членов Комиссии одиннадцати – Дону, Буасси д'Англа и Ланжюине². Автор рассматривает этих политических деятелей, прежде всего, как основоположников французского либерализма.

Среди относительно новых работ, посвященных Термидору, привлекают внимание книга Ф. Брюнель «Термидор»³, и уже упоминавшаяся монография Б. Бачко «Как выйти из Террора. Термидор и революция», которую сопровождала серия статей и выступлений на коллоквиумах, посвященных различным аспектам политической и культурной жизни того времени⁴. Для Ф. Брюнель события, связанные с принятием Конституции III года, – это «парламентский переворот», завершение Революции и, в какой-то степени, ее отрицание. Б. Бачко же рассматривает Термидор прежде всего как переосмысление прошлого, как «старость» Революции и вместе с тем ее ключевой момент, поскольку именно при Термидоре она впервые признает, что не в силах сдержать многих своих обещаний.

¹ См., например: *Sautel G. Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française*. P., 1990. P. 249-250; *Szramkiewicz R., Bouineau J. Histoire des institutions*. P., 1992. P. 138-141.

² *Clement J.P. Essai sur les fondements d'une politique libérale à la fin du XVIIIe siècle et au début du XIXe siècle*. Daunou – Boissy d'Anglas – Lanjuinais. Thèse pour le doctorat d'état mention droit publique. P., 1974.

³ *Brunel F. Thermidor*. Bruxelles, 1989.

⁴ См., например: *Бачко Б. Культурный поворот III года Республики* // ФЭ. 2000. М., 2000; *Baczko B. Thermidoriens* // *Furet F. Ozouf M. Dictionnaire critique de la Révolution française* (далее – DCRF). P., 1988; *Idem. Les Girondins en Thermidor* // *La Gironde et les Girondins*. P., 1988.

Самое последнее исследование, непосредственно посвященное Термидору – монография известного итальянского историка С. Луццатто «Осень революции»¹. С его точки зрения, главная проблема периода состояла в том, что Конвент, считая себя выразителем общественного мнения, нарушал народный суверенитет и, таким образом, входил в конфликт с его защитниками.

Если на Западе заметно определенное оживление интереса к Термидору (не в последнюю очередь связанное с прошедшим двухсотлетием Революции), то в нашей стране последняя монография на эту тему была опубликована уже более полувека назад К.П. Добролюбским², став своеобразным итогом его многолетних усилий по осмыслению термидорианского периода³. Будучи, подобно всем советским историкам, сторонником классового подхода к изучению истории, Добролюбский рассматривал Термидор прежде всего через призму перехода от буржуазной демократии к установлению буржуазно-цензурной республики.

Однако небольшое количество специальных работ, посвященных проблемам трансформации политического режима в 1795 году, не мешает поставить вопрос, ответ на который, как мне видится, должен предшествовать рассмотрению более узких и конкретных сюжетов: как оценивали историки и современники термидорианский период⁴ Французской революции? В то же время, при явном

¹ Luzzatto S. L'autunno della rivoluzione. Lotta e cultura politica nella Francia del termidoro. Torino, 1994.

² Добролюбский К.П. Термидор. Одесса, 1949.

³ Добролюбский К.П. Новая экономическая политика термидорианского Конвента. Одесса, 1927; Он же. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930; Он же. Пресса в Париже после 9 термидора // Исторические записки. Изд. Института истории АН СССР. 1938. № 3.

⁴ Стоит отметить, что в настоящее время французская историография начинает все более и более широко употреблять крайне удачный термин «le moment thermidorien», введенный в оборот Б. Бачко. (См., например: Monnier R. L'espace public démocratique. P., 1994. P. 189; Bosc Y. Le citoyen contre l'homme? // Recherches sur la Révolution. P., 1991. P. 131.) Очевидно, что он избавляет как от оценочных суждений («термидорианская реакция»), так и от претензий на некую периодизацию. Я воздерживаюсь от его использования лишь в связи с трудностями достаточно благозвучного перевода на русский язык.

недостатке специальных исследований, количество книг, в которых эта проблема тем или иным образом затрагивается, воистину необозримо, что заставляет меня в данной монографии ограничиться лишь кратким обзором основных историографических течений¹.

1. Миф о конце Революции

Попытки дать оценку тому, что произошло 9 термидора, начались вскоре после самого переворота. И уже тогда мы можем увидеть зарождение тех двух полярных точек зрения, которые будут проходить красной нитью через всю историографию Революции.

Первую из них наиболее точно сформулировал один из термидорианцев, депутат Конвента Ф.А. Буасси д'Англа. Представляя в июне 1795 года проект новой конституции, он говорил: «День 9 термидора не был победой какой-либо партии, это была заря великой и благотворной революции. К Конвенту вернулась его энергия, чувство собственного достоинства». Всецело одобряя свержение «тирании», как тогда нередко именовали правление Робеспьера, Буасси не без гордости напоминал своим коллегам о тех усилиях, которые они предпринимали, чтобы «заставить воспрянуть впавшее в заблуждение общественное мнение, исправить порочные нравы, уничтожить дьявольские институты, отказаться от Террора и возвести на трон справедливость, облагородить власть, вернуть душам энергию, помыслам – правоту, мнениям – свободу»². При этом, подчеркивая свое стремление вернуться на новом этапе к истокам Революции, термидорианцы нередко называли себя «патриотами 1789 года», принципы которых, как писал один из современников, «равенство, свобода, единство и неделимость республики»³.

Другую точку зрения можно найти в работах Гракха Бабефа. «Осмелимся сказать, – писал он в том же 1795 году, – что, несмотря на все препятствия и сопротивление, революция шла вперед до 9

¹ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 149-161; Он же. Термидор: старые проблемы и новые споры // ФЕ. 2000. С. 88-102.

² Moniteur. № 281. Р.1131-1132.

³ Archives Nationales (далее – А.Н.), С 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 38.

термидора и что с этих пор она стала отступать»¹. Его соратник Ф. Буонаротти впоследствии также не сомневался, что «роковой день 9 термидора» сообщил Революции «попятное движение»². В этот день, по мнению Бабефа, она была прервана, не завершена. Соответственно, необходим не возврат к принципам 1789 года, а продолжение Революции, что не под силу «патриотам 1789 года», чьи «души никогда не горели живым пламенем, зажженным чистой любовью к равенству и полной свободе». На такое способны только «патриоты 92 и 93 годов»³ – якобинцы.

Уже при Директории, как отмечал американский историк Р.Р. Палмер, ортодоксы рассматривали посттермидорианскую республику как сосредоточение небывалой коррупции и цинизма. Позднее у всех сторонников Наполеона стало правилом хорошего тона плохо отзываться о Республике, чье место заняла Империя⁴. Помимо этого, существовала и еще одна, сугубо эмоциональная причина подобных негативных оценок. При поверхностном изучении истории Революции термидорианский период казался «скучным» по сравнению с предшествующими и последующими⁵. Между мемуарами и историографией в этом плане прослеживается достаточно четкая и почти непрерывная связь. «Революция изменила пропорции, – писал Гид де Невиль, один из ее современников. – За преступлением последовало смешное»⁶. «Драма террора, с одной стороны, и Великой Империи, с другой, – в некотором роде

¹ Бабеф Гракх. Сочинения. М., 1977. Т. 3. С. 442.

² Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1948. Т. 1. С. 181.

³ Бабеф Гракх. Указ. соч. М., 1982. Т. 4. С. 44-45, 122, 113.

⁴ Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1964. Vol. 2. P. 212.

⁵ Ср., например: «Во всеобщих историях, рассказав о 9 термидора и переходя к последующим годам (до 18 брюмера), одновременно тусклым и скорбным, бурным и бесплодным, авторы кажутся охваченными скукой и отвращением. А сам читатель испытывает такое же ощущение, какое бывает, когда роман продолжает вяло тянуться после смерти главных героев». Thureau-Dangin P. Royalistes & Republicains. P., 1874. P. 1. О том же, в частности, писала и Ф. Брюнель. Brunel F. Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne // ANRF. 1979. № 237. P. 456.

⁶ Hyde de Neuville J.G. Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. P., 1888. Vol. 1. P. 118.

продолжает его мысль исследователь Директории М. Лайонс, – великие личности Робеспьера и Наполеона бросают на промежуточный период глубокую тень пренебрежения. Огромное количество книг, глав в книгах и статей, имеющих в заглавии или подзаголовке “От термидора до брюмера” иллюстрируют природу этого подхода»¹.

Однако подобное пренебрежение, идущее рука об руку с негативными оценками Термидора, характерно, скорее, для общих работ, тогда как основная дискуссия еще с конца XVIII в. Разворачивается, если воспользоваться метким определением Ф. Фюре, между сторонниками восьмьдесят девятого и девяносто третьего года, то есть, иными словами, между сторонниками либерального антиабсолютистского течения и приверженцами якобинизма².

Данные термидорианцами оценки периода правления Робеспьера и собственной роли в Революции в той или иной степени нашли отражение в работах представителей либерального направления. Открыв, к примеру, знаменитого историка времен Реставрации О. Минье, мы читаем, что «ниспровергнув революционное правительство, термидорианская партия задумала основать другое и установить Конституцией III года порядок вещей практически удобоисполнимый, либеральный, правильный и прочный, взамен чрезвычайного и переходного состояния, в котором находился Конвент с самого начала своей деятельности»³.

Но в том же XIX в. появляется и иная историография Революции, которую принято называть «социалистической». Так, Л. Блан, для которого, правда, отнюдь не было характерно слепое преклонение перед режимом Террора, называл происходившее после 9 термидора не иначе как «контрреволюцией»⁴. «Социалистическую» и «якобинскую» традиции во многом продолжила и марксистская историография, подчеркивавшая при этом стадийность развития

¹ Lyons M. France under the Directory. Cambridge, 1975. P. 2.

² Furet F. La Révolution dans l'imaginaire politique française // Le Débat. 1983. № 14. P. 176-177.

³ Минье Ф.О. История французской революции. СПб., 1901. С. 257.

⁴ См., например: Блан Л. История французской революции 1789 года. СПб., 1909. Т. XI. С. 224.

Революции, четко видимый вектор ее движения вперед. «За господством конституционалистов, – писал К. Маркс в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, – следует господство жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии»¹. Из сказанного можно было бы сделать вывод о том, что и термидорианцы также двигали Революцию вперед, однако Ф. Энгельс недвусмысленно подчеркивал, что она «после 9 термидора была задушена алчной буржуазией»².

Те же самые две магистральные линии унаследовал и XX век. Первую из них лучше всего, с нашей точки зрения, обосновывает Фюре и историки его школы. Вместе с Д. Рише, соавтором напумевшей книги «Французская революция», он отмечает, что этот период «оставил в нашей коллективной памяти довольно грустные воспоминания»³. Однако, предлагая рассматривать весь французский XIX век как борьбу между Революцией и реставрацией⁴, Фюре показывает, что «свержение диктатора [Робеспьера – Д.Б.], если и означало конец Террора, не означало конца Революции: оно просто открывало возможность, если Конвенту это, наконец, удастся, дать Конституцию Республике»⁵. В то же время, это и не конец народовластия: оно уже перестало существовать при Робеспьере. Это и не просто смена власти в результате переворота. «Речь идет о замене одного типа власти другим, и только в этом смысле о конце Революции»⁶.

Вместе с тем, уверен Фюре, нельзя закрывать глаза на преемственность событий до и после 9 термидора. «Это по большей части

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М., 1957. С. 141.

² Там же. Т. 2. С. 563.

³ Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973. P. 257.

⁴ Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978. P. 16-17.

⁵ Furet F. La Révolution. P., 1988. P. 162.

⁶ Furet F. Penser la Révolution française. P. 122-123.

то же парламентское большинство, которое во времена Конвента последовательно поддерживало, или, скорее, оставляло свободу действий жирондистам, монтаньярам, а потом и термидорианцам, и которое затем превратилось в правящее чиновничество Директории»¹.

Иными словами, при Термидоре Революция отнюдь не окончилась, она лишь перешла в новое качество. Не отрицается и возврат ко многим идеям 1789–1791 годов, «буржуазия вновь открыто признает те цели, которые она никогда не теряла из виду: экономическую свободу, индивидуализм собственности, цензовый режим»². Своеобразную поправку к этим мыслям вводит ученик Фюре П. Генифе: «Смерть Робеспьера ознаменовала окончание наиболее неистового периода Революции. Она завершила ее наиболее утопическую и наиболее жестокую фазу, положив конец великой мечте 1789 года о полном переустройстве общества, абсолютном обновлении, новом золотом веке»³.

«Революция возвращалась на круги своя, – подводит итог Фюре, говоря о разработке Конституции III года. – Она вновь обсуждала Декларацию прав, суверенитет народа, представительство. Она старалась составить текст, который сделал бы невозможным всякий возврат к революционному правительству, которое называли “анархией”, режимом без законов, и закончить, наконец, 1789 год Республикой, управляемой разумом и собственностью»⁴.

Сходные мысли можно найти и у Палмера: «Французская Революция ни в коем случае не заканчивается в термидоре, – настаивал он еще в 60-е годы. – Термидор, в известном смысле, был позитивным аргументом в пользу революции. Основополагающие либеральные и конституционалистские идеи всей революционной эры вновь заявили о себе»⁵.

Принципиально иную точку зрения отстаивала в XX веке «якобинская» и марксистская историография. «Мишле закончил

¹ Furet F. La Révolution. P. 163.

² Furet F., Richet D. Op. cit. P. 258.

³ Gueniffey P. La politique de la Terreur. P., 2000. P. 344.

⁴ Furet F. La Révolution. P. 171.

⁵ Palmer R.R. Op. cit. Vol. 2. P. 129-131.

свою историю революции 9 термидора, – отмечал А. Матъез, – точно все, что произошло после этого, не стоило рассказывать». Сам же он полагал, что этот период олицетворяет едва ли не все отрицательное, что может быть связано с революцией или же контрреволюцией¹.

Однако, исходя из этой отправной точки, западная марксистская историография постепенно смещала акценты с самого дня переворота на последовавшие за ним события 1795 года, в частности, на подавление народных восстаний в жерминале (апреле) и прериале (мае). При этом разрыв с теорией и практикой диктатуры монтаньяров рассматривался двояко. С одной стороны, как утверждал А. Собуль, «термидорианцы разрушили дело Революционного правительства и привели Республику к гибели»². С другой стороны, подчеркивалось, что погибла республика именно в якобинском понимании этого слова: «Поражение в прериале III года, надолго устранив народ с политической сцены, развеяв его надежду на социальную эгалитарную республику, позволило вновь вернуться к 1789 году и делу Учредительного собрания. На фундаменте экономической свободы и цензовой системы вновь была возведена буржуазная республика нотаблей. [...] 1795 год смыкается с 1789 годом, III год республики с I годом свободы»³.

С 1980-х годов происходит определенная модификация этих взглядов. И Термидор при этом нередко вновь рассматривается как конец не только якобинской республики, но и Революции в целом. В качестве примера можно привести слова Ф. Брюнель, полагающей, что «лето 1795, а не июль 1794 года означает настоящий разрыв, конец революции и, в какой-то мере, ее отрицание»⁴. С ее точки зрения, 1795 год – это отрицание не только 1793, но и 1791 годов. «Режим III года умер под грузом этого двойного отрицательного наследия, хотя и через четыре года: рекорд долгожительства»⁵. Французские историки Ф. Готье и Я. Боск, занимающиеся изучением

¹ *Mathiez A. La réaction thermidorienne. P., 1929. P. 4 et suiv.*

² *Собуль А. Первая республика. М., 1974. С. 201.*

³ Там же. С. 192, 195.

⁴ *Brunel F. Thermidor. P. 128.*

⁵ *Brunel F. Présentation de Goujon // Brunel F., Goujon S. Les martyrs de Prairial. Genève, 1992. P. 22.*

идеологических основ Термидора, в частности, Декларации прав человека 1795 года¹, приходят к тому же выводу: «Конституция III года порывала с политической теорией революции естественных прав человека и гражданина, начатой в 1789 году»², а, следовательно, она знаменовала собой разрыв не только с 1793 годом, который, по их мнению, находился в русле тех же теорий, но и с 1789.

В советской историографии дело обстояло во многом по-иному³. Авторитет К. Маркса и Ф. Энгельса оставался для нее незыблемым, однако на первый план выходила важность теоретических разработок В.И. Ленина, провозгласившего еще в 1917 году: «Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции»⁴. Более того, в его трудах прослеживается полемическая тенденция выводить за рамки Революции не только время, последовавшее за диктатурой монтаньяров, но, фактически, и предшествующий ей период. Французская революция, говорится в одном из его выступлений 1919 года, «в лице власти низших слоев тогдашней буржуазии продержалась год»⁵. А еще позднее, после смерти Ленина, доминантой на долгие годы становятся взгляды И.В. Сталина, окончательно отказавшего Термидору в праве считаться частью Революции.

Не останавливаясь на актуальности споров о Термидоре⁶ для 20-30-х годов, поскольку на эту тему уже существует прекрасная монография Т. Кондратьевой⁷, отметим, что многие идеи, идущие от

¹ См., например: *Gauthier F.* Triomphe et mort du droit naturel en Révolution. P., 1992; *Боск Я.* «Арсенал для подстрекателей»; *Bosc Y.* Arrêter la révolution, conserver la Révolution.

² *Gauthier F.* Fraternité // Les droits de l'homme et la conquête des libertés. Grenoble, 1988. P. 93.

³ Подробнее см.: *Гордон А.В.* Великая французская революция, преломленная советской эпохой // *Одиссей. Человек в истории.* 2001. М., 2001. С. 311-336.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 374.

⁵ Там же. Т. 37. С. 447.

⁶ Подробнее см.: *Эрдэ Д.И.* «9 термидора в исторической литературе». М.-Л., 1931.

⁷ *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М., 1993.

классиков марксизма-ленинизма, были восприняты советской историографией, если так можно выразиться, «в чистом виде»¹. Тон здесь во многом задавал Н.М. Лукин. «9 термидора, – отмечал он, – является поворотным пунктом в ходе Великой Революции, которая с этого момента идет на убыль, сдавая реакции одну позицию за другой»². «9 термидора погрузило Францию в хаос»³, – читаем мы у П. Щеголева. «9-го термидора во Франции происходит контрреволюция»⁴. «Кульм беззаветной преданности революционному делу, – подчеркивают В. Колоколкин и С. Моносов, – сменился культом личного удовольствия и чревоугодия, пошлости и своекорыстия»⁵. Не способствовало взвешенности оценок и увлечение «пламенными революционерами» – Робеспьером, Маратом, Сен-Жюстом, политической борьбой, которую они вели со своими противниками. Вставая на позиции лишь одной из многочисленных групп революционеров, историки, следуя вполне естественной логике, начинали считать их врагов «контрреволюционерами» и связывать окончание Революции с уходом якобинцев с политической сцены.

Для советской историографии в принципе была характерна ярко выраженная тенденция предлагать жестко-оценочную периодизацию Революции. Даже те историки, кто полагал, что Революция не закончилась в 1794 году, выделяли ее восходящую (заканчивающуюся 9 термидора) и нисходящую (все, что последовало за этим) линии. Так, например, Ц. Фридлянд, опубликовавший свой учебник в 1930 году, полагал, что «после падения Робеспьера во Франции победила буржуазная республика, постепенно ликвидировавшая демократические завоевания революции». При этом диктатура Робеспьера рассматривалась им как высшая точка развития Революции, а после 9 термидора «буржуазная революция на ущербе, она изживает себя, открывая широкие возможности для

¹ К этому добавлялось и сильное влияние «якобинской» французской историографии, в частности, Матьеза.

² Лукин Н. Новейшая история Западной Европы. М., 1923. Вып. 1. С. 221.

³ Щеголев П.П. После Термидора. Л., 1930. С. 5.

⁴ Щеголев П.П. Гракх-Бабеф. М., 1933. С. 35.

⁵ Колоколкин В., Моносов С. Что такое термидор. М.-Л., 1928. С. 110.

реставрации монархии»¹. В том же году К.П. Добролюбский напишет, что после падения Робеспьера начинается нисходящая линия Французской революции². Однако традиционной для большинства отечественных исследователей стала концентрация внимания на 1792-1794 годах в ущерб последующему периоду³, а к моменту создания в 1941 году фундаментального и программного коллективного труда «Французская буржуазная революция 1789-1794»⁴ хронологические рамки Революции уже не вызывали сомнений, и Термидор в них явно не попадал.

После XX съезда партии взгляды советских историков на Революцию эволюционируют. Вопрос о том, когда она завершилась, вновь становится открытым – показательно, что когда в самом начале 1960-х годах родилась так и не реализовавшаяся на практике идея подготовить многотомный труд по истории Французской революции, он должен был заканчиваться 1799 годом⁵, но это было явным исключением из правил. В то же время, в полном соответствии с идеями Маркса и Ленина, оставались в силе как представления о четком векторе развития Революции, так и о «контрреволюционности» переворота 9 термидора. Вот что писал, например, один из самых авторитетных историков этого времени А.З. Манфред: «Со времени 9 термидора на протяжении тридцати пяти лет политическая история Франции круто поворачивала в одном направлении – вправо»⁶. «9 термидора, – утверждал тот же автор, практически повторяя слова Энгельса, – восторжествовала буржуазная контр-

¹ Фридлянд Ц. История Западной Европы. Харьков, 1930. Т. 1. С. 120, 147, 148.

² Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. С. 5.

³ Об этом см., например: Адо А.В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды... С. 312.

⁴ Французская буржуазная революция 1789-1794. М., 1941.

⁵ Проспект коллективного труда «Великая Французская буржуазная революция XVIII века» в трех томах. (Общий объем – 150 листов). АН СССР, Институт истории, 1962. 82 с. Автор благодарит А.В. Чудинова, представившего ему уникальную возможность ознакомиться с этим проспектом.

⁶ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979. С. 268-269.

революция. Гибель Робеспьера стала и гибелью якобинской диктатуры, гибелью революции»¹.

Вместе с тем существовало и идущее из работ Ленина понятие предела, которого Революция, и не только французская, могла достичь². Именно с ним и соотносились «достижения» того или иного периода. Так, например, если якобинцам не удавалось реализовать провозглашенные ими меры, считалось, если воспользоваться выражением Матьеза, что «происходила работа для будущего»³. Если же, напротив, они, по мнению историков, далеко не достигали этого предела, их критиковали за «классовую ограниченность»⁴.

С изменением политической и идеологической ситуации в нашей стране в 1985-1991 и последующих годах⁵, переоценкой роли Октябрьской революции «возникла своеобразная реакция отторжения по отношению к якобинскому периоду Французской революции»⁶, стали меняться и ее оценки в целом; «пошатнулось господство принципа поступательного линейного движения. Складывается представление о многомерности исторического процесса, вбирающего явления противоположной направленности, включая такие, что не поддаются однозначному истолкованию с точки зрения социального прогресса»⁷. В статьях, посвященных развитию отечественной исторической науки в целом, в это время также отмечается, что «такие общие понятия как “развитие”, “прогресс”, “реакция”, “большая” или “маленькая” роль в истории, “значительное” или “незначительное” событие [...] нельзя строго верифицировать; они очень условны» и «в значительной степени являются субъективными»⁸.

¹ Манфред А.З. Максимилиан Робеспьер // *Робеспьер М. Избранные произведения*. Т. 1. М., 1965. С. 85.

² Барг М.А., Черняк Е.Б. Великие социальные революции XVII-XVIII веков в структуре переходной эпохи от феодализма к капитализму. М., 1990. С. 220.

³ Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 535.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 146.

⁵ Подробнее см.: Смирнов В.П. Политическая история и политика // *Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации*. М., 1995. С. 240-249.

⁶ Адо А.В. Французская революция... С. 316.

⁷ Гордон А.В., Тырсенко А.В. Традиции и этапы изучения проблемы // *Якобинство в исторических итогах Великой французской революции*. С. 75.

⁸ Смирнов В.П. Указ. соч. С. 248-249.

Эти процессы не могли не затронуть как проблемы периодизации Революции, так и взгляды на Термидор. Это хорошо прослеживается и по изданной в 1985–1992 годах под редакцией А.В. Адо серии «Великая французская революция. Документы и исследования»¹. Примерно к 1988 году понятие «цензовая буржуазная республика (1795-1799)»² уже уверенно закрепляется в историографии³, якобинская диктатура начинает видеться «в перипетиях революционной драмы лишь кратким эпизодом жестокой борьбы»⁴, а расширение границ Революции до 1799 года прочно и окончательно входит в научный оборот.

Однако пересмотром прежней жесткой периодизации дело не ограничилось. Так, например, Е.Б. Черняк в том же 1988 году выступил с тезисом о том, что «восходящая линия революции завершилась к концу 1793 и началу 1794 года». «К концу 1793 года революция достигла всего, что было исторически возможным»⁵. В сходном направлении шла мысль и академика Н.Н. Болховитинова, ставившего, в ряду прочих и следующий вопрос: если якобинцы к концу 1793 года не ослабили, а усилили террор, обратив его на политических

¹ Так, скажем, в сборнике «Документы истории Великой французской революции» специально подчеркивалось, что материалы по этим периодам «в отличие от предыдущих советских публикаций документов» в издание включены. М., 1990. Т. 1. С. 7.

² Адо А.В. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 16.

³ Однако стоит отметить, что до сих пор подобное изменение периодизации далеко не всегда затрагивает издания, не носящие научного характера. В этом плане кажется показательным то, что, например, в школьном учебнике, вышедшем в свет в 1997 году, о 9 термидора по-прежнему говорится: «Французская революция закончилась» (Жарова Л.Н., Мишина И.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А. Новая история ч.1. М., 1997. С. 390), а авторы многотомной энциклопедии «Всемирная история» (2001 год) полагают, что термидорианский переворот «фактически положил конец революции» (Всемирная история. Великая французская революция. Минск-Москва, 2001. С. 409).

⁴ Гордон А.В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л.А. Речи. Тракты. СПб., 1995. С. 386.

⁵ Черняк Е.Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // 200 лет Великой французской революции. ФЕ. 1987. М., 1989. С. 244, 245.

противников, то «не началось ли уже в это время движение революции по нисходящей линии»?¹ Иными словами, оспаривая прежние представления о диктатуре монтаньяров, эти историки считали, что многие признаки спада Революции проявились уже при Робеспьере.

Другим проявлением пересмотра прежних концепций стал отказ от восприятия Термидора как времени торжества «контрреволюции». Эта идея ясно прослеживается, скажем, в словах Д.М. Туган-Барановского: «Оценка переворота 9 термидора как контрреволюционного просто нелепа. Термидорианцы не были контрреволюционеры в привычном смысле этого слова. Они даже не помышляли о восстановлении феодализма. Смысл переворота 9 термидора заключался в возвращении революции в буржуазное русло»². Термидорианская политика, подчеркивает В.В. Согрин, «может быть определена не как контрреволюция, а как нормализация буржуазного миропорядка, который объективно и стоял на главном месте в повестке революции»³.

Итак, ушел в прошлое миф о том, что падение Якобинской диктатуры стало и концом Революции⁴. В настоящее время Термидор и последовавшая за ним Директория считаются в отечественной историографии ее заключительными этапами⁵, однако представление о

¹ *Болховитинов Н.Н.* Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII века // Актуальные проблемы... С. 35-36.

² *Туган-Барановский Д.М.* О проблемах изучения нисходящей фазы революции // Актуальные проблемы... С. 184.

³ *Согрин В.В.* Революция и термидор // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 5.

⁴ Вернее было бы сказать, «по большей части, ушел в прошлое», поскольку до сих пор приходится встречать упоминания о том, что «заговор с самого начала носил откровенный контрреволюционный характер», что весьма оригинально сочетается с тезисом о том, что в нем приняли участие «люди, не равнодушные к судьбе собственного государства, которое постепенно подталкивалось к пропасти находящимися в плену жестокости правителями». Всемирная история. Великая французская революция. С. 408.

⁵ Стоит однако отметить, что безоговорочное включение этих периодов в ткань Революции до сих пор представляет для ряда исследователей проблему – в немалой степени, на мой взгляд, психологического порядка. Так, например, в недавно вышедшей книге о Сен-Жюсте дважды подчеркивается, что «9 термидора закончилась “чистая Революция”», «закончился великий период Революции» (*Смирнова Е.В.* Сен-Жюст: прагматизм против утопии. М., 2002. С. 252, 256) – характеристики, как мы видим, сугубо эмоциональные.

нем как о «нисходящей линии»¹ неизменно продолжает встречаться в обобщающих трудах и учебной литературе². Скажем, в своей монографии, вышедшей в 1996 году, В.Г. Ревуненков по-прежнему подчеркивает, что на судьбе Революции термидорианский переворот «отразился самым пагубным образом», «окончательно пресек восходящую линию революции и положил начало ее упадку»³. Иными словами, один миф о конце Революции уступил место другому.

Так в чем же историки «обвиняют» Термидор? Что дает им основания полагать, что он представлял собой если и не контрреволюцию, то, по крайней мере, движение Революции «по нисходящей линии»? Ответ на этот вопрос кроется, с моей точки зрения, в понятии, которое можно встретить во множестве монографий, посвященных этому периоду. Имя ему – «термидорианская реакция»⁴.

¹ Едва ли стоит доказывать, что такое понятие, как «нисходящая линия» Революции имеет весьма относительную ценность в плане исторического познания. И тем более четко эта относительность становится видна, если сравнить приведенные выше взгляды с тем, что писали многие историки более века назад, когда «высшей точкой» Революции считался 1789 год, а времена диктатуры монаньяров находились на этой линии значительно ниже. См., например: *Thureau-Dangin P.* Op. cit. P. 4.

² Небезынтересно, что, как и в 20-е годы, «термидор» то и дело появляется на страницах прессы при попытке найти адекватное определение для современного этапа истории России. Однако здесь путаница в умах еще большая, нежели в специальной литературе; так, например, в интервью сотрудника Института социологии РАН О. Крыштановской газете «Аргументы и факты» читаем: «Такие периоды называют “термидором” или, проще говоря, “реставрацией”», причем речь вновь идет об окончании революции. Аргументы и факты. 2003. № 30. С. 3.

³ *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб, 1996. С. 415. См. также, например: *Всемирная история*. Т. 16. Минск, 1997. С. 69 и след.; *Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М.* Новая история 1500-1800. М., 1997. С. 207 и след. Небезынтересно, что хотя, например, в заголовке статьи М.А. Филимоновой, опубликованной в 2001 году, Термидор именуется «завершающей фазой» Революции, в тексте статьи, тем не менее, все равно говорится о ее «нисходящей фазе». *Филимонова М.А.* Еще раз о Термидоре в Америке. Сопоставительный анализ завершающих фаз Французской и Американской революций конца XVIII века // *Американский ежегодник*. 1999. М., 2001. С. 74.

⁴ Хотелось бы подчеркнуть, что события 1794-1795 годов нередко называют «нисходящей линией» революции именно потому, что в это время начинается «реакция». Иными словами, эти два термина оказываются очень тесно связанными.

2. Термидорианская реакция

Само это словосочетание, столь привычное для нас сегодня, начинает распространяться уже при Термидоре¹. Так же, как слова «революция» и «прогресс» оно пришло в политический словарь из точных наук. «О том, что зовется политической реакцией, – отмечал известный французский писатель, современник Революции Ш. Нодье, – можно судить с помощью обычных законов механики. Она находится в связи с действием, ей предшествующим; медленно и в то же время с большим количеством колебаний за действием (*action*) следует реакция (*réaction*), и так постепенно, пока это действие и реакция не совпадут в неуловимом движении, за которым следует полная неподвижность»². Иными словами, с самого начала под словом «реакция» понималось лишь действие противоположное предшествующему.

До термидорианского периода термин не имел специфической оценочной окраски и существовал в рамках описанной антитезы (сходным образом его толкуют даже некоторые постреволюционные словари³). Именно в этом смысле слово «реакция» впервые употребляется по отношению к «революции»⁴ 9 термидора⁵.

¹ См., например: À tous les français, sur la clôture, par arrêté, des Réunions de Citoyens. S. l., s. d. P. 2, 6. В те годы иногда также говорили «пост-термидорианская реакция». См., например: Correspondance secrète de Charette, Stofflet, Puisaye, Cormatin, d'Autichamp, Bernier, Frotté, Scépeaux, Botherel; du Pretendant, du ci-devant Comte d'Artois, de leurs Ministres et Agens, et d'autres Vendéens, Chouans et Emigrés Français. P., VII. P. 5.

² Nodier Ch. Souvenirs de la Révolution et de l'Empire. P., 1872. Vol. 1. P. 111.

³ См., например, Dictionnaire universel de la langue française. Par P.C.V. Boiste. 2-me édition. P., 1803. P. 331.

⁴ В то время нередко было принято не рассматривать революцию как единое целое, а выделять несколько «революций» – 14 июля, 10 августа, 9 термидора и т.д.

⁵ Отметим, что для зарубежной историографии подобные размышления отнюдь не новы. Так, например, Ф. Фюре писал: «"Термидорианская реакция": это выражение, использованное побежденными в жерминале III года, было подхвачено Оларом и Матъезом, не без расхождений со своим первоначальным смыслом». Furet F. Richet D. Op. cit. P. 258. Весьма важные размышления о «термидорианской реакции» см. также в: Baczko B. Comment sortir de la Terreur. Ch. «Réaction et utopie».

Таким образом, находя в источниках словосочетание «термидорианская реакция», опасно однозначно толковать его в современном, привычном для нас смысле. В мемуарах многих участников Революции это именно реакция в обычном для того времени понимании термина, реакция-ответ на диктатуру монтаньяров. Чаще всего современники упоминают феномен «термидорианской реакции» как нечто само собой разумеющееся, не давая ему никаких определений или пояснений¹, как поступил, скажем, Ж. Дюваль, включивший в название своего труда: «Воспоминания о термидорианской реакции»². Попытки анализа, прояснения ситуации в основном связаны с тем, что термин казался слишком расплывчатым, неясным, а порой и двусмысленным. «Реакционерками называли всех, – писал впоследствии депутат Конвента П. Паганель, – кто, будь то в департаментах, будь то в Париже, будь то в Конvente отвечал после 9 термидора на преступления террора преступлениями мести»³.

Весьма характерным, хотя, возможно, и несколько тяжеловесным мне представляется анализ Ш. Нодье, который отмечал, что «в революциях реакция часто прикрывается предлогом репрессий, который до определенного момента узаконивает ее в глазах недобросовестных казуистов и вялых моралистов. Приложение физической необходимости к моральной теории совершенно неправильно. Поэтому реакция III и IV годов оставила у меня почти такое же неприятное впечатление, как и сцены террора. Именно то, что оправдывало термидорианскую реакцию в глазах большинства, быть может, было наиболее отвратительным для меня. Революция имела ужасную привилегию: она шла по хаосу, но она говорила об этом.

¹ *Barante A.-G.-P.* Histoire de la Convention Nationale. P., 1853. Vol. 5. P. 1; *Beaulieu C.F.* Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution de France, avec des notes sur quelques evenmens et quelques institutions. P., 1803. Vol. 6. P. 1; *Chastenay L.M.V. de.* Mémoires de madame de Chastenay. 1771-1815. P., 1896. Vol. 1. P. 289; *Frenilly F.A.* Souvenirs du baron de Frenilly, pair de France. P., 1909. P. 193; *Laffon-Ladebat A.D.* Journal de ma deportation à la Guyane française. P., 1918. P. 7; *Prudhomme L.* Histoire impartiale des Révolutions de France depuis la mort de Louis XV. P., 1824. Vol. 10. P. 402.

² *Duval G.* Souvenirs thermidoriens. P., 1844. Vol. 1. P. 1.

³ *Paganel P.* Essai historique et critique sur la Révolution française, ses causes, ses résultats. Par M***. P., 1815. Vol. 2. P. 405.

Идеи права, порядка, равновесия, одна только мысль о каких-либо институтах, повергали ее в ярость, но это была звериная и бесхитростная ярость тигра. Она проливала кровь, потому что кровь была хороша, но ее палачи не надевали перчаток на свои кровавые руки, они их показывали обнаженными. Это была жестокость, это было неистовство, но это не было разочарованием. Термидорианская реакция, напротив, воспользовалась покровительством наиболее помпезных идей, существовавших в обществе. Она прикрылась именем цивилизации, именем культа, свергнутого святотатцами, именем человечества, безжалостно оскорбленного каннибалами, именем искусств, впавших в немилость у революционных вандалов. Она провозгласила себя утренней звездой эры восстановления, мира, всеобщего счастья, и она надоела»¹.

Помимо этого, вызывает интерес свидетельство такого небезызвестного и авторитетного современника, как Л. Ларевельер-Лепо. В своих мемуарах он писал, что «те депутаты, которые подверглись проскрипциям и те, которые во время революционного правления стонали под гнетом, руководимые, одни – духом не знающей пощады справедливости, другие, – жаждой мести, привнесли в Конвент реакцию». Более того, он считает что «реакций», по сути дела, было несколько. Не уточняя, что именно он понимает под этим словом, Ларевельер-Лепо отмечает: «В реакциях, месть отдельных личностей слишком часто скрывалась под мантией правосудия; ненависть, вместо того, чтобы угаснуть, раздувалась и продолжалась... Вскоре реакция обратилась против самой себя, и так, от одной реакции к другой, слезы и кровь граждан не переставали литься»².

В этих цитатах уже виден переход от безразлично отстраненного отношения к реакции, от констатации факта к отношению заинтересованному и личностному. В этом плане хорошим примером могут послужить мемуары А. дез Эшероль, которая смотрит на то же самое явление снизу: «Есть особого рода политическое чудовище о

¹ *Nodier Ch. Op. cit. Vol. 1. P. 111-112.*

² *Larevellière-Lépeaux L. Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national. P., 1895. Vol. 1. P. 202-203.*

двух лицах, – одно из них спокойное и приветливое, другое – жестокое и кровожадное, чье доброе или злое влияние мы ощущаем попеременно; ему имя – реакция. Брала ли верх умеренная партия, все успокаивалось, и надежда оживляла унылые лица – это была реакция; входили ли опять в силу революционеры, и террор, пробужденный их грозными голосами, леденил сердца; все страдало и стремилось бежать вдаль, – это реакция, говорили вам опять. Я не знала ничего иного, будучи ребенком, и затем молодой девушкой, гонимая революционными бурями, не ведая причин и видя одни лишь следствия. Когда мир снова водворялся, или когда бешеные волны грозили поглотить нас, я безропотно покорялась своей участи, повторяя за другими: это реакция, – и думала, что этим все сказано». Иначе говоря, по мнению современницы, не «термидорианская реакция» страшна и губительна – ужасна сама частая смена находящихся у власти политических группировок, своего рода перманентная реакция. К Термидору же дез Эшероль относится вполне благосклонно, полагая, что «реакция, задавившая Робеспьера, установила более умеренный порядок». Она же приводит любопытную сценку из жизни: «Воры, фальшивомонетчики и другие преступники такого рода были пощажены. “На вас есть закон, – было им сказано. – Мы не хотим вступаться в его права”; и со всех сторон поднимались голоса: “Пощадите меня, я только вор”»¹.

Не удивительно, что, как пишет другой современник, «этот возврат к более умеренной системе пугал людей, запятнанных в крови, которым удалось пережить главарей террора; они не упустили случая закричать о наступлении реакции и сделали из ярлыка “контрреволюционер” одновременно и оскорбление и пугало». Именно эта «реакция» вернула в Конвент семьдесят три изгнанных депутата². То, что в литературе принято считать белым террором в южных и юго-восточных департаментах, один из мемуаристов показывает не как террор, а, наоборот, как месть за террор. «Эти частные

¹ Дез-Эшероль А. Судьба одной дворянской семьи во время террора. СПб., 1882. С. 157, 180, 182.

² Hautpoul A. de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. P., 1904. P. 111.

мести, – вспоминает Ж.-П. Галле, – имели место в особенности на юге, где действие столь же быстро, как мысль». Там велась настоящая «война, длинная и жестокая, устроенная католиками и протестантами под именами якобинцев и роялистов»¹.

Завершить эту краткую подборку взглядов современников Революции хотелось бы размышлениями Б. Констан, изложенными в написанном через несколько лет после Термидора труде с характерным названием – «О политических реакциях». «Есть два типа реакций, – отмечает Б. Констан, – направленные против людей и против идей. Я не называю реакцией ни справедливое наказание виновных, ни возвращение к здоровым идеям. Эти вещи принадлежат одна – закону, другая – разуму. То, что, напротив, отличает, по сути своей, реакции, – это произвол вместо закона, страсть вместо здорового размышления; людей не судят, а преследуют; идеи не анализируют, а отвергают».

Констан полагает, что поскольку революции восстанавливают гармонию между идеями и институтами, в тех революциях, которые на этом и останавливаются, реакция не наступает (Швейцария, Голландия, Америка). Там же, где «революция переходит эту границу, иными словами, когда она учреждает институты, находящиеся за пределами господствующих идей», – реакция неизбежна. В этом плане она является своеобразным возвращением в границы, за пределы которых вышла Революция².

Как мы видим, уже у ряда мемуаристов понятия «реакция», в принципе, и «термидорианская реакция», в частности, постепенно начинают приобретать отрицательный оттенок. «Движение 9 термидора, – вспоминал бывший монтаньяр Р. Левассер, – мало-помалу выродилось в реакцию и аристократизм»³. Но если для первой половины XIX в. термин еще идеологически не определен, то к началу XX в. его первоначальное значение постепенно забывается

¹ *Gallais J.-P.* Histoire de France depuis la mort de Louis XVI jusqu'au traité de paix du 20 novembre 1815. P., 1820. Vol. 1. P. 199.

² *Constant B.* De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier. Des réactions politiques. Des effets de la terreur. P., 1988. P. 95 et suiv.

³ *Levasseur R.* Memoires de R. Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. P., 1989. P. 570-571.

и историки начинают привычно подразумевать под ним нечто весьма близкое к контрреволюции. «Реакция восторжествовала, – писал, например, П.А. Кропоткин. – Революции наступил конец»¹. «Термидор, конечно, повлек за собой социальную и политическую реакцию»², – не сомневался Ж. Жорес. Использование этого понятия намечает своеобразный водораздел в позициях исследователей: те, кто хотел продемонстрировать свое отрицательное отношение к термидорианцам, называли их реакционерами, и нередко это уже само по себе определяло позицию автора.

Не удивительно, что в отечественной историографии, начиная с первых лет советской власти, термин употреблялся уже как неременное определение периода. Так, например, по мнению Н. Лукина, после 9 термидора Революция шла на убыль, «сдавая реакции одну позицию за другой», а Конституция III года «как бы закрепляла первые победы реакции»³. Добролюбский отмечал с июня 1795 года «бешеный разгул реакции», классифицируя ее как реакцию политическую, экономическую и даже реакцию в быте и в нравах⁴. С.А. Лотте писала, что «на следующий же день после 9 термидора началась ожесточенная реакция», подчеркивая, что это была именно контрреволюция, поскольку демонтировалась система Якобинской диктатуры⁵.

Понятие «термидорианской реакции» использовалось советскими историками в аналогичном контексте до самого последнего времени. Именно так называлась глава в книге Манфреда, посвященная «ликвидации социальных и демократических завоеваний якобинской диктатуры»⁶. «Реакционное поветрие охватывает страну, не встречая реального сопротивления»⁷, – писал о Термидоре Н. Молчанов в конце 1980-х годов.

¹ Кропоткин П.А. Великая французская революция. М., 1979. С. 440.

² Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. VI. М., 1983. С. 461.

³ Лукин Н. Новейшая история Западной Европы. М.-Л., 1925. С. 219, 221.

⁴ Добролюбский К.П. Термидор. С. 49, 177.

⁵ Лотте С.А. Великая французская революция. М.-Л., 1933. С. 287.

⁶ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 197-206.

⁷ Молчанов Н.Н. Монтаньяры. М., 1989. С. 532.

В то же время, «термидорианская реакция» – понятие достаточно объемное и неоднозначное по своему наполнению у различных авторов. Попробуем разложить этот феномен на составляющие и посмотреть, в чем же конкретно видели и видят «реакцию» отечественные историки. Насколько обосновано употребление этого термина в привычном для нас отрицательном смысле? Разумеется, я не собираюсь оспаривать тот факт, что Термидор действительно отменил или пересмотрел многие установления диктатуры монтаньяров, однако был ли этот пересмотр столь «пагубным»?

Политическая реакция. В это понятие обычно включается целый комплекс мер, направленный на демонтаж политической системы 1793-1794 годов. «Термидорианцы прежде всего разрушили аппарат революционно-демократической диктатуры, – отмечал Манфред. – Структура правительственной власти была существенно изменена»¹. Прежде всего, здесь имеется в виду сокращение полномочий и уменьшение роли Комитета общественного спасения. С этим трудно спорить, однако нельзя упускать из виду, что одну из своих главных задач депутаты термидорианского Конвента видели как раз в замене революционного порядка управления, введенного при монтаньярах, конституционным (на это, собственно, и было направлено принятие ими Конституции III года). В то же время, основные достижения Революции фактически не подвергались ими пересмотру.

Читаем далее у того же автора: «Оплот революционной демократии столицы – Парижская коммуна была разгромлена и упразднена. Несколько позднее были ликвидированы и запрещены революционные комитеты и народные общества, сыгравшие крупную роль в революции»². Однако в действительности это было лишь завершением процесса, начатого еще во времена Робеспьера. Известно, что после падения эбертистов в марте 1794 года роль Коммуны существенно изменилась, «состав ее стал фактически регулироваться Комитетом общественного спасения, ее деятельностью стали руководить лица, назначенные этим Комитетом. Замерла и

¹ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 197.

² Там же.

кипучая политическая жизнь секционных клубов. “Революционная армия” была распущена»¹.

Но это был лишь последний удар, поскольку «еще в сентябре 1793 года Конвент и правительственные комитеты встали на путь ограничения прав парижских секций»². Терял свое значение и Якобинский клуб, окончательно закрытый в ноябре 1794 года. «Вне всякого сомнения, якобинцы по-прежнему собирались на заседания, – пишет французский историк П. Генифе о последних месяцах Якобинской диктатуры, – но это был уже не “термометр общественного мнения”, а всего лишь ареопаг придворных»³. Бабеф после закрытия клуба признавал: «Что касается общества якобинцев, я берусь со всей очевидностью доказать, что о нем не надо сожалеть»⁴.

К проявлениям все той же политической реакции обычно принято относить и отказ от Конституции 1793 года в пользу нового, «глубоко антидемократичного»⁵ основного закона. «Демократическое движение, – подчеркивает Ф. Готье, – быстро поняло цель термидорианской политики: помешать применению Конституции 1793 года, вновь поставить под сомнение Декларацию прав человека и гражданина и вдохновлявшие ее политические принципы. Демократия прав человека или новая аристократия? – таков был выбор»⁶.

Разумеется, можно было бы поставить вопрос о том, в какой степени была применима эта «самая передовая буржуазная конституция»? И зачем монтаньярам понадобилось выносить на референдум эту конституцию, «которая явилась красноречивым ответом на сформулированные жирондистами обвинения в диктатуре»⁸, с тем, чтобы вскоре после этого отказаться от ее введения в действие? Очевидно, однако, что изучение этих проблем потребовало бы

¹ Французская буржуазная революция 1789-1794. С. 434.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 330.

³ Gueniffey P. Robespierre // Yearbook of European Studies. Amsterdam-Atlanta, 1996. № 9. P. 13.

⁴ Бабеф Г. Указ. соч. Т. 3. С. 206. В дальнейшем, однако, точка зрения Бабефа на Якобинскую диктатуру существенно изменилась.

⁵ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 205.

⁶ Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel... P. 248.

⁷ Лотте С.А. Указ. соч. С. 177.

⁸ Матъез А. Указ. соч. С. 393.

отдельного исследования. В то же время, не менее важно рассмотреть, почему термидорианцы решили отказаться от Конституции 1793 года, что и будет сделано в III главе. В дальнейшем я также коснусь вопроса, в какой мере соответствует действительности тезис о том, что «термидорианская республика не опиралась более на принципы, служившие оружием для отмены Старого порядка»¹.

Еще одним признаком «реакционности» Конституции III года стала для отечественных историков отмена «важнейшего завоевания революции – всеобщего избирательного права»². К настоящему времени уже достаточно очевидно, насколько осторожно следует говорить об этом применительно к 1793 году. Поскольку конституция не была введена в действие, отмечает французский историк С. Абердам, «трудно говорить о практическом применении всеобщего избирательного права». К тому же он предлагает определять то, что реально имело место в 1792-1793 и последующих годах, не как всеобщее, а лишь как «расширенное избирательное право»³.

Более того, хотя обычно упоминается, что Конституция III года была одобрена на референдуме, умалчивается о том, что в декрете Конвента от 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 года) специально указывалось, что к референдуму допускаются «все французы, голосовавшие в последних первичных собраниях»⁴, иными словами, все голосовавшие за якобинскую Конституцию. Его итоги известны: против высказалось около 50 тысяч человек из более чем миллиона голосовавших⁵. Таким образом, фактически получается, что народ сам одобрил конституцию, «острием своим [...] направленную против народа»⁶!

Террор. Хорошо известно, что термидорианцы сразу же после переворота отменили закон от 22 прериаля, арестовали печально

¹ Bosc Y. Le droit naturel: enjeux d'une référence dans le débat sur la déclaration de l'an III // *Langages de la Révolution (1770-1815)*. P., 1995. P. 294.

² История Франции. Т. 2. С. 84.

³ Aberdam S. L'élargissement du droit de vote, de 1792 à 1793 // *L'an I et l'apprentissage de la démocratie*. Saint-Denis, 1995. P. 258.

⁴ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 300.

⁵ Tulard J., Fayard J.-F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 148, 199.

⁶ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 205.

известного общественного обвинителя при Революционном трибунале А. Фукье-Тенвиля, реорганизовали сам трибунал, восстановив обычные формы судопроизводства, стали выпускать из тюрем «подозрительных». «То был конец террора», – не сомневается Собуль¹.

Однако, когда речь заходит о «термидорианской реакции», многие отечественные историки, тем не менее, не жалеют красок, доказывая, что «террор не был прекращен», на смену «красному» террору пришел «белый», «не исключавший, правда, карательных мер против роялистов, но обращенный в основном против демократов, против народа», тогда как террор якобинский был направлен «на защиту революции, на защиту родины»². Подобное противопоставление, приведенное в книге Ревуненкова, не может не удивлять, поскольку всего несколькими страницами ранее он сам, прекрасно зная данные Д. Грира³, писал, что при Робеспьере «85% казненных принадлежали к бывшему третьему сословию, в том числе около 60% казненных составляли рабочие, крестьяне, ремесленники, слуги»⁴.

В чем же тогда видятся проявления «белого террора»? Их можно условно разделить на две части. Первая, и основная, – это то, что именуется «актами массового белого террора»⁵: «в департаментах юго-восточной Франции бесчинствовали банды настоящих убийц», которые охотились за бывшими якобинцами, да и в ряде городов (Ним, Лион) прошли избиения тех, кого тогда называли «террористами»⁶. Однако обратим внимание на то, что этот террор не был, по большей части, в отличие от времен диктатуры монтаньяров, государственной политикой. В этом плане трудно не согласиться с Черняком, который отмечал, применительно к 1793 году, что «нельзя ставить знака равенства между расправами, которые чинили фанатизированные священниками отряды вандейских

¹ Собуль А. Указ. соч. С. 161.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 417-418.

³ Greer D. The Incidence of the Terror during the French Revolution. Cambridge, 1935.

⁴ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 365.

⁵ История Франции. Т. 2. С. 73.

⁶ Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 418-419.

крестьян, и карательной политикой правительства»¹, да и самими термидорианцами «были приняты меры для прекращения террора на юге»².

Аналогично обстоит дело и с арестами, которые происходили после 9 термидора в парижских секциях по обвинению в участии в сентябрьских убийствах 1792 года.³ Можно лишь сказать, что, как и во времена диктатуры монтаньяров, «парижские санкюлоты не связывали себе рук формальной демократией»⁴.

Вторая группа доказательств существования «термидорианского белого террора» касается уже непосредственно политики Конвента. То, что Робеспьер и его сторонники были объявлены вне закона и, соответственно, казнены без суда и следствия, – бесспорный факт, хотя можно заметить, что это было сделано в строгом соответствии с нормами навязанного ими же самими закона от 22 прерияля. Однако, помимо этого, на память приходит всего несколько завершившихся казнями политических процессов над наиболее одиозными фигурами времен диктатуры монтаньяров (Ж.Б. Каррье, Ж. Лебоном, Фукье-Тенвилем). Даже после восстания в жерминале Конвент ограничился лишь ссылкой депутатов-монтаньяров. И только после прерияльского восстания, в ходе которого погиб один из депутатов, было казнено 36 человек. Однако было бы удивительно, если бы верховная власть в стране не карала за открытую вооруженную попытку ее свержения.

Еще одним показателем отношения термидорианцев к Террору стала проведенная ими широкая амнистия, провозглашенная на последнем заседании Конвента⁵. Вспомним, как в свое время Сен-Жюст отзывался о тех, кто «утверждает, что революция завершена, что необходимо амнистировать всех злодеев»⁶. Теперь же амнистия воспринималась в качестве средства национального примирения,

¹ Черняк Е.Б. Времен минувших заговоры. М., 1994. С. 278.

² Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 433.

³ Там же. С. 418.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 311-314.

⁶ Сен-Жюст Л.А. Указ. соч. С. 128.

как «один из основных способов окончить революцию»¹. Равно как и отмена смертной казни, отсроченная, правда, до «дня объявления всеобщего мира».

Таким образом, если основываться на реальных цифрах и событиях, вряд ли можно счесть правомерным утверждение о том, что при Термидоре Террор «не только не ослаб, но стал еще сильнее»².

Реакция в идеологии. Изменение нравов. Здесь, как правило, выходит на первый план тезис о том, что «в течение короткого времени общественные нравы и быт изменились до неузнаваемости. Строгую простоту нравов революционной столицы заменили выставленная напоказ роскошь, блеск желающих похвастать своим богатством новых хозяев страны»³. Данное положение кажется мне бесспорным, однако я так и не нашел в историографии рациональных аргументов в пользу того, почему следует считать более предпочтительным положение собственников при Робеспьере, когда «богатые люди считали необходимым оправдываться в своем богатстве»⁴.

Впрочем, порою то, что происходило при Термидоре, трактуется и в несколько ином аспекте. «Политическая и социальная реакция сопровождалась реакцией моральной, – утверждает Собуль. – В то время как во II году народ превозносили, рассматривая его как естественного носителя республиканских добродетелей, теперь его награждали презрением»⁵. Однако мне видится, что здесь речь идет, прежде всего, об официальном дискурсе якобинцев. Если же мы возьмем не менее официальный термидорианский дискурс, то увидим, что народ оставался одной из центральных его фигур⁶.

¹ Baudin P.-C.-L. Declaration sur les motifs d'après lesquels a été proposée, et les circonstances dans lesquels a été décrétée par la Convention la loi d'amnistie du 4 brumaire de l'an IV, dont il a été le rapporteur. P., s.d. P. 3.

² Манфред А.З. Великая французская революция. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Mathiez A. La réaction thermidorienne. P. 2.

⁵ Собуль А. Указ. соч. С. 170.

⁶ См., например, уже упоминавшуюся речь Буасси д'Англа от 5 мессидора III года.

Декларация прав в 1795 году по-прежнему провозглашалась от имени «французского народа». «Термидорианцы сохранили приверженность принципу национального или народного суверенитета»¹, – подчеркивал Ж. Лефевр.

Не менее спорными выглядят и иные тезисы, встречающиеся в литературе. Например, утверждение о том, что после Термидора «перестали говорить друг другу “ты”, обращения месть и мадам сменили гражданина и гражданку»², что, мягко говоря, не подтверждается источниками. Хотя начало этого процесса действительно приходится на Термидор, в политическом дискурсе того времени старые революционные нормы полностью сохраняли свою силу.

Еще более двусмысленно обстоит дело с обвинением термидорианцев в «ограничении демократических прав и свобод»³, поскольку, даже если брать отечественную историографию, еще в 1980 году Г.С. Черткова отмечала, что «с точки зрения так называемых “формальных свобод” период термидорианской реакции – время большей демократии, чем якобинская диктатура (особенно ее последний период)»⁴. Что же касается историографии зарубежной, то здесь нельзя не упомянуть слова А. Олара: «Ведь истинная реакция всегда имеет целью помешать человеку свободно мыслить, а такая реакция началась с жерминаля II года [марта-апреля 1794 года – Д.Б.], когда революционный трибунал, нарушая Декларацию прав, стал осуждать людей за их религиозные мнения, особенно же когда в следующем месяце Робеспьер посягнул на свободу совести, навязывая французам свою государственную религию. После термидора религиозная реакция стала постепенно исчезать⁵; возникла известная свобода мысли; установился либеральный режим»⁶.

¹ *Lefebvre G. La France sous le Directoire. P., 1984. P. 31.*

² *Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 421.*

³ *Ревуненков В.Г. К истории споров о Великой французской революции // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 42.*

⁴ *Черткова Г.С. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции. М., 1980. С. 92.*

⁵ *Собуль, напротив, рассматривает свободу культов как «религиозную реакцию», которая «в немалой степени содействовала успехам контрреволюции». Собуль А. Указ. соч. С. 172.*

⁶ *Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 607.*

Возвращение достаточно широкой «свободы мысли» действительно видится мне одной из самых больших заслуг термидорианцев¹. Посмотрим, например, что писал о диктатуре монтаньяров Матьез: «Пресса, которая до жерминаля сохраняла еще всю свою энергию и страстность, утратила теперь всякую самостоятельность. В обращении были только официальные или официозные газеты, получавшие более или менее крупные субсидии. За преступные мнения пострадало уже столько журналистов, что оставшиеся в живых хорошо знали ценность осторожности. В театрах разыгрывались только патриотические, одобренные цензурой пьесы»².

После Термидора картина совершенно иная: «Непосредственным следствием свержения “тирана” было возрождение общественного мнения, принуждаемого уже долгое время к молчанию»³. В Конвент вернулись дискуссии. Свобода печати иногда удивляла даже самих современников⁴. Один из влиятельных депутатов замечал: «Пишут, что шуанские и анархические журналы продолжают безнаказанно нападать на легислатуру и правительство. По правде говоря, граждане, мне кажется, что вы слишком мало верите в стабильность республики и конституции⁵, если вы опасаетесь, устоят ли они перед чтением памфлета»⁶.

Личные качества термидорианцев. Говоря о реакции, историки нередко не жалеют отрицательных красок для описания тех, кто «пришел на смену» Робеспьеру, Сен-Жюсту и Кутону. В немалой степени подобное восприятие объясняется тем, что термидорианцы положили конец диктатуре монтаньяров. Но далеко не только этим. Вместе со свободой мнений в Конвент пришла и

¹ Некоторые действовавшие на бумаге ограничения, как, например, запрещение призывов к восстановлению монархии, за пределами Конвента мало соблюдались.

² Матьез А. Указ. соч. С. 527.

³ Gueniffey P. Robespierre. P. 17.

⁴ О дискуссиях по поводу своды печати при Термидоре подробнее см.: Bacsko B. Comment sortir de la Terreur. Ch. «La liberté de la presse ou la mort».

⁵ Текст относится к тому времени, когда Конституция III года уже была принята.

⁶ Baudin P.-C.-L. Eclaircissemens sur l'article 355 de la Constitution, & sur la liberté de la Presse. P., IV. P. 17.

немалая разобщенность, что после времен единогласного принятия решений даже рядом современников воспринималось как признак слабости¹.

Политики времен Термидора действительно менее известны, нежели лидеры якобинцев. Пожалуй, среди немногих на память приходят Сийес, Ж.Л. Тальен и П. Баррас, а имена таких деятелей как Л.М. Ларевельер-Лепо, Ф.А. Буасси д'Англа, Ж.Д. Ланжюине, А.К. Тибодо что-либо говорят сейчас, по большей части, только специалисту. Однако в немалой мере это явилось следствием общего пренебрежения к периоду. К тому же, характеризуя термидорианцев, отечественная историография нередко делала основной упор на личности и в самом деле малопочтенные – Тальена, С.Л.М. Фрерона, Барраса², «забывая» при этом отметить, что они и при Робеспьере занимали далеко не последние места³. «Читая нашу литературу, – отмечает Черняк, – можно подумать, что Сен-Жюст и Кутон делали одно дело, а Баррас, Колло д'Эрбуа, Фуше, Каррье – другое»⁴. «Погибни Фуше в 1794 году, – добавляет тот же автор, – он вошел бы в историю как непреклонный революционер и убежденный эгалитарист: куда более последовательный, чем Робеспьер и его коллеги, и доказавший действиями серьезность своих убеждений на порученных ему революцией постах»⁵.

Социальная реакция. «Именно социальный характер реакции придает термидорианскому периоду его главное значение, – отмечал Собоуль. – Социальное содержание режима II года было народным, и такие меры, как вантозские декреты и закон о национальной

¹ Ср., например, в мемуарах де Норвена: «После поражения монтаньяров Конвент стал столь слабым, что не мог надеяться мирно удержать скипетр революции». *Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Essai sur la Révolution française depuis 1789 jusqu'à l'avènement au trône de Louis-Philippe d'Orleans le 7 août 1830.* P., 1832. Vol. 1. P. 272.

² См., например: *Тарле Е.В.* Жерминаль и прерияль. М., 1957. С. 46 и след.

³ Французский историк Р. Седийо пишет также о многочисленных фактах коррупции при якобинцах, называя, в частности, имена Ф.Ф.Н. Фабра д'Эглантина, К. Демулена, П.Ж. Камбона и др. *Sédillot R. Le coût de la Révolution française.* P., 1986. P. 249.

⁴ *Черняк Е.Б.* 1794 год... С. 250.

⁵ Там же. С. 260.

благотворительности лишь подчеркивали это». К тому же «поражение в прериале III года означало конец парижских санкюлотов и окончательное подавление народного движения. Республика вновь пошла по своему буржуазному руслу»¹.

Хотелось бы подчеркнуть, что проблема наличия или отсутствия «социальной реакции» при Термидоре представляется мне едва ли не наиболее сложной. Однако приступить к ее решению можно будет лишь тогда, когда появится четкий ответ на вопрос о том, в интересах каких социальных групп проводили свою политику монтаньяры. Вопрос же этот крайне дискуссионный², что хорошо видно на примере исследований, посвященных тем или иным социальным слоям в эпоху Революции. Так, например, если говорить о крестьянстве, то А.В. Адо был уверен, что, по крайней мере, ряд крестьянских требований, был монтаньярами выполнен. Но впоследствии «якобинская власть не могла занять определенную позицию по отношению к шедшей в деревне сложной борьбе интересов», не оказала решительной поддержки ни одному слою крестьянства, что привело к постепенному отходу сельского населения страны от поддержки диктатуры. Иными словами, чаяния крестьян были выполнены лишь частично³. Но правомерно ли в таком случае, однозначно говорить о том, что якобинцы «представляли и защищали, наряду с другими классами и классовыми группами, также и интересы крестьянства»⁴?

Подобные сомнения во многом повлияли, как мне представляется, на вывод А.В. Чудинова о том, что «едва ли может быть признана удовлетворительной широко распространенная в “классической” историографии “социальная” трактовка якобинского режима, согласно которой его политика служила интересам определенного общественного слоя Франции». «Споры историков-марксистов о социальной основе якобинизма, – подчеркивает тот же историк, –

¹ Собыль А. Указ. соч. С. 158.

² Подробнее см.: Чудинов А.В. На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // Кутон Ж. Избранные произведения. М., 1994. С. 42 и след.

³ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. С. 351-353.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 219.

наглядно продемонстрировали, независимо от намерений самих участников дебатов, невозможность связать политику Робеспьера и его сторонников с реальными интересами любого более или менее значительного слоя французского общества»¹.

Экономическая реакция. Говоря на эту тему, исследователи нередко отделяют друг от друга те меры, которые проводил в жизнь термидорианский Конвент, и общую ситуацию в стране. Принятые в этот период решения действительно трудно оценить однозначно. Продлив поначалу действие закона о максимуме, в конце декабря 1794 года Конвент отказывается от этой меры и восстанавливает свободу торговли. Через несколько дней после переворота отменяется введенный незадолго до этого максимум на заработную плату для рабочих. Ликвидируется монополия внешней торговли.

Вместе с тем историки нередко отмечают катастрофическое падение курса ассигната, явившееся, по мнению Собуля, «непосредственным результатом отмены максимума». «Масса ассигнатов росла от непрерывных эмиссий»², «трудовой люд голодал»³, «зимой 1794-1795 года плебейский Париж испытывал муки голода, перед которыми бледнели лишения сурового 1793 года»⁴.

Однако специальное исследование Добролюбского «Экономическая политика термидорианской реакции» рисует несколько иную картину. По его мнению, «продовольственный кризис в Париже достиг наивысшей остроты *при максимуме* [выделено мной. – Д.Б.] в феврале и марте 1794 года»⁵. «Парижское население, – продолжает он, – разочаровалось в максимуме и ждало с октября 1794 года изобилия от введения свободы торговли. Всеобщий максимум не защищался ни секциями, ни в якобинском клубе». «Давно уже максимум, которого так горячо желала и с такими усилиями получила рабочая масса в сентябре 1793 года, – отмечал Тарле, – сделался для нее бичом, проклятием, которое только отягощало ее

¹ См.: Якобинство в исторических итогах Великой французской революции // НиНИ. № 5. 1996. С. 82-83.

² Собуль А. Указ. соч. С. 177.

³ Ревуненков В.Г. Очерки по истории... С. 420.

⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. С. 200.

⁵ Добролюбский К.П. Экономическая политика... С. 248.

отчаянное положение»¹. Иными словами, совершенно недостаточно сказать о том, что Конвент отменил максимум, «уступая общему давлению со стороны имущих классов»², поскольку требование отказа от него было практически всеобщим.

С другой стороны, хотя падение курса ассигнатов действительно было стремительным, его нельзя напрямую связывать с возрастанием эмиссии. Добролюбский видит его причину исключительно в политике Конвента, «в отсутствии каких-либо противоядий против роста дороговизны»³. Однако, не отрицая ни роста цен, ни спекуляций, ни голода, он отмечает, например, что и при Терроре исключения из максимума давали возможность торговцам обогащаться⁴. Соответственно, и общая картина начинает выглядеть куда более многомерной, особенно если добавить к ней анализ, проведенный французским историком Ф. Энкером, который показывает, что «противоречие между либеральными убеждениями и необходимостью ограничить законом и действиями администрации инстинкты субъектов экономики, будь то во имя социальных или моральных императивов, будь то во имя экономического рационализма, который неспособны принимать во внимание стремящиеся к выгоде частные интересы, уже имела место в дебатах революционных ассамблей – до тех пор, пока экономическая политика революционного правительства не прервала на время этот процесс. Мы обнаружили в термидорианском подходе к денежным проблемам те же предложения и те же аргументы, что и в 1790-1791 годах»⁵.

Таким образом, если не воспринимать «термидорианскую реакцию» исключительно как привычное словосочетание, а попытаться рассмотреть его наполнение, выяснится, что этот термин, по сути дела, правомерно употреблять лишь в его первоначальном

¹ *Тарле Е.В.* Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Пг., 1918. С. 112.

² *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории... С. 420.

³ *Добролюбский К.П.* Экономическая политика... С. 251.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ *Hincker F.* Comment sortir de la terreur économique? // Le tournant de l'an III. Réaction et Terreur blanche dans la France révolutionnaire. Actes du 120e congrès national des sociétés historiques et scientifiques. Aix-en-Provence, 23-29 octobre 1995. P., 1997. P. 156-157.

значении. Термидорианский Конвент по многим направлениям действительно проводил политику, ставшую *реакцией* на Террор, на вмешательство государства в экономику, на политику монтаньяров в целом; часть того, что было сделано в 1793-1794 годах, с негодованием отторгалась. Однако в этом смысле и саму диктатуру монтаньяров можно назвать реакцией, например, по отношению к работе Учредительного и Законодательного собраний.

Кроме того, применение одной только черной краски при описании Термидора (или даже ее преобладание) оказывается совершенно неоправданным. И дело здесь отнюдь не в том, чтобы попытаться «обелить» термидорианцев. «Необходимо бороться с тенденцией, – пишет современный французский исследователь Ж.-И. Гийомар, – видеть в периоде 1795-1799 годов одну лишь реакцию. По многим направлениям революция углублялась и укоренялась»¹. Солидарны с ним и Ф. Брюнель с М. Рево д'Аллоне: «Начиная с анализа практической термидорианской политики, той, что в III году учредила либеральное государство, мы рассматриваем ее, как настоящее созидание (*création*)»².

Более того, возникает вопрос, насколько вообще оправдано употребление этого термина. Как считает та же Брюнель, этот период нельзя «ни сводить к “реакции”, ни определять эпитетом “термидорианский”, приписывая ему искусственную отправную точку. Если бы не количество жертв, 9 термидора скорее представлялось бы не-событием»³. «Пробуждение было анархическим, жестоким, буйным, – отмечает П. Генифе, – однако, в то же время, сохранялись и рефлексy, и поведение общепринятые во время Революции; именно это неправильно именуют реакцией»⁴. «Очевидно, –

¹ Guimard J.-Y. La démocratie // L'état de la France pendant la Révolution. P., 1988. P. 472.

² Brunel F., Revault d'Allones M. Jacobinisme et libéralisme. // Dix-huitième siècle. № 14. P., 1982. P. 103.

³ Brunel F. Thermidor. P. 127.

⁴ Gueniffey P. Le nombre et la raison. P., 1993. P. 477. Я ни в коем случае не утверждаю, что идеи Брюнель в целом сходны со взглядами Генифе, с которым она стоит на принципиально разных идеологических позициях. Речь идет лишь о характерном совпадении при определении понятия «термидорианская реакция».

подчеркивает С. Луццатто, – что революция сделала первые шаги по пути реакции до восстания парламента против Робеспьера, Кутона и Сен-Жюста. В определенном смысле слова, депутаты Конвента стали термидорианцами задолго до 9 термидора», если понимать под Термидором перегруппировку сил внутри правящей элиты¹. «Можно сказать, – замечает Б. Бачко, – что реакция начинается там, где антитеррористический реванш переходит границы закона, становится произволом и тем самым ставит под вопрос Республику и ее институты»².

Одним словом, как давно уже отметил А. Олар, «словосочетание “термидорианская реакция” мы употребляем поскольку так принято (*l'usage l'impose*), но надо сказать, что оно не подтверждается фактами»³.

Очевидно однако, что полагать, будто термины определены и дискуссия окончена, было бы преждевременно. Теперь же, поставив проблему и выслушав различные точки зрения, вернемся в 1795 год и посмотрим, что представляли из себя к тому времени Франция и Национальный конвент.

¹ Luzzatto S. Op. cit. P. 3.

² Baczko B. Thermidoriens. P. 433.

³ Aulard A. Le Régime politique après le 9 thermidor // La Révolution française. 1900. Vol. 38. №. 1. P. 6.

Глава II

Франция и Конвент в 1795 году

1. Политическая ситуация во Франции после 9 термидора

Подробный анализ событий, происходивших начиная с лета 1794 года, когда Конвент выступил против Робеспьера и его соратников, и до весны 1795 года, когда вопрос о необходимости конституционной реформы начал переводиться в практическую плоскость, можно найти в блестящей монографии Б. Бачко «Как выйти из Террора», автор которой рассматривает все основные направления (и связанные с ними проблемы), по которым происходила трансформация политического режима, унаследованного термидорианцами от монтаньяров. Отсылая заинтересованного читателя к этой монографии, позволю себе ограничиться лишь кратким перечислением ряда фактов¹, необходимых для того, чтобы приступить непосредственно к теме моего исследования.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие у термидорианцев единого заранее разработанного плана проведения реформ. После переворота были практически лишь обновлены Комитеты и изгнаны из Конвента наиболее активные депутаты-робеспьеристы, по большей части казненные уже 10 термидора. Не случайно, многие современники отмечают, что, собственно, лето 1794 года принесло с собой минимальное количество пертурбаций. «Правительство совершенно не изменило свою форму, – вспоминал позднее граф д'Аллонвиль, – Барер, Бийо-Варенн оставались в Комитете общественного спасения, и Фукье-Тенвиль еще был жив»².

¹ Частично об этом уже шла речь в предыдущей главе, когда политика термидорианского Конвента сравнивалась с тем, что было сделано при монтаньярах.

² Allonville A.F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. P., 1841. Vol. 3. P. 316.

Первые шаги новой власти (если ее можно так назвать, поскольку формально структура власти – Конвент и его комитеты – оставалась прежней) касались, прежде всего, трех проблем.

Первая из них – не допустить сосредоточение всех полномочий в руках одного лица или какого-либо коллегиального органа. Так, 11 термидора (29 июля) декретируется обязательное ежемесячное обновление на четверть правительственных Комитетов (с запрещением для выбывших вновь занимать свои должности раньше чем через месяц). 7 фрюктидора (24 августа) система исполнительной власти перестраивается, и Комитет общественного спасения оказывается существенно ограничен в своих правах.

Вторая проблема – Террор. Уже 14 термидора (1 августа) отменен закон от 22 прериала, арестован Фукье-Тенвиль, упразднен Революционный трибунал (который, впрочем, через 10 дней был возрожден и реорганизован). В начале августа распахиваются двери тюрем, чтобы выпустить пострадавших при монтаньярах (что, разумеется, не помешало им оставаться закрытыми для противников нового режима).

Третья проблема – парижские секции. Уже в 20-х числах августа отменено пособие парижским санкюлотам за посещение заседаний секций, упразднены революционные комитеты, а 48 парижских секций перегруппированы в 12 округов.

Таким образом, первые перемены касаются лишь политической сферы. Одновременно начинается долгий процесс изменения состава Конвента, длившийся практически до самого конца его существования: выводятся депутаты, в наибольшей степени скомпрометировавшие себя при Терроре в глазах общественного мнения¹. При этом в Конвент после 9 термидора вернулись две большие группы депутатов: по меньшей мере 78 человек, которые были реинтегрированы 18 фримера (7 декабря 1794 года), и жирондисты, вернувшиеся 18 вантоза (9 марта 1795 года) – еще 18 депутатов².

¹ Например, Каррье, чей процесс начался в Революционном трибунале 3 фримера (23 ноября). В марте следующего года за ним последовали Барер, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа.

² *Surratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. 1951. № 4. P. 389-390.

В то же время, экономические декреты диктатуры монтаньяров были пересмотрены отнюдь не сразу. Так, например, только 4 нивоза III года (24 декабря 1794 года), то есть через пять месяцев после переворота, отменяется максимум. Немногим ранее, в октябре–ноябре, отказываются от монополии внешней торговли.

Таким образом, в течение второй половины 1794 года в стране происходят значительные изменения. Оказывается пройден путь от диктатуры мотаньяров до закрытия Якобинского клуба (21 брюмера (11 ноября)); от максимума до свободы торговли. Члены Конвента, наиболее влиятельные еще год назад, казнены; вновь обретают голос молчавшие или изгнанные после восстания 31 мая – 2 июня 1793 года депутаты.

Разумеется, изменения не исчерпывались одним только этим. Разительная перемена в нравах – больше нет необходимости соблюдать показную бедность и скрывать нажитое за годы Революции богатство. На улицах городов появляются нувориши и золотая молодежь. Усиливается инфляция. Прекращаются гонения против церкви, но в то же время она в середине сентября 1794 года отделяется от государства.

Однако продолжала действовать система временного революционного правительства, а значит, по крайней мере с точки зрения современников, Революция продолжалась. Освободившись от Робеспьера, страна так и не обрела долгожданной стабильности: репрессии в политике, развал в экономике – все осталось на своих местах. Ситуацию усугубляла тяжелая зима 1794/1795 годов.

В этих условиях и общественное мнение, и депутаты все чаще начинали видеть путь выхода из кризиса не в хаотичных и разрозненных мероприятиях, а в создании единой системы нового государственного устройства и в окончании Революции. Однако прежде чем перейти к анализу путей решения этих проблем, посмотрим, что же представлял из себя Конвент к 1795 году, и кто были те люди, которым предстояло обсудить и принять новую конституцию Франции.

2. «Фракции» или партии?

По отношению к термидорианскому Конвенту историографическая традиция (прежде всего, «якобинская») оказалась не менее сурова, нежели по отношению к Термидору в целом. И мнение Матьеза представляется здесь весьма характерным: «Отныне великий период Республики окончен. Личное соперничество берет верх над идеями; общественное спасение отходит на второй план или исчезает перед лицом частных интересов или пред злобой и страстями. Вместо политиков на сцену выходят политиканы. Все государственные деятели мертвы. Их преемники, с жадностью оспаривающие друг у друга власть, не способны организовать вокруг своих ничтожных личностей прочное большинство. Их минутные успехи не имеют будущего»¹. С этой точки зрения, неудивительно, что «варварство, коррупция, все пороки и все преступления собрались под его крышей»².

Не говоря уже о сомнительной «беспристрастности» подобных оценок, представляется любопытным, что советская, да и практически вся «якобинская» историография своим презрительным отношением к термидорианскому Конвенту парадоксальным образом продолжает не только и даже не столько революционную³, сколько контрреволюционную традицию. Ведь первые крайне негативные отзывы о Конвенте принадлежали именно роялистам: «За исключением пятидесяти человек, которые были честны и образованны, история не представляет ни единого верховного собрания, которое совмещало бы в себе столько пороков, столько гнусности и столько невежества»⁴.

При этом, однако, не учитывалось, что хотя Конвент и лишился ряда бесспорно выдающихся личностей и ораторов, в него вернулась едва ли не главная составляющая любого парламента – дискуссия.

¹ Mathiez A. La réaction thermidorienne. P. 3.

² Prudhomme L. Op. cit. Vol. 10. P. 399.

³ Так, например, Бабеф, который считался одним из первых коммунистов, как известно, приветствовал переворот 9 термидора.

⁴ Брок, виконт де. Французская революция в показаниях современников и мемуаров. СПб., 1892. С. 78.

Конвент вновь обрел голос. К тому же его трудно упрекнуть и в отсутствии настоящих личностей, пусть даже в предыдущие годы они находились на втором плане или, как говорил Сийес, «оставались живы». П.К.Ф. Дону, П.Ш.Л. Боден, Тибодо, Ларевельер-Лепо, Буасси д'Англа, Ланжюине пользовались большим авторитетом, высказывали интересные и глубокие мысли; им удавалось управлять обсуждением, которое часто казалось неуправляемым. Спору нет, продолжались репрессии и «чистки», диктатура наложила свой отпечаток на всех и, борясь с ней, депутаты нередко действовали ее же оружием. Но в Конвент вернулась свобода слова, которая во многом сделала возможной реальную политическую борьбу¹.

Однако и доминирующая в исторической литературе точка зрения, безусловно, небеспошвенна. Во многом ее истоки можно найти в мемуарах, в особенности, как уже говорилось выше, в мемуарах противников Конвента, не говоря уже о том, что на оценку его действий после 9 термидора не мог не падать отсвет диктатуры монтаньяров². Так, по мнению Ш. Лакретеля-младшего, Конвент был испорчен именно якобинцами, поскольку «революционное красноречие, революционная администрация не требовали никаких знаний. С парламентским красноречием было покончено, и я не думаю, что даже какое-нибудь полуварварское племя когда-либо говорило столь монотонно и бессодержательно»³.

И, тем не менее, современники настойчиво пытались разобраться, что представлял из себя обновленный Конвент. Показательно в этом плане письмо известного и авторитетного публициста Ж. Малле дю Пана австрийскому императору, отправленное в

¹ Наивно, разумеется, пытаться заменить при описании Конвента черную краску на белую или полагать эту свободу слова полной или неограниченной, хотя бы потому, что продолжались расправы с политическими противниками.

² См., например, о 9 термидора: «Террористический Конвент испустил дух, истощенный собственными преступлениями и потопленный в собственной крови». *Noailles P., duc de. Anne-Paule-Dominique de Noailles, marquise de Montagu. P., 1889. P. 163.*

³ *Lacretelle C.J.D. (jeune). Précis historique de la Révolution française. Convention national. P., 1803. Vol. 2. P. 342.*

начале 1795 года, когда депутаты как раз приступали к работе над новой Конституцией. Он утверждал: «Во Франции нет иной власти, кроме Конвента; он объединяет все власти, которые в известных нам формах правления более или менее разделены. Это ужасное собрание представителей народа, сосредоточившее в своих руках все управление страной, представляет собой не более, чем соединение несвязанных друг с другом частей. В настоящее время нет, быть может, и десятка депутатов, которые разделяли бы единое мнение, были связаны какими-либо общими чувствами и проводили в жизнь единый план. Эта разобщенность является следствием взаимного недоверия людей, терзаемых зрелищем их собственной порочности, познавших, на что способен каждый из них; видящих врага в каждом коллеге и каждом приспешнике»¹.

Тем самым Малле дю Пан поднимал весьма важный вопрос: были ли в Конвенте в то время какие-либо более или менее четко оформленные группировки (или, как тогда говорили, «факции»²), подобные сошедшим с политической сцены жирондистам и монтаньярам, или Конвент, действительно, представлял собой конгломерат разрозненных индивидов? В мемуарах и историографии на сей счет высказывались весьма разные мнения.

Нарисованная Малле дю Паном картина всеобщей разобщенности не помешала ему же выделить в Конвенте три группы: якобинцы, умеренные (их ядро составляли 154 депутата, голосовавших против казни короля) и 74 депутата, исключенных после 31 мая (иными словами, те, кто был причислен к «жирондистам»). «Умеренные борются с роялистами вяло, а якобинцы – неистово»³, – добавляет он. Другой автор мемуаров находил в Конвенте конца весны 1795

¹ *Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française. P., 1851. Vol. 2. P. 114-115.*

² В русской традиции слово «*faction*» нередко переводится, как «фракция», что, однако, представляется мне не совсем верным. Под «фракцией» в то время подразумевали не просто партию, а партию оппозиционную существующему государственному устройству, плетущую заговоры для уничтожения общественного порядка. Впрочем, такое толкование более характерно для словарей революционной лексики, тогда как при Термидоре, разница между терминами «партия» и «факция» нюансировалась далеко не всегда.

³ *Mallet du Pan J. Op. cit. Vol. 2. P. 117-126.*

года всего две «партии» – термидорианцев и монтаньяров, подчеркивая, однако, что реинтегрированные депутаты, термидорианцы и оставшиеся в живых монтаньяры – три группы, четко отделенные друг от друга¹.

Несколько по-иному виделась ситуация журналисту-эмигранту Ж.Г. Пелтье. В Конвенте, отмечал он, «умеренные республиканцы, во главе которых стоят Лежандр, Тальен, Фрерон и Андре Дюмон, больше заняты тем, чтобы продолжать приглядывать за террористами – их непосредственными врагами, нежели разрабатывать проекты конституции. Сегодня они не пользуются каким бы то ни было влиянием». Их противники – якобинцы – молчат с мая². Кроме «умеренных республиканцев» и якобинцев, Пелтье выделял еще две группировки. Это «партия бешеных (*enragé*) республиканцев, возглавляемых Сийесом, Лувэ и Шенье. Она хочет республику на свой манер». И так называемая «конституционная» партия под руководством Лакретеля, мадам де Сталь, Воблана³.

Небезынтересно и свидетельство Гюдена, друга Бомарше. Вернувшись после долгого отсутствия в Париж, он написал драматургу: «Нет более ни общества, ни общественного мнения, ни даже общественного интереса. В настоящее время все живет лишь духом партии, интересом факции, все, что вне факции – гибнет. Это плод, который должен был произрасти из системы отвратительных людей, каковыми были робеспьеры, кутоны, сен-жюсты и другие разбойники»⁴.

Очевидно, что даже эти четыре мнения с трудом сводятся к единому знаменателю. Перечисление же других «партий», упоминаемых современниками или мемуаристами, лишь еще больше усложняет картину, вместо того, чтобы ее прояснить. Это «партии» умеренных республиканцев⁵, «анархистов», республиканцев⁶, которую

¹ Norvins J.M. *de Montbreton, baron de*. Op. cit. Vol. 1. P. 246, 273.

² То есть после народного восстания в прериае III года.

³ Отметим, что все трое не были депутатами Конвента, хотя Пелтье это почему-то не оговаривает. Peltier J.G. Op. cit. Vol. 1. № 5. 4.VII.95. P. 259-260.

⁴ Цит. по: Loménie L. *de Beaumarchais et son temps*. P., 1873. Vol. 2. P. 489-490.

⁵ Cadot M. *Histoire chronologique de France depuis la première convocation des notables jusqu'en 1828*. P., 1828. P. 666.

⁶ Larevellière-Lépeaux L. Op.cit. Vol. 1. P. 259.

мадам де Сталь называет также обломком Жиронды¹, «террористов»², умеренных конституционалистов, «правая факция», «неистовая факция»³, «представители заграницы»⁴ (иными словами, роялисты), орлеанисты⁵, да еще какая-то не совсем понятная «третья партия» – ни роялисты, ни якобинцы⁶ (возможно, это та самая «мудрая партия», о которой писал Ларевельер-Лепо⁷). Трево, английский посол в Турине, даже называл цифры. По его подсчетам на 12 марта 1795 года, в Конвенте было около 100 якобинцев, около 150 «умеренных» (в основном друзей Дантона), около 200 «федералистов» и 200–230 независимых⁸.

При этом две партии упоминаются особенно часто. Во-первых, это партия умеренных⁹ – за прошедший год слово явно утратило отрицательную коннотацию, – определяемая чрезвычайно широко как партия противников крайних мер и якобинского насилия¹⁰. Скорее всего, это те, кого при якобинцах называли «болотом». А, во-вторых, партия тех, «кто внес свой вклад в день 9 термидора»¹¹. Тот же Ларевельер-Лепо уточняет даже, кто именно стоял во главе этой партии: Тальен, Фрерон, Лежандр, Баррас, Фуше. С любопытным добавлением – «остатки орлеанистской или дантонистской партии»¹², что, пожалуй, еще больше сбивает с толку.

¹ Staël A.L.G. de. *Considérations sur la Révolution française*. P., 1983. P. 318.

² Dulaure J.A. *Esquisses historiques des principaux événements de la Révolution française*. P., 1826. Vol. 3. P. 2-3; Vol. 4. P. 11.

³ *Le livre du centenaire du Journal des Débats*. P., 1889. P. 18.

⁴ Levasseur R. *Op.cit.* P. 600.

⁵ Gallais J.P. *Dix-huit fructidor; ses causes et ses effets*. Hambourg, 1799. Vol. 1. P. 19.

⁶ Fain A.J.F. *Manuscrit de l'an trois (1794-1795)*. P., 1828. P. 302.

⁷ Larevellière-Lépeaux L. *Op. cit.* Vol. 1. P. 203.

⁸ *Historical Manuscripts commission*. Vol. III. P. 85-86.

⁹ Gallais J.-P. *Histoire de France...* Vol. 1. P. 200; Thureau-Dangin P. *Op. cit.* P. 30.

¹⁰ Frey M. *La transformation du vocabulaire français à l'époque de la Révolution*. P., 1925. P. 153.

¹¹ Dulaure J.A. *Op. cit.* Vol. 4. P. 11; Fréron L.M.S. *Mémoire historique sur la réaction royale, et sur les massacres du midi*. P., 1796. P. 21.

¹² К которой сам Ларевельер относится крайне отрицательно. Larevellière-Lépeaux L. *Op. cit.* Vol. 1. P. 205, 207.

Если приглядеться к приведенным выше названиям «партий», то складывается ощущение, что разделение депутатов проводилось на основе либо их прошлого (сторонников Дантона называли дантонистами и в 1795 году), либо реальных или приписываемых политических симпатий. Если депутат выступал, к примеру, за республиканскую Конституцию, то один мемуарист вполне мог зачислить его в «партию» умеренных конституционалистов, а другой – в республиканскую.

Я намеренно не систематизировал весь этот перечень. Разумеется, можно было бы распределить эти «фракции» в определенном порядке на некоторой шкале, например, от крайне правых до ультралевых. Но дело в том, что, по моему убеждению, такое обилие «партий» указывает... на их отсутствие. Что может лучше свидетельствовать о весьма аморфном характере этих группировок, чем то, что даже современникам не была видна четкая граница между ними?

К сожалению, не добавляет ясности и большая часть позднейшей историографии, где имеет место самый широкий разброс мнений и классификаций. Одних только республиканцев выделяют, как минимум, пять типов (причем их характерные черты, как обычно, весьма расплывчаты): умеренные, консервативные, конституционные, демократические и буржуазные. Что же касается принятого в отечественной литературе деления на «правых» и «левых» термидорианцев¹, то оно, хотя, на первый взгляд, и кажется вполне логичным, при ближайшем рассмотрении оказывается достаточно спорным, поскольку критерии, положенные в его основу, более чем туманны. Так, например, несколько неожиданным выглядит утверждение о том, что «левые термидорианцы» считали политику робеспьеристского Комитета общественного спасения недостаточно революционной»² при том, что одновременно в эту группировку зачисляется такой отнюдь не радикальный политик, как Б. Барер.

Полемизировать с подобным разнообразием мнений и классификаций тем более сложно, что большая их часть, как это ни

¹ См., например: *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 198.

² История Франции. Т. 2. С. 71-72.

печально, слабо опирается на конкретные факты и не является результатом специальных исследований. Пожалуй, лишь три историка предлагают четкое и развернутое обоснование своего мнения относительно наличия «партий» в Конвенте того периода.

Для посвященной Термидору историографии, отмечает Б. Бачко, характерны «амбивалентность и терминологическая путаница». «Так, очень часто разделяют “термидорианцев” и “монтаньяров”, забывая о том, что последние, притом что их и без того не просто четко очертить как политическую группировку, в равной мере были и “термидорианцами” в том плане, что они отнюдь не оспаривали “революцию 9 термидора” и осуждали Робеспьера и “робеспьеризм”. Термины “левые термидорианцы” и “правые термидорианцы” кажутся более адекватными; однако они страдают от общеизвестной амбивалентности противопоставления левых и правых, которое приходится постоянно уточнять по состоянию на то или иное конкретное время. Кроме того, оно крайне редко использовалось в ту эпоху. К концу II года политический водораздел проходил по линии противопоставления якобинцев и антиякобинцев (или даже террористов и антитеррористов)»¹.

А. Лажюзан, сразу же оговаривая некоторую условность своей классификации, отмечает, что «на момент плебисцита III года можно обнаружить не четыре партии, а четыре более или менее четких течений общественной мысли (*courants d'opinion*)». Два из них – крайние: республиканские демократы и роялисты. Они настолько слабы, что волей-неволей блокируются с двумя другими, стоящими ближе к центру. Роялисты – с умеренными, а демократы, состоящие из «поревших бывших революционеров», – «с ядром республиканской партии». Против Конституции III года выступали лишь роялисты и католики, а все остальные слились в единое умеренное крыло, поддерживаемое большинством населения страны, и образовали «республиканско-термидорианское» или «республиканско-директорианское» течение².

¹ Baczko B. Comment sortir de la Terreur. P. 94.

² Lajusan A. Le plebiscite de l'an III // La Révolution française. 14.I.1911. Vol. 60. № 7. P. 15-16.

Иную классификацию предлагает Ж.Р. Сюратто. С его точки зрения, ряд членов изначально существовавших в Конвенте группировок – «монтаньяры, ставшие главарями банд “золотой молодежи” и наиболее озлобившиеся жирондисты» – составили «партию» «крайних (*exagérés*) термидорианцев, поддерживавших контрреволюцию в те моменты, когда сами ее не направляли». Кроме того, существовали «консервативные термидорианцы в полном смысле этого слова, опасавшиеся контрреволюционных эксцессов, защитники национальных имуществ, не менее страшившиеся нового революционного подъема, нежели представители обеспеченной буржуазии». В их число входили некоторые «монтаньяры, равно как и жирондисты [...], антиклерикалы и расстриги. И, наконец, раскаявшиеся термидорианцы, оставшиеся верными политическим принципам II года, но не социальным мероприятиям той эпохи. Наиболее выдающиеся и наиболее искренние из них были исключены в жерминале и прериале». Однако события, непосредственно предшествовавшие выборам IV года Республики, и, прежде всего, наступление роялизма, превратили термидорианцев в сплоченный обороняющийся блок, что позволило им благополучно принять Конституцию и декреты о двух третях¹.

Таким образом, если в целом точки зрения историков столь же многообразны, как и у современников, то Лажюзан и Сюратто, по крайней мере, сходятся в том, что к концу 1795 года сложился единый блок сторонников республики и новой конституции, противостоявший союзу роялистов и клерикалов. Очевидно, однако, что этот новый блок, равно как и предыдущий, свергнувший Робеспьера, не был однородным. Поскольку ни современники, ни историки не предлагают сколько-нибудь четкого и убедительного деления депутатов на группы помимо антитезы «роялисты-республиканцы», возникает вопрос: нельзя ли каким-то образом классифицировать членов Конвента в соответствии с их взглядами и опытом прожитых лет? В этой связи весьма ценным представляется мнение Б. Бачко, полагающего, что часть из них имела весьма значимое общее прошлое – якобинские тюрьмы или жизнь изгнанников,

¹ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. 1951. № 4. P. 390-391.

постоянно опасавшихся ареста¹. Надо признать, что эта точка зрения находит весомое подтверждение в мемуарах, например, в воспоминаниях Ларевельера-Лепо о прериальских событиях². В качестве такого «объединяющего прошлого» стоит отметить и совместную работу в законодательных органах, предшествовавших Конвенту. Так, М.А. Бодо в своих заметках неоднократно подчеркивал тесные связи («*une certaine confraternité*»), которые сохраняли в Конвенте бывшие депутаты Учредительного собрания, независимо от своих политических взглядов³. В данном контексте нельзя, разумеется, не упомянуть и известную статью М. Озуф, в которой эта исследовательница блестяще показала, что термидорианцы делились на две группы – «те, в чьих интересах было забыть историю, в которой они участвовали», и, к тому же, «заставить себя ее забыть», и те, кто старался побудить коллег к сохранению общих воспоминаний⁴.

Необходимо также учитывать особенность самого понятия «партия» в эпоху Французской революции. Каждый депутат считал себя представителем Народа, претендовал на знание того, «чего хочет Народ» и соответственно голосовал в Конвенте. Но, очевидно, что у Народа не могло быть нескольких точек зрения по одному и тому же вопросу. Народ един. Исходя из этого, никакой официальной оппозиции или даже различных фракций, в современном понимании этого слова, внутри Конвента не должно было существовать по определению. Не случайно один из корреспондентов Комиссии одиннадцати называл якобинцев «фракционным меньшинством» Конвента⁵.

¹ Baczko B. Les Girondins en Thermidor // La Gironde et les Girondins. P., 1988. P. 59.

² Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 222. См. также мемуары Тибодо, где он пишет о различиях между вернувшимися в Конвент депутатами и теми, кто оставался в нем при диктатуре монтаньяров: Thibaudeau A.C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. Vol. 1. P., 1824. P. 197.

³ Baudot M.A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 39, 75.

⁴ Ozouf M. Thermidor ou le travail de l'oubli // Ozouf M. L'Ecole de la France. P., 1984. P. 92.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87. Также, как и Ларевельер именовал их «остатками анархистской фракции» (Larevellière-Lépeaux L. Op.cit. Vol. 1. P. 206), а другой современник впоследствии назовет «фракционерами» восставших в прериале.

Кроме того, ни одна из политических групп революционной эпохи не имела какого-либо организационного оформления, отличавшего партии в последующее время. Вот почему, отмечает французский исследователь М. Пертюэ, «историки до сих пор спорят, были ли партии в Конвенте»¹. Ж. Тюлар еще более категоричен: «Партий в современном смысле во время революции не существовало, имелись лишь случайные и нестабильные группировки»². И действительно, весной 1795 года ничего более определенного, чем *courants d'opinion* в Конвенте не прослеживается. Иногда депутатов объединяло общее прошлое, иногда – общее мировоззрение. Но мне так и не удалось выявить хотя бы одну четко очерченную группу, которая постоянно отстаивала бы единую точку зрения³.

Впрочем, отсутствие «партий» никоим образом не мешает попытаться проанализировать биографии депутатов, входивших в наиболее активную часть термидорианского Конвента и принимавших участие в дебатах вокруг принятия Конституции III года⁴ – едва ли не самого важного политического события 1795 года, тем более, что в них участвовали практически все видные члены Конвента⁵. И этот анализ приводит к ряду весьма любопытных выводов.

Как известно, всего, учитывая дополнительные выборы, в Конвент было избрано 898 депутатов. К концу 1795 года в живых оставалось 792, из них 681 официально входили в депутатский корпус, причем, 448 заседали без перерыва на протяжении всего

¹ Pertué M. Remarques sur les listes de Conventionnels // AHRF. VII-IX.1981. № 245. P. 366.

² Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Histoire et dictionnaire de la Révolution française. P., 1987. P. 1021.

³ Попутно отметим, что если для историков, занимающихся 1792-1793 годами достаточно репрезентативным источником для выявления водораздела мнений служат результаты поименных голосований, то для эпохи Термидора их ценность резко снижается. Так, например, все, что показывает поименное голосование по вопросу об осуждении Ж.Б. Каррье, – это полное согласие среди депутатов.

⁴ Включая дискуссию по «декретам о двух третях», фактически имевших статус конституционных законов.

⁵ За исключением, пожалуй, Барраса, Фрерона и Фуше, все остальные известные термидорианцы в большей или меньшей степени приняли участие в этой дискуссии.

существования Конвента¹. В дебатах по Конституции участвовало 123 человека, включая 10 из 11 членов Комиссии одиннадцати².

Начнем с объединяющего депутатов жизненного и политического опыта. Средний возраст участвовавших в дискуссии – 42 года³. Самому молодому – Тальену – было в 1795 году 28 лет⁴, самым пожилым – А. Делейру (*Deleyre*) и П.Ж. Фору (*Faure*) – по 69. 21 человек (17,1 %) ранее избирался в Генеральные штаты, 24 (19,5 %) – в Законодательное собрание. Таким образом, большинство – почти 2/3 – работали на общенациональном уровне лишь с 1792 года.

Преобладающая дореволюционная профессия среди участников дискуссии – юристы (адвокаты парламентов, прокуроры и т.д.). Их более половины – 65 человек из 123. Далее идут чиновники – 15 (12 %), священники – 11 (8,9 %) и военные – 10 (8,1 %). Из остальных 8 (6,5 %) – торговцы, 7 (5,7 %) – врачи, по двое (1,6 %) буржуа и работавших на частных лиц, один (0,8 %) мясник, один – без определенной профессии, статус одного (А.Б.Ф. Салленгроса (*Sallengros*)) не установлен.

Определить политическую ориентацию законодателей времен Революции весьма не просто: слишком уж часто они ее радикально меняли. Хрестоматийный пример – Фуше, один из наиболее рьяных «террористов», цареубийца, а впоследствии – министр полиции и у Наполеона, и у Людовика XVIII. Однако участие депутатов в наиболее значимых событиях 1792-1795 годах оказывается в этом плане достаточно показательным.

¹ *Dieuleveult A. de. Mort des Conventionnels // AHRF. 1983. № 251. P. 158.*

² Под участием в дискуссии понимались *любые* выступления – от программного доклада до краткой реплики. Не учитывалось лишь чтение текстов или иных статей Конституции и декретов членами Комиссии. Из последних только шестидесятипятилетний П.Т. Дюран-Майян ни разу не выступал в дебатах, однако он учитывался как один из непосредственных разработчиков Конституции.

³ Любопытно сравнить эту цифру с возрастными цензами, установленными новой Конституцией: 30 лет для членов Совета пятисот и министров, 40 лет для членов Совета старейшин и Директории.

⁴ В своих подсчетах я, прежде всего, опирался на: *Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Yvelines, 1973* (репринт издания 1916 года) – работу, не лишенную ошибок и недостатков, но до сих пор остающуюся наиболее полным и авторитетным биографическим исследованием депутатов Конвента.

Первым из таковых традиционно считается суд над Людовиком XVI, когда в ходе поименных голосований каждому депутату пришлось выразить свое отношение к происходившему. Наиболее радикального варианта придерживались робеспьеристы – они выступали за смертный приговор, против апелляции к народу (которая нередко рассматривалась, как способ добиться если не оправдания короля, то, по крайней мере, смягчения его участи) и против отсрочки приговора. Из будущих участников дискуссии за казнь высказались 49 человек (39,9 %), за немедленное приведение приговора в исполнение – 53 (43 %) и против обращения к народу – 59 (48 %).

На другом полюсе – депутаты, так или иначе стремившиеся спасти короля. За то, чтобы решение принимал народ, проголосовало 36 человек (29,3 %), за различные отсрочки смертного приговора¹ – 11 (9 %) (из них 4 за так называемую «поправку Майля» (*Mailhe*)), за тюремное заключение – 38 (30,9 %), за отсрочку приговора – 46 (37,4 %), за ссылку после заключения мира с европейскими державами – 29 (23,6 %).

Иными словами, почти половина политической элиты времен Термидора состояла из цареубийц, ранее тяготевших скорее к монтаньярам, нежели к жирондистам². Это же во многом заставляло депутатов весьма настороженно относиться к любым попыткам восстановления королевской власти, и Веронская декларация Людовика XVIII оправдала их опасения.

Однако результаты суда над королем – не единственное, что позволяет сделать вывод о близости тех или иных депутатов к

¹ Имеются в виду депутаты, обусловившие свое голосование за смертную казнь отсрочкой приговора, не дожидаясь поименного волеизъявления по этому вопросу.

² Употребляя этот привычный термин, необходимо сразу оговорить, что он видится весьма условным, поскольку жирондисты, в отличие от монтаньяров, не представляли собой хоть сколько-нибудь оформленную группировку и не стремились к солидарному голосованию. Это проявилось и на процессе Людовика XVI, когда, например, Ж.П. Бриссо голосовал за обращение к народу и за смертный приговор с отсрочкой исполнения, что теоретически позволяло спасти короля, а П.В. Верньо – за обращение к народу и смертный приговор без отсрочки, что, с большой долей вероятности, обрекало короля на казнь.

монтаньярам или же к их противникам. Пробным камнем является также отношение к вопросу о предании Марата суду весной 1793 года, в момент его конфликта с Конвентом. Однако по биографическим словарям четкая позиция прослеживается лишь у относительно небольшого числа депутатов – 42, из которых 33 (26,8 % от общего числа) выступили против Марата и лишь 9 (7,3 %) – в его защиту.

Аналогичная ситуация и с теми депутатами, кто в той или иной форме протестовал после восстания 31 мая – 2 июня 1793 года против изгнания из Конвента «жирондистов»: их всего 15 человек (12, 2 %). Добавив к этому 12 человек (9,8 %), которых историки считают жирондистами или близкими к ним, получаем 27 человек (22%). Иными словами, участники дискуссии – это, в большинстве своем, люди, голосовавшие солидарно с монтаньярами после «революции 31 мая». Этот вывод подтверждают и данные о судьбе участвовавших в дискуссии депутатов при диктатуре монтаньяров: 91 человек (74 %) не подвергались никаким репрессиям и втрое меньше, 32 (26 %), оказались в противостоянии с победителями: двадцать один депутат был арестован, еще девятерым удалось бежать и двое – член Комиссии одиннадцати Ларевельер-Лепо и Ж.А. Пеньер-Дельзор (*Pénières-Delzors*) – перестали после переворота посещать заседания Конвента.

Тем не менее, мы не увидим ни одного из участников дискуссии в составе Великих Комитетов времен диктатуры монтаньяров. Что, однако, никоим образом не говорит ни об их талантах, ни о популярности: Э.Л.А. Дюбуа-Крансе (*Dubois-Crancé*) и Ж.Ж.Р. Камбасерес входили в Комитет общей обороны, Ж.Ж. Бреар (*Bréard*) и Ж. Дебри (*Debry*) были избраны поименным голосованием в первый состав Комитета общественного спасения, сформированного в апреле 1793 года. А после Термидора в правительство входило более трети создателей Конституции: 22 человека в Комитет общественного спасения, 21 – в Комитет общей безопасности.

В то же время не вызывает сомнений, что основная масса участников дискуссии (по крайней мере, при Термидоре и Директории) – республиканцы. Всего 11 (8,9 %) из них в той или иной степени подверглись репрессиям после переворота 18 фрюктидора. Даже если добавить к этому несколько депутатов, традиционно подозре-

ваемых историками и современниками в симпатиях монархии (таких, например, как Камбасерес¹), общая картина существенно не изменится.

Биографии депутатов позволяют ответить и еще на один вопрос: в какой мере они писали Конституцию «под себя». О возрастном цензе уже упоминалось, но и без этого цифры весьма красноречивы: при Директории 112 человек (91 %) из 123 будут избраны в Законодательный корпус² (и среди них все члены Комиссии одиннадцати). Трое – Ларевельер-Лепо, Ф.А. Мерлен (из Дуэ) и Сийес станут членами Директории, шестеро – министрами.

Дальнейшая судьба создателей Конституции III года также весьма показательна: при Консульстве 35 (28,5 %) из них стали депутатами, а 53 (43 %) заняли различные посты. При Империи 17 (13,8 %) вошли в число депутатов, еще 63 (51,2 %) находились на государственной службе. 24 человека (19,5 %), получив титулы, влились в ряды дворянства Империи (тринадцать стали графами, шестеро – шевалье, трое – баронами, двое – пэрами и один – герцогом). Немногим меньше, 22 человека (17,9 %), оказались в рядах Ордена Почетного легиона. И это при том, что 10% участников дебатов и вовсе не дожили до переворота 18 брюмера.

При Реставрации карьера творцов Конституции III года была куда менее благоприятна, что, впрочем, не удивительно, если вспомнить, сколько из них голосовало за смерть Людовика XVI. 34 (27,6 %) были высланы из страны как цареубийцы и лишь Тальену разрешили остаться во Франции по причине тяжелой болезни³. Всего лишь пятеро (4 %) вошли в число законодателей, четверо (3,3 %) стали пэрами, а троих (2,4 %) мы видим среди чиновников.

Могут быть любопытны и более общие цифры: 726 депутатов Конвента (81 % от общего числа) дожили до конца Директории; 672 (75 %) – до конца Консульства; 490 (55 %) – до конца Империи; и всего 184 (21 %) – до конца Реставрации⁴. В то же время, по данным,

¹ *Kuscinski A. Op. cit. P. 102; Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 228.*

² И еще семеро служили режиму Директории, не будучи депутатами.

³ По крайней мере, такова официальная версия.

⁴ *Dieuleveult A. de. Op. cit. P. 161.*

приводимым Б. Бачко, 80 % членов Конвента не входили более в число законодателей и всего 6 процентов из них служили Бонапарту¹. Не имея причин сомневаться в этих цифрах, обратим внимание на то, насколько они не совпадают с приведенными выше. В отличие от основной массы депутатов, политическая элита времен Термидора не собиралась отказываться от власти.

Таким образом, в дебатах участвовала наиболее подготовленная (более 50% юристов) и наиболее активная впоследствии часть Ассамблеи. Теперь же, рассмотрев вопрос об участниках дискуссии, перейдем к хронологической стороне событий.

¹ *Baczko B. Thermidoriens. P. 437.*

Глава III

Как закончить Революцию?

1. Вопрос о конституции в повестке дня

К началу 1795 года перед термидорианцами по-прежнему стоял вопрос, метко обозначенный Б. Бачко: «Как выйти из террора?»¹. Однако все громче заявляла о себе и другая, более широкая проблема: «Как закончить революцию?». «Надо закончить революцию, чьи принципы были похвальны и хороши, чьи цели имели размах, течение которой было безумно и порочно, а события жестоки», — писал в эти дни бывший депутат Генеральных штатов, известный публицист П.С. Дюпон де Немур².

Закончить Революцию... Термидорианцы были далеко не первыми, кто пытался это сделать. Депутаты предыдущих Ассамблей, жирондисты и даже, как полагают некоторые историки³, якобинцы надеялись, что проводимая ими политика приведет к завершению Революции. И тем не менее к началу 1795 года, все еще действовало временное революционное правительство, террористическая машина продолжала работать, и решать, что делать дальше, теперь приходилось термидорианцам.

Необходимость предпринять новую попытку закончить Революцию, была очевидна⁴ не только для политической элиты. «После

¹ «Как выйти из террора?... Это вопрос, который встречается после китайской культурной революции, смерти Сталина или Франко, в первый раз был поставлен в истории прекрасным летним днем 1794 года, который теперь называют 9 термидора». *Baecque A. de, Well N. L'arrosoir thermidorien. Entretien avec Bronislaw Baczko // Le monde de la Révolution française. 1989. № 6. P. 26.*

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif et du pouvoir exécutif, convenables à la République française. P., III. P. 123.*

³ См., например: *Brunel F. Thermidor. P. 46, 64.*

⁴ Я отнюдь не имею в виду, что у этой идеи не было противников. Так, например, Бабеф писал даже после принятия Конституции III года: «Про-

шести лет революции, начатой философией, а затем поддерживаемой террором и самыми чудовищными преступлениями, пришло время вернуть французскому народу мир и спокойствие, которые он заслужил своими бесчисленными жертвами»¹, – призывал один из современников. Однако было ясно, что для этого отнюдь не достаточно, как писал П.Л. Редерер в статье «Об истинных способах закончить революцию», «объявить революцию оконченной, принять декрет, что она заканчивается тогда-то тогда-то, в такой-то день». Необходим «гражданский мир»², а один из немногих способов дать такой мир – мудрая конституция, одобренная народом. И если это будет не старая Конституция 1793 года, а новая, то все равно «надо сделать все, чтобы эта конституция стала последней»³. Одним словом, как отмечал в жерминале депутат Конвента Ж.П. Одуэн: «Правительства! Правительства! вот крик, который слышен повсюду»⁴.

По памфлетам того времени хорошо чувствовалось, что от конституции ожидают не только гражданского мира, но и долгожданной стабильности. Как писал популярный памфлетист А. де Лезей-Марнезия, «возьмите тексты законов: вы увидите там права собственности сначала торжественно признаваемыми, вскоре после этого торжественно нарушенные декретом о максимуме, а в конце концов и сам декрет отмененным... Сначала закон разрешает все культы, вскоре он же их все и запрещает: из римлянина, которым

должать революцию – [...] это значит замышлять против негодного порядка вещей; это значит стремиться к разрушению такого порядка и к замене его новым, лучшим. И поскольку то, что никуда не годно, еще не разрушено, а то, что представляло бы ценность, еще не утверждено, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию. По крайней мере, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию в интересах народа». *Бабеф Гракс*. Указ. соч. Т. 4. С. 44.

¹ А.Н., С 228, d.183 bis * 4/1. Дос. 28. Р. 15. Эти мысли были достаточно распространёнными. Ср., например, в газете департамента Кот-д'Ор (брюмер IV года): «Все мы устали от революции и желаем лишь отдыха, купленного шестью годами жертв и терпения, бедствий и славы». (Цит по: *Reinhard M. La France du Directoire*. Р., 1956. Vol. 1. Р. 10.)

² *Journal de Paris*. 1795. Vol. 3. Р. 91.

³ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 2. N.16. 19.IX.95. Р. 514.

⁴ *Audouin P.J.* Quelques idées sur une partie de ce qu'il y a à faire et à éviter dans l'organisation de la Constitution. Р., III. Р. 1-2.

был француз, он последовательно становится кальвинистом, атеистом, идолопоклонником и теистом»¹.

Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и то, что разработка новой конституции считалась изначальной и самой главной миссией Конвента. Ведь вступление в силу конституции означало для современников отказ от системы революционного правления и переход к конституционному. Иными словами, именно окончание Революции.

Так, например, доклад, произнесенный в Конвенте Боденом из Арденн 1 фрюктидора (18 августа 1795 года) от имени Комиссии одиннадцати носил характерное название: «О способах закончить революцию». Боден отмечал, что разные люди считали Революцию законченной в разные периоды: 14 июля 1789 года, 6 октября того же года, 4 февраля 1790 года, 14 сентября 1791 года, 10 августа 1792 года, 2 июня 1793 года. «После стольких бесплодных усилий остановить революцию, не дерзость ли предпринимать это сегодня? Нет. [...] Необходимо доказать народу-суверену, что вы хотите любой ценой закончить революцию, и что, если она будет продолжаться, это будет против ваших усилий»². За скорейшее окончание Революции выступали практически все депутаты, бравшие слово в дискуссии о новой конституции³.

Однако это будет немного позднее, а теперь, когда видна главная задача, которую ставил перед собой термидорианский Конвент, рассмотрим как она поэтапно решалась.

Вопрос, что делать с конституцией, встал уже вскоре после термидорианского переворота. Как известно, Конституция 1793 года была одобрена всенародным голосованием, но не вводилась в действие «до заключения мира»⁴. Однако с начала 1795 года на эту проблему уже нельзя было закрывать глаза, она постоянно всплывала в речах депутатов: большинство понимало необходимость

¹ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? Constitution de Massachusett. P., III. P. 32.

² *Baudin P.-C.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze, par P.C.L.Baudin, député par le département des Ardennes, dans la séance du 1er Fructidor. P., fructidor, an III (далее - Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze). P., III. P. 2 et suiv.

³ *Moniteur*. № 337. P. 1355-1358.

⁴ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 238.

положить конец тому временному состоянию, в котором находилось управление страной¹.

Поначалу проблема была поставлена следующим образом: как ввести Конституцию в действие. Трудно сказать наверняка, были ли у депутатов уже тогда мысли о ее пересмотре. Ларевельер-Лепо однозначно в этом уверен, однако его свидетельство вызывает серьезные сомнения, особенно при том, что в своих мемуарах он выдвигает два несколько противоречивых тезиса: с одной стороны, утверждает, что известие о пересмотре конституции могло вызвать народное восстание (что представляется мне вполне возможным), с другой, — отмечает, что восстания 12 жерминаля (1 апреля) и 1 прериала (20 мая) были вызваны просочившимися сведениями о работе Комиссии Одиннадцати². Однако, как мы увидим, она была создана лишь после доклада Камбасереса 29 жерминаля (18 апреля).

Факты же таковы: еще 24 брюмера III года (14 ноября 1794 года) Барер и Одуэн предлагали создать комиссию для выработки органических законов (то есть законов, дополняющих старую Конституцию и позволяющих ввести ее в действие в изменившихся условиях). Это предложение, равно как и предложение Фрерона³ 11 вантоза (1 марта 1795 года), было отвергнуто⁴.

18 вантоза (8 марта) во время дебатов о реинтеграции жирондистов, тот же вопрос поднимает Сийес⁵. Затем 29 вантоза (19 марта) Л. Лекуантр (*Lecoindre*) говорит о необходимости создать, наконец, демократическое правительство и ввести в действие Конституцию. В ответ ему аплодируют. «Конституция 1793 года, — говорит он, — не принадлежит нам, это собственность народа»⁶.

1 жерминаля (21 марта) тему продолжает оратор одной из секций. Обращаясь к депутатам, он призывает: «Вы имеете в своих

¹ Большинство, но не все, если верить свидетельству Ларевельера-Лепо. *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1 P. 227.*

² *Ibidem. P. 227.*

³ Немного позднее тот же самый Фрерон назовет Конституцию, которую столь упорно пытался ввести в действие, «кодексом Анархии». *Fréron L.M.S. Op. cit. P. 17.*

⁴ *Les Constitutions de la France depuis 1789. P., 1970. P. 94.*

⁵ *Baczko B. Comment sortir de la Terreur. P. 310.*

⁶ *Moniteur. № 182. P. 743.*

руках наиболее эффективные способы положить конец политической буре, игрушкой которой мы, к сожалению, стали. Введите в действие, организуйте, начиная с сегодняшнего дня, народную Конституцию 1793 года; французский народ ее принял, готов ее защищать; она – его гарантия и ужас его врагов». Когда оратора поддерживает один из депутатов, в бой бросается Тальен, утверждающий, что в народе сейчас нет единства по вопросу о том, какой именно конституции следует придерживаться¹. Однако после предложения Майля пока суд да дело выбить текст Конституции 1793 года на мраморных досках и установить их в общественных местах, Тибодо приходится вмешаться и объяснить, насколько опасно выставлять недействующую конституцию, особенно учитывая, что ее текст большинству народа не знаком². По его мнению, Конституция недемократична и ее необходимо дополнить органическими законами³.

Недемократичность Конституции 1793 года ярко обосновывал в своей работе «Размышления об основах конституции» бывший депутат Законодательного собрания монархист В.М.В. Воблан. Конституция 1793 года, отмечает он, отнюдь не демократическая, так как она не предусматривала демократической республики. «В демократической республике народ в полном составе обсуждает законы, решает, быть миру или войне, в определенных случаях судит. Это физически невозможно во Франции. Пусть же, наконец, прекратят

¹ Небезынтересно писал о народе примерно в это же время Ж.Г. Пелтье: «Народ – самый жестокий враг Конвента», «бедный народ-суверен слишком хорошо научился убивать богатый народ-суверен; а теперь восторжествовала умеренность». В качестве же базиса, на котором зиждется его суверенитет, он держится за Конституцию 1793 года. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 1. 6.VI.95. P. 21-23.

² Ср.: «Многие термидорианцы считали даже, что с политической точки зрения будет хорошо объявить ее вступившей в силу и провести выборы, пока власть в их руках. Первым, кто осмелился поставить конституцию 1793 года под сомнение был Тибодо». *Barante A.-G.-P.* Op. cit. Vol. 5. P. 343.

³ *Moniteur*. № 184. P. 751-752. Ср. у Б. Бачко: «Лишь к зиме и весне III года, она (Конституция 1793 – Д.Б.) стала непреодолимым препятствием для демонтажа системы Террора и определения политики после Террора». *Baczko B.* Thermidoriens. P. 432.

говорить то, чего нет, не может быть, не должно быть; пусть не говорят, что у нас демократическая конституция»¹.

Но тема не исчерпана, и стоит Сийесу 4 жерминаля (24 марта) по совершенно иному поводу лишь упомянуть слово «конституция», как вновь разгорается дискуссия. И когда несколько депутатов пытаются высказаться в ее поддержку, их обрывает сразу множество голосов: «Вопрос о конституции не стоит, никто на нее не нападает». В том же духе выступает и сам Сийес: «Если спросят мое мнение о конституции, я скажу, что она принималась не в этом зале, а на народных собраниях, она уважаема и не может подвергаться нападкам»². О необходимости конституции говорят и 5 жерминаля³. Одним словом, депутатам было очевидно, что какая-то конституция стране нужна. В то же время, хотя уже раздавались отдельные голоса против конституции монтаньяров, апелляция к тому, что ее утверждал весь народ, пока еще удерживала критиков.

В это время нажим со стороны секций был столь силен, что 8 жерминаля (28 марта) Мерлен из Дуэ предложил немедленно ввести конституцию в действие и назначить срок созыва первичных собраний на 1 флореаля (20 апреля)⁴. Через два дня группа депутатов, по-прежнему называя Конституцию 1793 года «демократической», настаивает на назначении конкретного дня (голосование назначается на 12 жерминаля (1 апреля)), когда Конвент должен сформировать комиссию по выработке органических законов, которыми эта конституция будет сопровождаться⁵.

Во время первого при Термидоре (и одного из последних в эпоху Революции) крупного народного восстания, 11 и 12 жерминаля (31 марта и 1 апреля), за дело берутся уже сами секции. Под напором ворвавшихся в зал заседаний людей с надписями на колпаках: «Хлеба и конституции 1793 года», А.К. Мерлен (из Тионвиля) предлагает депутатам заявить, что «никто более вас не хочет

¹ Цит по: *Peltier J.G. Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 413-414.*

² *Moniteur. № 188. P. 765-766.*

³ *Moniteur. № 189. P. 770.*

⁴ *Merlin P.A. (de Douai). Projet de décret, présenté par Ph. Ant. Merlin (de Douai) à la séance du 8 germinal de l'an troisième. P., III.*

⁵ *Moniteur. № 193. P. 786.*

конституции 1793 года», и его предложение поддерживается радостными криками¹.

«Политический кризис в конце жерминаля, – комментирует эти события Собуль, – столкнул термидорианское большинство Конвента с Вершиной, монтаньярским меньшинством, окрепшим вследствие самого развития реакции». При этом одним из непримиримых противоречий между ними была Конституция 1793 года, которую Фрерон изображал как «плод трудов нескольких злодеев». Если термидорианское большинство собиралось теперь дополнить ее органическими законами, то Вершиной она, напротив, рассматривалась как «палладий» французского народа².

14 жерминаля (3 апреля) после создания комиссии по выработке органических законов (так называемой Комиссии семи, в которую вошли Сийес, Мерлен из Дуэ, Тибодо, Ж.Б.Ш. Матье (*Mathieu*), Д.Т. Лесаж, Ж.А. Крезе-Латуш и Камбасерес), Сийес неожиданно выступает с речью, в которой вновь говорит о неизбежности конституции, что вызывает немалое удивление. До сих пор не совсем понятно, что именно подвигло его на это выступление: желание понравится народу или то, что он, как юрист, искренне так считал³.

Однако у него хватало и оппонентов. Один из них, Ж. Пеле (*Pelet*), выступая 19 жерминаля (8 апреля) с большой речью о политическом положении страны, предлагал немедленно заслушать недавно избранную Комиссию семи, постатейно критиковал старую конституцию и говорил нечто совсем уж крамольное: «Не забудьте, что авторы конституции 93 года хотели увековечить власть в своих руках, и мы чувствуем, с какой тщательностью должны исследовать их творение». При этом особое внимание обращалось, например, на ст. 34, предусматривающую право на восстание. Его вывод: Конституции 1793 года срочно нужны дополняющие ее органические законы.

«Без сомнения, вы не считаете, – продолжал Пеле, адресуясь к Конвенту, – что авторы Конституции 1793 года имели привилегию

¹ Moniteur. № 194. Р. 791.

² Собуль А. Указ. соч. С.182.

³ Bredin J.D. Sieyès. La clé de la Révolution française. P., 1988. P. 358.

на непогрешимость; вы не считаете, что анализ и размышления не могут ее подправить с пользой для всеобщего блага». Он предлагал уже 1 прериаля (20 мая) созвать первичные собрания, которые избрали бы выборщиков. А перед теми, в свою очередь, необходимо, среди других, поставить и такой вопрос: «Нужно ли обновлять Национальный конвент на треть, на четверть или целиком каждый год?», а также два других – о целесообразности сохранения дистриктов и муниципалитетов (кроме центральных в кантоне)¹.

Таким образом, Конвенту практически предлагалось с ходу приступить к реформе местной администрации, одновременно признав свое бессилие выработать конституцию без притока свежей крови. Неслучайно в меморандуме, подготовленном для английского правительства по материалам докладов дипломатических агентов, на речь Пеле было обращено особое внимание. «Мы можем видеть близящееся падение республики», – гласил комментарий².

Однако для того, чтобы поставить под сомнение Конституцию 1793 года было еще слишком рано, и Ж.Б. Клозель (*Clauzel*) возмущенно бросает реплику из зала: «Я требую, чтобы оратор был призван к порядку; он высказывает мнения, результатом которых может стать изменение конституции». На что Пеле вполне законно выдвигает свои аргументы: «Вы же не подвергаете сомнению, что французский народ имеет право пересмотреть свою конституцию?» На этот раз сторонники пересмотра побеждают, поскольку, когда Ж.Э. Бар (*Bar*) утверждает, что тогда и инициатива пересмотра должна исходить от народа, в ответ ему несутся голоса: «Мы еще не перестали быть Национальным конвентом»³.

¹ *Pelet J.* Opinion sur la situation extérieure et intérieure de la France, avec quelques observations sur la constitution de 1793. P., III. P. 9 et suiv.

² Historical Manuscripts commission. Vol. III. P. 80.

³ *Moniteur*. № 202. P. 823-824. Месяцем позднее генерал Дюмуре напишет, что Конвент «крутился вокруг конституции 1793 года, как будто считал возможным положить ее в основу разумного управления. Тем временем адреса из департаментов и от секций Парижа, газеты, наконец, все трубы общественного мнения возвестили ему, что эта конституция – творение и опора тирании» (*Dumouriez Ch.F.* Lettre du Général Dumouriez au Traducteur de l'histoire de sa vie pour servir de suite au Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 148-149). И в самом деле, Конвент еще даже в

Здесь кажется уместной короткая ремарка. Как справедливо отмечал Б. Бачко, «отсрочить вступление конституции в силу после ее одобрения народом и, в то же самое время, расширить власть Конвента и провозгласить его несменяемым, было актами весьма сомнительной законности. В этом случае мы можем ставить вопросы о законности и других действий Конвента, в том числе провозглашения правительства “революционным до наступления мира”»¹. Иными словами, ведя разговоры о законности или незаконности пересмотра конституции, депутаты должны были отдавать себе отчет в том, что незаконным был уже сам отказ ввести Конституцию 1793 года в действие².

Помимо этого, формулировка «органические законы» была изящной, но мало что говорившей игрой слов. Не случайно популярный журналист Ж.Ж. Ленуар-Ларош отмечал: «Много говорят об органических законах к конституции. Сознаюсь, что не могу составить четкого представления о том, что понимается под этими словами. Мне кажется, что конституция должна сама в себе находить правила собственной организации, или же она не завершена. Что это за конституция, которой для существования требуется инородное ей приложение?»³. При этом заявления депутатов о том, что «цель органических законов – не изменять, не смягчать республиканскую конституцию, а обеспечить ее успех и долговечность», дать телу

флореале толком не определился, как надо реагировать на предложения пересмотреть Конституцию. Есть свидетельство современника о том, что тех, кто требовал Конституции 1793 года, в флореале обвинили в роялизме (*Vasselin G.V. Mémoires Révolutionnaires de la Convention*. P., 1797. Vol. 4. P. 189). В то же самое время появилась работа некоего Экеля, бывшего профессора истории, озаглавленная: «Необходимость Органических законов, или Конституция 1793 года, уличенная в якобинизме». *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 424.

¹ *Baczko B.* The Terror before the Terror? // *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture*. Oxford, 1994. Vol. 4. The Terror. P. 28-29.

² Об этом писали и в Комиссию одиннадцати. Так, например, один из ее корреспондентов напоминает, что само революционное правительство – это уже покушение на народный суверенитет, поскольку его ввели, не посоветовавшись с первичными собраниями. A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 27.

³ *Lenoir-Laroche J.J.* De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. P., III. P. 7.

душу¹, мало что могли прояснить. Ясно было только то, что скорее всего органические законы также будут выноситься на референдум².

23 жерминаля (12 апреля) разговор о конституции возобновляется. Характерно, что оба наиболее активных оратора – Мерлен из Дуэ и М.Ф. Бонгю (Bonguiot) – и на этот раз не ставили Конституцию 1793 года под сомнение. Как подчеркивал Мерлен, «речь отнюдь не идет о конституции, она сделана, и мы оживим ее, дадим ей жизнь и движение». Однако вновь упоминаются органические законы и первичные собрания³.

Меньше чем через неделю, 29 жерминаля (18 апреля) Комиссия семи наконец-то оказывается готова представить свой доклад Конвенту. Однако Камбасерес в своем выступлении от ее имени, как это ни удивительно, «вовсе не предлагал изменения Конституции. В его лице комиссия как бы признала свое бессилие или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана в другие руки»⁴. И в самом деле: выступление Камбасереса не может не поражать. Оно содержало широкий план разработки органических законов, касающийся едва ли не всех сфер управления. При этом депутат постоянно делал вид, что его комиссии поручили лишь изучить предмет, а разрабатывать сами законы должна какая-то совершенно иная комиссия, которой и адресованы все рекомендации. В качестве базы для них использовалась все та же Конституция 1793 года. Так, например, Камбасерес специально подчеркивал опасность принятия Законодательным корпусом актов, не утвержденных народом⁵.

¹ Thieriet C. Coup d'oeil sur les lois organiques à former par la Convention nationale, pour mettre en activité la constitution de 1793. P., III. P. 1.

² См., например: «И конституция, даже пересмотренная, и органические законы должны исполняться лишь после одобрения народом». Baudin P.-C.-L. Anecdotes et réflexions générales sur la constitution. P., III. P. 23-24.

³ Merlin P.A. (de Douai). Discours et projet de déclaration des principes essentiels de l'ordre social et de la République française. P., III; Bonguiot M. Motion d'ordre sur l'organisation de la Constitution républicaine. P., III.

⁴ Олар А. Указ. соч. С. 372.

⁵ Cambacérès J.J.R. Rapport sur le mode de préparer les lois organiques de la Constitution, et sur les moyens de la mettre partiellement et successivement en activité. P., III.

С логической точки зрения выступление более, чем странное: предложить создать комиссию, чтобы сделать то, для чего одна комиссия уже была создана. Обходится этот момент и в недавно опубликованных мемуарах Камбасереса: там лишь говорится, что «задача была не простой, а умы – трудноуправляемыми», что заставило его, в попытке примирить разногласия, ограничиться собственными размышлениями¹. Не исключено, что был прав Ларевельер-Лепо, считавший, будто Камбасерес, во-первых, не хотел ссориться с Сент-Антуанским предместьем, во-вторых, был уверен, что всякое промедление благоприятствует планам реставрации монархии, а в-третьих, в принципе не желал быть втянутым в столь щекотливое дело, для чего и предложил, чтобы члены будущей комиссии не могли совмещать несколько должностей, что благополучно позволило ему и Сийесу предпочесть работу в Комитете общественного спасения².

Так или иначе, после его доклада Конвент назначает новую комиссию из одиннадцати человек для подготовки все тех же органических законов. Хотела ли она на самом деле удовлетвориться принятием поправок к уже существующему тексту?³ Вопрос остается открытым. Ларевельер-Лепо и Тибодо утверждают в своих мемуарах, что с первых же дней и практически единогласно было решено подготовить совершенно новый основной закон страны⁴. Их свидетельства были бы более чем вескими, если бы они не были сделаны много позже описываемых событий.

¹ *Cambacérès J.J.R. Mémoires inédits. P., 1999. Vol. 1. P. 317, 318.*

² *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 228.* Замечу, впрочем, что в докладе Камбасереса запрет на совмещение должностей изначально не предусматривался, он выступил с этим предложением несколько позже, пояснив в мемуарах, что не только хотел сосредоточиться на работе в Комитете общественного спасения, но, прежде всего, ему был не близок дух разногласий, царивший в Комиссии одиннадцати. *Cambacérès J.J.R. Op. cit. P. 320-321.*

³ «Уничтожение закона, данного народу, – отметит позднее Буонарроти, – совершено той самой комиссией, которой было лицемерно получено озаботиться о его выполнении». *Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 122.*

⁴ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 229; Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 179.*

К тому же официальные ораторы Комиссии, как, скажем, Дону в флореале, отмечали, что она старается «выполнить задачу, которую вы перед ней поставили, с минимально возможными изменениями того, что существует сегодня». Не случайно первые проекты, представленные Комиссией Конвенту, касались, практически, только реформы Комитета общественного спасения¹. В ответ, чувствуя нерешительность Комиссии, депутаты стали ее торопить. Так, например, Фрерон предлагал, чтобы она представила окончательные результаты своей работы через два месяца – «и никакой иной отсрочки»². В то же время куда более реалистичный Ланжюине был уверен, что раньше чем через четыре месяца Комиссия свой труд не закончит³.

Подобная ситуация позволяет ряду историков оспаривать изначальное наличие планов составить принципиально новую конституцию – они либо называют другие даты, когда возникла эта идея⁴, либо считают, что в таком случае восставшие в прериале обязательно выступили бы против Комиссии⁵. Аргумент представляется мне достаточно весомым, особенно если вспомнить, что в восстании активно участвовали и некоторые депутаты Конвента, которые вполне могли быть осведомлены о происходивших в Комиссии дискуссиях.

С другой стороны, ничто не мешает прийти и к ровно обратным выводам: решив разработать новый текст, Комиссия оказалась вынуждена затратить намного больше времени, чем планировалось раньше, большинство восставших едва ли знали о том, что творилось в комитетах Конвента, да и вопрос о конституции в прериальские

¹ *Daunou P.C.F.* Rapport sur les moyens de donner plus d'intensité au gouvernement actuel. P., III. P. 2, 11-12; *Thibaudeau A.C.* Discours de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le gouvernement actuel. P., III. P. 16-19.

² *Fréron L.M.S.* Discours de Fréron, sur les plans de Gouvernement proposés par le représentant du Peuple Thibaudeau & par la commission des onze. P., III. P. 15.

³ *Lanjuinais J.D.* Opinion sur le gouvernement provisoire de la République. P., III. P. 3.

⁴ Скажем, для Ж.Д. Бредена это произошло не раньше 20-х чисел мая. *Bredin J.D.* Op. cit. P. 359.

⁵ *Олар А.* Указ. соч. С. 372. С ним солидарен и один из исследователей Конституции 1795 года К. Черч. *Church C.* Du nouveau sur les origines de la Constitution de 1795 // *Revue historique de droit français et étranger.* 1974. № 4. P. 607.

дни в любом случае не мог не возникнуть¹. Хотя бы потому, что в распространенном вечером 30 флореаля (19 мая) памфлете «Восстание народа с целью получения хлеба и восстановления его прав», была ссылка на ст. 23 и 35 старой Декларации прав, узаконивающие право народа на восстание². В то же время, по мнению Б. Бачко, с которым я полностью согласен, толпа, штурмовавшая Конвент под такими лозунгами, наглядно показала депутатам, что демонтаж системы Террора и отмена Конституции 1793 года – не что иное, как два аспекта одной проблемы³. Весьма достоверным мне видится и свидетельство американского генерального консула в Париже Дж. Монро. «Движения 12 жерминаля и 1 прериала, – писал он, – закончились благоприятно для целей революции, усилив правительство и обещая некоторые изменения в конституции 1793 года в соответствии с нашими принципами: разделение легислатуры на две ветви», что в настоящее время и обсуждает Комиссия одиннадцати⁴.

В итоге мне видится более вероятным, что именно прериаль послужил поворотной точкой в работе Комиссии, поскольку очевидно, что двухпалатную систему можно было ввести только в результате коренного пересмотра Конституции 1793 года.

Однако необходима одна оговорка. Для термидорианцев было весьма характерно ставить знак равенства между применением Конституции 1793 года и возвратом к системе Террора. Совсем иное дело, когда в это же искушение впадают историки. В этой связи вполне закономерным кажется вопрос, поставленный С. Абердамом и, как мне представляется, не вполне услышанный историками: если

¹ «Если говорить буквально, – отмечал в своем рапорте один из полицейских агентов, – то хлеб лежал в основе их восстания, однако Конституция была его душой». *Madelin L. La Révolution française*. P., 1979. Vol. 4. P. 219.

² *Baczko B. Comment sortir de la Terreur*. P. 308.

³ *Ibid.* P. 328. Можно сослаться также на новейшего французского исследователя этих проблем – Я. Боска, – по мнению которого, «восстание 1 прериала сыграло роль катализатора, но не являлось причиной решения порвать с Конституцией 1793 года». *Bosc Y. Boissy d'Anglas et le rejet de la Déclaration de 1793 // L'an I et l'apprentissage de la démocratie*. P. 393.

⁴ Об этом же он сообщает еще в нескольких письмах на родину, в том числе Т. Джефферсону и Государственному секретарю Э. Рандольфу. *Monroe J. The Writings*. Vol. II. 1794-1796. N.Y., 1899. P. 268, 283, 297-298.

в 1794 и 1795 годах применение этой конституции попросту означало новый Террор, почему же было необходимо в 1793 году, как раз перед переходом к системе революционного правительства, отсрочить вступление в силу того же самого текста¹?

Вопрос и в самом деле принципиальный. Мало кто в Конвенте в то время рассматривал Конституцию 1793 года непредвзято – скорее, это был документ с определенной репутацией, составленный вполне определенными людьми, принятый в определенных условиях и содержащий в себе отдельные положения (например, пресловутое право на восстание), которые термидорианцам казались максимально непрактичными или опасными. Сам же спор о «качестве» конституции, реальности ее применения и т.д. далеко не закончен, но, к сожалению, выходит за рамки данной работы.

В то же время следует отметить, что весной 1795 года в пользу якобинской конституции высказывались отнюдь не только в Конвенте. Немало реверансов в ее адрес содержат и письма, поступавшие Комиссии одиннадцати, особенно в флореале-прериале. Многие, прежде чем высказать свои предложения, обязательно подчеркивали нерушимость и незыблемость существующей конституции, свое неизменное уважение к ней². А часовщик Пэле из Дижона даже задавал робкий, хотя и несколько двусмысленный вопрос: «Если в конституции обнаружатся одна или две плохих статьи, вы же не будете ее трогать, поскольку она одобрена народом?». Однако тут же «подсказывал» Комиссии, как обойти эту проблему: ведь народ одобрил прежде всего принципы, на которых Конституция построена, а несколько статей можно без проблем и поменять. И уж во всяком случае, уверен он, наверняка будут приняты некие дополнительные законы, ведь в конституции есть статьи, поощряющие анархию³.

В переписке с Комиссией намечались и первые направления реформы. «После шести лет революции, – предлагал анонимный

¹ *Aberdam S. Guerre civile et légitimation: le cas de la constitution de 1793 // Constitution & Revolution aux États-Unis d'Amérique et en Europe (1776/1815). Macerata, 1995. P. 358.*

² См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 25. 11 floréal, an III.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 1. См. также: A.N., C 232, d.183 bis * 3/1. Doc. 2. Thorillon, ex-deputé, 5 floréal, an III.

автор, – начните с философии. Пришло время вернуть французскому народу мир и спокойствие, которые он заслужил своими бесчисленными жертвами»¹. «Франция, – с горечью отмечал другой, – как волнующееся море. Разрушены финансы, торговля, промышленность, сельское хозяйство, флот, внешние сношения»². В то же время корреспонденты напоминали, что в стране не хватает не только конституции, но и всего комплекса базовых законов: гражданского, уголовного, военного, сельского и торгового кодексов³.

Однако для Конвента принципиальной была именно конституция, чью судьбу и должна была решить Комиссия одиннадцати.

2. Комиссия одиннадцати

Статистический анализ биографий членов Комиссии одиннадцати дает результаты, во многом близкие показателям участников дебатов в целом. Средний возраст – 41 год. Большинство – юристы (восемь человек), пятеро избирались депутатами еще со времен Генеральных штатов, один был членом Законодательного собрания.

Различия проявляются при исследовании политической ориентации. Большинство членов Комиссии куда более гуманно, нежели основная масса депутатов, высказались по вопросу о судьбе короля: лишь четверо за смертный приговор без дополнительных условий, тогда как семеро выступали за апелляцию к народу и девять – за отсрочку приговора. Среди них больше бывших жирондистов или людей, близких к ним (пятеро), еще двое протестовали против изгнания «жирондистов» из Конвента. Не удивительно, что при диктатуре монтаньяров четверых было решено арестовать (правда, троим удалось скрыться, и в заключении находился лишь Дону), а Ларевельер-Лепо, как уже отмечалось, сам перестал посещать заседания Конвента.

¹ A.N., С 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 28. P. 15.

² A.N., С 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 31. Ср.: «Мы без правительства, без религии, без доверия, без финансов, без наук, без талантов, без сельского хозяйства, без торговли, без промышленности; мы без хлеба». *Langloys J.Th.* Des gouvernements qui ne conviennent pas à la France. P., 1795. P. 1.

³ A.N., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 3; Ibid., d.183 bis * 3/3. Doc. 92.

При Термидоре две трети членов Комиссии (семь человек) входили в Комитет общественного спасения, а один из них (Тибодо) еще и в Комитет общей безопасности. Впоследствии все избирались депутатами Совета старейшин или Совета пятисот, тогда как Ларевельер-Лепо входил в числе Директоров. Если учесть, что четверо членов Комиссии (Боден, Крезе-Латуш, Лесаж и Лувэ) умерло, так и не увидев Наполеона на троне, то дальнейшая карьера оставшихся в живых сложилась даже более успешно, нежели у остальных участников дебатов: двое стали пэрами Империи, четверо получили титул графа Империи, пятеро – Орден Почетного легиона. Всего двое высланы при Реставрации, тогда как трое других и в это время продолжали свою карьеру (из них двое стали пэрами Франции).

Однако это лишь общая статистика. И если в рамках данной монографии нереально более подробно остановиться на биографиях всех 123 депутатов, участвовавших в дебатах, то с членами Комиссии одиннадцати мы можем познакомиться поближе.

Теофиль Берлье (1761-1844) – адвокат, поначалу сидевший на левом фланге Конвента. Высказался за отсрочку приговора и за казнь короля, сопроводив свой голос следующей ремаркой: «Человечность страдает, но совесть приказывает». 5 июня 1793 года вошел в Комитет общественного спасения, однако после его реорганизации переизбран не был. Кучинский считает его «не совсем монтаньяром», хотя, «быть может, единственным республиканцем среди членов комиссии». В то же время Ж.Ф. Файяр отмечает, что Берлье вообще был «вне игры фракций», но очень ценился за юридическую компетентность¹.

Почти весь 1793 и 1794 годы провел в миссиях. После Термидора избирался Председателем Конвента, членом Комитетов по законодательству и общественного спасения. Впоследствии член Совета пятисот, избирался его секретарем и председателем. После прихода Бонапарта к власти – государственный советник. Резко выступал против провозглашения Империи и превращения власти Наполеона в наследственную. Тем не менее, в 1804 году получил титул Командора Ордена Почетного легиона, а в 1808 году – графа

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 574.*

Империи. После Реставрации выслан из страны, жил в Брюсселе. После Июльской революции вернулся во Францию, в 1836 году избран членом-корреспондентом Академии моральных и политических наук¹.

Пьер-Шарль-Луи Боден (1748-1799) – до Революции директор почт в Седане и его мэр. Депутат Законодательного собрания, был близок к жирондистам, особенно к Лувэ, в газете которого вел свою колонку. После избрания в Конвент современники обычно добавляли после его имени «из Арденн», чтобы отличать от однофамильца. Во время процесса Людовика XVI голосовал за тюремное заключение на время войны (с последующей высылкой из страны) и за апелляцию к народу. Поддержал обвинение Марата.

После Термидора избирался председателем Конвента, выступал за закрытие Якобинского клуба. В конце сессии высказался за всеобщую амнистию, которая и была декретирована. Ж.Р. Сюратто называл его «типичным “термидорианцем”». В одном из памфлетов Боден писал, что совершенно не ожидал избрания в Комиссию и с самого начала дискуссии старался привлечь внимание к необходимости «закончить революцию». Далее он отмечал, что «никакое предложение, никакие взаимоотношения не могут ни укрепить, ни ослабить то, что я не перестаю черпать в моей приверженности к республиканскому правлению»². Отметим, что ни один из доступных мне источников не дает оснований в этом усомниться.

Впоследствии член Совета старейшин³, где не раз давал отпор роялистским интригам. В одном из памфлетов V года Республики его охарактеризовали следующими словами: «Здравомыслящий, приятный писатель, враг анархии, но слишком часто – раб обстоятельств»⁴. Поддержал правительство в ходе переворота 18

¹ *Kuscinski A. Op. cit. P. 49; Robinet J.-F.-E. Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire. 1789-1815. P., 1899. Vol. 1. P. 159.*

² *Baudin P.-C.-L. Lettres de Baudin à Laharpe; et de Laharpe à Baudin. P., 1795. P. 6, 7.*

³ *Kuscinski A. Op. cit. P. 39; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 122.*

⁴ *Manuel des assemblées primaires et électorales de France, avec de notes sur les Factions d'Espagne, d'Orléans, etc.etc... Hambourg, s. d. [an V]. P. 25.*

фрюктидора, выступал против бабувистов. Член Института Франции со дня основания, талантливый публицист¹. О его смерти «Словарь французских парламентариев» интригующе пишет, что, узнав о возвращении Наполеона из Египта, «он испытал от этого такую радость, что сделал два дела, не свойственных его характеру, и тем же вечером умер от приступа подагры»². На самом же деле, он умер от сердечного приступа. Ж.Д. Гара (*Garat*), депутат, произносивший надгробную речь, заявил, что его убило «потрясение от радости», а временные Консулы воздали ему «почести, достойные его добродетелей»³.

*Франсуа-Антуан Буасси д'Англа*⁴ (1756-1826) – адвокат, протестант, член Института, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах. До Революции был известным публицистом, членом сразу нескольких провинциальных Академий и Парижской Академии надписей и изящной словесности. 27 декабря 1791 года заявлял, что «предан конституции и рассматривает ее как самое прекрасное творение, которое только люди могли создать»⁵ (разумеется, он имел в виду монархическую Конституцию 1791 года, принятую Учредительным собранием).

В Конвенте нередко голосовал солидарно с жирондистами. На процессе короля высказался за тюремное заключение и депортацию после наступления мира, а также за отсрочку приговора. Поддержал обвинение против Марата. Во время диктатуры монтаньяров сравнивал Робеспьера с Орфеем, чего ему долго не могли простить, а некоторые эмигранты и после Термидора причисляли Буасси к робеспьеристам⁶. В то же время есть упоминания о том, что Буасси д'Англа

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 569.*

² *Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les Membres des Assemblées français et tous les Ministres français depuis le 1er Mai 1789 jusqu'au 1er Mai 1889. P., 1890. Vol. 1. P. 201-202.*

³ *Suratteau J.-R. Baudin // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française (далее – DHRF). P., 1989. P. 97-98.*

⁴ Таково написание его фамилии в русской традиции, однако в Ардеше, его родном департаменте, она произносится как Буасси д'Англас.

⁵ *Dictionnaire des parlementaires français... Vol. 1. P. 368.*

⁶ См., например: Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 74/6. Д. 441. Л. 26.

якобы направил в избравший его департамент письмо с протестом против тирании Горы и был спасен от репрессий только благодаря вмешательству Ж.А. Вулана из Комитета общей безопасности.

Будучи избран после Термидора в Комитет общественного спасения, отвечал за снабжение продовольствием и так, с точки зрения общественного мнения, запустил дела¹, что прозвище, которым наградил его народ, «Буасси-голод», было в ходу даже при Директории. «Комитет общественного спасения, – сообщали в Петербург из Генуи в марте 1795 года, – с величайшей неосторожностью поручил заботы о снабжении Парижа Буасси д'Англа, самому неподходящему во Франции человеку для этого дела»². Примерно в это же время за Буасси постепенно закрепляется репутация роялиста³.

Его мужество в прериале III года, когда он, будучи председателем Конвента, не испугался инсургентов и с уважением склонился перед насаженной на пикую голову убитого ими депутата, сделали его одной из самых популярных политических фигур. «Этот человек, – писал Лезей-Марнезия, – который был столь велик, когда Конвент был столь незначителен, казалось, не обращал внимания на свое величие, и публика, не признающая более ничего, кроме крупных преступлений, едва говорила о Буасси; но будущее, способное судить более беспристрастно, чем современность, без сомнения, отберет его у века, к которому он не принадлежал»⁴. «Его ненависть к тирании,

¹ Об этом же кроме А. Кучинского пишут такие разные авторы, как Баррас и Бодо: *Barras P. Mémoires de Barras, membre de Directoire. P., 1895. Vol. 1. P. 228; Baudot M.A. Op. cit. P. 265.* Было бы странно обвинять в этом исключительно Буасси, но ситуация со снабжением столицы и в самом деле была чрезвычайно серьезной. Дело дошло до того, что Комитет Общественного спасения (!) организовал раздачу масла, сахара и риса нуждающимся членам Конвента. *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 214.*

² АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 92. Л. 121.

³ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 232-233; Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 179; Granier de Cassagnac A. Histoire du Directoire. P., 1851. Vol. 1. P. 73.* В работах Буасси, опубликованных уже после Реставрации, этому можно найти немало подтверждений, хотя это мало что доказывает. См., например: *Boissy d'Anglas F.A. Essai sur la vie, les écrits et les opinions de M. de Malesherbes, adressé à mes enfants. P., 1819. P. 284-285.*

⁴ *Lezay-Marnezia A. de. Les ruines ou Voyage en France, pour servir de suite à celui de la Grèce. 4e édition. P., IV. P. vij.*

– говорится в одном из позднейших памфлетов, – и его уважение к правам Народа, которые он защищал с такой смелостью и стойкостью в самые бурные эпохи революции, снискали ему всеобщее уважение»¹.

Впоследствии депутат Совета пятисот, избирался его председателем. «Совет пятисот, ставя вас во главе, – напишет один из его корреспондентов в фрюктидоре IV года, – дал понять, что честные люди, друзья порядка и Конституции, услышаны. Так пусть же наступит эпоха искреннего и длительного возвращения к принципам справедливости, о которых напоминает уже само ваше имя!»². После разгрома «клишьенов»³ Буасси оказывается в тюрьме на острове Олерон. Его бумаги захвачены полицией, однако, в них мне не удалось обнаружить ни малейшего намека на связи с роялистами⁴; в то же время известно, что еще в 1795 году, как минимум, конституционные монархисты состояли с ним в переписке и высоко его оценивали. Так, например, П.В. Малузэ писал в то время Малле дю Пану: «Буасси д'Англа – один из самых честных людей в Конвенте (это не о многом говорит, однако он, по крайней мере, не голосовал за казнь короля и первым начал произносить разумные речи в этом собрании каннибалов)»⁵. После 18 брюмера освобожден. Член Трибуната и Сената (1804), граф Империи (1808), Великий Командор Ордена Почетного Легиона (1811), пэр во время Ста дней и после Реставрации⁶.

Л.С. Мерсье писал о нем: «Никогда республика не подвергалась такой опасности, как когда действовал этот коварный и хладнокров-

¹ Manuel des assemblées primaires... P. 23.

² A.N., F7 4606, d.3, corpet 231.

³ Начиная с осени 1795 года на улице Клиши собирался неформальный клуб, объединявший конституционных монархистов, включая бывших фейянов. После переворота 18 фрюктидора большинство из них было выслано из страны, заключено в тюрьмы или исключено из Законодательного корпуса.

⁴ Что, разумеется, может говорить как о том, что подобных документов не существовало в природе, так и об осторожности самого Буасси. A.N., F7 4606.

⁵ Malouet P.V. Mémoires de Malouet. P., 1874. Vol. 2. P. 440.

⁶ Kuscinski A. Op. cit. P. 66; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 214-215; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 1. P. 368; Dorigny M. Boissy d'Anglas // DHRF. P. 127-128.

ный негодай», и считал его вторым Монком и англоманом¹. Зато Ларевельер-Лепо, напротив, не сомневался, что Буасси достоин всяческого уважения за свое поведение во время прериальского восстания, хотя и замечал, что тот подозрительно быстро изменил свои взгляды после 9 термидора – вполне естественный упрек со стороны человека, пострадавшего при монтаньярах за свои убеждения². Левые французские историки так до сих пор и не могут простить Буасси речи в Конвенте, произнесенной 17 термидора (4 августа 1795 года), в которой он показал себя непримиримым сторонником сохранения колоний³; большинство же причисляет его к умеренным депутатам⁴.

Любопытно, что для советской историографии Буасси оказался милее многих других термидорианцев. «Осторожный, сдержанный, усиленно готовивший себя к почетным нейтральным или центральным ролям, – писал о нем Е.В. Тарле, – Буасси д'Англа был, по сравнению с правыми термидорианцами, менее замаранным человеком. [...] В нем все же было меньше азартной ненависти, не было той злой злобы, характерной для подлинных ренегатов, вроде Фрерона»⁵.

Отметим, что современники нередко связывали новую конституцию именно с Буасси: остряки называли ее, намекая на заикание депутата, «конституция Бабебибобу»⁶, а политические противники возлагали на него ответственность за ее разработку. Так, например, Бабеф вопрошал: «Чем и когда искупит Буасси преступление, которое он совершил, дав жизнь этому кодексу угнетения, который оценили по достоинству, окрестив его именем автора?»⁷.

Неоднозначную реакцию вызывало у современников и умение Буасси приспособиться к различным политическим режимам. Так,

¹ *Mercier L.S.* Paris pendant la Révolution (1789-1798) ou Le Nouveau Paris. P., 1862. Vol. 2. P. 47.

² *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 220, 232.

³ См., например: *Gauthier F.* Triomphe et mort du droit naturel... P. 270-280.

⁴ См., например: *Sydenham M.J.* The First French Republic. L., 1974. P. 326; *Brunel F.* Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne. P. 465.

⁵ *Тарле Е.В.* Жерминаль и прериаль. С. 61.

⁶ При этом для некоторых современников было очевидно, что Буасси не писал свои самые известные речи. *Meister H.* Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). P., 1910. P. 102.

⁷ *Бабеф Гракх.* Указ. соч. Т. 4. С. 50.

граф д'Аллонвиль с немалой иронией цитирует в своих мемуарах фразу Буасси о Конституции III года: «Если это правление рухнет, у нас останется выбор лишь между чашей Сократа, кинжалом Брута и секирой Сиднея», добавляя: «Выбор, которому он впоследствии весьма мудро предпочел титул пэра Франции»¹.

Оценки историков и современников настолько неоднозначны, что здесь, как и при прочтении биографических справок о других членах Комиссии, может возникнуть закономерный вопрос: так кем же все-таки был этот человек, о политических взглядах которого нам приходится судить по набору столь разноречивых сведений? Мне все же кажется, что, если присмотреться внимательно, то в калейдоскопе мнений всегда можно различить некую доминанту. Для Буасси д'Англа такой доминантой будет прожирондистская, а затем и пророялистская ориентация в соединении с большой долей личного мужества. Впрочем, его характеру присуща и немалая доля конформизма.

«Великий нотабль-либерал» – озаглавила свою книгу о нем К. Ле Бозек². Что ж, можно сказать и так.

Пьер Клод Франсуа Дону (1761-1840) – именно на его долю выпало изо дня в день отвечать в Конвенте критикам проекта Комиссии. При этом он неизменно проявлял тонкий ум, находчивость и удивительное, по мнению Ларевельера-Лепо, знание мельчайших деталей общественного устройства, равно как и предметов высшего порядка, а также большой талант аналитика³. «Он вел с трибуны дискуссию, – отмечал Кучинский, – демонстрируя при этом столько же таланта, сколько и компетентности в вопросах конституционного права».

Дону принимал непосредственное участие в создании Института и стал его первым председателем. Еще осенью 1789 года опубликовал брошюру «Общественный договор французов»⁴. На

¹ Allonville A.F. Op. cit. Vol. 3. P. 345.

² Le Bozec C. Boissy d'Anglas, un grand notable libéral.

³ Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 235-236.

⁴ Baczko B. Le contrat social des Français: Sieyès et Rousseau // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Oxford, 1987. Vol. 1. P. 492.

процессе Людовика XVI голосовал за тюремное заключение до наступления мира, за отсрочку приговора и против апелляции к народу. При жирондистах и после 9 термидора много занимался вопросами общественного образования. Будучи лишен полномочий за протест против ареста «жирондистов», к которым был близок¹, провел в тюрьме 14 месяцев. Вернулся в Конвент только в конце 1794 года и «очень быстро стал одним из наиболее видных депутатов»², членом Комитета общественного спасения. Мадам де Сталь сравнивала Дону, Буасси и Ланжюине с «лучами свободы над Францией»³ и даже предсказывала их назначение Директорами⁴, для чего, правда, у Дону не было легальных оснований, так как он не проходил в Директорию по возрасту. Добавим, что Дону был давним сподвижником Сийеса⁵, хотя в ходе дискуссии и не поддержал его конституционный проект.

До Революции ораторианец, профессор философии (1784), впоследствии член и председатель Совета пятисот, активный участник комиссии по выработке Конституции VIII года, член и председатель Трибуната, профессор Эколь сентраль (1796), главный администратор библиотеки Пантеона (1796), архивист Империи (1804). Награжден Орденом Почетного Легиона. Трижды Наполеон предлагал ему место в Государственном совете, и трижды Дону отказывался, оставаясь верным своим принципам. Один раз это даже заставило Первого Консула раздраженно воскликнуть: «Я предлагаю вам это место не потому, что люблю вас, а потому, что нуждаюсь в вас».

После Реставрации Дону – член палаты депутатов (1819-1823, 1828-1834), профессор истории Коллеж де Франс (1819); при Июльской монархии – главный хранитель королевских архивов (август

¹ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 285.*

² *Dorigny M. Daunou // DHRF. P. 324.*

³ *Staël A.L.G. de. Op. cit. P. 318.* В этой связи любопытно, что Ларевельер-Лепо проводил очень четкую границу, по одну сторону которой были он и Дону – настоящие республиканцы, а по другую – Буасси и другие сторонники монархии. Он же отмечал противостояние между Ланжюине и Дону. *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 207, 209.*

⁴ *Lacretelle Ch. Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842. P. 252.*

⁵ *Clapham J.H. The Abbé Sieyès. An Essay in the Politics of the French Revolution. L., 1912. P. 166.*

1830), главный редактор *Journal des savants*, член Академии моральных и политических наук (1832), постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности (1838), пэр Франции (1839). В своем завещании он распорядился, чтобы его похоронили без всяких церемоний и чтобы над его могилой не произносилось никаких речей¹. «Мало политиков имело меньше врагов, чем Дону», – отмечают авторы одного из биографических словарей².

Можно добавить, что эта яркая личность незаслуженно, как мне кажется, обойдена вниманием историков. Если не считать достаточно поверхностной диссертации юриста Ж.П. Клемана³, то последняя из известных мне биографий Дону была издана Тайандье в 1841 году⁴.

Пьер-Гуссен Дюран-Майян (1729-1814) – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия. В Конвенте сидел сначала рядом с Ж. Петионом, потом отделился от жирондистов и перебрался на Равнину. Голосовал за содержание короля в тюрьме до заключения мира с дальнейшей депортацией и за отсрочку приговора.

Хранил молчание до самого падения Робеспьера. Именно он произнес Тальену и Бурдону накануне переворота знаменитую фразу: «Мы вам поможем, если вы возьмете верх, но не станем помогать, если окажетесь слабее». А 9 термидора, когда Робеспьер бросил призыв к «добродетельным людям», ответил ему другой, не менее известной репликой, на этот раз послужившей сигналом для восстания: «Негодяй! Добродетель, чье имя ты осквернил, должна привести тебя на эшафот!».

Впоследствии Дюран-Майян – один из самых влиятельных деятелей Конвента⁵, Б. Бачко даже называет его «рупором (*porte-parole*) Равнины»⁶, а Матъез отмечает, что он день ото дня завоевывал доверие «реакционеров», которые признавали его за одного из своих

¹ Kuscinski A. Op. cit. P. 178; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 557; Bouvier P. Les papiers de Daunou à la Bibliothèque Nationale // La Révolution française. 1912. Vol. 63. P. 455; Allegret M. Daunou // Le souvenir napoléonien. Février 1987. N° 351. P. 35-36.

² Dictionnaire des parlementaires... Vol. 2. P. 268-269.

³ Clement J.P. Op. cit.

⁴ Taillandier A.H. Documents biographiques sur P.-C.-F. Daunou. P., 1841.

⁵ Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 785.

⁶ Baczkowski B. Comment sortir de la Terreur. P. 148.

руководителей¹. Большую часть III года он провел в миссии, где усердно искоренял остатки Горы и покровительствовал Товариществам Иисуса. Несмотря на это, его политическая ориентация оказывается весьма расплывчатой. Как полагает, например, Гранье де Кассаньяк, он был «роялистом по внутреннему ощущению, нерешительным по характеру и демократом по поведению»² – полная эклектика.

Параллельно с работой в Комиссии одиннадцати Дюран-Майан усердно участвовал в деятельности Комитета по законодательству и часто бывал его докладчиком. По его собственному признанию, не ожидал, что будет включен в Комиссию, считал, что Конституция 1791 года – «самый прекрасный памятник человеческой доблести»³. По мнению ряда историков, был значительно более правым, чем другие члены Комиссии⁴.

Впоследствии, будучи избран в Совет старейшин, уличен в сношениях с эмиссарами Людовика XVIII. После 18 фрюктидора на некоторое время заключен в Тампль, но преклонный возраст помог ему избежать депортации – в феврале 1798 года выпущен на свободу (в частности, не без помощи Бодена). Приветствовал переворот 18 брюмера, однако при Наполеоне ему далеко продвинуться не удалось⁵.

Жак-Антуан Крезе-Латуш (1749-1800) – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, член Якобинского клуба с 1790 года. В Конвенте сидел среди умеренных. Голосовал за обвинение Марата, по поводу участи короля высказался за тюремное заключение до наступления мира и высылку, а также за отсрочку и апелляцию к народу. Считался специалистом по проблемам торговли, отстаивал свободную торговлю продовольствием (вплоть до весны 1793 года). Он был близок к жирондистам, однако из

¹ *Mathiez A. Quelques lettres de Durand de Maillane // La Révolution française. 14.X.1900. Vol. 39. № 4. P. 295.*

² *Granier de Cassagnac A. Op. cit. P. 73.*

³ *Durand de Maillane P.T.S. Histoire de la Convention Nationale. P., 1825. P. 275, 292.*

⁴ См., например: *Church C. Op. cit. P. 609.*

⁵ *Kuscinski A. Op. cit. P. 233; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 718; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 2. P. 521.*

осторожности отказался к ним примкнуть, оставшись другом семьи Роланов и приняв их маленькую дочку после смерти супругов¹. В своих мемуарах Ларевельер-Лепо назовет его истинным сторонником свободы, человеком моральным и не чуждым философии². Один из более поздних памфлетов характеризовал его, как человека «безупречных нравов, мягких привычек и огромных талантов, что снискало ему уважение всех добродетельных людей Франции»³.

После Термидора Крезе-Латуш избирался в Комитет общественного спасения. Член Института со дня основания. Впоследствии член Совета пятисот и Совета старейшин, активно поддержал переворот 18 фрюктидора. При Консульстве вошел в состав Сената⁴.

Жан-Дени Ланжюине (1753-1827) – адвокат, с девятнадцати лет доктор права, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, один из основателей Бретонского клуба. В Учредительном собрании резко выступал против привилегий и за равенство в правах для цветного населения колоний. В 1791 году примкнул к фейянам.

Сразу после избрания в Конвент отказался принести клятву в ненависти королевской власти. Голосовал за лишение короля свободы до наступления мира, затем за депортацию и за отсрочку приговора. Пытался потребовать, чтобы король мог быть осужден только $\frac{3}{4}$ голосов.

Близок к жирондистам, вместе с ними выступал против сентябрьских убийств и Робеспьера. Протестовал против создания Революционного трибунала, высказался за обвинение Марата. Рассказывают, что однажды ему случилось оказаться у одного и того же торговца книгами вместе с другим депутатом, якобинцем Лежандром, которого Ланжюине откровенно не любил. Раскрыв том Монтескье, Лежандр поинтересовался, согласен ли Ланжюине со словами философа о том, что «кто правит свободными людьми, тот сам должен быть свободен». «Они бессмысленны, – якобы ответил Ланжюине, намекая на то, что до того, как заняться политикой, его

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 738.

² *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 295.

³ *Manuel des assemblées primaires...* P. 35.

⁴ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 163; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 506; *Dorigny M.* Creuzé-Latouche // DHRF. P. 311.

недруг был простым мясником, – это все равно как если бы сказать: кто хочет убивать откормленных быков, тот сам должен быть хорошо откормлен!»¹

Стал одной из центральных фигур заседания 2 июня 1793 года. Резко выступив против Коммуны, отказался подчиниться декрету об аресте и скрывался 18 месяцев в своем доме, тогда как его мать, сестра и брат были арестованы. Некоторые, например Тальен, обвиняли Ланжюине в роялизме², но Лувэ и Сийес, напротив, его защищали. Издатель его трудов, Виктор Ланжюине, уверен, что в III году он был «искренне предан республике»³.

В одном из писем, адресованных Ланжюине в июле 1795 года, говорилось: «Гражданин, я не знаком с вами лично, но знаю вместе со всей республикой и вашу смелость при отстаивании принципов, и успех, который не раз стяжал ваш талант»⁴. Автор другого письма, поступившего на его имя в Комиссию одиннадцати, характеризовал Ланжюине следующим образом: «Человек великого характера, праведного духа, щедрого сердца. День, когда вы вновь появились в Конвенте был днем, когда все сердца стали открыты надежде»⁵.

Член Института со дня основания. Впоследствии депутат Совета старейшин (за него проголосовали 73 департамента). Поддержав 18 брюмера, стал сенатором (1800). Выступал против пожизненного Консульства и провозглашения Империи; его числили, наряду с Б. Констаном и Вольнеем, в рядах либеральной оппозиции Империи. Тем не менее, в 1808 году он получил титул графа Империи, стал командором Ордена Почетного легиона и членом Института.

Во время Ста дней председатель Палаты депутатов. Пэр Франции при Людовике XVIII. Продолжал отстаивать либеральные взгляды, протестовал против казни маршала Нея, отстаивал свободу прессы. Когда в 1818 году бывший депутат Конвента К. Глейзаль (*Gleizal*) собирал по подписке деньги для их общих коллег,

¹ Всемирное остроумие. М., 1999. С. 161.

² Сходного мнения придерживался и Тибодо. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 179.

³ *Lanjuinais J.D. Œuvres*. P., 1832. Vol. 1. P. 53.

⁴ *Ibid.* P. 455.

⁵ A. N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 26.

пострадавших от высылки из страны, Ланжюине не преминул принять в этом участие¹.

Луи-Мари Ларевельер-Лепо (1753-1824) – адвокат, профессор ботаники в Анжере, член Института со дня основания, депутат Генеральных штатов от третьего сословия². Есть свидетельства о том, что до 1789 года постоянно мечтал уехать в революционную Америку, но события на родине изменили его планы.

На процессе короля голосовал за смертную казнь и против отсрочки приговора. Выступал против создания революционных трибуналов, за обвинение Марата. Был близок к жирондистам³. В феврале 1793 года Ларевельер опубликовал статью против Робеспьера, озаглавленную «Кромвелизм». После 31 мая постоянно требовал поименного голосования; затем покинул Конвент, заявив, что ноги его там не будет, покуда туда не вернется свобода. Когда приняли декрет о его аресте, он скрылся и был объявлен вне закона. Вернувшись после 9 термидора, стал, наряду с Сийесом и Камбасересом, одним из новых лидеров Конвента⁴, где председательствовал и входил в Комитет общественного спасения.

Впоследствии депутат Совета старейшин, первый в списке Совета пятисот на избрание Директором (получил 216 из 218 голосов). Один из инициаторов государственного переворота во фрюктидоре V года Республики (сентябре 1797 года). Журналисты частенько издевались тогда над его стремлением к популярности; стоило ему заявить, что он слышал крики: «Да здравствует Ревельер⁵», одна из

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 369; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 314-315; *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 3. P. 578-579; *Dorigny M.* Lanjuinais // DHRF. P. 641-642.

² В те годы он был настолько неизвестен, что *Moniteur* называл его г-н де Лепо. *Granier de Cassagnac A.* Op. cit. Vol. 1. P. 168.

³ *Mathiez A.* Le personnel gouvernemental du Directoire // AHRF. 1933. Vol. X. P. 392.

⁴ *Dawson Ch.* The Gods of Revolution. L., 1972. P. 115.

⁵ Написание фамилий политических деятелей в принципе было во время Революции весьма вольным: в *Moniteur* даже в пределах отчета об одном заседании Конвента фамилию депутата могли написать по-разному. Если же в фамилии встречались частицы «la» или «de», вариации были практически неизбежны.

газет тут же написала, что «он был единственным, кто слышал этот возглас»¹.

Современники отзывались о Ларевельере-Лепо весьма неоднозначно. Барон де Барант считал его «жирондистом скорее по сходству мнений, нежели в силу групповых связей», и отмечал, что после возвращения в Конвент «он, прежде всего, доверял партии умеренных». «В комиссии, – пишет далее тот же автор, – он проявил себя, в первую очередь, противником демократических предрассудков и принципов анархического равенства; позднее страх реакции и мысль, что контрреволюция возможна, отбросили его к старым якобинцам, и он стал первым кандидатом в Директорию. Это был человек хилый, уродливый, с неприятной внешностью. Когда-то он пробовал стать адвокатом, затем сделался понемногу писателем, ученым и философом; посредственный во всем; он был лжив, занудлив и полон любви к себе»².

А.Д. Лаффону-Ладеба он запомнился как «лицемер, присвоивший себе, не знаю уж как и почему, репутацию мудреца. Страх сделал его жестоким варваром»³. Л. Карно называл его «наглым и безобразным, желчным и неопытным»⁴, Бодо – «безрассудным теософом»⁵, А. Даникан – человеком «слабой закалки с холодным и мертвенно-бледным лицом»⁶. Граф д'Аллонвиль считал, что это был «тихопомешанный, упрямец, лишенный характера, практически полностью погруженный в смешную идею создать новый культ, как будто культ может существовать без традиции», «гротескный персонаж»⁷.

Особенно много насмешек вызывало его стремление стать основателем новой религии – теофилантропии. Тот же д'Аллонвиль

¹ *Suratteau J.-R.* La Revellière-Lépeaux // DHRF. P. 645.

² *Barante A.G.P.* Histoire du Directoire de la République française. P., 1853. Vol. 1. P. 14.

³ *Laffon-Ladebat A.D.* Op. cit. P. 79. Впрочем, имеет смысл сделать поправку на то, что автор был выслан после переворота 18 фрюктидора.

⁴ Цит. по: *Kuscinski A.* Op. cit. P. 374.

⁵ *Baudot M.A.* Op. cit. P. 118.

⁶ *Danican A.* Notice sur le 13 vendémiaire, ou les parisiens vengés. S. l., 1796. P. 48.

⁷ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 52.

вспоминает ходившую в то время анаграмму: «остряки сделали из теофилантропа “кучу дураков” (*filoux en troupe*)»¹. Талейран же, выслушав проекты Ларевельера, якобы сказал: «Позволю себе сделать вам одно замечание: Иисус Христос, чтобы основать свою религию, умер на кресте и воскрес; я полагаю, что вам надобно попытаться сделать то же самое»².

Хотя негативные и ироничные оценки, пожалуй, доминируют, встречаются и другие. Так, например, Л. Приюдом рисует Ларевельера-Лепо человеком скромным, врагом роскоши и неутомимым работником, подчеркивая, что «он ушел из Директории столь же бедным, как и вступил в нее»³.

Своеобразным третейским судьей здесь может выступить Наполеон, отмечавший как положительные, так и отрицательные стороны Ларевельера-Лепо. Император вспоминал на острове Святой Елены: «Он был из очень мелкой буржуазии, маленький, горбун, с самой неприятной внешностью, какую только можно себе представить. Писал он посредственно; его крутозор был неширок, он не имел ни привычки к делам, ни знания людей. Сад цветов Теофилантропии, новой религии, основателем которой он маниакально хотел стать, занимал все его мысли. В остальном же он был горячим и искренним патриотом, честным человеком, сведущим и порядочным гражданином; бедняком он стал членом Директории и бедняком оставил ее. Природа снабдила его характером лишь в той мере, чтобы быть подчиненным»⁴.

С его основной профессией ясности нет. Показательно, что если А. Фантен-Дезодоар запомнил, что в списке Директоров Ларевельер числился адвокатом⁵, то Приюдом уверен, что он был там записан

¹ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 52. Любовь Ларевельера к теофилантропии делала его мишенью и многих карикатур (*Vovelle M.* La Révolution Française. Images et recit. P., 1989. T. V. P. 23).

² Всемирное остроумие. С. 183.

³ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 11. P. 16.

⁴ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 207.

⁵ *Fantin-Desodoards A.* Histoire de la République française, depuis la séparation de la Convention Nationale jusqu'à la Conclusion de la Paix entre la France et l'Empreur. P., 1798. P. 19.

ботаником¹. Также не совсем ясна и его политическая ориентация. Если Даникан считал его якобинцем², то Фантен-Дезодор, напротив, был уверен, что это для Ларевельера наименее подходящая характеристика³. По словам К.Ф. Болью, однажды во время дискуссии в Конвенте Ларевельер якобы сказал ему, что они сделали глупость, захотев учредить республику, несмотря на то, что Конвент в том составе, в котором он был, и не мог предложить монархию. В том же разговоре Ларевельер будто бы обещал приложить все усилия, чтобы поставить во главе страны президента, но потом, вспоминает Болью, испугался и выступил против подобной идеи⁴.

Та же неясность и с мотивами его избрания в Директорию. Стал ли он ее членом, как представитель «золотой середины»⁵ или же как жертва 31 мая⁶, то есть как некий гарант против репрессий, поскольку сам был репрессирован при диктатуре монтаньяров⁷? Вопрос до сих пор открыт, хотя Матьез и предложил на него в свое время довольно-таки остроумный ответ: «Наиболее посредственные, как это часто бывает, получают больше голосов, чем люди способные и энергичные»⁸.

Отказавшись присягнуть Империи, Ларевельер-Лепо сошел с политической сцены и в 1804 году был уволен из Института, хотя известно, что Фуше обещал ему пенсию, если только тот попросит ее у Наполеона. Ко времени Реставрации он настолько отошел от дел, что даже не был выслан из страны как цареубийца⁹.

¹ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 11. P. 2.

² *Danican A.* Le fléau des tyrans et des septembriseurs, ou Réflexions sur la Révolution française. Lausanne, 1797. P. 38.

³ *Fantin-Desodoards A.* Op. cit. P. 7.

⁴ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 248-249.

⁵ *Woronoff D.* La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire. P., 1972. P. 49. Ср.: «Ларевельер-Лепо был избран в Директорию за республиканизм, что было более доказано, чем его способности». *Doyle W.* The Oxford History of the French Revolution. Oxford, 1989. P. 321.

⁶ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 2. P. 511.

⁷ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 247.

⁸ *Mathiez A.* Le personnel gouvernemental du Directoire. P. 388. Жаль лишь, что Матьез не указал, к какой категории он относит, например, Барраса.

⁹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 374; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 324-325; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 3. P. 594-596.

Дени-Туссен Лесаж (1758-1796) – адвокат, в Конвенте сидел на Равнине, был связан с жирондистами. Голосовал за казнь короля с отсрочкой приговора, за апелляцию к народу. После принятия 2 июня 1793 года декрета о его аресте бежал, скрывался в Бретани, был объявлен изменником родины и поставлен вне закона.

После 9 термидора избирался в Комитет общественного спасения. По мнению Кучинского, в Комиссии представлял сторонников монархии, наряду с Ланжюине и Дюран-Майяном¹. Впоследствии избран депутатом Совета пятисот 54 департаментами².

Жан-Батист Лувэ (1760-1797) – писатель, издатель, член Института. Один из наиболее страстных жирондистских³ ораторов. На процессе короля голосовал за казнь со множеством оговорок, за апелляцию к народу и отсрочку. В Конвенте неоднократно выступал против Марата, Дантона и, в особенности, Робеспьера, которому не мог простить своего исключения из Якобинского клуба за аморальность написанных им произведений, но отказался принимать участие в поименном голосовании по поводу осуждения Марата, так как считал себя его личным врагом. Редактор газеты *La Sentinelle*.

Во время диктатуры монтаньяров объявлен вне закона. Вместе с М.Э. Гюаде, Ш.Ж.М. Барбару и Ф.Н.Л. Бюзо бежал в департаменты, приложил немалые усилия для организации там сопротивления, а затем принял спасшее ему жизнь решение вернуться в Париж, где и скрывался до падения Робеспьера.

В термидорианский период стал объектом нападков «золотой молодежи»⁴. Когда она пришла под его окна исполнять

¹ Не исключено, что Кучински основывался на мемуарах Тибодо, в которых тот пишет: «В комиссии одиннадцати была монархическая партия. Она состояла из Лесажа из Эр-и-Луара, Буасси д'Англа и Ланжюине. Я не говорю о Дюран-Майяне, чье мнение не принималось в расчет». *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 179. Считает его роялистом и Гранье де Кассаньяк. *Granier de Cassagnac A.* Op. cit. Vol. 1. P. 73.

² *Kuscinski A.* Op. cit. P. 402-403; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 419; *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 4. P. 127.

³ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 285. Гранье де Кассаньяк замечает по этому поводу: «Лувэ был жирондистом, иначе говоря, честолюбцем без точных и твердых убеждений». *Granier de Cassagnac A.* Op. cit. Vol. 1. P. 73.

⁴ *Dauban C.A.* Paris en 1794 et en 1795. P., 1869. P. 573.

«Пробуждение народа»¹, Лувэ в ответ запел «Марсельезу». Избирался председателем Конвента и членом Комитета общественного спасения. Один из немногих членов Комиссии одиннадцати, в верности которого республике не сомневался практически никто². Прекрасно отдавая себе отчет в том, что Конституция не лишена недостатков, делал все, чтобы защитить ее как в прессе, так и в своих речах. «Конституция III года составлена, и это правда, для спокойных времен, но она была и остается единственным убежищем, единственным пристанищем республики в революционных бурях»³, – писал он менее чем через год после ее принятия.

Избранный в Совет пятисот восемью департаментами, он через два года умер, не выдержав, по мнению Кучинского, многочисленных нападков. После его смерти газета *l'Ami des lois* писала: «Республика потеряла одного из своих самых горячих защитников»⁴, а *Journal des hommes* посвятила ему следующие строки: «Лувэ мертв; он умер от чрезмерного труда. Он был одним из первых, кто разоблачил роялистский характер реакции»⁵.

И, наконец, *Антуан-Клэр Тибодо* (1765-1854) – адвокат. В мае 1789 года сопровождал в Версаль своего отца, избранного депутатом от третьего сословия в Генеральные штаты. Уже с первых лет Революции предпочитал общество левых депутатов Учредительного собрания (Бюзо, Ж. Петiona, Робеспьера). Если верить Бодо, в Конвент Тибодо приходил в карманьоле, что делали, помимо него, еще максимум шесть депутатов. «Тибодо, – отмечает тот же автор, – который с первых дней работы Конвента был одет как санкюлот, после 9 термидора стал носить албанский костюм; у него были длинные усы, прямые и сальные волосы, пистолеты и кинжал на перевязи; именно в этом полутурецком костюме он приговаривал к

¹ Популярная после Термидора антиякобинская песня. Слова Суригера, музыка Гаво. Подробнее см.: *Тьерсо Ж.* Песни и празднества Французской революции. М., 1933. С. 193-195. О мюскаденах и «Пробуждении народа» см. также: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 244-247, 288-291.

² *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 4. P. 190-192.

³ *Louvet J.B.* J.B. Louvet à ses collègues. P., s.d. P. 1.

⁴ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 418; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 458; *Dorigny M.* Louvet // DHRF. P. 687-688.

⁵ Цит. по: *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 959.

аресту и затем к смерти Ромма, Субрани и других». Он «был революционером такой закалки, что Камилл Демулен, получивший титул генерального прокурора Фонаря, выправил для Тибодо по всем правилам свидетельство заместителя генерального прокурора Фонаря»; это был «солдат, который стрелял в своих же товарищей»¹.

На процессе короля голосовал за смерть, против отсрочки приговора и апелляции к народу. По мнению Сюратто, «это исключает возможность поместить его, как делали некоторые, среди депутатов Равнины». Однако даже применительно к периоду диктатуры монтаньяров многие историки причисляют его к умеренным, центристам², а один из современников прямо называл его «голосом умеренных»³. «Он сидел на Горе, но отказался вступить в Якобинский клуб, голосовал с большинством, не поднимаясь на трибуну», – пишут авторы «Словаря французских парламентариев». Отметим, что его отец и почти вся семья при Терроре были арестованы и находились в тюрьме.

После 9 термидора участвовал в создании Музея искусств в Лувре, Музея естественной истории. Был председателем Конвента, членом Комитетов общественного спасения и общей безопасности. По мнению некоторых историков, он «стал одним из главарей реакции»⁴, а в своих мемуарах Тибодо вспоминал, что Сийес даже обвинял его в роялизме⁵.

Впоследствии избран 32 департаментами в Совет пятисот. После 18 фрюктидора его имя внесли в список депутатов, исключенных из Законодательного корпуса, однако впоследствии Тибодо был оправдан. Приветствовал переворот 18 брюмера и вскоре стал префектом департамента Жиронда (1800), а затем Буш-дю-Рон (1803), и Государственным советником (1800). Выступал против учреждения Ордена Почетного легиона, заключения Конкордата и провозгла-

¹ Это, безусловно, точка зрения врага, и врага непримиримого, но она, тем не менее, представляется мне весьма показательной. *Baudot M.A.* Op. cit. P. 191, 235, 238, 292.

² *Miquel P.* La Grande Révolution. P., 1988. P. 544; *Broglie G. de.* L'Orléanisme. P., 1981. P. 198.

³ *Hyde de Neuville J.G.* Op. cit. Vol. 1. P. 133.

⁴ См., например: *Legrand R.* La Galerie des Homonymes. Abbeville, 1993. P. 110.

⁵ *Thibaudeau A.C.* Mémoires... P. 179.

шения пожизненного Консульства, что, однако, не помешало ему в 1809 году стать графом Империи и командором Ордена Почетного легиона.

4 декабря 1805 года Тибодо писал своему бывшему коллеге Гупийо де Монтэгю (*Goupillau de Montaigu*): «Мудрец хватается за доску и отдыхает, держась за нее, когда ему не следует плыть по течению. Я не знаю, что осталось во Франции из внутренних свобод, но она может доверить лишь твердой руке заботу об избавлении ее от факций, которые едва не погубили ее. Вот что заставляет меня отложить до лучших времен реализацию тех принципов, за которые мы вместе боролись». Гупийо напишет на обороте этого письма: «И это те самые люди, которые считали меня умеренным во II году!».

Во время Ста дней Тибодо, будучи пэром Франции, произнес пылкую речь против Бурбонов и вынужден был скрываться. Арестован и после тюремного заключения выслан из страны. В 1827-1828 годах опубликовал 5 томов «Истории Наполеона». При Луи-Филиппе вернулся во Францию, однако вновь на политическую арену вышел только при Наполеоне III, который называл его своим «Нестором». В 1852 году стал сенатором. Прожил дольше всех членов Конвента. «Он знал пять королей, две республики и двух императоров», – пишет Сюратто. А Олару в детстве даже довелось его повстречать¹.

Все эти биографические сведения дополняют приведенные ранее цифры, облекая их в «плоть и кровь». Как видим, большинство членов Комиссии одиннадцати не были ни цареубийцами, ни монтаньярами. Численный перевес имела близкая к жирондистам Равнина, по большей части республиканская, хотя не исключено, что несколько депутатов оставались в душе конституционными монархистами. Кроме того, члены Комиссии имели хорошее образование, чаще всего юридическое, многие были адвокатами и членами Института. Большинство создателей Конституции III года до самой смерти не прерывали своей политической карьеры, находя приме-

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 374; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 781; *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 5. P. 396-397; *Suratteau J.-R.* Thibaudeau // DHRF. P. 1033-1035.

нение своим способностям при всех последующих режимах. Весьма показательно, что ордена и титулы при Наполеоне получили даже те из них, кто не одобрял до конца его политику.

По воспоминаниям Ларевельера-Лепо, работа проходила следующим образом. Заседания начинались в 8 часов утра и длились без перерыва до 5 вечера. Ни одного из них не пропустили Боден, Дону, Крезе-Латуш и, естественно, сам автор. Ланжюине и Лесаж были достаточно «усидчивы», другие – куда менее. У всех перечисленных членов Комиссии проявлялось определенное единство взглядов, что делало дискуссии более плодотворными. Обычно при голосовании к ним присоединялся и Лувэ, в то время как с Тибодо существовали достаточно серьезные расхождения.

Что касается Буасси, то он, вспоминая Ларевельер, сыграл скорее отрицательную, нежели положительную роль в работе Комиссии. Появлялся поздно, после полудня, требовал отчет обо всем, что произошло в его отсутствие, настаивал на возобновлении при нем всех дискуссий с самого начала, поскольку он-де не имел возможности высказать свое мнение, призывал членов Комиссии поменьше заседать и почаще бывать в Конвенте, после чего вскоре уходил. Присутствуя на заседаниях, поддерживал самые радикальные предложения, надеясь, что это ускорит крах конституции; одним словом, старался сделать все, чтобы не допустить ее принятия. Однако Комиссия выбрала докладчиком именно его, надеясь, что это завоюет проекту голоса роялистов, у которых Буасси пользовался большим уважением.

Дюран-Майян, по мнению Ларевельера, боялся народного восстания при известии о том, что конституция, которую он называл «конституцией Сент-Антуанского предместья», будет пересмотрена и умолял отказаться от столь безрассудного мероприятия. Что же касается Берлье, то отношение к нему мемуариста слишком явно отрицательное, чтобы хоть сколько-нибудь претендовать на объективность (особенно ему ненавистен лексикон Берлье, который, впрочем, насколько можно понять, являлся точным слепком с лексикона якобинцев)¹.

¹ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 230 et suiv.*

Тибодо более подробно рассказывает о тех положениях проекта, которые вызывали наибольшие дискуссии. Если верить его воспоминаниям, споры вызывало практически то же самое, вокруг чего впоследствии разгорелась борьба между всеми депутатами: Декларация прав и ее необходимость, политические права граждан, организация исполнительной и законодательной властей. Тибодо также дает краткие сведения о раскладе голосов внутри Комиссии по тем или иным проблемам¹.

Многих волнует и еще один вопрос: кто же был настоящим творцом конституции, однако у меня существуют серьезные сомнения, что на него когда-либо можно будет ответить более или менее определенно. Нет уверенности и у других историков: большинство приписывает эту честь Дону², хотя, скажем, П. Бастид, уверен, что ее с ним должен разделить и Ларевельер-Лепо³. Некоторые добавляют к ним еще и Буасси⁴, а П. Бессан-Массене кроме этого приписывает Дону авторство зачитанного Боденом программного доклада «О способах закончить революцию»⁵.

Существуют и исследователи, считающие главным создателем Конституции Буасси д'Англа. Так, например, Ле Бозек уверена, что Ларевельер в своих мемуарах намеренно принизил роль Буасси в выработке проекта Конституции, и отмечает сходство текста 1795 года с разработками Буасси в 1793 году, а также с программой, изложенной в его речи от 21 вантоза III года (11 марта 1795 года)⁶. Однако даже беглого взгляда на проект Буасси образца 1793 года

¹ Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 180-184.

² Cahen L., Guyot R. L'œuvre législative de la Révolution. P., 1913. P. 110; Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 195; Aulard A. La Constitution de l'an III... P. 122; Madelin L. Op. cit. Vol. 4. P. 244; Meister H. Op. cit. P. 226; Lyons M. Op. cit. P. 18, 122.

³ Bastid P. Op. cit. P. 170.

⁴ Guibert-Sledziewski E. Daunou et la question des garanties individuelles // Les droits de l'homme et la conquête des libertés. Actes du colloque de Grenoble-Vizille. Grenoble, 1988. P. 152; Soria G. Grandes histoire de la Révolution française. P., 1988. Vol. 3. P. 1351; Cobban A. A History of Modern France. Vol. 1. Harmondsworth, 1963. P. 250.

⁵ Bessand-Massenet P. La France après la Terreur. 1795-1799. P., 1946. P. 65.

⁶ См., например: Le Bozec C. Boissy d'Anglas et la Constitution de l'an III // 1795. Pour une République sans Révolution. P. 82 et suiv.

достаточно, чтобы увидеть, сколь мало общего он имеет с проектом Комиссии одиннадцати: однопалатный Законодательный корпус, избираемый напрямую первичными собраниями и утверждающий законы; исполнительная власть, состоящая из национального Исполнительного совета (15 человек) и генерального секретаря, избираемых выборщиками; созыв раз в 20 лет Конвента. Целью «любого собрания людей» провозглашалось «сохранение и гарантирование их естественных прав»¹, тогда как в Декларации прав 1795 года они играли настолько незначительную роль, что даже не вошли в окончательный текст Конституции².

В то же время, и у Дону есть проект, относящийся к 1793 году. Среди прочего, он предусматривал утверждение законов народом, 25 членов исполнительной власти, однопалатный Законодательный корпус, избрание Законодательным корпусом Исполнительного Совета, отсутствие ценза при выборах. Практически, единственное, что роднит эти материалы с созданными им в 1795 году – это отсутствие права на восстание³.

Анализ текстов позволяет заметить, что оба они – и проект Дону, и проект Буасси д'Англа – в большинстве своем написаны в русле Конституции 1793 года, а отнюдь не 1795 года. При этом, естественно, имеются и некоторые отличия, подчас достаточно существенные, но налицо и не менее значительная двухлетняя эволюция – если не взглядов, то, по крайней мере, предложений.

С другой стороны, в архивах Буасси до сих пор, насколько мне известно, не обнаружены никакие материалы, доказывающие, что он действительно работал над проектом конституции в 1795 году. В то же время достаточно посмотреть фонд Сийеса, чтобы увидеть, какое количество черновиков и набросков понадобилось ему, чтобы

¹ *Boissy d'Anglas F.A. Projet de constitution pour la République française // Archives parlementaires de 1789 à 1860. P., 1902. Vol. LXII. P. 287 et suiv.*

² Чтобы лучше увидеть сходство проектов, отмечает Ле Бозек, стоит принять во внимание, что текст 1793 года писался в определенных политических условиях, а следовательно необходимо «внимательно, с недоверием и осторожностью читать то, что сказано в нем между строк» (*Le Bozec C. An III: créer, inventer, réinventer le pouvoir exécutif // AHRF. 2003. № 332. P. 77*). Рискну оставить это утверждение без комментариев.

³ *Daunou P C.F. Essai sur la constitution. P., 1793.*

выстроить свою систему. Имеются такие черновики и у Дону. К сожалению, материалы серии С 232, в которой, если верить описям, должны храниться наброски Дону, достаточно плохо систематизированы, и я не рискнул бы без квалифицированного графологического исследования приписать ему те или иные документы. Однако существуют и другие фонды того же депутата, в частности, фонд 21891 в отделе рукописей Национальной библиотеки. Хранимые в нем бумаги весьма фрагментарны, однако, несомненно, являются подготовительными материалами к Конституции III года. В свете дискуссии в Конвенте, речь о которой пойдет в следующей главе, может быть небезынтересно привести здесь две цитаты.

В одной из них речь пойдет о Декларации прав, вызвавшей огромное количество споров при обсуждении. «Цель декларации прав, – писал Дону, – установить общие принципы социума. Это собрание максим, которые законодатель напоминает себе и от которых он обещает себе не отдаляться в ходе своих работ». Взгляд весьма нестандартный, что, впрочем, не помешало ему, в измененном виде, войти в ст. 1 Декларации обязанностей. Кстати, сам проект Декларации, принадлежащий перу Дону, называется весьма характерно: «Декларация прав человека в обществе»¹.

Вторая цитата касается полномочий собраний выборщиков (эту же точку зрения Дону будет отстаивать и в ходе дискуссии): «Собрания выборщиков по-настоящему представительны (*sont de vrais corps représentatifs*); они обладают во всей полноте и без ограничений 3 основными чертами представительства: не быть связанным никаким предварительным мандатом, не нуждаться ни в какой последующей ратификации своих решений и не нести никакой ответственности»². Таким образом, с точки зрения Дону, собрание выборщиков практически обладает всей полнотой народного суверенитета, как собрание представителей народа.

Далее, может быть небезынтересно посмотреть на роль каждого члена Комиссии в дискуссии (выступления по проекту собственно конституции и декретам о двух третях посчитаны мной отдельно).

¹ La Bibliothèque National de France, Mss. 21891. Doc. 3, 5.

² Ibid. Doc. 56.

Напомню, что Дюран-Майян так ни разу и не принял участие в дебатах.

	Конституция	Декреты	Итого
Дону	84	2	86
Ланжюине	48	2	50
Крезе-Латуш	20	—	20
Буасси д'Англа	15	—	15
Ларевельер-Лепо	13	2	15
Тибодо	13	2	15
Берлье	8	—	8
Боден	1	7	8
Лувэ	—	5	5
Лесаж	1	—	1

Очевидно, что в списке лидируют те, кого многочисленные историки и современники называют авторами Конституции (за исключением, разве что, Крезе-Латуша). И на первом месте, разумеется, Дону.

Обратимся теперь к иным материалам, доступным нам помимо протоколов Конвента. Ознакомившись в Национальном архиве с бумагами Комиссии, Олар отмечает, что они состоят лишь из проектов, полученных ею, и из нескольких черновиков ее работы над конституцией с исправлениями и пометками Дону. Там совсем нет ни записей, ни следов ее заседаний¹. В то же время Брюнель и Рево д'Аллоне подчеркивают, обратившись к тем же документам: само то, что Комиссия пользовалась различными планами конституции, «в высшей степени революционный поступок». Анализ их содержания, по мнению этих же авторов, обнаруживает подъем либеральной идеологии, выражавшейся как в конкретных предложениях (президентство, двухпалатная система, система выборов), так и в системе ценностей, которая их объединяла².

Надо сказать, что приведенных в мемуарах сведений о работе Комиссии, к сожалению, не достаточно, чтобы делать какие бы то ни было выводы. Поскольку протоколы заседаний действительно

¹ Aulard A. La Constitution de l'an III... P. 119.

² Brunel F., Revault d'Allones M. Op. cit. P. 106.

отсутствуют, то восстановить их точный ход историкам вряд ли удастся (если только не предположить, что бумаги такого рода станут когда-либо доступны). Из выступлений в Конвенте можно лишь заключить, что, как правило, члены Комиссии участвовали в дискуссии достаточно слаженно, поддерживали друг друга, хотя иногда, при обсуждении особенно острых проблем, и позволяли себе высказать мнение, отличное от коллективного¹. Кроме того, например, Лувэ опубликовал в своем *La Sentinelle*² проекты, совершенно не совпадающие с официальными и в то же время никем не подписанные, что заставляет заподозрить его собственное авторство.

Однако попытаемся собрать воедино хотя бы те крупницы информации, которые дают в наше распоряжение архивы.

Прежде всего отметим, что по многим вопросам внутри Комиссии наблюдались разногласия. Не было единого мнения по поводу обновления Советов (каждые два года наполовину³ или каждый год наполовину)⁴; одним из членов Комиссии вначале предполагался однопалатный Законодательный корпус, а потом, когда в проекте все же появились две палаты, то верхняя называлась Сенатом, а нижняя Директорией⁵. Далеко не во всех проектах указано, как можно было бы того ожидать, количество членов исполнительной власти⁶.

Помимо этого, ценность архивных материалов заключается в том, что они позволяют сделать некоторые наблюдения о работе Комиссии. Во-первых, по документам мы видим, что в ней были и председатель, и секретари; к примеру, в флореале председательствовал Лесаж, тогда как секретарями стали Дону и Берлье⁷. Во-вторых, известно, что по крайней мере на часть проектов Комиссия

¹ Так, например, Тибодо неожиданно начал обсуждение проблем градации функций с большой речи, в которой достаточно резко и подробно высказал свое несогласие с проектом Комиссии (*Moniteur*. № 309. Р. 1245-1246). Затем к нему присоединился и Дюбуа-Крансе.

² *La Sentinelle*. 14 thermidor (1.08.95.). № XXXIX. Р. 114.

³ A.N., C 232, d.183 bis * 15A. Doc. 7; *Ibid.*, d.183 bis * 15B. Doc. 32, 33.

⁴ A.N., C 232, d.183 bis * 15C. Doc. 65, 66; *Ibid.*, d.183 bis * 15D. Doc. 90.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 15C. Doc. 65.

⁶ A.N., C 232, d.183 bis * 15B. Doc. 34, 35, 36; *Ibid.*, d.183 bis * 16. Doc. 10-13.

⁷ A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126. Р. viii-ix.

отвечала¹, а некоторые, по неизвестным мне причинам, даже возвращала авторам². В то же время есть и письма с жалобами, что проекты остались без ответов³.

По переписке достаточно трудно сказать что-либо определенное о личном вкладе каждого из членов Комиссии в ее работу. Если не считать проекты, созданные в недрах Комиссии⁴, встречается всего несколько писем, в которых упоминаются имена кого-либо из депутатов. Так, есть только три письма, адресованные лично Ланжюине⁵, два – Буасси⁶, по одному – Берлье⁷ и Лувэ⁸; одно послание, сообщающее о получении ответа, подписанного Крезе-Латушем⁹, одно – Лесажем¹⁰ и одно с автографом Бодена: «Гражданин, написавший этот проект, может быть уверен, что его прочитали»¹¹.

Помимо этого, нельзя не обратить внимание на несколько весьма странных документов. Так, например, жители коммуны Сан (Йонна) попросили Лувэ узнать, сколько должно быть туров голосования. Он переадресует это письмо в Комитет по законодательству, а оттуда его пересылают... в Комиссию одиннадцати¹².

¹ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 17.

² См., например: A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 32; Ibid., d.183 bis * 11/2. Doc. 66.

³ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 68; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 11.

⁴ Здесь та же ситуация, о которой говорилось выше касательно Дону. Авторство не определено и, вероятно, потребует проведения графологической экспертизы или, как минимум, детального знакомства с почерками членов Комиссии. Хочется отметить, что эти документы могли бы дать крайне интересную информацию по персоналиям, поскольку содержат множество вариантов большинства глав конституции с различными поправками.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 20, 26; Ibid., d.183 bis * 13. Doc. 8.

⁶ В одном из них, в частности, говорится: «Ваш патриотизм, ваша просвещенность вызывают мое доверие». A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 7. См. также: A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 28.

⁷ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 11.

⁸ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 68.

⁹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 48.

¹⁰ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 81.

¹¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 117. Правда, не совсем понятно, где должен был гражданин увидеть эту резолюцию, если бумага осталась в архивах Комиссии.

¹² A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 40.

Смысл этих перемещений мне, признаться, не совсем ясен. Другой документ визирует, отправляя в Комиссию, Боден, в то время председатель Конвента¹. Видимо, существовали некоторые правила работы бюрократической машины, которые нельзя было обойти.

Направляли в Комиссию письма своих избирателей и другие депутаты², а также многие комитеты Конвента: общественного спасения, общей безопасности, по законодательству, по декретам и т.д. Между получением письма (оно, как правило, регистрировалось) и перенаправлением его в Комиссию могло пройти значительное время. Также трудно сказать, за сколько дней, хотя бы в среднем, доходило до Парижа отправленное из провинции письмо. На некоторых даты написания и получения практически совпадают; в качестве обратного примера можно привести письмо, датированное 12 флореаля (1 мая), пришедшее в Конвент 23 прериала (11 июня) и попавшее в Комиссию 8 мессидора (26 июня)³. Кроме того, в Комиссию поступали и материалы, отпечатанные в типографиях. Среди них «Анекдоты и размышления о Конституции» Бодена, мнения депутатов Одуэна, Пеле, Ф.М. Пултье и Дебри⁴.

Что же касается самой обширной переписки Комиссии, то, прежде чем использовать ее в последующих разделах книги, хотелось бы отметить несколько ее характерных черт. В первую очередь, создается впечатление, что авторы многих проектов искренне верят, что им наконец-то представилась возможность послужить Родине, высказать свое мнение, которое, без сомнения, будет услышано и принято к сведению; поделиться своим опытом, который многим кажется уникальным. Показателен в этом отношении проект отца известного жирондиста Петиона, в самом начале которого тот пишет: «Мне семьдесят лет, времена иллюзий прошли; я одной ногой в могиле. Я глух и, соответственно, не могу претендовать ни на какую должность. У меня нет собственности. Я хочу жить лишь для того, чтобы видеть, дорогой народ, твой суверенитет непоколебимым и

¹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 103.

² См., например, письмо с визой депутатов Ж.Ф. Бисси (*Bissy*) и Р.Ф. Лежёна (*Lejeune*). A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 59.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁴ A.N., C 232, d.183 bis * 18. Doc. 1.

твое счастье неизменным»¹. «Я ничего у вас не прошу, я ни на что не претендую, я ничего не хочу», – вторит ему другой автор, которому, по его словам, 72 года².

В то же время корреспонденты проявляют и совершенно неоправданное тщеславие. Так, один из них высказывает радость по поводу того, что Комиссия использовала большинство его идей, содержащихся в двух опубликованных речах три года назад³. Другой уверен: «комиссия не может разойтись, [...] не изучив то, что я сказал по поводу конституции», и обещает прислать свои разработки по всем мыслимым и немыслимым проблемам. Недоволен он только одним: в ответе Комиссии сказано лишь, что его предыдущее творение прочитали. А что делать дальше? Ему не на что жить и, если бы не ощущал себя полезным, давно бы уже умер⁴.

Как стиль, так и размер проектов различен – от записки в несколько строк до брошюры в сто с лишним страниц. Наряду с конкретными вопросами и четко сформулированными предложениями, Комиссии приходилось получать и длинные псевдофилософские экскурсы⁵, говорившие лишь о желании автора хотя бы с кем-нибудь поделиться своими размышлениями.

Тематика переписки затрагивает едва ли не весь спектр конституционных и околоконституционных проблем. Ряд писем касается «географических» вопросов, связанных с конституцией лишь постольку, поскольку в ней предполагался раздел о территориальном делении страны. Разнообразие их неистощимо: коммуна хочет поменять кантон⁶, то перейти под юрисдикцию другого

¹ *Petion J.* Projet de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen; et d'une constitution républicaine démocratique. Présenté au Peuple Français par Jérôme Petion père, Homme de loi. Chartres, s.d. P. 2. «Петион – отец несчастного Петиона», – представляется он в другом письме. A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 93.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 100.

³ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 11.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 49.

⁵ 55 страниц убогим почерком. *Grunwald Frederic-Emanuel.* Des Principes de l'Association aperçu. Bellevaux, 1793. Рукопись // A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 62.

⁶ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 17.

департамент¹, граждане то мечтают иметь в своем городе суд по гражданским делам², напоминая о своих былых заслугах времен еще 31 мая 1793 года³, то просят перенести к себе часть администрации, приводя множество аргументов, включая плодородие почвы⁴. Особенно настойчива в этом плане коммуна Памье (Аррьеж). Ее Генеральный совет изо дня в день требовал, чтобы собрания выборщиков были созваны именно в их городе⁵, засыпая Конвент просьбами, протоколами, историческими выкладками, рассказами о своих необычайных достоинствах⁶.

Однако все эти документы хранятся в досье самой Комиссии одиннадцати. Знакомилась ли она с какими-либо другими проектами? Привлекала ли к работе кого-то со стороны?

В мемуарах бывшего депутата Законодательного собрания В.М. Воблана я обнаружил следующие строки: «Боден из Арденн, его⁷ председатель, написал мне от его имени, приглашая меня проявить себя в его работе, присоединив несколько моих друзей к его членам. Я ответил, что не могу принять столь почетное предложение, поскольку уверен, что комитет не осмелится предложить вещи, которые мне кажутся необходимыми»⁸. Поначалу я отнесся к

¹ Les maire & officiers municipaux de la Commune d'Aire (département du Pas-de-Calais). A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 7, 8; Les Administrations du directoire du District de Felletin, département de la Creuse. Ibid., d.183 bis * 10/2. Doc. 70.

² Les Citoyens de la Commune de Tartas, département des Landes. A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 102; L'administration du District de Delémont, département du Mont-Terrible. Ibid., d.183 bis * 10/2. Doc. 77-78.

³ Adresse présentée à la Convention Nationale par les habitants de Mont-Brison, département de la Loire. Imprimé. A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 33. P. 3.

⁴ Письмо членов дистрикта Лангр (*Langres*), департамент Верхняя Марна. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 23.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 5; Ibid., d.183 bis * 10/3. Doc. 148; Ibid., d.183 bis * 11/2. Doc. 72.

⁶ О роли государственных учреждений для провинциальных городов см.: Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Т. 1. С. 154 и след.

⁷ Воблан называет Комиссию одиннадцати комитетом.

⁸ *Vaublanc V.M. Mémoires sur la Révolution de France et recherches sur les causes qui ont amené la Révolution de 1789 et celles qui l'ont suivie*. P., 1833. Vol. 2. P. 366-367. Речь идет о содержавшихся в проектах Воблана двух палатах и едином главе государства, которые он толкует в своих мемуарах, как борьбу за восстановление монархии. Ibid. P. 365.

этому свидетельству без особого доверия. Однако впоследствии в архиве Сийеса был обнаружен следующий документ:

«3 термидора III года Ф.Р.

Гражданин Коллега, Комиссия одиннадцати потребовала этим утром отсрочить до завтра дискуссию об организации исполнительной власти, стоящую в повестке дня. Мне поручили пригласить вас от ее имени на совещание, назначенное на сегодня на семь вечера, на которое также приглашены гр.[ажда]не Редерер, Дюпон де Немур и Воблан. Единственная цель сегодняшнего совещания – пересмотреть проект относительно исполнительной власти, не отступая от однозначно принятого принципа не доверять ее одному лицу под каким бы то ни было названием. Я искал вас на заседании, но у меня не получилось вас встретить, и если бы мне удалось быстро узнать ваш адрес, я бы сам вам доставил пожелания Комиссии и мои собственные.

Привет и братство

П.С.Л. Боден»¹

Таким образом, по крайней мере Сийес, Воблан, Дюпон де Немур и Редерер² на заседания Комиссии приглашались³. Соответственно, можно допустить, что хотя бы некоторые члены Комиссии были знакомы с проектами упомянутых публицистов.

Обсуждение этой темы выводит нас и на более широкую проблему. В какой мере было знакомо с различными проектами общественное мнение, ссылаются ли одни авторы на других?

Если судить по доступным мне источникам, едва ли не самым известным был проект уже упоминавшегося выше Воблана, который был представлен Конвенту депутатом Ж.Б. Брессоном⁴. «Вы читали

¹ A.N., 284 AP 9. Doss. 5.

² Ср. у Тибодо: «Многие публицисты приносили свои идеи и свои проекты. Из этой толпы выделяли Редерера и приглашали его присутствовать на заседаниях». *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180.

³ Очевидно, что какие-то переговоры с Сийесом велись и по поводу его проекта конституционного суда, речь о котором пойдет ниже. Подтверждение этому можно найти, например, в выступлении Дону 9 термидора (27 июля). *Moniteur*. № 315. P. 1269.

⁴ Воблан в мемуарах пишет об этом прямо (*Vaublanc V.M. Op. cit. Vol. 2. P. 365*), однако, видимо, в то время это не было широко известно: один из памфлетов представляет это только как слух. *Alcoran républicain, ou institutions fondamentales du Gouvernement Populaire ou légitime. Generalif, III. P. 1.*

Воблана? – пишут *Annales de la République française*. – Таков вопрос, который задается вот уже несколько дней. На прогулках, на спектаклях, в кафе, повсюду»¹. Автор одного из писем в Комиссию не сомневается даже, что Конвент примет этот проект в качестве официального², а другой корреспондент подробнейшим образом пересказывает его с полным одобрением³.

В архивах Сийеса сохранилось множество писем с одобрением его проекта конституционного суда. Среди их авторов Ламар, Дюпон де Немур, Н.Л. Франсуа де Невшато⁴ (кстати, на размышления последнего ссылаются и в переписке Комиссии одиннадцати⁵), которые активно общались между собой. В то же время, в архиве Редерера сохранилась его переписка с Лезей-Марнезия, посвященная обсуждению Конституции III года; характерно, что если 10 августа 1795 года (дата первого письма) они еще не знакомы, то 19 октября Лезей обращается к Редереру «мой дорогой друг»⁶.

Завершу этот рассказ о работе Комиссии тем, что ее представителям постоянно приходилось отчитываться перед Конвентом о ходе работы. Прериаль заставил даже декретировать дату ее окончания⁷. Однако 19 прериала (7 июня) Буасси от имени Комиссии снова требует предоставления отсрочки, объясняя это объемом работы и ее важностью. Народное выступление уже позади и Конвент без дискуссий вотирует отсрочку⁸.

Наконец, к 5 мессидора (23 июня) работа была закончена и Буасси д'Англа произнес свою знаменитую речь, в которой представил и обосновал основные положения проекта Комиссии.

¹ *Annales de la République française*. 5 messidor (23.06.95.). № 271. P. 1.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 90.

³ A.N., C 230, d.183 bis * 9/3. Doc. 128.

⁴ A.N., 284 AP 9. Doss. 5. Николя Луи Франсуа де Невшато (1750–1828) – известный литератор, член многих провинциальных академий. Избирался заместителем депутата Генеральных штатов, депутатом Законодательного собрания и Конвента (отказался по состоянию здоровья). При диктатуре монтаньяров арестован, почти год провел в тюрьме.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 64.

⁶ A.N., 29 AP 11.

⁷ *Moniteur*. № 248. P. 1000.

⁸ *Moniteur*. № 262. P. 1058.

Проект Конституции прошел в Конвенте два чтения. Первое длилось с 16 мессидора (4 июля) по 25 термидора (12 августа)¹, второе – с 25 до 30 термидора (12-17 августа). Конвент утвердил проект 5 фрюктидора (22 августа), первичные собрания собрались 20 фрюктидора (6 сентября), а 1 вандемьера (23 сентября) об одобрении Конституции народом было торжественно объявлено с трибуны Конвента. Однако до этого проект Конституции необходимо было подробно обсудить. К чему в начале июля 1795 года депутаты и приступили.

¹ Любопытно в этом отношении письмо матери Бодену (хранящееся в его личном архиве), которая удивляется, как можно за 3 недели написать Конституцию, когда столько всего нужно сделать, революция столько перевернула. Anne-Alexandre Baudin (1717-1797) à P.-C.-L. Baudin. Sedan, 3 juin 1795 // A.N., 172 AP 1. Doc. 9.

Глава IV

Декларация прав: человека или гражданина?

Проект новой Конституции Франции состоял (не считая Декларации прав) из более чем трех с половиной сотен статей, тогда как Конституция 1793 года ограничивалась ста двадцатью тремя. В двух последующих главах мне хотелось бы сосредоточиться на тех узловых моментах, которые вызвали наибольшее количество дискуссий как в стенах Конвента, так и в обществе в целом. И, безусловно, одно из ключевых мест в этих спорах занимали проблемы, казалось бы, далекие от повседневной практики – проблемы прав человека и гражданина.

Как известно, к 1795 году уже существовали две Декларации прав – принятая Национальным собранием в августе 1789 года и та, что предваряла текст якобинской Конституции 1793 года. Более того, если текст 1789 года не выносился на утверждение народа, то Декларация 1793 года была одобрена на референдуме, и об этом хорошо помнили. Не случайно в одном из революционных катехизисов III года Республики на вопрос, когда была принята Декларация прав человека и гражданина, следовал ответ – в 1793 году, причем подчеркивалось, что она была выработана «самим Французским Народом, поручившим своим представителям представить ему проект»¹.

Открывая в Конвенте обсуждение новой Декларации, Дону, докладчик Комиссии одиннадцати, счел необходимым подчеркнуть, что Комиссия «хотела не создавать новую декларацию прав, а убрать из первой все, что в ней было роялистского, а из последней, – анархического, чтобы создать настолько совершенное единство, насколько возможно»². Таким образом, необходимость изменений

¹ Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Bruxelles, III. P. 10-12.

² Moniteur. № 289. P. 1164.

была продекларирована с самого начала. Конвент же, в свою очередь, обсуждал большинство статей долго и подробно, в несколько чтений, с отсрочкой и возвращением к ним через несколько дней.

Какие тезисы в первую очередь смущали депутатов в тексте 1793 года, если не считать того, что к якобинской Декларации прав во многом относились также, как и к Конституции, которую она предваряла? Ведь «скорее всего, – делился с Комиссией одиннадцати своими размышлениями аноним из Парижа, – Колло д'Эрбуа, руководивший составлением декларации прав человека, придумывал ее лишь с преступными намерениями»¹.

Эти «преступные намерения» просматривались термидорианцами в целом ряде статей.

Статья 26, провозглашавшая, в частности, что «каждая часть собранного воедино суверена должна иметь право совершенно свободно выражать свою волю»². При Термидоре в ней видели замаскированное благословение создания народных обществ. Те, кто требует исполнения Конституции 1793 года, отмечал Ленуар-Ларош, «прекрасно знают, что день, когда она будет введена в действие, станет днем воскрешения якобинцев»³.

Статья 27, гласившая: «Пусть каждый, кто узурпирует суверенитет, будет немедленно предан смерти свободными людьми». Но кого считать «свободным человеком», интересуется тот же автор? Как предавать смерти узурпатора – объявив его вне закона? И кто наделен правом решать, что такое узурпация суверенитета⁴? Вопросов здесь было больше, нежели ответов.

Статья 33, устанавливающая, что «сопротивление угнетению есть следствие других Прав человека». «Какова разница между сопротивлением угнетению и бунтом?» – спрашивается в уже цитировавшемся выше катехизисе. «Одно законно, – гласит ответ, –

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 12.

² Здесь и далее цит. по: Les Constitutions de la France depuis 1789. P. 82 et suiv. (На русском языке тексты Деклараций прав человека и гражданина можно найти в: Документы истории Великой французской революции. М., 1990. Т. 1.

³ Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 13.

⁴ Ibid. P. 15-16.

поскольку это естественное право человека; другое – преступно, поскольку всегда является сопротивлением воле Общества и Закона»¹.

Формулировки, как видим, весьма расплывчаты, а статьи 34 и 35, которые должны были их прояснить, еще более туманны. Согласно первой, «если угнетается хотя бы один член общества, угнетается все общество». Вторая же отмечала, что «когда правительство (*gouvernement*) нарушает права народа, восстание является для всего народа и для каждой его части самым священным из прав и самой непреложной из обязанностей».

Здесь у современников возникал целый ряд вопросов, которые максимально полно изложены в одном из писем в Комиссию. Что понимать под «*gouvernement*» – Законодательный корпус? Но суверенитет неделим, значит, депутаты – это не представители народа, и, тем более, не его «*gouverneurs*». Исполнительную власть? Но ее члены лишь исполняют волю народа-суверена, то есть, опять же не правят. Кто же остается? «Никто, кроме самого народа-суверена».

И что такое «восстание»? «Сопротивление угнетению»? Но очевидно, что в Декларации речь идет о восстании в политическом смысле, соответственно, возникает необходимость поставить его хотя бы в какие-то рамки. Что такое «часть народа»? Муниципалитет, кантон, отдельный человек? Кто должен высказываться о законности восстания, предоставлять восставшим то, что они требуют? Получается, что только весь народ². Но в таком случае эти статьи окончательно теряют всякий смысл.

К сожалению, сюжет монографии не позволяет углубиться в исследование тех причин, по которым столь расплывчатые статьи устраивали депутатов во времена диктатуры монтаньяров. Однако, на мой взгляд, включение их в текст Декларации именно в таких формулировках отнюдь не случайно – хотя бы потому, что они позволяли задним числом провести легитимацию восстания 31 мая – 2 июня 1793 года. В то же время, весьма сомнительно, чтобы на них планировали опираться и в будущем: обвинив Эбера именно в

¹ Catéchisme de la déclaration des droits... P. 128.

² A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P.. 37-43.

попытке восстания против правительства, монтаньяры ясно давали понять, сколь мало значения они придают праву на восстание¹.

Корреспонденты Комиссии предлагали два варианта решения проблемы.

Одни авторы были уверены, что Декларацию следует переделать от начала и до конца. Если возникнут сомнения в законности такого решения, стоит вспомнить о том, что поскольку народ при диктатуре монтаньяров не утверждал никаких законов, то все декреты с момента принятия Конституции считаются недействительными². Однако в любом случае от этих статей необходимо избавиться, поскольку они «не нужны при хорошем управлении и могут разжечь гражданскую войну», а узурпаторов суверенитета вместо того, чтобы убивать на месте, надо судить³. Предлагалось даже вместо того, чтобы разрешать все разногласия путем восстаний, предусмотреть нормальный механизм отзыва депутатов⁴ – то, чего Революция так и не сделала.

Другие авторы пытались подкорректировать имеющееся. Восстание допустимо, считает один из них, но только если правительство нарушит конституцию⁵. Еще один вариант: сохранить спорные статьи, но четко указать, в каком случае и в какой форме возможно восстание⁶.

Памфлетисты высказывались резче и казались более искушенными в искусстве полемики. Так, Лезей-Марнезия признавал, что восстание – это «неоспоримое право», однако «его надо использовать, как используют драгоценный бриллиант, владельцами которого, несомненно, являются, но оставляют тщательно запертым в

¹ О том, что право на восстание благополучно нарушалось при монтаньярах говорится и в одной из петиций, направленных в Конвент уже при Термидоре. *À la Convention Nationale, la section du centre de Dijon, 10 et 20 Germinal, l'an III. Dijon, III. P. 4.*

² Любопытная оговорка Петиона-старшего: с даты принятия Конституции 93-го года до 27 июня 1794. Как будто после этого народ начал утверждать декреты. *Petion J. Op. cit. P. 22.*

³ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 83.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 110.

⁶ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 67.

футляре». Далее идет все тот же круг вопросов (например, о том, кто будет судить, нарушила ли власть права народа)¹.

Ленуар-Ларош был более радикален. Недовольные будут всегда, отмечал он, а этот ложный принцип уже был использован 31 мая², в Жерминале и Прериале. «Восстание – предостерегает памфлетист, – это лекарство столь жестокое, столь крайнее, столь грозящее потрясением всего социального порядка, что его не нужно ни предвидеть, ни предписывать»³.

В итоге термидорианцы фактически остановились на точке зрения Дюпона де Немура: «Когда каждый гражданин может мирным путем заставить выслушать свои жалобы, участвовать в постепенном улучшении управления, восстание – не самое святое право, а самое большое преступление, поскольку именно оно приносит больше всего бед обществу»⁴.

Существование этих и нескольких других статей, кажущихся неприменимыми, привело к тому, что современники начали ставить и более общий вопрос: а необходима ли в принципе на шестом году Революции Декларация прав человека и гражданина? Так, например, автор заметки, опубликованной в *Courier républicain*, однозначно полагал, что она «совершенно бесполезна», поскольку «невежды настаивали, что большинство включенных в нее идей следует понимать буквально», тогда как «интриганы смогли извлечь выгоду из ее непроверенных на опыте и необдуманных положений»⁵. Гарантии свободы, был уверен Лезей-Марнезия, должны быть доверены «не бессильным декларациям прав или хрупкой морали, а прочным институтам»⁶.

Почему с начала Революции предлагается уже третья декларация прав? – задает вопрос один из корреспондентов Комиссии. И сам же отвечает: потому, что метафизические идеи каждый выражает по-своему. Но тогда стоит ли вообще морочить людям

¹ Lezay-Marnezia A. de. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 9-10.

² Об этом же см.: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

³ Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 22 et suiv.

⁴ Dupont de Nemours P.S. Op. cit. P. 112.

⁵ Courier républicain. 9 messidor (27.06.95.). Vol. 9. № 600. P. 462.

⁶ Lezay-Marnezia A. de. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 3.

голову¹? Постепенно в прессе эта мысль становится общим местом. О том, что метафизические идеи старых Деклараций прав не совсем были понятны большинству граждан пишет и *Courrier universel*². «Нужно иметь смелость сказать, – читаем в конце мессидора в *Bulletin républicain*, – что первая причина всех промахов и ошибок кроется в декларации прав»³.

В то же время Комиссия одиннадцати была уверена: Декларация прав необходима (если верить воспоминаниям Тибодо, то против были лишь Лесаж и Крезе-Латуш⁴). Однако, как показала дискуссия, далеко не все депутаты разделяли эту уверенность.

Еще до того, как в Конвенте началось обсуждение проекта новой конституции, Майль поставил перед Комиссией следующий вопрос: «Какова ваша цель составления декларации прав человека и гражданина? Будет ли эта декларация обязательной или же она будет представлять лишь блистательную череду философских абстракций?»⁵. Это выступление во многом было спровоцировано изначальным тезисом Буасси д'Англа о том, что «эта декларация – не закон, [...] она должна быть собранием всех принципов, на которых зиждется организация общества: это необходимая преамбула всякой свободной и справедливой конституции; это наставление для законодателей»⁶. Иными словами, по мысли создателей Конституции III года, Декларация не должна была быть законом прямого действия, однако она и не теряла своего значения, поскольку ей был обязан руководствоваться всякий член Законодательного корпуса. «Это не закон, а собрание максим, – отмечал Лувэ в своей газете *La Sentinelle*, – которые законодатель должен напоминать сам себе, прежде чем приняться за работу»⁷.

«Говорят, что Декларация прав – не закон, а изложение принципов, – полемизировал с членами Комиссии Майль. – Если

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 35.

² *Courrier universel*. 21 messidor (9.07.95.). P. 2.

³ *Bulletin républicain*. 26 messidor (14.07.95). № 296. P. 1183.

⁴ *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180.

⁵ *Moniteur*. № 289. P. 1164.

⁶ *Moniteur*. № 284. P. 1145.

⁷ *La Sentinelle*. 14 messidor (2.07.95.). № IX. P. 2.

это не закон, ее бесполезно и создавать, поскольку мы найдем все принципы, которые она содержит, в творениях наших философов; там они куда менее опасны, чем в начале конституции, крах которой они могут вызвать, тогда как писания наших мудрецов никогда еще не вызывали гражданских войн»¹. Обращаясь к опыту США, Майль напоминал, что «Декларация прав была для американского народа тем же, чем для архитектора является чисто теоретический чертеж. Когда здание закончено, чертеж исчезает; остается лишь его воплощение»².

Франция находилась в аналогичном положении в 1789 году. Именно тогда, как полагал выступавший вслед за Майлем Ж.М. Рузэ (*Rouzet*), Декларация прав и была необходима – в качестве антитезы тем основам, на которых покоился Старый порядок. Сейчас же Конвенту стоит сосредоточиться на выработке именно законов, а не благих пожеланий. «Пусть все наши законы будут основаны на самых лучших принципах, – провозглашал Рузэ, – но воздержимся же от того, чтобы придавать характер закона этим самым принципам». Главная задача депутатов, по его мнению, – это именно выработка законов, но поскольку «мы еще не до конца излечились от мании преамбул», то пусть какая-нибудь преамбула и будет, лишь бы она не претендовала на обязательное исполнение³.

Иными словами, по мнению Майля, поддержанному депутатом Ж.Ш. Байелем (*Bailleul*), необходимо определить «природу, предмет и действие» Декларации, заложить в нее некое «изначальное правило, основу правления»⁴. А пока этого нет, депутаты предлагали перейти к обсуждению самой конституции.

Таким образом, мнения разделились. Если одни настаивали на том, что не признавать Декларацию законом опасно⁵, то другие, как

¹ *Moniteur*. № 332. Р. 1336.

² *Moniteur*. № 289. Р. 1165.

³ *Ibidem*.

⁴ *Ibidem*.

⁵ Ср. с высказыванием Т. Пейна: «Для существования республики необходимо, чтобы практическая часть конституции соответствовала ее принципам». *Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine*. N.Y., 1945. Vol. 1. Р. 594.

Ларевельер-Лепо, выступали за конкретику, утверждая, что в отношении общих принципов всегда сложнее договориться, а страна как можно скорее нуждается в стабильности¹.

В итоге спор окончился ничем. В самом конце, уже 26 термидора (13 августа), депутат А.Ф. Арди (*Hardy*) решил было расставить все точки над «i», предложив отдельную статью, в которой говорилось бы: «Декларация прав и обязанностей – не закон; она должна рассматриваться только как база общественного договора». На что Дону немедленно ответил: «Вы все чувствуете, граждане, насколько опасно было бы объявлять, что декларация прав – не закон»². На сей раз возражений не последовало, статус Декларации так и остался неопределенным.

Что же касается необходимости этой, в некотором роде, абстрактной преамбулы, то и здесь Дону был категоричен: Конвенту не простят отказ от Декларации прав. Не возражая по существу, он призывал: «Не дадим террористам³ и недоброжелателям возможности сказать, что мы растоптали Хартию прав человека и гражданина»⁴. Конвент, как это нередко будет происходить в ходе дискуссии, прислушался к его мнению и перешел к обсуждению самого текста.

Первая статья Декларации 1795 года звучала в проекте следующим образом: «Целью общества является всеобщее благо. Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование своими правами»⁵. Уже это стало своеобразной сенсацией, поскольку исчезала ст. 1 Декларации 1789 года: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»⁶. К тому же статья, которая теперь стала первой, в 1793 году устанавливала, что «правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами».

¹ Moniteur. № 292. Р. 1176; № 333. Р. 1339.

² Moniteur. № 333. Р. 1339.

³ Так при Термидоре нередко называли якобинцев.

⁴ Moniteur. № 289. Р. 1165.

⁵ Ibidem.

⁶ В 1793 году этот тезис формулировался следующим образом: «Все люди равны по природе и перед законом» (ст. 3).

Как видим, изменения касались не просто формулировок: ушло само понятие «естественных» прав, то есть прав человека, которые до сих пор очень четко отделялись от прав гражданина.

Однако на этом борьба с «философскими абстракциями» не закончилась, поскольку депутат Фор предложил прежде чем писать о том, что является целью общества, доказать, что для людей существует необходимость объединяться в общество; а П.Ж.Д. Буасьё (*Boissieu*) потребовал определить, что же такое «всеобщее благо». Ответ Ланжюине был весьма характерен: «За две тысячи лет можно насчитать 288 определений блага; вряд ли мы можем надеяться сегодня дать самое лучшее, так что давайте откажемся от этой статьи». Его предложение поддерживается депутатом Шенье: «Какова цель правительства, чье существование свидетельствует о наличии цивилизованного общества? Гарантировать права, которые каждый привнес с собой, входя в общество»¹.

В итоге первая статья приобрела следующий вид: «Правами человека в обществе являются свобода, равенство, безопасность, ответственность». Право на сопротивление угнетению, которое Дону назвал «представляющим слишком много опасностей и открывающим дорогу злоупотреблениям», было ликвидировано. Предложение Дебри записать в Декларацию право на труд, которое в XIX в. станет одним из главных требований демократов и социалистов, также сочувствия не вызвало: А.А.М. Тибо (*Thibault*) заметил, что оно должно быть, но не в Декларации, чтобы завтра у Конвента не пришли требовать хлеба, а Ланжюине закончил спор, предложив передать эту поправку в Комиссию одиннадцати, где она и была похоронена².

С другой стороны, Конвент решается не только убрать из Декларации упоминание об естественных правах, но и в принципе переориентировать ее только на признание прав человека в обществе. Декларация постепенно избавляется от абстракций, которые каждый мог толковать по-своему (а левые, как мы помним, нередко

¹ Moniteur. № 289. Р. 1164-1165.

² Как отметил Ланжюине, «это не право человека, это, скорее, обязанность общества по отношению к каждому из своих членов». Moniteur. № 289. Р. 1166.

толковали их в духе фактического равенства), приобретая недвусмысленные формулировки, касающиеся тех ценностей, которые общество действительно должно было гарантировать человеку. На первый взгляд, это знаменовало решительный разрыв с предшествующей революционной традицией.

Однако прежде чем делать какие-либо выводы, рассмотрим подробнее, что понимали термидорианцы под четырьмя ключевыми понятиями, на которых основывалась Декларация прав – «свободой», «равенством», «безопасностью» и «собственностью».

Начнем с понятия «свобода», которое трактуется в ст. 2 Декларации следующим образом: «Свобода состоит в возможности делать то, что не вредит правам другого». При сравнении с текстом 1789 года, становится заметно, что если первая часть его четвертой статьи воспроизведена практически дословно¹, то ее вторая часть в тексте 1795 года оказалась опущена – исчезла фраза: «Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же правами. Границы эти могут быть определены только законом». Для сравнения приведу и то, как эта статья звучала в Декларации 1793 года: «Свобода – это принадлежащая человеку возможность делать все, что не вредит правам другого; в основе ее лежит природа, ее правило – справедливость; обеспечение – закон; нравственную границу свободы определяет правило: “Не делай другому того, что не хочешь, чтобы он сделал тебе”» (ст. 6).

Иными словами, термидорианцы остановились на наиболее лаконичной формулировке, превратив свободу из права естественного в право социальное, регулирующее лишь взаимоотношения человека в обществе и не нуждающееся более в ссылке на природное происхождение.

Особое место термидорианцы отводили свободе печати. В первоначальном проекте Декларации даже была специальная статья (ст. 4): «Каждый человек свободен выражать свои мысли и свои мнения. Свобода печати и любого другого способа обнаружить

¹ По предложению депутата Ж.Ф. Эрмана (*Ehrmann*), добавлено лишь слово «правам». *Moniteur*. № 289. Р. 1166.

свои мысли не может быть ни запрещена, ни приостановлена, ни ограничена»¹. Однако сразу же оказалось замечено противоречие с предыдущей статьёй, где свобода вообще все-таки оказывается ограничена. К тому же было не совсем ясно, почему «возможность действовать не во вред правам другого» не подразумевает печать.

Так может быть, специальная статья про свободу печати и вовсе не нужна? Нет, возражает Буасси, «это право столь существенно, столь драгоценно и столь священно, что можно не бояться сказать слишком много, чтобы его сохранить»². Там, где оно существует, полагают термидорианцы, народ воистину свободен, а ограничением должно быть лишь запрещение призывать к свержению властей (с сохранением возможности выступать против конкретных законов или злоупотреблений правительства). И, разумеется, надо дать возможность законодателям защитить граждан от клеветников и смутьянов³.

Был предложен и иной выход – сделать из двух статей одну и сформулировать ее следующим образом: «Свобода состоит в праве делать, говорить, печатать и обнародовать все, что не идет во вред правам другого». Но и этот вариант отклонили, поскольку он подразумевал создание некоего органа, выясняющего, что же именно «не идет во вред правам другого»; иначе говоря, цензуры⁴. В итоге было решено вовсе отказаться от этой статьи, поскольку депутаты решили, что данное ранее определение свободы и ее границ ничем не противоречит свободе печати.

Столь важное место, отводимое термидорианцами свободе печати, объясняется, с моей точки зрения, двояко. С одной стороны, поскольку в Конституции III года Республики отсутствовало положение об утверждении законов непосредственно народом, именно на печать и на общественное мнение возлагалась обязанность хотя бы в какой-то мере влиять на законодателей. С другой стороны, к 1795 году, пережив диктатуру монтаньяров, большинство депутатов

¹ Moniteur. № 289. Р. 1166.

² Ibidem.

³ Moniteur. № 290. Р. 1167.

⁴ Ibidem.

прекрасно представляло себе, что значит утратить возможность свободно высказывать свои мысли.

Количественный и лексический анализ выступлений депутатов Конвента, прозвучавших в ходе дискуссии по проекту Конституции, наводит на следующие размышления. Для термидорианцев свобода лежала в основе большинства (если не всех) иных прав человека – она коррелируется и с правами человека в целом, и с равенством, и с собственностью, и с правом высказывать свои мысли. Если раньше за нее принимали «распущенность», то теперь конституция должна основываться на «подлинной свободе»¹. Если же конституция будет отвергнута, уверены ее создатели, свобода будет уничтожена². Однако при этом прослеживается четкое понимание того, что у свободы должны быть определенные границы. «Вы хотите неограниченную свободу? – задавал риторический вопрос Ланжюине. – Ну что ж, вы получите вместе с ней анархию³, хаос и угнетение. Потребуете, чтобы она была ограничена правами другого? Вы получите социальный порядок, благотворное правление законов и истинную свободу»⁴.

Хочется также отметить, что в дискуссии ни один из ее участников не предлагал рассматривать свободу как естественное право. Напротив, ее залог в разумном государственном устройстве (мудрой конституции, разделении властей, их обновлении, республике в целом). В то же время ей угрожают деспотизм, партии, тирания, анархия, то есть, опять же, то, что угрожает и стабильности в обществе.

Из большого круга понятий, связанных у термидорианцев со свободой, видно, что с ней ассоциировалось все самое лучшее – и высшее благо, и равновесие властей, и независимость, и законность, и справедливость, и политический порядок. В то же время несовместимыми со свободой считали понятия, окрашенные отрицательно – неограниченную демократию, частые изменения в конституции, невежество и честолюбие.

¹ Moniteur. № 281. Р. 1132.

² Moniteur. № 285. Р. 1148.

³ В 1795 году под «анархией» чаще всего понималось не ее классическое, античное определение, а диктатура монтаньяров.

⁴ Moniteur. № 289. Р. 1166.

Анализ других документов эпохи дает некоторые дополнительные нюансы. Так, например, в одном из проектов, присланных в Комиссию, требовали провозгласить не только свободу делать что-либо, но и свободу не делать – в пример приводился негр-раб, который должен иметь свободу не работать на своего хозяина¹. Не совсем обычное определение свободы давал в своих записях и Сийес: «Свободный человек – тот, кто повинуетя лишь собственной воле. Если он повинуетя общему закону, ему нужно помогать это делать»².

Следующее понятие, включенное в Декларацию, – это «равенство». Из анализа дебатов видно, в какой тесной связи находились для термидорианцев термины «равенство» и «свобода», «равенство» и «права человека». Многие выступления с трибуны Конвента были пронизаны мыслью о том, что равенство необходимо, но не абсолютное, «химера и иллюзия», а равенство прав, равенство гражданское и политическое, равенство перед законом³. Добавлю также, что существовала и настоятельная потребность точно определить, что же такое равенство. «Плохо объясненное равенство – краеугольный камень здания терроризма и анархии», – писал в Комиссию один из ее корреспондентов⁴.

Ст. 3 Декларации 1795 года трактовала равенство следующим образом: «Равенство состоит в том, что закон – един для всех, независимо от того, защищает он или карает. Равенство не допускает никаких различий в зависимости от рождения, никакой наследственной власти». Определение едва ли не более полное, чем было дано в

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 84.

² Таким образом, у Сийеса получается, что, повинаясь существующим в обществе законам, человек утрачивает свободу, однако общество заинтересовано в том, чтобы всячески такого человека поддерживать. A.N., 284 AP 5, d. 1. Doc. 2.

³ В сходном плане равенство рассматривают авторы многих памфлетов и проектов. См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 22; Ibid., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 64; Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d. P. 4; Catéchisme révolutionnaire... P. 14-16; Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Bruxelles, III. P. 18; Catéchisme des décades, ou Instruction sur les fêtes républicaines, établies par La Convention Nationale. Commercy, III.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 78.

1789 и 1793 годах. Чем же вызвана подобная тщательность? Во многом, как мне видится, опытом предыдущих лет Революции.

Томас Пейн, принимавший участие в дискуссии, писал: «Причина всех раздоров, которыми была охвачена Франция по мере продвижения Революции, не в принципе равных прав, а в нарушении этого принципа»¹. Не ставя под сомнение сам принцип, термидорианцы постарались определить его так, чтобы исключить возможность его различных толкований в духе тотального равенства. Как говорил Буасси д'Англа, «гражданское равенство – вот все, что человек разумный может требовать. Абсолютное равенство – химера; чтобы оно существовало, необходимо, чтобы существовало полное равенство в умственных способностях, добродетельности, физической силе, образовании, удачливости всех людей»².

Однако этого обоснования оказалось недостаточно, и был поднят следующий вопрос: почему уже привычное положение Декларации прав 1789 года о том, что «все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», все же отсутствует? Когда Ж. Дефермон (*Defermon des Chapelières*) затронул эту тему при первом чтении, Ланжюине, участвовавший еще в обсуждении первой Декларации прав человека, ответил ему довольно резко: «Мне кажется, что Декларация прав уже составлена, и нам не стоит себя развлекать, составляя вторую в соответствии с совершенно иной системой – иначе мы погрузимся в бесконечные дискуссии». После чего последовало весьма значимое дополнение: «Если бы я хотел входить в детали статьи, которую предлагает Дефермон, то я мог бы сказать, что она была придумана лишь для того, чтобы запретить дворянство. Это было последнее средство, которое у нас с Петионом оставалось³ и которое мы употребили, чтобы уничтожить эту

¹ *Paine Th. Op. cit. Vol. 1. P. 585.*

² *Moniteur. № 282. P. 1136.*

³ Ланжюине имеет в виду эпизод дискуссии вокруг принятия Декларации прав 1789 года, когда Ж.Ж. Мунье предложил сформулировать ст. 1 следующим образом: «Все люди рождаются свободными и равными в правах». Однако Ланжюине и Петион, считавшиеся в то время «левыми», настояли на добавлении слов «и остаются», мотивируя это тем, что

привилегированную касту; но с тех пор как она более не существует, мне кажется, что статья лишилась своего предмета»¹.

Иными словами, вновь звучит тот же мотив: то, что было полезно и актуально в 1789 году, совершенно необязательно повторять теперь, по прошествии шести лет Революции. Однако проблема не только в этом: по мнению термидорианцев, утверждение о том, что люди «рождаются и остаются» равными в правах, противоречит реальности. Как утверждал Майль, «люди рождаются равными, но они не остаются таковыми даже в естественном состоянии, поскольку ничто не гарантировано до учреждения общества; в этом состоянии нет иного права, кроме как права силы. И в общественном состоянии люди сохраняют полученное при рождении право на равенство не более чем в природном, поскольку, вырастая, они не приобретают равную долю силы, равную долю разума и других возможностей». Ведь и право гражданства, продолжал Майль, дается не всем людям².

Обсуждение проблемы равенства выводит нас на тот лейтмотив Термидора, который мы увидим и в ходе анализа дискуссии по иным вопросам: освященные Революцией идеи поверяются практикой и действительностью. «Если принять тот принцип, что люди рождаются свободными и равными в правах, – говорил в Конвенте Ланжюине, – я хочу спросить всех творцов системы, что они будут делать с бешеными, сумасшедшими, женщинами, детьми и иностранцами»³. Отрицает ли это равенство? Отнюдь, поскольку, как напомнил депутат Ж.Ф. Гарран (*Garran-Coulon*), когда ограничения накладываются на всех без исключения, граждане по-прежнему остаются равны.

родиться-то можно свободным, а вот дальше жить в рабстве. См.: *La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Présentée par Stéphane Rials*. P., 1988. P. 222-223.

¹ *Moniteur*. № 290. P. 1169.

² *Moniteur*. № 332. P. 1337.

³ То есть со всеми категориями населения, которые не имели в то время избирательных прав. *Moniteur*. № 295. P. 1188. Отметим, что наброски, хранящиеся в фондах Комиссии, дают возможность увидеть, что в начале этот принцип все же был в проекте. A.N., C 232, d.183 bis * 15B. Doc. 27.

Показателен и финал дискуссии: Ланжюине подчеркнул возможность народного восстания в случае сохранения в Декларации этой статьи и предложил прекратить обсуждение, поскольку раз неамериканец не может претендовать на то, чтобы пользоваться правами, провозглашенными американской конституцией, значит уже не все люди на земле остаются равными в правах, а, следовательно, и вопрос исчерпан¹.

Любопытно посмотреть, что думали об этом некоторые современники за пределами Конвента. «Люди равны, слышим мы, – писал Лезей-Марнезиа. – Физически? Великан докажет вам, что он не равен карлику. Морально? Сократ будет отрицать, что он равен отцу Дюшену. Интеллектуально? Локк никогда не поверит, что он равен Нозлю-Пуанту². В природе? Если бы это было так, то так бы и оставалось. Наконец, в обществе? Да, но и здесь, скажу я вам... Бесспорно, что в обществе те, кто вносит одинаковый вклад, имеют одинаковое право на государственную собственность и на доходы с нее, и в этом плане они равны между собой. Это очевидно, но будут ли им равны те, кто, не внося тот же вклад, захочет присоединиться к ним в пользовании правами? Не будет ли настоящей привилегией возможность получить оттуда, куда ничего не внес?»³. Эти люди «находятся в природном состоянии под защитой государства, никак не более того [...]; это иностранец, защищенный законом, но подчиняющийся законам той страны, где путешествует»³.

А вот мнение автора одного из присланных в Комиссию проектов новой Конституции, профессора истории Ж.М. Экеля: «Именно

¹ Moniteur. № 332. Р. 1336-1337. Разумеется, Америка здесь была приведена лишь для примера, хотя и достаточно авторитетного. Имелось в виду, что в принципе граждане одной страны, находящиеся на территории другой, защищены там законом, но не пользуются при этом рядом прав (например, правом избирать органы власти).

² Пуант (*Pointe*) Нозль (1755–1825), депутат Конвента от департамента Роны-и-Луары, монтаньяр. Чем именно он заслужил противопоставление с Локком мне, признаться, не совсем понятно.

³ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? Р. 35-36. Здесь очевиден отзвук дискуссии о том, кому следует предоставлять право гражданства и возможно ли при этом ввести имущественный ценз, не нарушая принципа равенства – об этом речь пойдет ниже.

во имя равенства разбойники стали хозяевами самой прекрасной империи мира, на много веков назад отбросили науку и искусство, развязали войну со своими же соотечественниками, посылали тысячами людей на эшафот, расстреливали и топили их. Именно этому губительному равенству мы обязаны всеми бедами, которые обрушились на Францию за последние пять лет»¹. «Никакой закон, – считает Лемуар-Ларош, – никакое человеческое могущество не могут сделать ни чтобы Анит² стал Сократом, ни чтобы глупец – гением». Вплоть до наших дней, продолжал он, легче «поместить Марата в Пантеон, чем приставить ему голову Ньютона или Монтескье»³. Об этом же говорится и во многих письмах, полученных Комиссией одиннадцати⁴.

В конце концов, депутаты решают не включать спорную статью в Декларацию; Термидор расстается со стремлением к абсолютному равенству, сохраняя лишь равенство перед законом.

«Безопасность», стоявшая третьей в списке прав человека, особых дискуссий не вызвала. Депутаты согласились с предложенной Комиссией формулировкой, которая гласила: «Безопасность основывается на содействии всех в обеспечении прав каждого» (ст. 4).

Гораздо сложнее обстояло дело с «собственностью».

«Собственность – это право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своих умений (*industrie*)». Так эта статья была сформулирована в проекте, и именно так она вошла в итоговый текст Декларации (ст. 5).

В принципе, включение собственности в число прав человека не содержало в себе ничего нового. Еще в первой Декларации прав она

¹ *Hékel J.M. Nécessité des lois organiques, ou La constitution de 1793, convaincu de Jacobinisme. Paris, III. P. 3-4.* Здесь уже очевидно влияние воспоминаний о правлении монтаньяров.

² Греческий политический деятель V-IV вв. до н.э., один из обвинителей Сократа.

³ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 93.*

⁴ См., например: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P. 28; Ibid., d.183 * bis 3/3. Doc. 104; Ibid., С 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20; Ibid., d.183 bis * 5/3. Doc. 89.

называлась правом «неприкосновенным и священным» (ст. 17). Декларация 1793 года также включала собственность в число «естественных и неотъемлемых прав» (ст. 2), а ее 16 статья легла в основу только что процитированной статьи 1795 года. Об этом же писал впоследствии и депутат Бодо: «Национальный конвент всегда рассматривал собственность как основополагающую часть социального строя, и я никогда не слышал, чтобы хотя бы один член этой Ассамблеи произнес или сделал предложение, противное этому великому принципу»¹.

Однако хотя трактовка собственности в Декларации и устраивала термидорианцев, настоящие споры разгорелись позднее, когда речь зашла о проблемах имущественного ценза. Ниже я остановлюсь на этом подробнее.

В то же время, кроме прав, в Декларацию впервые с начала Революции были включены и обязанности, суть которых наиболее четко сформулирована в двух изначальных принципах: «Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы бы хотели получить сами» (ст. 2).

При этом сама идея также не была нова или оригинальна: аналогичные предложения уже высказывались в 1789 году – например, аббатом Грегуаром. «Вам предлагают начать конституцию с Декларации прав человека и гражданина, – говорил он с трибуны Учредительного собрания утром знаменитого 4 августа. – Подобное творение достойно вас, однако оно будет несовершенно, если не дополнить его обязанностями. Права и обязанности взаимосвязаны, они соотносятся друг с другом, и нельзя говорить об одних, не говоря о других»². В 1793 году с аналогичным предложением выступил депутат Конвента Н. Раффрон (*Raffron*), предложив составить «катехизис республиканских обязанностей»³. Однако оба эти предложения были отклонены.

Теперь же Конвент принимает решение дополнить Декларацию прав списком обязанностей после единичного выступления депутата

¹ *Baudot M.A.* Op. cit. P. 93

² Цит. по: *La déclaration des droits de l'homme et du citoyen*. P. 163.

³ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 517.

Фора 11 мессидора (29 июня)¹. Видимо, опыт последних лет убедил законодателей, что прав без обязанностей не существует. Ведь как писал Т. Пейн в том же 1795 году, «когда мы говорим о правах, мы должны всегда объединять их с идеей об обязанностях: права становятся обязанностями. Право, которым я пользуюсь, оборачивается моей обязанностью гарантировать его другому, а его – мне...»². Много предложений дополнить права обязанностями было и в различных проектах³.

Таким образом, депутаты рассматривали Декларацию обязанностей как зеркальное отражение и необходимое дополнение к Декларации прав. Оба текста теснейшим образом связаны; как говорил Крезе-Латуш, «в Декларации прав вы закрепили политические максимы, служащие предписанием для законодателей; вы должны в то же время закрепить в декларации обязанностей моральные максимы, которые должны служить правилом для граждан»⁴. Подобное понимание взаимозависимости этих двух текстов в полной мере отражено в ст. 1 Декларации обязанностей.

Анализируя Декларацию прав и обязанностей 1795 года, нельзя не обратить внимание еще на одно изменение: не только «естественные права» превратились в «права человека в обществе» (ст. 1), но и суверенитет, который в 1789 году принадлежал Нации (ст. 3), а в 1793 году – народу (ст. 25), стал теперь принадлежать гражданам (ст. 17). Очевидно, подобные перемены не случайны. Посмотрим же, кого новая конституция причисляла к гражданам.

Первый вопрос, который встал перед законодателями: каждый ли житель страны является гражданином? Проект, предложенный Комиссией, исходил из того, что за исключением возраста в 21 год и

¹ Хотя Тибодо в своих мемуарах и отмечает, что большинство членов Комиссии были за Декларацию обязанностей (*Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180), в проекте, предложенном Комиссией Конвенту, она не фигурирует.

² *Paine Th. Op. cit. Vol. 1. P. 579-580.*

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86; Ibid., d.183 bis * 5/2. Doc. 70; Ibid., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 35; *Dupont de Nemours P.S. Op. cit. P. 8*; *Delaplanche. Plan d'organisation applicable à la Constitution qui convient le mieux à la République Française. P., III. P. 101-103; Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d. P. 6.*

⁴ *Moniteur. N° 333. P. 1339.*

годового проживания на территории республики, необходимо еще и быть налогоплательщиком¹. Поскольку поначалу введение института выборщиков не планировалось, для депутатов предусматривался более серьезный имущественный ценз² (который в результате дискуссии оказался переложенным на выборщиков³).

И именно имущественный ценз стал основным камнем преткновения при обсуждении вопросов гражданства и выборов в законодательный корпус. Самым резким выступлением в этой дискуссии была, несомненно, речь Томаса Пейна, произнесенная 19 мессидора (7 июля). Решительно выступив против ценза, Пейн обвинил депутатов в том, что они пытаются изменить саму основу Революции: «от принципов к собственности». Если гражданами будут называться не все, «какое же имя получит оставшаяся часть народа?» – вопрошал он и подчеркивал, что подобный ценз противоречит трем первым статьям Декларации: устанавливающей в качестве цели общества всеобщее благо⁴, провозглашающей равенство и определяющей свободу.

Его выступление вызвало столь резкое противодействие, что даже опубликовать речь решили лишь потому, что каждый депутат имел право печатать собственное мнение о проекте конституции⁵. Однако по существу дела возражений приведено не было, Мерлен из

¹ Тибодо отмечает, что в Комиссии за это выступали Лесаж и Ланжюине. *Thibaut A.C. Mémoires...* P. 182.

² С. Абердам вполне резонно замечает, что говорить «цензитарные выборы» применительно к Революции не совсем разумно – система тогда не была еще ни достаточно жесткой, ни базирующейся реально на каком-то определенном состоянии. Он предлагает термин «*suffrage restreint*», «ограниченное избирательное право», который я охотно принимаю, несмотря на его некоторую громоздкость при переводе на русский язык. *Aberdam S. L'élargissement du droit de vote entre 1792 et 1795...* P. 46.

³ Интересный парадокс: с одной стороны, декларировалось, что поскольку имущественный ценз вводится для выборщиков, то для депутатов он не обязателен – их можно избирать и по талантам. С другой, как обмолвился Крезе-Латуш, «я признаю, что большая часть законодателей выйдет из выборщиков». *Moniteur*. № 309. P. 1244.

⁴ На тот момент от нее еще не отказались.

⁵ *Moniteur*. № 292. P. 1177. Более подробно о точке зрения Пейна см. уже упомянутую диссертацию Я. Боска «*Le conflit des libertés. Thomas Paine et le débat sur la Déclaration et la Constitution de l'an III*».

Дуэ лишь с горячностью отметил, что отнюдь не только собственник может быть гражданином, а любой, платящий налоги, и выразил уверенность, что депутаты не захотят вручить судьбу государства «людям, которые ничего из себя не представляют и ничего не проиоводят»¹. Вторя ему, Ланжюине напомнил, что Франция уже была под управлением людей «в сорок су», а Буасси даже предложил высказываться только против ценза: «Бессмысленно доказывать то, что все и так прекрасно понимают». Байель добавил, что человек может и начать платить налог, если захочет стать гражданином, подчеркнув при этом: «Мы отнюдь не хотим исключить ни почтенного отца семейства, ни трудолюбивого ремесленника, ни уважаемого рабочего»².

Идея Комиссии, сформулированная Дону (которого поддержали Крезе-Латуш и Ланжюине), заключалась в том, что каждый гражданин должен принимать какое-либо посильное участие в делах общества, платить какой-либо налог: «Мы не делили граждан на классы, никому не закрывали двери в первичные собрания», нет никаких ограничений, в каком виде вносить этот вклад (тогда как в Конституции 1791 года это было четко установлено). Однако Дюбуа-Крансе предложил иной вариант: установить небольшой личный налог, который будет давать право быть гражданином. К тому же можно было бы предписать вносить его не менее, чем за год до выборов, что позволило бы избежать подкупа в последний момент.

Это предложение вызвало новую бурю споров. С одной стороны, многие высказывались за подобный налог, говоря, что каждый, кто не хочет платить столь мизерную сумму, демонстративно показывает, что ему нет дела до общества. Более того, этот специальный налог, равный для всех, позволил бы нивелировать разницу между богатыми и бедными, чтобы у первых не возникало мыслей о том, что, раз их отчисления государству более значительны, они имеют и больше прав³ (лишь Ж.Б. Жиро-Пузоль (*Girot-Pouzol*) высказался

¹ Moniteur. № 295. Р. 1188.

² Moniteur. № 295. Р. 1188-1189.

³ В этом плане отметим выступление депутата П.М.А. Гийомара (*Guyomar*), требовавшего гарантий не только против тех, кто может поддаться коррупции, но и против тех, кто может пытаться подкупить бедняков; он

более откровенно, заявив, что он не хотел бы видеть в первичных собраниях тех, кто был виной всех наших бед в течение Революции)¹. Однако Дону возразил, что не стоит заставлять платить еще один налог: это может только отвратить от участия в общественных делах и быть обременительным, к тому же сильно напоминает покупку билета на спектакль, с той лишь разницей, что билет в театр не надо приобретать за год. А Ларевельер-Лепо резонно добавил, что в этом случае глава бедной семьи, до того плативший один налог, был бы вынужден платить несколько.

Соображение показалось депутатам обоснованным. Особенно после того как Дюбуа-Крансе напомнил, что гражданство нельзя купить, заплатив налог, поскольку оно заложено в Природе, а Дону возразил ему, что оно настолько не заложено в Природе, что приобретается только благодаря договору, то есть когда человек переходит из природного в общественное состояние². Поспорив о том, заработку за сколько рабочих дней должен равняться этот налог – за один или за три³ – остановились на последнем.

Стоит отметить, что выступление Пейна возымело обратное действие на законодателей. Вместо того, чтобы убрать имущественный ценз и привести проект в соответствии с Декларацией, было решено вычеркнуть первую статью Декларации – ту самую, которая провозглашала, что люди рождаются и остаются равными в правах.

В то же время сама проблема собственности была, несомненно, шире этой конкретики; здесь столкнулись две противоположные концепции представлений о функционировании общества. Как отмечал Я. Боск, «если принять в качестве цели общества гарантирование права собственности, то логично отдать его под управление собственников и признать за собственностью моральное

предлагал, чтобы гражданин, имеющий более 30 тысяч ливров ренты, не мог быть выборщиком. Правда, другого ответа, кроме восклицаний: «О! Какой абсурд!» он не получил. *Moniteur*. № 309. Р. 1244.

¹ *Moniteur*. № 297. Р. 1197-1198.

² Спор, без сомнения, более чем показательный, однако не рискну сделать вывод, можно ли здесь увидеть столкновение демократической и либеральной традиций, или это были разногласия, основанные на конкретных личных убеждениях.

³ *Moniteur*. № 298. Р. 1199-1200.

превосходство; если же напротив считать, что общество должно гарантировать право на существование, то быть собственником – уже не показатель добродетельности, и отправление права собственности не должно давать никаких особых преимуществ при управлении обществом»¹.

Дискуссии на эту тему с большей или меньшей интенсивностью идут до сего дня. Отечественная историография традиционно выделяла Конституцию III года из общего ряда, упрекая термидорианцев в том, что они хотели «обеспечить привилегии богатства и собственности»², «безраздельное господство собственников»³ – и это несмотря на то, что о якобинской конституции А.В. Гордон еще 30 лет назад написал, что ее «краеугольным камнем было право собственности»⁴. Очевидно, что здесь советские историки следовали курсом, проложенном еще «первыми коммунистами», в частности, Буонарроти. «Достаточно самого поверхностного рассмотрения, – писал он, – чтобы убедиться, что принцип сохранения богатства и нищеты являлся основой для всех частей этого здания»⁵.

Западная историография, за исключением «якобинской», в основном более умерена и фактически солидаризируется с приведенной выше точкой зрения Бодо. «Не думаем, – писал М. Ренар, – что упоминание этого права характеризует термидорианскую реакцию»: оно упоминается почти в том же контексте, что и в Конституции 1793 года, к тому же собственность не была объявлена священной и нерушимой, как в 1789 году⁶.

И это действительно так – к 1795 году признание исключительной роли собственников в управлении страной стало среди термидорианской политической элиты настолько общим местом⁷, что было

¹ Bosc Y., Wahnich S. Les voix de la Révolution. P., 1990. P. 297

² Ревуненков В.Г. Очерки по истории... С. 429.

³ История Франции. Т. 2. С. 83.

⁴ Гордон А.В. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ. 1972. М., 1974. С. 155.

⁵ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 123.

⁶ Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 68.

⁷ Ни в одном из писем или проектов, присланных в Комиссию одиннадцати, это не оспаривается.

бы удивительно, если бы составители проекта Конституции этого не учли. Приведу лишь несколько высказываний современников.

Фрерон: «Собственность – единственный фундамент и единственная гарантия хорошего правления. [...] Собственность – основа общества»¹. Лезей-Марнезия: «Только собственник имеет право распоряжаться своей собственностью, и только собственники имеют право управлять страной»². Дюпон де Немур: «Очевидно, что собственники, без согласия которых никто в стране не может ни жить, ни есть, – в высшей степени граждане. Они – суверены милостью Божьей, милостью природы, их работы и успехов их предков»³.

За пределами Конвента проблема собственности также оживленно обсуждалась. Не углубляясь в подробности, упомяну лишь, что многие авторы приходивших в Комиссию писем предусматривали для граждан реальный имущественный ценз, а не только уплату налога⁴. В то же время, естественно, были корреспонденты, настаивавшие на том, чтобы гражданство предоставлялось всем. Однако практически всегда после этого предлагалось разделять право избирать и быть избранным, вводя ценз либо для выборщиков, либо для депутатов⁵.

Разумеется, нельзя сказать, что по данным вопросам в обществе существовал консенсус. Если правом голоса обладает тот, кто платит 10 ливров, писал один из корреспондентов Комиссии, то у того, кто платит 20, должно быть 2 голоса, а 1000 ливров – 100 голосов⁶. И эта точка зрения также была обоснована, ведь, как говорилось в одном из памфлетов той эпохи, «природа, без сомнения, не в большей мере создала собственников, чем дворян»⁷. Однако на решение Конвента это не повлияло.

¹ Цит по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 417-418.

² *Ibid.* Vol. 2. № 16. 19.IX.95. P. 503.

³ Цит по: *Aulard A.* La Constitution de l'an III... P. 123. Этот ряд высказываний можно еще продолжать и продолжать.

⁴ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 12.

⁵ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 84.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

⁷ *Observations sur le droit de cité, et sur quelques parties du travail de la commission des onze.* P., an III. P. 1

Собственность казалась термидорианцам одной из немногих основ для устойчивости, стабильности режима. С одной стороны, люди не бедные, как правило, являлись противниками дальнейшего перераспределения имущества, а значит, и противниками продолжения Революции. С другой, – собственники поддержат только то правительство, которое даст им гарантии от подобного перераспределения. Они не пойдут ни за монтаньярами с их эгалитарными тенденциями, ни за ультрароялистами – из опасения возвращения эмигрантов.

Буасси д'Англа счел необходимым подчеркнуть, что «бедность неимущих имеет такое же право на защиту, как и изобилие богатых; произведенное ремесленником, как и урожай земледельца». Однако, пояснял он, «мы считали, что каждый гражданин должен [...] быть свободным и независимым; в то время как те, кто является прислугой, не кажутся нам ни первыми, не вторыми»¹. Без сомнения, часто цитируемая фраза: «нами должны управлять лучшие» (под которыми понимались люди, обладающие собственностью) действительно была им произнесена, однако он тут же мотивировал свое мнение: «Лучшие более образованы и более заинтересованы в поддержании законов; итак, за малыми исключениями, вы найдете достойных людей лишь среди тех, кто, обладая собственностью, привязан к стране, в которой живет, к законам, которые его защищают»². И вопрос о том, как же те, у кого ничего нет, смогут правильно устанавливать налоги, также имел под собой почву: страна уже пережила и экономические эксперименты монтаньяров, и экспроприации, и максимум³.

В плане защиты собственности характерно, что, помимо включенного в Декларацию положения о том, что никто не может ни

¹ Moniteur. № 282. Р. 1137.

² Moniteur. № 282. Р.1136.

³ В то же время нельзя не обратить внимание и на мысль Ф. Брюнель: хотя имущественный ценз в 1795 году и был значительно меньше, нежели в 1791 году, при Директории не платившие налог выводились за рамки граждан, тогда как по Конституции 1791 года они оставались гражданами, пусть и пассивными. *Brunel F. Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne...* Р. 471.

продавать себя, ни быть проданным (ст. 15), было предложено добавить и еще одну статью, почти дословно взятую из текстов 1789 и 1793 годов: «Никто не может быть лишен своей собственности без его согласия, кроме случаев, когда этого требует законным образом установленная общественная необходимость, и лишь при условии справедливого возмещения». При этом депутаты сразу же обратили внимание на исчезновение из проекта уточнения о том, что это возмещение обязательно должно быть предварительным. И только благодаря выступлению депутата Гаррана, напомнившего, что государство иногда вынуждено действовать без промедления, проект решили не менять¹.

Помимо этого, в 1795 году должен был решиться главный вопрос, волновавший крестьян и покупателей национальных имуществ: сохранят они свои земельные приобретения или будут и далее подвержены всем превратностям судьбы? Кроме цензовых гарантий, для этих слоев населения важен был и еще один аспект проблемы – эмигранты. И хотя генерал Дюмурье выступал против того, чтобы гарантировать всем их имущества независимо от того, как они были приобретены², а граф д'Аллонвиль писал, что статья 373 новой Конституции³ шокировала общественное мнение, которое должна была сделать единым, и что депутаты поступают недальновидно, используя принцип «собственники», а не «собственность»⁴, Конвент постановил: эмигрантам возврата нет. Собственники (в первую очередь, естественно, владельцы национальных имуществ) могли не волноваться.

В то же время имущественный ценз был отнюдь не единственным цензом, который пришлось обсуждать депутатам Конвента,

¹ *Moniteur*. № 290. P. 1169.

² *Dumouriez Ch.F.* De la République. Suit de coup d'œil politique sur l'avenir de France. Hambourg, 1795. P. 71.

³ «Французская нация провозглашает, что ни в коем случае она не потерпит возвращения французов, покинувших родину после 15 июля 1789 года [...] и запрещает Законодательному корпусу принятие новых исключений по этому вопросу. Имущество эмигрантов безвозвратно переходит в доход Республики».

⁴ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 37.

поскольку для получения гражданства предполагалось введение еще четырех цензов: оседлости, возрастного, профессионального и образовательного.

Предлагая ввести ценз оседлости, депутаты опасались двух вещей: того, что в противном случае иностранцам будет слишком легко получить французское гражданство (при этом опасение, что английское правительство может быстро заселить Францию своими людьми, высказывалось абсолютно всерьез¹), и того, что некие интриганы, наподобие людей Робеспьера или богачей, смогут слишком легко влиять на результаты выборов в коммунах, если не поставить на их пути необходимые преграды².

Боязнь вмешательства иностранцев предопределила еще одну короткую дискуссию – по поводу лишения гражданства в случае тесной связи с иностранными правительствами (получения гражданства другой страны, должностей, пенсий и т.д.). И здесь в ответ на мысль, что едва ли стоит добровольно лишаться ученых и писателей, новых Платонов, исход дебатов предопределила реплика Ланжюине: «Пусть эта статья вынудит нас потерять одного Платона, зато от скольких интриганов она нас избавит», – и Конвент вотировал вариант, предложенный Комиссией³. Отмечу попутно, что в весьма настороженном отношении к иностранцам Ассамблея в то время была не одинока⁴. Против слишком легкого предоставления им гражданства высказывались и в памфлетах⁵, и в письмах, адресованных Комиссии одиннадцати⁶.

¹ Moniteur. № 298. Р. 1202.

² Moniteur. № 301. Р. 1213.

³ Moniteur. № 298. Р. 1202.

⁴ Несомненно, это вписывается и в более широкий контекст изменения отношения к иностранцам в ходе Революции: если в августе 1792 года целому ряду знаменитых иностранцев торжественно предоставлялось французское гражданство, то уже в декабре 1793 года двое из них, Клоотс и Пейн, оказываются арестованы. «Пробуждение национализма, – отмечает Матьез, – с каждым днем проявляло себя все больше и больше». *Mathiez A. La Révolution et les étrangers. Cosmopolitisme & défense nationale.* Р., 1918. Р. 177.

⁵ *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. Р. 28-29.

⁶ А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87, 109, 110.

Возрастной ценз вызвал меньше споров, хотя по присланным в Комиссию проектам видно, что его понижение между 1791 и 1793 годами с 25 лет (для активных граждан) до 21 года еще не успело укорениться в массовом сознании¹: большинство авторов увеличивали возраст для получения гражданства до 25 или даже 30 лет². Однако Конвент оставил это положение Конституции 1793 года неизменным.

Кроме того, чтобы стать гражданином, человек обязан был иметь профессию: здесь законодатели полагали, что они в праве и в силах не только позаботиться о благе человека, но и заставить его быть счастливым³ (явный отзвук идей Руссо). Были, конечно, и опасения, что тогда две трети населения лишатся права гражданства⁴, но в ответ предлагалось не вводить этот ценз немедленно. «Человек рождается гражданином не более чем художником или воином, – писал один из корреспондентов Комиссии одиннадцати. – Для того, чтобы быть подданным короля или рабом деспота, достаточно рук и ног, но в республике необходимо владеть полезными Родине профессиями. Равенство отнюдь не нарушается, поскольку все могут их приобрести»⁵.

И последнее – образовательный ценз. Его введение также находилось в русле идей просветителей. «Просветители положили начало революции, – отмечал Б. Бачко, – просветителями она и должна быть окончена»⁶. Кроме того, эта идея вставала в один ряд с мероприятиями, целью которых было предотвратить возврат к

¹ Во время пребывания во Франции, мне случилось увидеть отпечатанный в провинции декрет Конвента, где возрастной ценз – по случайной или намеренной ошибке – по-прежнему указывался в 25 лет.

² См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25.

³ Moniteur. № 298. P. 1202.

⁴ И среди корреспондентов Комиссии профессиональный ценз поддерживали не все. Эта идея Руссо, возможно, была бы хороша для небольших стран, – писал, например, один из них, – но едва ли она подходит для Франции «Я подозреваю, – добавлял тот же автор, – что это какой-нибудь друг абсолютного равенства» включил в конституцию данное условие. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 35.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 106.

⁶ Baczko B. Thermidoriens. P. 437.

прошлому. В ходе дискуссии Дону подчеркивал: мы уже пережили господство людей, которые не умели ни читать, ни писать¹. При этом получение образования² – в пример ставятся Руссо и Франклин – можно прекрасно совмещать с обучением профессиям.

Еще один аспект введения образовательного ценза – его тесная связь с идеями равенства³. Залог гражданского равенства – независимость людей друг от друга, а образование как раз и дает подобную независимость⁴. Тот, кто не умеет ни читать, ни писать, считали депутаты, не может быть независимым⁵. Если человек не способен научиться грамоте, то он и не должен быть гражданином: ведь он даже не сумеет прочесть, за кого голосует⁶; не сможет быть в курсе событий и окажется не в силах составить о них самостоятельное мнение⁷.

Следует сказать, что термидорианский Конвент не только настаивал на том, чтобы граждане обладали хотя бы минимальным образованием, но и прикладывал немало усилий для развития наук и искусств⁸. За короткое время учреждаются Политехническая школа (сентябрь 1794), Эколь нормаль (октябрь 1794), принимается закон, посвященный новой организации начального образования (ноябрь 1794), совершается переход на метрическую систему мер и весов (апрель 1795), создаются Бюро долготы – научное общество математиков и астрономов (июнь 1795), консерватория в Париже (август 1795), Музей французской скульптуры (октябрь 1795). И, наконец, 25 октября 1795 года основывается Институт – новая

¹ Скорее всего, Дону имеет в виду, в первую очередь, власти на местах, поскольку ему было хорошо известно, что членов монтаньярского Комитета общественного спасения едва ли можно было упрекнуть в необразованности.

² В воспоминаниях Тибодо отмечается, что за введение образовательного ценза внутри Комиссии выступал Боден. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 182.

³ Как говорил с трибуны Конвента Ж. Лаканаль (*Lakanal*): «Школа заменила террор как инструмент равенства». Цит. по: *Ozouf M. Egalité // DCRF*. P. 709.

⁴ *Moniteur*. № 299. P. 1203-1204.

⁵ *Moniteur*. № 282. P. 1137.

⁶ *Moniteur*. № 299. P. 1205.

⁷ *Moniteur*. № 301. P. 1212.

⁸ Подробнее см.: *Бачко Б.* Культурный поворот III года Республики.

Академия наук. В Эколь нормаль в то время преподавали Г. Монж, К.Л. Бертолле, Ж.Л. Лагранж, К.Ф. Вольней, Ж.А. Бернарден де Сен-Пьер и П.С. Лаплас, – весь цвет французской науки. При Национальной библиотеке было организовано изучение восточных языков¹.

В итоге само введение профессионального и образовательного ценза больших возражений среди депутатов не вызвало. Однако, вопреки проекту, Конвент постановил, что соответствующие статьи Конституции вступят в силу не с IX, а с XII года Республики².

С дискуссией о праве гражданства и обсуждением цензовых вопросов тесно связана и еще одна проблема: должны ли выборы производиться напрямую или же стоит ввести специальный институт выборщиков, прекрасно известный еще по Конституции 1791 года.

Интересны аргументы, которые приводились в пользу института выборщиков в памфлетах и переписке Комиссии. Крестьянин хорошо знает только тех, кто окружает его – нотариус, кюре, мэр деревушки уже кажутся ему большими людьми, особенно, если они еще и богаты, писал Бодуэн (*Baudouin*) в своем проекте, озаглавленном «Несколько идей о Пересмотре конституционного акта». «Таким образом, Законодательный корпус будет переполнен невежественными крестьянами, которых легко смогут ввести в заблуждение внутренние факции и иностранные интриги»³. Ссылались даже на опыт армии, где существовали трехступенчатые выборы капралов, сержантов и офицеров⁴.

¹ *Miquel P.* Op. cit. P. 542; *Baczko B.* Vandalisme // DCRF. P. 905; *Чудинов А.В.* Ученые и Французская революция // Наука и человечество. 1991. М., 1991. С. 39.

² *Moniteur.* № 301. P. 1213. Отметим, что и в переписке Комиссии подобные цензовые ограничения предусматривались (см., например: A.N., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 106). В то же время одно из самых существенных цензовых предложений – необходимость для гражданина иметь семью, принято не было. Хотя, как писал один корреспондент о холостяках: «Они ни к чему не стремятся, кроме своих страстей, они всегда готовы всем пожертвовать, даже отечеством». A.N., С 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 53.

³ A.N., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87. Ср. у Дюпона де Немура: «Никто не может хорошо судить о том, чего не знает, а жители деревень знают лишь своих соседей». *Dupont de Nemours P.S.* Op. cit. P. 23.

⁴ A.N., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

Однако Боден, выступая от имени Комиссии, предложил обойтись без выборщиков: больше шансов, что депутатами станут достойные, поскольку «опыт прошедших лет однозначно напоминает, что в основном только выборщики и бывали избранными». К тому же это давало бы возможность не собирать первичные собрания в какое-то жестко установленное время. Каждый приходил бы и голосовал, когда ему удобно, что заодно резко уменьшило бы шансы на то, что эти собрания объявят себя постоянными или попытаются обсуждать какие-либо посторонние проблемы¹. Он был поддержан рядом депутатов, исходивших и из других соображений (например, считавших, что свести право гражданства к праву назначать выборщика – означает практически его лишить).

Однако в конце концов институт выборщиков все же появился в Конституции, поскольку, с точки зрения многих законодателей, разрозненным первичным собраниям было бы даже чисто технически трудно договориться о единых кандидатах. Помимо этого, появлялась возможность ввести на уровне выборщиков имущественный ценз, освободив от него будущих депутатов.

Отметим в связи с этим, что во время дискуссии в Конвенте не был решен один вопрос, казавшийся на местах более чем принципиальным: как именно следует проводить выборы, в какое количество туров, относительным или абсолютным большинством. Он всплыл только 27 термидора (14 августа), уже при втором чтении. Тогда на предложение записать в Конституцию, что выборы должны производиться абсолютным большинством, Дону ответил, что Комиссия долго размышляла над этим кругом проблем и сочла, что наилучшее их решение содержится в проекте Кондорсе; впрочем, оно слишком сложно, чтобы можно было его рекомендовать. Что же касается абсолютного большинства, то в первом туре оно практически невозможно, а во втором большинство уже не является абсолютным, так как во второй тур проходят не все кандидаты².

Попробуем подвести некоторый итог. Историки спорят, нарушала ли эта Конституция права человека (при этом, разумеется, все

¹ Moniteur. № 302. Р. 1216-1217.

² Moniteur. № 333. Р. 1340.

зависит от того, что понимает тот или иной автор под этими правами). Естественные права, права человека в обществе – ни среди просветителей, ни, позднее, среди революционеров не было полного согласия, не существовало единого, признаваемого всеми «списка» таких прав.

Может быть, следует сказать по-другому: среди термидорианской политической элиты существовал известный консенсус по поводу необходимости четкого обозначения (а порой и ограничения) тех прав, которые провозглашались в предыдущих декларациях и конституциях. Одним из базовых аргументов здесь являлся прагматизм. При том состоянии экономики, в котором находилась Франция после Термидора, едва ли было возможно записать в конституции право на труд. Не менее странным и опасным казалось депутатам декларирование того, что все люди не только рождаются, но и остаются равными, а также провозглашение ничем не ограниченного права на восстание: термидорианцы пытались строить правовое государство¹, в котором все спорные вопросы, все противоречия между народом и его представителями должны были решаться парламентским путем, прежде всего через ежегодные выборы. Для постоянной корректировки деятельности законодателей непосредственно в ходе сессий предусматривалась широкая свобода печати.

Анализ Декларации прав дает возможность обозначить первые подходы, позволяющие принять участие в историографической дискуссии, речь о которой более подробно шла ранее: чем же была Конституция III года? Возвратом в 1789? Разрывом с 1789?

Напомню, часть историков полагает, что в 1795 году очевидно имеет место возврат к проблематике 1789 года (разумеется, с теми модификациями, которые были привнесены накопленным опытом). В новой Декларации, уверен Ф. Фюре, «мы находим верховенство

¹ Разумеется, эти оценочные моменты, как и любые другие, весьма спорны. Вполне можно считать, что все разговоры о свободе и правах человека были для термидорианцев не более чем демагогией; что они пытались строить не правовое, а удобное для них государство; что прямые выборы и отсутствие имущественного ценза были бы куда более демократичны и т.д.

закона, выражение всеобщей воли как гарантии прав. Равенство, как всегда, в числе прав человека, вместе со свободой, безопасностью, собственностью, но оно вновь обретает свой статус 1789 года, определенный одними и теми же правами каждого гражданина перед лицом закона». Вновь был рассмотрен и вопрос о народном суверенитете, поскольку «депутаты отныне знали, что власть более подавляющая, чем бывшая монархия, может править от его имени»¹.

Сходную точку зрения защищает и Д. Воронов. Он пишет: «Если Конституция 1793 года могла быть определена с точки зрения ее демократических и эгалитарных устремлений, новые институты базировались на двух принципах: собственность и свобода. Тем самым термидорианцы вновь обрели связь с Конституцией 1791 года, иными словами, с доминирующей идеологией века. Вне всякого сомнения, равенство было обеспечено, но заключено в границы равенства гражданского»².

И в самом деле, если посмотреть дебаты 1789 года вокруг принятия Декларации прав, можно в изобилии увидеть те же тезисы, из которых исходили термидорианцы: и о верховенстве закона, и об опасностях, которые может таить Декларация для народа непросвещенного, и о необходимости дополнить ее обязанностями, и о том, что «первое право человека – это собственность и личная свобода», и многие, многие другие³.

Принципиально противоположные взгляды защищают сторонники иного исторического направления. «Буасси д'Англа и термидорианский Конвент, который проголосовал за Декларацию и Конституцию III года, старались не вернуться в 1789 год, а напротив, избежать этого возвращения, – утверждает Я. Боск. – Нужно повторить, что общее место в историографии, полагающей, будто Декларация III года воспроизводила в основных чертах текст 1789 года, – это ошибка. Напротив, именно потому, что она порывала с 1789 годом, термидорианский Конвент порывал с 1793 годом»⁴.

¹ *Furet F.* La Révolution. P. 171.

² *Woronoff D.* Op. cit. P. 40-41.

³ La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. P. 146-147, 155, 163, 172.

⁴ *Bosc Y.* Boissy d'Anglas... P. 401.

«Легитимность правительства отныне была основана не на абстракции естественных прав, а на позитивном праве, укорененном в истории революции»¹. При этом подчеркивается, что речь идет именно о разрыве политическом, а не об отрицании исторической преемственности².

С этой точки зрения, истинная преемственность сохранялась только в 1789–1794 годах. В Конституции III года нет упоминания о естественных правах человека, которые общество, по мнению просветителей и «людей 1789 года», должно было реализовать, не прописана цель общества, нет гарантии прав человека (права на сопротивление угнетению, как в 1789 году, или же на восстание, как в 1793 году). Отсутствие имевшейся в проекте статьи о том, что цель общества – всеобщее благо и правительство (*gouvernement*) конституируется для гарантирования прав человека, лишает, по мнению Боска, этот текст не только внутренней логики, но и самого смысла существования, «*raison d'être*». Коль скоро закон не становится безоговорочно выражением всеобщей воли, а народ делегирует свои права бесконтрольно, Декларация прав 1795 года знаменует резкий разрыв со своими предшественницами³.

И дело отнюдь не в нескольких отмененных статьях якобинской конституции, которые казались термидорианцам наиболее одиозными; речь идет о разрыве логической цепи, начатой в 1789 году⁴. «Новая политическая теория, – отмечает Готье, – не признавала более ни принципа народного суверенитета, ни первоначального акта добровольного объединения. Гражданство, не будучи более естественным правом, потеряло свой универсальный характер. Термидорианцы установили аристократию богатых мужчин, уплачивающих прямой налог, которая, в частности, исключала бедняков, безработных, неграмотных и домашнюю прислугу»⁵.

¹ Bosc Y. Le citoyen contre l'homme? P. 132.

² Bosc Y. 1789-1795: discontinuités. Выступление на семинаре, посвященном проблемам III года. Первое заседание, 2.12.1995.

³ Bosc Y. La Déclaration des droits de 1795 et le projet politique thermidorien. DEA. Dir. M. Vovelle. Université Paris I, 1989. P. 16, 31, 36ss, 48.

⁴ Bosc Y. Boissy d'Anglas... P. 397.

⁵ Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel. P. 252.

Однако мне представляется, что многие термидорианцы никогда не согласились бы с подобными утверждениями. Так, например, Дюпон де Немур прямо писал, что Комиссия «вернула нас в ту же точку, в которой мы находились 15 июля 1789 года»¹. Стоит обратить внимание и на реакцию Дону, когда в самом начале дискуссии депутат Рузэ попробовал убедить его в том, что проще всего вместо Декларации предпослать Конституции «речь, которая не имела бы характера закона». «Может быть, правда, – сказал тогда Дону, – что в 1789 году было бы более мудро составить ее так, как предлагает Рузэ, но сегодня делать это было бы опасно»².

С другой стороны, естественные права и в самом деле упоминались в дискуссии лишь несколько раз. Однако ее анализ приводит к выводу о том, что законодателей по-прежнему продолжали волновать свобода и равенство. Оставались ли они при этом *естественными* правами? Мне кажется, что термидорианцы уходили от бесплодных дискуссий на эту тему. Как писал Ленуар-Ларош, «философы слишком много рассуждали о природном состоянии. Оно не существует даже у дикарей, поскольку эти народы уже объединены»³.

В то же время, во многом законодатели находились, на мой взгляд, в русле идеологического наследия просветителей и 1789 года. «Равенство – одно из естественных прав, которые человек сохраняет в общественном состоянии», – подчеркивал Гарран⁴. «Право не утрачивается, не будучи провозглашенным», – утверждал Э.П.А. Виллетар (*Villetard*)⁵. Декларация, которую предлагает Комиссия, напоминал Крезе-Латуш, – «это декларация прав человека и гражданина; таким образом, она рассматривает человека и в природном, и в общественном состоянии»⁶.

¹ *Dupont de Nemours P.S. Observations sur la constitution proposée par la commission des onze et sur la position actuelle de la France. P., III. P. 5.*

² *Moniteur. № 289. P. 1165.*

³ *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 85.*

⁴ *Moniteur. № 332. P. 1337.*

⁵ *Ibidem.*

⁶ *Moniteur. № 332. P. 1338.*

На первый взгляд, аргументация сторонников концепции «разрыва» выглядит намного более убедительно. Они не отрицают, что задачей термидорианцев было сохранение завоеваний Революции, однако полагают, что в своем стремлении остановить Революцию «люди 1795 года» отказались от тех идеологических постулатов, которые лежали у ее истоков, и, тем самым, порвали с предшествующей политической традицией¹.

Однако не стоит ли посмотреть на эту проблему под несколько иным углом зрения? Когда в 1789 году были провозглашены изначальные принципы Революции, они далеко не сразу и не полностью начали претворяться в жизнь. Даже Конституцию 1791 года, которой законодатели предпослали первую Декларацию прав, трудно рассматривать как практическую реализацию этих принципов: одно только разделение граждан на активных и пассивных уже не соответствовало принципу равенства. Если следовать этой логике, то лишь якобинскую конституцию можно трактовать как наиболее соответствующую духу Декларации прав. Однако, не будучи введенной в действие, не осталась ли и она, в некотором роде, своеобразной декларацией, так и не получившей силу закона?

Мне видится, что термидорианцы столкнулись с противоречием между принципами, провозглашенными в 1789 году, и реальной законодательной практикой. Сохранить принципы нетронутыми оказалось невозможно. Более того, стало очевидно, что теоретические споры вокруг философских проблем (таких, например, как естественные права человека) выходят за рамки конституции, являясь в известной степени схоластическими. Как предлагал во время дискуссии Ланжюине, «оставим философам столь тонкие материи»².

В 1795 году существовало два варианта выхода из этой ситуации. Один из них – полностью отказаться от декларации прав, ограничившись одной лишь конституцией. Следы этого подхода мы уже видели в дискуссии в стенах Конвента, есть они и в переписке Комиссии. «Права человека хороши, чтобы ниспровергнуть какое-

¹ Bosc Y. Arrêter la Révolution, conserver la Révolution.

² Moniteur. № 332. P. 1337.

либо государство, – утверждал один из ее корреспондентов. – Они выполнили эту задачу в 1789»¹.

Однако большинство термидорианцев не случайно остановилось на другом варианте. «Декларация прав кажется менее полезной сегодня, чем в 1789 году, – откровенно писал Лувэ. – Но следует ли из этого, что нужно отказаться от нее, отвергнуть это введение в Конституцию? Мы отнюдь так не думаем; нам лишь кажется, что нужно составить ее с большей осторожностью, чем в 1793 и даже в 1791 годах»². Что и было сделано. Отбросив спорные вопросы, депутаты постарались составить новую Декларацию в соответствии с духом, а не буквой 1789 года. Гражданское равенство, свобода, собственность, безопасность – все эти права человека по-прежнему гарантировались. Но гарантировались *в обществе*, то есть именно в той сфере, к которой, собственно, и относилась конституция.

И ее *raison d'être*, несомненно, виделся депутатам в ином. Лучше всего об этом, пожалуй, сказал Камбасерес: «Декларация прав – это, так сказать, вдохновитель (*le patron*) конституции, а она сама – не более чем собрание регламентирующих законов, основанных на декларации»³. Иными словами, предполагалось, что законодатели будут руководствоваться Декларацией в качестве моральной основы для составления законов (и Конституции в том числе).

Теперь же, когда были определены принципы, на которых государству предстояло базироваться, необходимо было решить, каким образом оно будет управляться.

¹ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 2.

² La Sentinelle. 20 messidor (8.07.95.). № XV. P. 58.

³ Moniteur. № 289. P. 1166.

Глава V

«Ни короля, ни анархии!»: организация исполнительной и законодательной власти

В соответствии с проектом Комиссии одиннадцати будущая государственная система должна была выглядеть следующим образом: законодательная власть состояла из двух палат – Совета пятисот (500 депутатов, разрабатывающих законопроекты) и Совета старейшин (250 депутатов, принимающих законы), а исполнительная вручалась Директории из пяти человек, назначаемой Советом старейшин по списку, представленному Советом пятисот.

Первое новшество, которое обращает на себя внимание, – это, безусловно, двухпалатный Законодательный корпус. Еще во времена Учредительного собрания Конституционный комитет предлагал разделить его на Сенат и Палату представителей¹, однако тогда эта идея так и не была воплощена в жизнь. В 1795 году с аналогичным предложением выступила Комиссия одиннадцати. «Комиссия не претендовала быть более мудрой, – писал по этому поводу Тибодо, – чем основатели американской республики; Конвент был просвещен своим собственным опытом; так что двухпалатная система была одобрена практически единогласно» (против был лишь Берлье)².

Комиссия была в этом плане не одинока: разделение Законодательного корпуса предусматривалось и в многочисленных проектах³ в качестве своеобразного самоограничения законодательной власти, должного придать ей дополнительную устойчивость⁴ и

¹ *Baker K.M. Constitution // DCRF. P. 544-545.*

² *Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 182.*

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25; Ibid., d.183 bis * 4/2. Doc. 52; Ibid., d.183 bis * 4/2. Doc. 70; Ibid., d.183 bis * 4/3. Doc. 94 и многие другие.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 48.

гарантировать законодателей от «пагубного воздействия энтузиазма» – то есть поспешности и необдуманности¹.

Однако прежде чем переходить к рассказу о дискуссии в стенах Конвента², рассмотрим подробнее, какие предложения получала по поводу новой структуры законодательной власти Комиссия одиннадцати, а также коснемся проектов, разрабатывавшихся журналистами и публицистами.

Что касается писем, полученных Комиссией, то они, прежде всего, четко делятся на две группы: написанные до 5 мессидора III года (даты выступления Буасси д'Англа, когда проект был предан гласности) и после этой даты. Очевидна эволюция взглядов их авторов: вначале постепенный отказ от представлений, диктуемых Конституцией 1793 года, затем, после речи Буасси, появление принципиально новой базы для размышлений и полемики.

При этом, поскольку решение о выработке нового проекта основного закона было принято Комиссией без какого-либо специального постановления Конвента на эту тему, авторам, работавшим в жерминале-прериале, нередко приходилось так или иначе обосновывать необходимость пересмотра если не всей якобинской конституции, то хотя бы некоторых ее статей. И если при обсуждении раздела о правах человека в первую очередь речь шла о сомнительности права на восстание, то здесь в большом количестве проектов, появившихся до начала открытия официальной дискуссии, говорилось о невозможности организовать систему утверждения законов в соответствии с Конституцией 1793 года³.

¹ Этой же цели была призвана служить и ежегодная ротация Советов не на 1/2, а на 1/3 (*Moniteur*. № 336. Р. 1354). Однако депутат Паганель впоследствии писал, что опасности, которой хотели избежать, создав две палаты, не избежали, так как это были две палаты одного Законодательного корпуса. *Paganel P. Op. cit. Vol. 2. P. 417.*

² Для правильного понимания хода дебатов в Конвенте необходимо отметить: очень сильно чувствуется, что многие депутаты собираются занять должности и во вновь создаваемых структурах, «примекая» их на себя.

³ Приведенные ниже размышления вписываются, на мой взгляд, и в более широкие историографические дискуссии – как о применимости Конституции 1793 года в принципе, так и о том, была ли она на самом деле столь демократичной, как это неоднократно пытались представить.

Наиболее четко сделал это, пожалуй, Лемуар-Ларош. Ссылаясь на целый ряд статей Конституции 1793 года, он утверждал, что такого разнообразия законов, выносимых на суд народа, не знала даже Античность – ни Афины, ни Рим, ни Спарта. Может ли население, на три четверти состоящее из зарабатывающих себе на жизнь собственным трудом, постоянно собираться для обсуждения всех этих законов, для выборов множества предусмотренных конституцией должностных лиц, вплоть до судей кассационного суда, да еще и по желанию 1/5 граждан? Даже если это и удалось бы организовать чисто физически, затраченные усилия оказались бы, по мнению публициста, в известной степени бессмысленными, поскольку граждане в первичных собраниях не были уполномочены вносить поправки к законопроектам – они были в праве их либо одобрять, либо в целом отвергать, не говоря уже о том, что народ едва ли был бы в состоянии достаточно квалифицированно высказаться по большинству законопроектов. К тому же Конституция 1793 года не устанавливала четкого различия между законами и декретами, для которых одобрение народа не требовалось. В то же время, само введение института декретов казалось Лемуар-Ларошу естественным, если учесть, сколько времени должно было пройти с момента выдвижения законопроекта до одобрения закона первичными собраниями¹.

В письмах, полученных Комиссией, также нередко отмечалось, что право народа на «утверждение»² законопроектов представляло собой чистую фикцию. С одной стороны, срок в 40 дней казался слишком маленьким для того, чтобы успеть организовать нормальное обсуждение³. С другой, – сомнительной казалась и сама идея обсуждения законов в первичных собраниях, которым реально не хватило бы для этого ни времени, ни компетентности⁴.

¹ Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 33 et suiv.

² Я беру это слово в кавычки, поскольку Конституция 1793 года, фактически, требовала не реального утверждения законов, а лишь чтобы законопроект не был отвергнут.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23; Ibid., d.183 bis * 3/2, Doc. 61. P. 6. Об этом же шла речь и в прессе. См., например: Le libre penseur. [1795.] № 2. P. 53.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

Для исправления данной ситуации предлагалось несколько вариантов. Авторы первого из них исходили из того, что система 1793 года принципиально верна – надо лишь ее улучшить. Для этого можно либо организовать специальные дискуссионные клубы, в которых собирались бы замечания и подписывались петиции¹, либо создать особые комиссии при первичных собраниях для более глубокого анализа законопроектов², либо, если считать прямую санкцию народа необходимой, собирать первичные собрания достаточно редко, например, раз в год³ для утверждения всего, что за это время успел принять Законодательный корпус.

Другой путь в рамках того же варианта – организовать как можно более тщательное обсуждение законов парламентом. В этом плане любопытно одно из предложений, по которому депутатам при голосовании по каждому законопроекту предлагалось прежде всего ответить на три вопроса: «Соответствует ли предлагаемый закон Правам человека? Покушается ли он на Конституцию Республики? Нужен ли он?»⁴. Порядок вопросов представляется мне весьма характерным.

Второй вариант: за народом необходимо сохранить право высказываться по принятым законам лишь в случае крайней необходимости (например, когда исполнительная власть отказывается их санкционировать)⁵. Третий вариант и вовсе обходился без утверждения законов первичными собраниями. Те же, кто считали подобный шаг слишком смелым⁶, придумывали дополнительные украшения для имеющейся системы, принципиально не меняющие порядок ее функционирования. Например, предлагали, чтобы первые два года закон считался временным, а народ в этот период мог посылать петиции, если его что-то в данном законе не устраивает⁷.

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

² *Petion J.* Op. cit. P. 12.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 90.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 32.

⁶ Напомню, что, скажем, в соответствии с теориями Руссо, закон не является таковым, пока не утвержден сувереном. См., например: «Об общественном договоре», II, VI.

⁷ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 3.

В то же время следует отметить, что и после опубликования проекта Комиссии в Конвент продолжали идти письма, рассматривавшие в качестве неотъемлемого право народа как обладать законодательной инициативой, так и утверждать законопроекты. Так, в одном из них говорилось: «Самое драгоценное из всех прав, связанных с суверенитетом — это величественная власть создавать законы. Если Нация суверенна, как ее депутаты могут претендовать на то, что им не нужны ни мандаты, ни инструкции? Какой суверен навсегда покидает своих послов, своих посыльных, на волю их собственных капризов?»¹. В этом плане работа первичных собраний рассматривалась именно как способ выразить депутатам волю народа.

Приведенная цитата видится мне весьма важной еще в одном плане. Для выяснения полномочий будущих депутатов Законодательного корпуса и их взаимоотношений с первичными собраниями, необходимо было сначала определить их статус. Конституционное право предлагало для этого несколько терминов: «представители» (*représentants*), «делегаты» (*délégués*), «уполномоченные» (*mandataires*).

И это была отнюдь не игра слов. Представители народа получали изрядную долю суверенитета, делегированную первичными собраниями, и могли распоряжаться ею по своему усмотрению. В то же время все остальные категории обладали лишь неким «мандатом», более или менее конкретным, и не могли превысить изначально данные им полномочия.

Как известно, депутаты Конвента считали себя представителями народа. Однако они прекрасно знали, что, в соответствии с теорией Руссо, суверенитет неотчуждаем², а этот философ, по крайней мере, если верить многочисленным упоминаниям его имени в дебатах, оставался одним из наиболее авторитетных мыслителей. Отсюда происходила, как мне представляется, определенная двойственность: депутаты стремились остаться в рамках доминирующих политических теорий, находя в них своеобразный идейный

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

² «Об общественном договоре», II, I.

фундамент для отправления своих функций или доказательств собственной правоты, и, в то же время, легко и «не замечая» этого, порывали с теми же самыми теориями, когда те шли вразрез с их выгодой.

С одной стороны, при упразднении монархии с народом даже не посоветовались (и депутатов за это нередко упрекали), с другой, – законодатели ссылались на то, что через наказы выборщиков получили на это мандат. Не раз всплывала тема полномочий и во время дискуссии по конституционному проекту. Так, например, депутат Ж.Б. Мартен (*Martin*) во время своего выступления ставил вопрос не только от собственного имени, но и от имени своих доверителей (*commettants*)¹, а Ф.Ж. Гамон (*Gamon*) подчеркивал, что члены Конвента обладают «неограниченными полномочиями, врученными им народом»². Третий же депутат специально отмечал, что «народ, делегируя своим представителям право предлагать законы, оставляет за собой их утверждение; но поскольку он не может собраться в одном месте, чтобы это сделать, он доверяет заботиться об этом людям мудрым и мыслящим» – имелся в виду Совет старейшин³.

Однако постановления Конвента далеко не случайно назывались декретами, а не законами. И отказ термидорианцев от представлений о том, что закон обязан получить для своего вступления в силу санкцию народа, пусть даже «молчаливую», как это было предусмотрено в Конституции 1793 года, видится мне весьма важным шагом, заслуживающим особого внимания. «Поскольку народ не может сам осуществлять функции управления, – писал Р. Ронзье в памфлете “Правление”, – он должен делегировать власть своим уполномоченным. Это неотъемлемое и естественное право неизбежно появляется, как только рождается общество, и составляет

¹ Moniteur. № 292. P. 1112.

² *Gamon F.G.* Discours sur les moyens de rallier l'opinion publique aux vrais principes de la révolution, et de rétablir la concorde entre tous les français; contenant une résumé historique des principaux événements qui ont eu lieu depuis le 10 août 1792; prononcé par Gamon, Représentant du peuple, dans la séance du 23 thermidor, l'an 3e de la République française. P., III. P. 8.

³ Moniteur. № 305. P. 1229.

политическую свободу»¹. А Ленуар-Ларош предлагал отказаться и от самого определения депутатов как «уполномоченных» — они должны быть «представителями», ведь никто заранее не знает, что им придется обсуждать².

В итоге по Конституции III года единственная возможность для первичных собраний повлиять на законодательство сводилась лишь к подаче петиций, а также к попытке провести выборыщиков, разделяющих их точку зрения. И, как я уже отмечал, особая роль отводилась общественному мнению, в частности, прессе³.

Для многих подмена понятий была более чем очевидной. В своих «Размышлениях о Франции» 1797 года Ж. де Местр посвятит ей несколько язвительных и горьких страниц. Он даже откажет этой системе в праве называться республикой, поскольку народ оказывается оттесненным, с его точки зрения, от реального управления, особенно при том, что депутаты по-прежнему считаются представителями не конкретных регионов, а Нации в целом⁴.

Однако весна-лето 1795 года были еще, как мне представляется, некоторым переходным периодом в этом процессе.

С одной стороны, часто можно было услышать призыв вернуться к истокам, задуматься о природе понятий, привести их в соответствие с теорией. Поскольку народ не может делегировать «законодательную власть», писал автор анонимного памфлета «О праве гражданства», то и Законодательный корпус не в праве так называться, поскольку он должен лишь *предлагать* законы. Естественно, что при этом «уполномоченные народа» не могут назначать и исполнительную власть, поскольку она должна исполнять законы непосредственно от имени народа⁵, тогда как «суверенитет французского народа реально существует, лишь когда тот собран

¹ *Ronzier R.* Du Gouvernement ou principes naturels pour le rendre aussi bon que solide, avec une garantie suffisante des Droits de l'Homme et du Citoyen. Montpellier, 1795. P. 30.

² *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 108.

³ См., например: *Ronzier R.* Op. cit. P. 51.

⁴ *Maistre J. de.* Considérations sur la France // *Maistre J. de.* Ecrits sur la Révolution. P., 1989. P. 127 et suiv.

⁵ Observations sur le droit de cité... P. 20, 30, 33.

вместе»¹. А поскольку этот суверенитет «един, неделим, неотъемлем и неотчуждаем», то у народа вообще не может быть представителей – только уполномоченные².

Никто не спорит с тем, что депутаты – представители народа, добавлял Дюпон де Немур, «но они не являются и не должны ими быть лишь в соответствии с личными способностями. Они должны прибывать в Законодательный корпус, обогащенные всем, что можно собрать и объединить из сведений, хороших мыслей и патриотических предложений в отправивших их регионах». Они обязаны также получать инструкции, причем императивные, об исполнении которых впоследствии необходимо будет давать отчет³. Это было принципиально и в плане возможности пересмотра Конституции 1793 года, ведь, как напоминал Комиссии одиннадцати один из ее корреспондентов, если весь народ принимает законы, то ни какая-либо его часть, ни его уполномоченные, не имеют права их отменить или отсрочить⁴.

Не случайно и то, что вопрос о «мандате» столь остро встал впоследствии в тех первичных собраниях, которые посчитали, что Конвент превысил свои полномочия, приняв декреты о двух третях. В диалоге, опубликованном от имени одного из членов секции Мельничного Холма говорилось:

«В[опрос]: Разве при Старом порядке посланники (*ambassadeurs*) королей или их так называемые представители имели право при тех дворах, к которым были отправлены, заключать договоры и союзы, руководствуясь своей совестью или своим желанием, без четко выраженной воли своих хозяев?

О[твет]: Нет, посланники, называемые представителями королей, были лишь их уполномоченными, носителями или посредниками для передачи приказов своих хозяев. [...]

В.: Что следует из этого простого вывода?

О.: Из него следует, что деспоты, державшиеся за узурпированные ими права, позволяли посланникам лишь передавать свои

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 66.

² A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 26. P. 64.

³ *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif...* P. 35-36.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 64.

распоряжения, а если кто-то из посланников отклонялся от них, его тут же отзывали, заменяли и карали.

Суверен же, чьи неотъемлемые и неотчуждаемые права не являются узурпацией, должен тем более стремиться к сохранению этих прав, а если один из его уполномоченных на них покусится, он должен быть отозван, заменен и наказан. [...] Таким образом, наши уполномоченные должны лишь передавать наши распоряжения, точно их придерживаться, не отклоняться от них и отвечать перед своими доверителями за все, что они сказали, написали или сделали, пребывая в должности уполномоченных»¹.

«Если Суверенитет зиждется в народе, – напоминал Конвенту в своем обращении Генеральный совет Шалона-на-Марне 13 фрюктидора (30 августа), – то пытаться его ограничить в назначении своих Уполномоченных – покушение на этот суверенитет. Доверию не приказывают»². Впрочем, в переписке Комиссии одиннадцати слово «уполномоченные», когда речь идет о депутатах Конвента, встречается весьма часто и без какой бы то ни было ясно видимой подоплеки³.

С другой стороны, во время дискуссии в Конвенте этот вопрос практически не поднимался. Депутаты достигли молчаливого согласия о том, что народный суверенитет отныне будет рассматриваться под иным углом зрения, а референдум закрепил это решение.

Помимо вопросов о суверенитете, существовал и ряд иных проблем, которые затрагивались в переписке Комиссии и памфлетах. Так, например, дебатировался вопрос о том, как следует назвать будущие органы государственной власти. Высказывалась, в

¹ *Gros de Luzene*. [Sans titre]. P., s. d. P. 3, 4, 7.

² Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne, à la Convention Nationale. 13 fructidor, 3e année. S.l., s.d.

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 62; Ibid., d.183 bis * 5/3. Doc. 117. См. также: À la Convention Nationale, la section du centre de Dijon... P. 2. Таким образом, я отнюдь не настаиваю на том, что за каждым упоминанием этого термина обязательно что-то стояло, точно также как не приписываю тайных намерений восстановить монархию тем, кто употребляет вместо слова «граждане» более привычное им слово «подданные» (*sujets*). См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 101; Ibid. Doc. 102 («*sujets de la République*»).

частности, мысль, что следует отказаться от словосочетания «Законодательный корпус», поскольку простым людям оно непонятно, его будет трудно употреблять. Привычнее говорить «парламент», «конгресс», «ассамблея народа», «Генеральный совет», а Директорию стоит называть сенат, малый совет, управляющий совет и даже регентство¹.

Из предлагаемых названий для всех ветвей власти лидирует, пожалуй, слово «сенат» (хотя чаще всего его применяют, естественно, к Законодательному корпусу в целом или к одной из его палат), а один из авторов предлагает назвать сенатами обе палаты сразу². В остальном разброс достаточно велик: Национальный конгресс, состоящий из Палаты представителей, Сената и Президента³, Совет эфоров и Консулы⁴, Палата общин⁵, палата предложений и палата обсуждений⁶, Общий Совет Нации⁷ и т.д.

Еще один вопрос – где разместить будущие органы государственной власти? Обратим внимание на то, что проблема взаимоотношений Парижа и провинции могла бы сама по себе составить тему для крайне интересного исследования. И если в Комиссии лишь Тибодо, насколько мне известно (да и то с его слов), выступал за то, чтобы убрать Законодательный корпус из Парижа⁸, то в переписке и в памфлетах эта тема звучит постоянно.

С определенной осторожностью можно заметить, что для авторов многих писем Париж – город загадочный, непредсказуемый, и потому опасный. Большое скопление народа порождает анархию, что, в свою очередь, может привести к новым революциям⁹. Это город «развращающий и развращенный, где многочисленные негодяи бодрствуют без усталы, а честные граждане слишком часто

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 18.

² A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 17.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 89.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 37; Ibid., AA 34. Doc. 1004.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 4.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94.

⁷ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 29.

⁸ Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 184.

⁹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 76.

спят»¹. Страх перед влиянием Парижа порой приводит к выводам, которые сегодня кажутся лежащими за пределами нормальной логики: предлагалось, скажем, не только удалить депутатов Законодательного корпуса из столицы, но и поместить их в специальный «лагерь, куда доступ всем остальным будет закрыт, и будет открываться лишь для сношений, необходимых для Нации»². Это, конечно, своеобразный пример доведения постулата до абсурда, однако многие авторы настаивают на том, чтобы убрать будущий Законодательный корпус из столицы, ссылаясь, в частности, на опыт США: ведь там Конгресс не случайно не заседает ни в Филадельфии, ни в Нью-Йорке, ни в Бостоне³. Можно и во Франции найти какое-нибудь тихое местечко, вроде Буржа, удобного расположенного в центре страны⁴.

Хорошо было бы также территориально разделить Директорию и Законодательный корпус. В этом случае Директория может оставаться и в Париже, но вот депутатов стоило бы из столицы перевести⁵, хотя идеально было бы, чтобы ни одна из властей не заседала в столице⁶, а еще лучше разбросать по разным городам обе палаты Законодательного корпуса⁷ и не подпускать к ним выборщиков⁸.

Все эти размышления могут показаться в известной степени неожиданными, однако нельзя забывать о том, что структура или система власти в стране за время Революции не один раз менялась именно благодаря восстаниям парижан. Отсюда боязнь новых восстаний, но отсюда же и сильнейшая ревность, которую испытывали жители провинции к столице. Попытки уравнять Париж с остальными городами страны постоянно сочетались с попытками

¹ Adresse des citoyens de Clermont-Ferrand, département du Puy-de-Dôme, à la Convention Nationale. 6 prairial, l'an troisième. Clermont-Ferrand, s.d. P. 3.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114.

³ Laborde-Noguès J. Apperçus sur la Constitution Républicaine à donner au Peuple français. P., III. P. 4.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86.

⁵ Есть здесь и второй план: оставаясь в столице, исполнительной власти легче будет усмирять восстания. A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 68.

⁷ A.N., C 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 131.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 54.

найти для этого города какой-то особый статус. Так, например, в заметках Сийеса, относящихся к III году, можно обнаружить следующую фразу: Париж не принадлежит «конкретным людям. Это город всех французов»¹.

И хотя эти проекты не были реализованы в Конституции III года – и Директория, и оба Совета остались в Париже, – противостояние «Париж – провинция» представляется мне весьма принципиальным. По крайней мере, с моей точки зрения, именно здесь кроется если не одна из причин, то, по крайней мере, один из поводов для восстания 13 вандемьера IV года Республики.

Не мог не привлечь интерес авторов проектов и вопрос о структуре будущего Законодательного корпуса. Если вначале доминировали предложения, в которых тот должен был состоять из одной палаты, то после речи Буасси начали преобладать варианты, предусматривающие создание двух палат. А один юрисконсульт из Гавра, предлагая назвать законодательный орган комициями, предусматривал целых пять их видов: полномочные, парламентские, регламентирующие, консульские и петиционные².

Подобное предложение было, разумеется, одним из крайних вариантов, однако с разграничением полномочий палат все оказалось действительно не так просто. Если одни авторы исходили из принципа полного равноправия при избрании и даже предлагали делить на палаты на первом заседании по жребиям³, то другие предполагали более высокий имущественный ценз и больший возраст для депутатов второй палаты или даже считали, что верхняя палата вправе распустить нижнюю⁴. Если одни проводили разграничение функций по вертикали (составление законопроектов и их утверждение), то другим казалось логичнее упорядочить их по горизонтали (например, поручив первой палате заниматься в основном вооруженными силами и внешней политикой, а также доверив ей

¹ A.N., 284 AP 5. Doss. 1. Doc. 3.

² По его проекту также предполагалось иметь пять типов судебных органов – сенатов. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 1.

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 18, 32; Ibid., d.183 bis * 4/2. Doc. 65, 76; Ibid., d.183 bis * 4/3. Doc. 94; *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 142.*

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 4.

надзор за исполнительной властью и суд по обвинению в государственной измене, тогда как второй отдать гражданское и уголовное законодательство, финансы¹). Были, разумеется, и смешанные варианты, как, например, проект Дюпона де Немура, предусматривавший, с одной стороны, что нижняя палата выдвигает законопроект, а верхняя его утверждает, а с другой, – что все депутаты, выбывающие в результате ротации из нижней палаты, становятся депутатами верхней².

Приводились и аргументы против градации функций³. Ее противники полагали, что подобная мера закроет дорогу талантливым молодым людям, приводя в пример как военачальников (Ж.Б. Журдана, Ж.Ш. Пишегрю), так и философов (Руссо, Мабли)⁴. В то же время были авторы, которые, как, например, Лезей-Марнезия, предлагали при избрании палат комбинировать различные виды цензов. Например, ввести имущественный ценз для депутатов Совета пятисот, а при избрании в Совет старейшин учитывать лишь градацию функций⁵.

Не имела однозначного решения и другая проблема: в какой степени палаты должны быть обособлены одна от другой. Возможно ли, скажем, совместное заседание? В итоге появлялись проекты, в которых, как, например, у Бастида из Тулузы, депутаты перераспределялись между палатами каждую четверть легислатуры, а на совместном заседании решалась судьба законопроектов, отвергнутых верхней палатой⁶.

В то же время встречались и принципиальные возражения против создания двух палат. Так, некий Баярд из Парижа полагал, что это прямое заимствование американской модели, однако в США сенаторы – представители штатов, а во Франции все депутаты – представители одного народа. Таким образом, вполне можно

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 76.

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif...* P. 65 et suiv.

³ То есть против предусмотренной в проекте необходимости занимать определенные общественные должности до того, как стать депутатом.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 81.

⁵ *Lezay-Marnezia A. de. Des causes de la Révolution et de ses résultats.* P., 1797. P. 63.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94.

ограничиться одной палатой, которая создаст различные комитеты по анализу законопроектов¹. Кроме того, некоторым две палаты напоминали представительство по сословиям², а все связанное со Старым порядком, пусть даже по аналогии, отвергалось весьма резко.

Отдельную группу составляли предложения и мнения, направленные на то, чтобы попытаться каким-то образом «призвать к порядку» будущих депутатов, ввести их в определенные рамки.

Любопытно, что во многих проектах присутствует одна и та же идея: законов следует разрабатывать мало, быть может, их принятие даже должно становиться, как это предлагает гражданин Симон из департамента Ду, национальным праздником³. «У нас нет ничего, кроме новых законов, – пишет другой автор, – законов, действие которых нам абсолютно неизвестно, и которые еще сегодня исполняются так, что это заставляет усомниться в их исполнимости»⁴. «Нет ничего более опасного, – добавляет третий, – чем поспешное принятие законов, которые множатся и, в конце концов, почти всегда противоречат друг другу»⁵. Отсутствие стабильности в законодательстве называли даже «постоянной революцией»⁶.

Однако авторов проектов волновало не только количество законов, но и их качество. Не случайно некоторые из них, как, к примеру, Деляплянш, бросаются в другую крайность, предлагая исполнять законы лишь один год, после чего подвергать их повторному рассмотрению⁷. При этом многие считали, что огромное количество законов, «закономания», пользуясь словечком одного из корреспондентов, вызвано прежде всего искусственно растянутой продолжительностью сессии парламента. Отсюда многочисленные предложения не устраивать непрерывных сессий, а ограничить их несколькими месяцами в году⁸. Если же депутаты опасаются

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105; Ibid., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 94.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 84.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 23.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 28.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 61. P. 2.

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ Delaplanche. Op. cit. P. 37.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 52.

потерять контроль над событиями или исполнительной властью, то могут, перед тем как разойтись, назначить поименным голосованием директорию из 30 человек, которая в случае необходимости сможет вновь созвать парламент¹ (другой вариант – оставить с той же целью, скажем, председателя и шесть секретарей Законодательного корпуса²).

Немало пожеланий было высказано и по внутренней структуре будущего парламента, и здесь едва ли не самой популярной была идея уменьшения количества депутатов³. Многие объясняли ее тем, что так проще выбрать достойного⁴ – «мудрость редко содержится в большом числе»⁵. Помимо этого, новый Законодательный корпус уже не будет нуждаться в стольких комитетах – их функции перейдут к исполнительной власти⁶. К тому же «чем более многочисленна ассамблея, тем больше она делится на партии и факции»⁷. «Вопрос о двух палатах имеет лишь вторичное значение, – писал по этому поводу Л.Г. Петитэн, – я же прежде всего настаиваю на *небольшом количестве представителей*»⁸. И даже после публикации проекта Комиссии (предполагавшего, как известно, то же суммарное количество депутатов, что и в Конвенте) число депутатов в большинстве предложений продолжало оставаться меньше 750⁹.

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 110. См. также: A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 10.

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif...* P. 114.

³ По воспоминаниям Тибодо, в Комиссии с этим предложением выступали Боден, Лесаж и Ланжюине. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 183.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87; Ibid., C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 49.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 34.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 114. Были аргументы и иного порядка. Раньше нужно было много депутатов, чтобы их не мог купить король, писал в Комиссию 70-летний старик. А теперь зачем? A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 53.

⁷ A.N., C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 56.

⁸ *Petitain L.G. La vérité à la commission des Onze.* P., III. P. 25.

⁹ Однако при этом во многих проектах количество депутатов было совершенно произвольным. Так, например, в одном из них (без какой бы то ни было мотивации) предлагается избирать в Сенат 89 человек, а в Законодательный корпус (нижнюю палату) – 166. При этом зачеркнута изначальная цифра 171. A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 14. О резонах можно лишь догадываться.

Соответственно, предлагалось по-иному организовать и работу депутатов, прежде всего, перестать отправлять представителей в миссии. В крайнем случае, специально отметить, что они могут вмешиваться в дела местного управления, только имея на это особую санкцию Директории¹ или департаментских властей². Неплохо было бы также обязать депутатов присутствовать за всех заседаниях, лишая жалования за отсутствие без уважительной причины³. Было даже предложение, чтобы неприкосновенность распространялась только на действия законодателей непосредственно во время заседаний⁴. С продолжительностью легислатуры также не было ясности. Если одни считали, что чем дольше депутаты находятся у власти, тем больше шансы, что они будут служить себе, а не народу, и предлагали в качестве средства борьбы с честолюбием и интригами частое обновление Законодательного корпуса⁵, то, например, Ж. Петион, напротив, рекомендовал депутату, избравшемуся четыре раза, вручать медаль, а более шести раз (и сохранившему патриотизм до смерти) воздавать почести, высекая его имя на специальных табличках в Пантеоне⁶.

Активно дебатировались и цензовые вопросы. Вызывал сомнения возрастной ценз – как иронизировал, например, Лезей-Марнезия, «разделение Законодательного корпуса, основанное на возрасте, кажется тем более странным, что в один день все может измениться. В сорок лет без одного дня можно быть членом только Совета пятисот, а ровно в сорок – Совета старейшин»⁷. Помимо этого, иногда вместо возрастного или имущественного ценза для

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 41.

² A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 42. Естественно, я далек от того, чтобы думать, будто подобные предложения обуславливаются одной лишь заботой об улучшении работы Законодательного корпуса.

³ *Petion J.* Op. cit. P. 19-20; A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 20.

⁴ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 105.

⁵ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 28.

⁶ *Petion J.* Op. cit. P. 17. Замечу, что и еще один автор также предлагал использовать Пантеон – на этот раз для того, чтобы там собирались при каждом новом избрании обе палаты и молились Верховному существу. A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁷ *Lezay-Marnezia A. de.* Des causes de la révolution... P. 61.

депутатов предлагалось ввести своеобразный «моральный ценз». Так, автор одного из проектов настаивает, чтобы нельзя было избирать «никого с плохой репутацией, известного пьянством или распутством». С его точки зрения нельзя также доверять управление страной банкротам, и тем, кто известен «плохим и жестоким отношением к отцу или матери, жене и даже детям», поскольку они «не признают прав Природы и общества»¹. Другой автор настаивает, чтобы никакие общественные должности не могли занимать «сумасшедшие, безумцы, бешеные, отрешенные от должности, служители какого-либо культа»².

Временами «моральный ценз» выступал, напротив, в роли не ограничений, а требований, предъявляемых к кандидатам. Многие настаивали на том, чтобы кандидат в депутаты Законодательного корпуса в обязательном порядке был женат³ (в крайнем случае, был вдов⁴ или являлся главой семейства⁵). Желательно также, чтобы он был добродетелен⁶, талантлив⁷, образован⁸ (на худой конец, умел читать и писать⁹), отслужил в армии¹⁰.

Отметим, что многие авторы присылаемых в Комиссию писем отнюдь не ставят своей целью изложить подробный и связный проект. Их ремарки нередко касаются отдельных вопросов и проблем, подчас лишены глубины и проработанности. В то же время все эти черты в большей или меньшей степени присутствуют в проектах, принадлежащих перу публицистов и изданных отдельными брошюрами. Поскольку они были известны куда более, чем любительские творения, направлявшиеся в Комиссию одиннадцати,

¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 40.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 14.

³ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 67. Тот же автор предлагал, чтобы гражданство утрачивалось, если гражданин после 30 лет не удосужился создать семью.

⁴ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 93.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁶ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 16.

⁷ См., например: A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 47.

⁸ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 92.

⁹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 87.

¹⁰ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 25.

разберем два из них для того, чтобы посмотреть, как отдельные изменения складывались в стройные системы – иные, нежели у Комиссии одиннадцати.

Автор первого – генерал Дюмурье. В его проекте численность Законодательного корпуса подлежала радикальному сокращению (от департамента избирались только три депутата – один в Совет старейшин и два в Совет пятисот), при этом возрастной ценз для законодателей увеличивался, чтобы о них могли судить «по делам, а не по речам». По его мысли, тогда в Совет старейшин будет избрано 100 человек (и эта палата получит право вето), а в Совет пятисот (разумеется с другим названием) – 200.

Далее, он полагал необходимым, чтобы Советы заседали не более трех месяцев в году, а для того, чтобы Директория не предпринимала ничего противозаконного в оставшуюся часть года, создавался специальный Наблюдательный комитет (*«Comité de Surveillance»*) из 9 человек. Все вопросы в это время должны были решаться через суд; в крайнем случае, под лозунгом «Республика в опасности» объявлялся внеочередной созыв депутатов. Чтобы членов «Наблюдательного комитета» не пытались подкупить, предполагалось наказывать их за бездействие, как за главное преступление¹. Этот проект любопытен не только ярко выраженной психологией одновременно и военного, и революционера (наказанием и надзором можно удержать, по его мнению, от нарушения конституции), но и тем, что он местами перекликался с идеями Сийеса, речь о которых пойдет далее.

Автор другого опубликованного проекта, Л. Лефебюр, предлагал прямые выборы депутатов в две палаты Законодательного корпуса и Исполнительное агентство из трех человек с четким разделением функций (внешняя политика, внутренняя политика, судебные дела). Он полагал, что избирать надо не более 360 депутатов – «трудно избежать, чтобы большее число просто удовлетворялось ролью Законодателя и не начало тиранить или оттеснять Административного агента». Распределение по палатам виделось следующим образом: в палате, где депутаты помоложе, – 1/6, в той,

¹ Dumouriez Ch.F. De la République. P. 81-82, 88-91, 93-94, 97.

где постарше, – 5/6, причем обе с правом законодательной инициативы и с правом утверждать законы. Вето, разумеется, у второй палаты¹.

Иными словами, можно сделать вывод о том, что само по себе введение двухпалатной системы и коллегиальной исполнительной власти² не вызвало оживленных дискуссий в обществе – гораздо большее внимание уделялось, собственно, функционированию будущей государственной машины. Набрасывая ее эскизы, многие авторы проектов стремились, в первую очередь, сделать надлежащие выводы из политической практики последних лет. Неограниченная власть Конвента, широкие полномочия депутатов в миссиях – все это приводило к выводу о необходимости создания более уравновешенной и более «медленной» законодательной машины с меньшим числом депутатов³ и меньшей продолжительностью сессий – с надеждой, что в этом случае представители народа станут заниматься своим делом, не покушаясь на прерогативы местной власти и не пытаясь узурпировать центральную.

Рассмотрев проекты, перейдем к дискуссии уже непосредственно в стенах Конвента. Отметим, что принятие законов не первичными собраниями, а Законодательным корпусом особых дебатов не вызвало. Видимо, повлиял и опыт самого Конвента, прекрасно обходившегося без санкции народа.

В то же время крайне принципиальным оказалось для депутатов предложенное Комиссией разделение будущего Законодательного корпуса на две палаты. Совет пятисот, состоящий из более молодых, представлялся при этом, пользуясь словами Буасси д'Англа, как «воображение Республики», Совет старейшин – как «разум»⁴. Как говорил Дону, «в Совете пятисот, составленном из

¹ *Lefebure L. Plan de Constitution. S. I., 1795. P. 1, 6, 7.*

² Фактически уже существовавшей в Конвенте и предусматривавшейся Конституцией 1793 года.

³ Ср. у М. Пертюэ: «Режим Конвента имел два больших недостатка: законодательную процедуру – слишком быструю, чтобы гарантировать размышления, и правительственные комитеты – слишком многочисленные, чтобы не быть соперниками». *Pertué M. Op. cit. P. 285.*

⁴ Отметим, что Тибодо приписывал эту метафору Бодену. *Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 183.*

молодых людей, обуреваемых желанием прославиться, будут делать много предложений, часто неосторожных»; в то время как «Совет старейшин, составленный из людей опытных, более мудрых, станет умерять излишний пыл другого совета»¹.

Однако в этом случае вновь вставала проблема народного суверенитета – закрыв глаза на его неотчуждаемость, теперь законодатели посягнули на его неделимость. Ведь как подчеркивал, например, депутат Делейр, «если вы разделите на две части ваш корпус представителей, он своими раздорами разделит и представляемый им народ – на два возраста, или две факции»². Однако и этим опасением решили пренебречь: большинством голосов Конвент утвердил деление на две палаты. Как отмечал впоследствии Байель, «разделение Законодательного корпуса на две палаты было бесценным завоеванием – и по тому, с каким трудом его добились, и по его пользе»³.

И тут же возник новый круг вопросов. Как организовать палаты? Как эффективно выстроить их взаимоотношения?

Во-первых, что делать, если Советы окажутся не согласны друг с другом по поводу какого-либо законопроекта? Проще всего было бы, как предлагал депутат П. Борда (*Bordas*), решить вопрос на совместном заседании, однако, по мнению Комиссии, это крайне опасно: палаты могут надумать объединиться⁴.

Во-вторых, уравнивать Советы в правах или нет? Те, кто выступал за это решение, полагали, что иначе не получится настоящего разделения властей; те, кто высказывался против, ссылались на американский опыт, который казался идеальным: если билль не проходит верхнюю палату, то его возвращают в нижнюю, и так пока обе палаты с ним не согласятся⁵; предлагалось перенять у США даже названия палат. Основным аргументом противников уравнивания палат в правах был следующий: от равенства недалеко и до

¹ Moniteur. № 306. P. 1231.

² Moniteur. № 305. P. 1228.

³ *Bailleul J.Ch.* Examen critique des considérations de Mme la baronne de Staël. P., 1822. Vol. 2. P. 253.

⁴ Moniteur. № 283. P. 1139-1140.

⁵ Moniteur. № 304. P. 1224.

соперничества, борьбы, а это приведет к тому, что можно остаться «без законов, без полиции и без правительства»¹.

В-третьих, не слишком ли много власти у Совета старейшин? Ведь, как отмечал депутат Ж. Лаканаль (*Lakanal*), он имеет и решающее слово при принятии законов, и некоторым образом участвует в их исполнении, поскольку может оказывать влияние на Директорию². К тому же ему будет принадлежать и право руководить полицией в городе, где он будет заседать – на этом настаивал, например, Крезе-Латуш, уверяя, что иначе Совет старейшин окажется слишком слаб, тогда как Совет пятисот будет обладать большей популярностью, тем более, что его заседания решено сделать открытыми.

Как и у авторов присылаемых в Конвент проектов в ходе дискуссии немало споров вызвали цензовые вопросы – прежде всего, проблема возрастного ценза законодателей. Депутат Ру не без остроумия заметил по этому поводу: «О палате старейшин говорят, как о палате, в которой будет находиться разум; по мне, так он должен быть повсюду»³.

Было и еще несколько нюансов. Если установить существенно больший возрастной ценз для членов Совета старейшин, возникает опасность избрать людей, мало привязанных к завоеваниям Революции⁴, к тому же опыт оказывал, что возрастное ограничение не принципиально, поскольку во времена столь пугавшей депутатов диктатуры монтаньяров всем «честолюбцам», кроме Сен-Жюста, было более 30 лет (предусматриваемый ценз для Совета пятисот)⁵.

В то же время оказалось, что весьма скромный возраст ряда депутатов закрывает им дорогу в будущие органы власти⁶. В этом случае приходилось лавировать при помощи ряда отсрочек. Так, например, решение о том, что члену Совета пятисот должно быть не

¹ Moniteur. № 304. P. 1226.

² Moniteur. № 304. P. 1224.

³ Moniteur. № 305. P. 1228.

⁴ Moniteur. № 306. P. 1232.

⁵ Moniteur. № 304. P. 1224.

⁶ Прочитую, тем не менее, заявление Гийомара: «Сессия из четырех лет слишком долгая, если судить по нетерпению, которое я испытываю, чтобы не быть больше здесь». Moniteur. № 305. P. 1230.

менее 30 лет решили применять только с VII года (а до того достаточно 25) после единственного выступления Камбасереса со следующими аргументами: сохранение возможности работать в Законодательном корпусе для как можно большего числа преданных людей в интересах Республики, и каждая система управления страдает от трений, обид, которые могут разрушить ее в самом начале; для предотвращения этих потрясений и благополучного испытания новой конституции нужна отсрочка. Кроме того, она даст «возможность нашим братьям по оружию по окончании побед сидеть среди законодателей, и соблюсти интересы еще многих молодых граждан, которые уже столь хорошо послужили Родине»¹.

Однако через несколько дней депутат Пултье поставил вопрос об отмене отсрочки, поскольку «уже распространяется мнение, что эта статья сделана для двух членов Конвента». Тогда же Тибодо потребовал отказа и от одобренной ранее отсрочки для вступления в силу статьи о том, что члены Директории не должны избираться из Законодательного корпуса, заявив: «Эта статья дает повод для клеветы; говорят, что она принята лишь для того, чтобы в Директорию могли войти члены Конвента»².

На это все тот же Камбасерес ответил, что предмет дискуссии слишком незначителен, чтобы стоило тратить на него время: надо думать лишь о Республике. Однако он не опроверг обвинений, неожиданно признав их: «Говорят, что для троих (уже троих! – Д.Б.) членов Конвента – и не ошибаются. Но на каком основании надо лишать возможности служить народу тех, кто его устраивает? Разве эти коллеги не разделяли наши труды и опасности? Не основали вместе с нами Республику? А те, кто придет из армии, – зачем их лишать возможности быть законодателями? Смешно допускать в Директорию *только* членов Конвента, но несправедливо вовсе исключать их всех». Однако внесенное тогда же и поддержанное

¹ Moniteur. № 333. Р. 1341.

² Отметим, что, если верить воспоминаниям Тибодо, хотя Ланжюине и выступал с предложением внести эту поправку от имени Комиссии одиннадцати, в Комиссии этот вопрос даже не обсуждался. Далее Тибодо ссылается на личный разговор с Ланжюине, в котором тот заявил, что пошел на этот шаг по настоянию Камбасереса. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* Р. 205.

Ланжюине предложение Комиссии одиннадцати о понижении до 25 лет возрастного ценза для министров не прошло, причем аргументом здесь служили сугубо формальные причины: по той же Конституции для простого судьи требовалось достичь возраста в 30 лет. Никакие ссылки Ланжюине на то, что чем моложе, тем энергичнее, не помогли, а Камбасерес на этот раз промолчал, видимо, удовлетворившись достигнутым¹.

Конечно, далеко не все депутаты, желавшие остаться у власти, были уверены, что их переизберут, некоторые метили на директорские и министерские посты, что, безусловно, сказалось при общем голосовании. Однако существовали и веские причины, заставлявшие учесть резкое омоложение кадров во время Революции: бывало, что в двадцать лет уже командовали полками, избирать же сорокапятилетних было, по мнению законодателей, просто опасно – они могли постараться повернуть события вспять.

К тому же давало о себе знать и определенное смещение понятий. Как метко подчеркнул Палмер, «старейшинами» называли сорокалетних². Об этом же писали и современники: «Старики стали детьми, наиболее знающие люди – полными невеждами. А молодые люди, только благодаря тому, что они ничего не знали, оказались наиболее способными. Эта метаморфоза умов была всеобщей»³.

Позволю себе добавить еще несколько штрихов к обсуждению в Конвенте проблемы организации будущего Законодательного корпуса. Решение о ежегодной ротации членов Советов, как ни странно, прошло достаточно спокойно (хотя современники по этому вопросу отнюдь не были единодушны, встречались голоса как «за»⁴, так и «против»⁵). В то же время, немалую роль в принятии Конституции в

¹ Moniteur. № 334. P. 1344. В своих мемуарах Тибодо даже называет этих депутатов поименно: Пеньер (29 лет на момент дискуссии), Гамон (28 лет) и, в особенности, Тальен (28 лет). *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 204-205. И действительно, все трое были избраны в Совет пятисот.

² *Palmer R.R. A History of the Modern World.* N.Y., 1978. P. 372.

³ *Montlosier F.D., comte de. Des effets de la Violence et de la Modération dans les affaires de France.* À M. Malouet. L., 1796. P. 6.

⁴ *Lefebure L. Op. cit.* P. 19; *Paine Th. Op. cit.* Vol. 1. P. 595.

⁵ *Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Op. cit.* Vol. 1. P., 1832. P. 275; *Meister H. Op. cit.* P. 153.

том виде, в котором она была утверждена, сыграли различные опасения, которые то и дело проскальзывали в речах депутатов. Перечислить их все было бы не реально, однако едва ли не каждый вопрос вызывал желание перестраховаться, не допустить ошибок, не позволить вернуться в прошлое, которое постоянно стояло за плечами законодателей. Не станет ли верхняя палата «рассадником аристократии», своеобразным повторением английской палаты пэров¹? Ответ Буасси д'Англа краток и прост: «Цель английского пэрства – упрочение королевской власти; цель Совета старейшин – помешать ее возвращению». Не стоит ли отказаться от поименного голосования в Совете пятисот? Берлье предлагает все же его сохранить, «чтобы помешать маневрам аристократии»².

Членам Комиссии, особенно Дону, постоянно демонстрировавшему хладнокровие и остроумие, то и дело приходилось подниматься на трибуну, чтобы не позволить разрушить стройность изначального проекта и утопить обсуждение в множестве дополнений и поправок. Приведу только один пример. Обсуждается предложение сделать публичными заседания Совета пятисот. «Надо, чтобы весь мир мог туда прийти», – восклицает «демократически» настроенный депутат. «В таком случае нам пришлось бы заседать в чистом поле»³, – тут же отвечает Дону, закрывая тем самым дискуссию.

Нельзя не обратить внимание и на то, сколь часто аргументы депутатов противоречат сами себе, приводятся в надежде, что оппоненты не заметят отсутствия их внутренней целостности. Так, например, Ларевельер-Лепо, отвечая на замечание о том, что меньшинство (Совет старейшин) будет диктовать свою волю большинству (Совету пятисот) неожиданного утверждает: и в самом деле, меньшинство должно подчиняться большинству, но лишь в политических ассоциациях. Однако Законодательный корпус – лишь инструмент политической ассоциации, а не она сама. А инструмент по желанию ассоциации может действовать как ей

¹ Moniteur. № 305. Р. 1228.

² Moniteur. № 308. Р. 1240.

³ Ibidem.

угодно¹. В качестве другого примера можно привести вопрос об избрании Директории. После предложений избирать ее напрямую, народом Тибодо, выйдя на трибуну, пытается доказать, что она и будет избрана народом, поскольку тот делегирует Законодательному корпусу еще и избирательные функции². Из чего это следует, можно только гадать.

Теперь рассмотрим, как мыслилась Директория. Среди авторов проектов здесь по-прежнему нет было единства. Более того, многие выдвигали предложения столь экзотические, что их достаточно трудно систематизировать. Попытаемся все же выделить некоторые общие направления.

Прежде всего, мы встречаемся с той же картиной разделения проектов и корреспонденции на две части – до и после 5 мессидора. Многие авторы проектов, поступавших в Комиссию до речи Буасси, так или иначе исходили из того, что исполнительная власть – лишь часть законодательной, как это практически и было с Конвентом и его Комитетами. Однако некоторые все же осознавали, что она должна, тем не менее, иметь какие-то рычаги воздействия на окончательное принятие законов, что порождало самые фантастические проекты и симбиозы. Например, предлагалось поделить Законодательный корпус так, чтобы треть его составляла «секцию верховного исполнения», а две трети «секцию законов». После чего первая, если она считала закон «неконституционным и тираническим», адресовала всем властям и судам следующую прокламацию: «Конституция в опасности, закон от ... кажется тираническим верховной исполнительной власти». После этого все власти (кроме муниципалитетов и мировых судей) должны были высказаться по законопроекту. В случае его неодобрения назначались новые

¹ Moniteur. № 305. Р. 1227. Отметим, что для современников в организации работы Советов и в самом деле заключался немалый математический парадокс. Если основываться на Конституции, получалось, что 126 голосов перевешивают 624, о чем говорил, например, депутат Делейр (Ibidem. Р. 1228). Расчет делался следующим образом. Если представить себе, что Совет пятисот принял закон единогласно, а в Совете старейшин он не добрал всего одного голоса, то $500 + 124 = 624$, тогда как законопроект отвергнут.

² Moniteur. № 313. Р. 1260.

выборы¹. Нетрудно себе представить, к чему могла бы привести реализация подобных идей.

На противоположной позиции стояли сторонники предоставления исполнительной власти возможности активно влиять на принятие законов. Естественно, что здесь наиболее действенным инструментом, апробированном к тому же в мировой практике, служило право вето². Однако те авторы, которые рискнули представить его исполнительной власти³, говорили лишь об отлагательном вето. Предложений ввести абсолютное вето в проектах, присланных в Комиссию, мне обнаружить не удалось.

Как следует избирать исполнительную власть? Этот вопрос являлся для авторов проектов едва ли не самым дискуссионным. Тем более что в «правильном» способе избрания современники видели, в первую очередь, заслон на пути интриг и злоупотреблений. Попробуем выделить из общей массы две группы сходных точек зрения.

1. Директорию избирают *выборщики*. При этом варианте исполнительная власть оказывается отделенной от законодательной и ответственна только перед народом, который к тому же сохраняет в своих руках контроль за ее формированием⁴. Для упрощения процедуры выборов можно, например, сформировать Директорию из пяти членов Совета старейшин, набравших наибольшее количество голосов, с тем, чтобы освободившиеся места заняли их заместители⁵.

2. Директорию избирает *Законодательный корпус*. При этом варианте законодательная власть не только избирает исполнительную, но и оказывается практически слитой с ней в единое целое. По мнению авторов подобных проектов, это должно гарантировать

¹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 32.

² См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 94. И республиканцы, и роялисты, писала в это время мадам де Сталь, одинаково заинтересованы в сильной исполнительной власти, как в защите против анархии. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure // Staël A.L.G. de. Œuvres complètes de madame la baronne de Stael-Holstein. P., 1838. Vol. XIII. P. 53.*

³ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 25. К ним присоединяется и Лемуар-Ларош. *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 137.*

⁴ См., например, A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 54.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 95.

единство действий двух ветвей власти¹. Вследствие доведения этого принципа до полного логического завершения предлагается, чтобы исполнительную власть в принципе осуществляли комитеты ассамблеи – тогда и суверенитет будет неделим².

Очевидно, что эти дебаты были существенно шире обсуждения сугубо технических вопросов – спор шел о том, сделать ли исполнительную власть сильной и независимой или, напротив, ослабить и поставить под контроль законодательной. Однако в соответствии с учениями просветителей, в частности, Монтескье³ и Руссо⁴, наиболее быстрая, сильная и эффективная – это власть одного человека. В проектах таких предложений немало⁵. «Ваша честная душа отвергает эти пагубные предположения, – призывает один из корреспондентов Комиссии, обращаясь к Буасси д'Англа, – но опыт прошлого не должен пройти даром»⁶. «Не останавливайтесь перед призраками»⁷, – добавляет другой, отдавая себе отчет в том, что единоличная власть неизбежно будет ассоциироваться у современников с монархией.

И в самом деле – предложения доверить исполнительную власть одному человеку практически уравниваются размышлениями тех, кто считает, что президент (как большинство именует единого главу государства) представляет неминуемую опасность для республики. Если бы Робеспьер стал президентом Конвента, республики бы больше не было, пишет один⁸. Президент легко может

¹ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 77.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 20.

³ См., например: «О духе законов». V, X.

⁴ См., например: «Об общественном договоре». III, VI.

⁵ См., например: Bulletin républicain. № 283. 13 messidor (1.07.95.). P. 1130; A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 18; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 73; Ibid., C 232, d.183 bis * 14. Doc. 14. Иногда предлагалось и полное копирование американской модели, включая пост президента. A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 70.

⁶ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 7. 12 messidor de l'an III.

⁷ A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 86.

⁸ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 87. Правда, не совсем понятно, что здесь имеется в виду, поскольку «président» означает по-французски не только «президента», но и «председателя», а им-то как раз Робеспьер был (в частности, председателем Конвента). Скорее всего, корреспондент Комиссии просто имеет в виду «если бы он был президентом республики».

стать пожизненным, а то и королем, предостерегает другой¹. Третий специально подчеркивает, что правительство должно быть республиканским и не попадать в руки одного².

Соответственно, нет согласия и по количеству членов исполнительной власти. Называются цифры в 2, 6, 8, 9, 10, 18 и т.д. человек, а рекорд принадлежит депутату Конвента Ж.К. Шатлену (*Chastellain*) – 405³! Разделение обязанностей среди этих людей также вызывало споры, однако многие публицисты и авторы проектов выступали за то, чтобы эти обязанности были четко определены⁴. При этом ряд авторов не выделял судебную власть в самостоятельную, мысля ее подчиненной исполнительной, так как она, в некотором роде, следит за исполнением законов⁵.

Поскольку проект Конституции III года Республики предполагал возвращение к цензовой системе выборов, этот круг вопросов не мог не возникнуть и в связи с исполнительной властью. По отношению к членам Директории цензов предлагалось сразу три: имущественный⁶, оседлости⁷ и возрастной (колеблющийся в пределах от 30⁸ до 50⁹ лет).

Небезынтересным кажется также бегло посмотреть, по каким вопросам разделялись мнения внутри самой Комиссии. Высказывалось предложение, чтобы Совет старейшин составлял список

¹ Анонимное письмо. *La Sentinelle*. № XII. 17 messidor (5.07.95). P. 47; № XIII. 18 messidor (6.07.95.). P. 50-51.

² A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 41.

³ *Chastellain J.Cl.* Pacte social, combiné sur l'intérêt physique, politique et moral de la Nation française et autres nations, peuples et puissances de l'Europe. P., III. P. 113.

⁴ *Dupont de Nemours P.S.* Observations sur la constitution... P. 35; *Poultier F.M.* Organisation du gouvernement de la République française, propre avant et après l'établissement de la Constitution démocratique. Imprimée par l'ordre de la Convention Nationale. P., III. P. 5-7; Constitution de gouvernement pour la nation française. Par Louis Lefebure, membre du Conseil général de la Commune de Paris, aux années 1789, 1790, 1791 & 1792. A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 80; Ibid., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 100, 117; Ibid., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 9.

⁵ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 80. P. 5.

⁶ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 90.

⁷ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 14.

⁸ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 112.

⁹ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 25.

кандидатов, а Совет пятисот его утверждал¹, одни считали, что Директорам должно быть не менее 35 лет², другие – что не менее 40³, приводились разнообразные цифры в отношении того, какую же надо Директории предоставить охрану.

Первый вопрос, возникший во время дискуссии в Конвенте, был тот же, что и у авторов проектов: как следует избирать Директорию? Вопрос не такой уж простой, если учесть, что теоретики настаивали: полное и подлинное разделение властей возможно лишь в том случае, когда исполнительная власть полностью отделена от законодательной. То есть, естественно, не только не избирается ей, но и неподсудна⁴.

Разнообразие мнений, прозвучавших с трибуны Конвента, здесь было даже большим, чем в переписке Комиссии. Так, например, Ж. Эшассерью-старший (*Eschasseriaux aîné*) предложил чтобы собрания выборщиков называли 86 человек, из них Совет пятисот оставлял 25, а Совет старейшин – четырех⁵. В ответ на это Тибодо привел следующий аргумент: поскольку Законодательный корпус уже будет избран народом, зачем же его лишать одной из принадлежащих ему функций (как будто эти функции не определялись той же самой конституцией). Майль также заявил, что прямое участие народа в избрании Директории нежелательно, поскольку в таком случае Директория будет в большей степени представлять народ, чем Законодательный корпус: ведь каждый депутат избирается только одним департаментом, Директория же – всеми.

Дюбуа-Крансе, скорее всего, не ведая об этом, повторил предложение из переписки Комиссии избирать столько членов

¹ A.N., C 232, d.183 bis * 15A. Doc. 24.

² A.N., C 232, d.183 bis * 15A. Doc. 8; Ibid., d.183 bis * 15B. Doc. 37; Ibid., d.183 bis * 15C. Doc. 68, 69.

³ A.N., C 232, d.183 bis * 15B. Doc. 38.

⁴ Был и другой аспект, о котором упомянул Лувэ в одной из частных бумаг: опасались, что если доверить избрание исполнительной власти народу, то тот может вообще избрать Бурбонов (*Madelin L. Op.cit. Vol. 4. P. 226*). Трудно сказать, насколько такая опасность была реальна, скорее, показательное свидетельство того, что законодатели заранее пытались ограничить выбор народа-суверена.

⁵ Moniteur. № 312. P. 1258.

Директории, сколько будет направлений работы – эта идея не понравилась, нашли аналогию с министрами при Старом порядке, к тому же решили, что не будет коллективной ответственности, которую посчитали необходимой.

Ф.Ж. Сен-Мартену (*Saint-Martin*) показалось более логичным обратное движение избирательного списка по сравнению с проектом Эшассерью-старшего: Совет пятисот называет 40 человек, Совет старейшин – 15, а окончательное решение принимают собрания выборщиков. Ж.Ж.В. Женисье (*Genissieu*) предложил, чтобы Советы пятисот и старейшин назначали соответственно двух и трех членов Директории; Ланжюине – чтобы их выбирал Совет пятисот из списка Совета старейшин; Виллетар – на совместном заседании двух Советов, и так до бесконечности, пока Майль не высказал неожиданную мысль: поскольку согласия нет, пусть все останется как в проекте Комиссии одиннадцати – выбирает Совет старейшин из списка, предоставляемого Советом пятисот – это решение и утвердили¹.

В этом хоре голосов обращает на себя внимание выступление депутата Ф. Гийемарде (*Guillemardet*). Но не каким-либо еще более оригинальным способом избрания Директории, а опасением, что Совет пятисот всегда сможет составить список из тех пяти человек, которые он пожелает провести в члены Директории, разбавив его необходимым количеством ничтожеств². Тогда эта ремарка прошла абсолютно незамеченной, но сегодня ее интересно сопоставить с рассказом Матьеа, о том, как на самом деле готовились выборы первых пяти директоров. По его словам, узкий круг приглашенных собрался у Виллетара, и «решили составить список из 45 имен, совершенно неизвестных земледельцев, мэров, администраторов дистриктов, мировых судей», включив в него пять депутатов Конвента³.

Отметим и еще одно предложение, хотя о его существовании известно лишь из мемуаров Тибодо. По его словам, Дону, Лувэ, Сийес и Камбасерес выступали за то, чтобы первый состав Директории был избран самим Конвентом, не дожидаясь выборов в новые

¹ Moniteur. № 313, p.1260-1263.

² Moniteur. № 313. P. 1262.

³ *Mathiez A.* Le personnel gouvernemental du Directoire. P. 386.

органы власти (а Ланжюине, Лесаж, Буасси д'Англа и Ларевельер-Лепо якобы были против)¹. Признаться подобное свидетельство кажется мне весьма сомнительным, особенно в том, что касается названных персоналий (в частности, маловероятно, чтобы и Дону, и Сийес призывали бы пойти на столь грубое нарушение еще не принятой конституции). Однако полностью сбросить его со счетов я бы все же не решился.

В то же время, представляется небезынтересным посмотреть, кого же прочили на будущие директорские посты. Вариантов было множество: Буасси д'Англа, Камбасерес, Л.Г. Дульсе де Понтекулан (*Doulcet de Pontécoulant*), Лувэ и Ланжюине²; Сийес, Камбасерес, Монтестью (*Montesquiou*)³, Редерер, Буасси, Лесаж (из Эр-и-Луара), Рошамбо (*Rochambeau*)⁴, Семонвиль (*Sémonville*)⁵ и Бартеlemi⁶ (*Barthélemy*)⁷; Сийес, Крезе-Латуш, Камбасерес, Трейар (*Treilhard*)⁸,

¹ Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 206.

² Annales de la République française. № 288. 22 messidor (10.07.95.). Любопытно, что точно такой же список приводит Пелтье неделю спустя. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 440.

³ Предположительно имеется в виду Монтестью-Фезенсак Анн Пьер, маркиз де – маршал (1780), член Французской академии (1784), депутат от дворянства в Генеральных штатах, бывший среди первых, кто решил присоединиться к третьему сословию. Командовал одной из армий (1792), затем в эмиграции в Швейцарии. Вернулся во Францию в июле 1795 года.

⁴ Рошамбо Жан-Батист Донатьен де Вимеур, маркиз де – герой Войны за независимость США, участвовал в работе ассамблеи нотаблей 1787 года, маршал Франции (1791). В 1793 году арестован, вышел на свободу после Термидора.

⁵ Семонвиль Шарль Луи Юге, маркиз де – советник Парижского парламента, заместитель депутата Генеральных штатов, дипломат. Во время одной из миссий попал в руки австрийцев, обменян (в числе прочих) на сестру Людовика XVII.

⁶ Существовало два Бартеlemi, о которых здесь могла идти речь. Первый – Жан-Андре Бартеlemi – адвокат, депутат Конвента, а впоследствии и Совета пятисот. Однако, скорее всего, имелся в виду Балтазар Франсуа Бартеlemi – дипломат, посол в ряде стран, заключивший мир с Пруссией и Испанией в Базеле (1795). В июне 1797 года действительно был избран в Директорию.

⁷ *Le Censeur des journaux*. № 30. 26.09.95 (5 vendémiaire).

⁸ Трейар Жан Батист – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, депутат Конвента, впоследствии Совета пятисот. 15 мая 1798 года избран членом Директории.

Лувз, Мерлен (из Дуэ), Ларевельер-Лепо и Баррас¹; Буасси д'Англа, Дюпон де Немур, Камбасерес, Мерлен (из Дуэ), Пишегрю². В этих списках интересными кажутся две вещи. С одной стороны, из состава Директории 1795 года не «угадали» никого, кроме Барраса и Сийеса³, с другой – очень часто называются имена членов Комиссии одиннадцати.

Как известно, ввести институт президентской власти Конвент не рискнул⁴. Вспомним процитированное ранее письмо Бодена от 3 термидора III года – резкость, с которой он говорит об идее поставить во главе исполнительной власти одного человека, весьма показательна (хотя, если верить воспоминаниям Тибодо, в Комиссии с подобным предложением выступали Лесаж, Ланжюине и Дюран-Майян⁵). Были депутаты, искренне убежденные, что во Франции между Президентом и Королем можно будет поставить знак равенства. Вот как говорил об этом, например, Ларевельер-Лепо еще 24 мессидора (12 июля): «Вам не осмеливаются сказать о короле, но говорят о президенте; они хотят его видеть независимым, иными словами, неприкосновенным...»⁶. И даже о пяти Директорах один из роялистов впоследствии написал: «Было нетрудно почувствовать, что почтение, оказанное монархии этой концентрацией власти, слишком вызывало в памяти воспоминания и сожаления о старой форме правления»⁷.

Замечу, что для подобных опасений были свои основания: поставить одного человека во главе правительства часто требовали за пределами Конвента конституционные монархисты. Пелтье в

¹ Le Censeur des journaux. № 58. 23.10.95 (2 brumaire).

² АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 93. Л. 96об.

³ Кроме них в состав первой Директории вошли Э.Ф. Летурнер (*Letourneur*), Ж.Ф. Ребель (*Reubell*) и Ларевельер-Лепо. Сийес отказался от поста Директора и на его место был избран Карно.

⁴ Moniteur. № 283. Р. 1140.

⁵ В соответствии с тем же источником, сам Боден вместе с Дону был за то, чтобы вручить исполнительную власть двум консулам. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* Р. 183.

⁶ Moniteur. № 299. Р. 1204.

⁷ *Lavalette A.M., comte de. Mémoires et souvenirs du comte Lavalette.* Р., 1905. Р. 142.

принципе считает, что дискуссия по вопросу об организации исполнительной власти длилась так долго «из-за беспокойства, что назовут пять новых королей Франции»¹. Граф де Воблан, написавший «Размышления об основах Конституции», поддержанные Фрероном и заинтересовавшие Бодена, вспоминал в мемуарах, что он не требовал восстановления монархии, но «требовал две палаты и единого человека во главе правительства. Это было много для того времени, когда безумные революционеры еще сохраняли свою власть над многими умами, и в особенности над большинством Конвента»². Генерал Дюмурье также настаивал на том, что надо бы «переплести в одну книгу пять томов Директории»³. Когда же роялисты убедились, что им не удалось добиться своего, они, по воспоминаниям одного из депутатов Конвента, сохранили оптимизм, довольствуясь тем, что «предвидели, что пять человек, составляющих исполнительную власть, уступят вскоре высшую власть одному»⁴.

Весьма характерен в этом плане исторический анекдот, который рассказывает в своих мемуарах граф д'Аллонвиль. Получив парижские газеты, брат его жены шевалье де Барберен, «человек образованный и человек чести», надолго задумался и отправился на прогулку в сад. А на удивленный вопрос графа, что случилось, ответил: «Я не знаю, сам ли это подумал или под божественным влиянием, но я был совершенно потрясен докладом Буасси д'Англа; когда я его читал, мне даже показалось, что я слышу голос свыше, говорящий: “Это предложение организовать правительство из пяти высших магистратов будет принято”»⁵.

Вообще же, если судить по дискуссии в Конвенте, могло создаться впечатление, что депутаты обсуждали не проект организации исполнительной власти в стране, а планы, как обуздать джина, которого сами же собирались выпустить из бутылки. Не случайно, начиная дебаты по той части проекта, которая касалась Директории,

¹ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 440.

² *Vaublanc V.M.* Op. cit. Vol. 2. P. 365-367.

³ *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 65.

⁴ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 207.

⁵ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 3. P. 345.

Тибодо говорил: «Начнем с того, чтобы не видеть в исполнительной власти монстра, всегда готового пожрать свободу; я сказал бы даже тем, кто так считает: “Не создавайте ее вовсе”, если бы не боялся, что меня поймают на слове»¹.

Вновь и вновь сказывались слишком свежие воспоминания о Великих комитетах, а, возможно, и о монархии, вступившей в сговор с интервентами. Предоставлять Директории право вести переговоры и подписывать договоры с другими державами – опасно (Эшассерье-старший), да и вообще опасно предоставлять Директории какие-либо права: а вдруг, без тени иронии предполагает Л. Таво (*Taveau*), ее привлекут на свою сторону зарубежные державы, чтобы вторгнуться в пределы Франции – что делать тогда? (Его успокоил Ларевельер-Лепо: у Франции слишком большая территория, так что ничего страшного не случится²). Даже по поводу того, имеет ли право Директория сначала объявить войну, а потом поставить об этом в известность Законодательный корпус, разгорелись споры. И если бы не вмешательство Тибодо, напомнимшего, что армия и налоги все равно остаются в руках у законодателей, в конституции могло бы быть записано, что война объявляется только после дискуссии в Советах³. А когда Эрман, ссылаясь на опыт США и мотивируя тем, что только Директория будет реально представлять себе положение дел в стране, предложил наделить её правом возвращать в Совет пятисот те законы, которые она сочтет неисполнимыми, то несмотря на поддержку Ланжюине и Дону, поправка была провалена под крики: «Это вето! Это король!»⁴.

¹ Moniteur. № 311. Р. 1253.

² Moniteur. № 318. Р. 1279-1281.

³ Moniteur. № 317. Р. 1278.

⁴ Moniteur. № 335, Р. 1348. «Вето для пересмотра законов (*le veto réviseur*), – писала мадам де Сталь, – произвело в Конвенте тот же эффект, что и предложение двух палат, сделанное г-ном де Лалли в Учредительном собрании. Шесть лет бедствий заставили принять последнюю идею. Неужели лишь той же ценой исполнительная власть приобретет необходимую силу для управления и, следовательно, для сохранения республики?». При этом она считала, что абсолютное вето в республике неприменимо, да и в Англии это скорее декорация, чем реальность. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure*. Р. 51.

Естественно, что в такой атмосфере вопрос Лаканала, соответствует ли столь немогущая исполнительная власть нации в 26 миллионов¹, равно как и ремарка Сен-Мартена о том, что она оказывается полностью подчинена законодательной («законодательный корпус ее назначает, законодательный корпус ее разоблачает, законодательный корпус ее обвиняет; и если одному из ее членов надо отлучиться на денек от места расположения Директории, надо, чтобы он преклонял колена перед законодательным корпусом, чтобы получить его согласие»²), остались без ответа.

О том, что в итоге получилось из всех этих предосторожностей, прекрасно написал в свое время Э. Кинэ: «Тщетна всякая человеческая предусмотрительность подобного рода, если обычаи не утверждают ее. Никто не предчувствовал тогда, что единственно, чего добьются от этих двух собраний, это что одно из них продаст другое, и что из пяти директоров трое продадут Директорию. И та предосторожность, которую предпринимали для спасения себя, должна была послужить им гибелью»³.

Следует сказать, что в вопросе о том, сильна или слаба была Директория, мнения в историографии отнюдь не едины. Среди современников, вероятно, в русле тех же тенденций, что превалировали в Конвенте в ходе обсуждения, существовало мнение о том, что Директория не была облечена полномочиями. «Создатели конституции, – отмечал Бартелеми, один из будущих Директоров, – вручили большой объем власти Исполнительной Директории, не сомневаясь, что они и будут избраны, чтобы этой властью пользоваться»⁴. С ним согласен и Тэлландье, с горечью отмечавший, что «в 1789 году на первом месте была нация, в 1795 – правительство»⁵.

В то же время, как среди очевидцев событий, так и в позднейшей историографии преобладает мнение о том, что у Директории

¹ Moniteur. № 312. P. 1257.

² Moniteur. № 313. P. 1261.

³ Кинэ Э. Революция и критика ее. М., 1908. С. 183.

⁴ Barthélemy F. Mémoires de Barthélemy. Montpellier, 1914. P. 141.

⁵ Taillandier A.L. Lettres à mon fils sur les causes, la marche et les effets de la Révolution française. P., 1820. P. 413.

было недостаточно полномочий¹. Как писал М. Лайонс, «исполнительная власть была фатально и умышленно ослаблена»².

Но еще большее количество современников мыслили в иной плоскости. Не «много – мало», а «хорошо – плохо». И они опасались, что управление республикой по этой Конституции было организовано плохо. Одни осуждали дополнительное разделение власти между Директорией и министрами и были уверены, что нельзя допустить, чтобы Законодательный корпус обвинял Директоров³, другие в принципе расценивали план организации исполнительной власти, как «неправильный и противоречащий мудрым взглядам, продиктовавшим остальную часть проекта»⁴; третьи не сомневались, что Совет старейшин в результате оказался сведен к «агентству по рассылке законов»⁵; четвертые, напротив, тревожились, что у него слишком много власти – и надзор за чиновниками, и право приостановить заседания Совета пятисот⁶.

Одним словом, недочеты видели едва ли не в каждой статье Конституции. Как восклицал А. Лезей де Марнезия в статье с характерным названием «Что такое Конституция 1795 года?»: «Король каждые три месяца⁷! Исполнительная власть из пяти человек или, лучше сказать, две исполнительные власти вместо одной! Ответственные Агенты и их Директор также ответственен! Общая ответственность и без вето! Буасси считает, что исполнительная власть должна быть сложной (*complex*), я же считаю, что она должна быть единой»⁸.

¹ Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 237; Hyde de Neuville J.G. Op. cit. Vol. 1. P. 128; Dumouriez Ch.F. De la République. P. 69; Staël A.L.G. de. Considerations... P. 319; Journal de Paris. 1 thermidor (19.VII.95). Vol. 2. P. 1216; Sciout L. Le Directoire. Montpellier, 1895. Vol. 1. P. 308-309.

² Lyons M. Op. cit. P. 19.

³ Dumouriez Ch.F. De la République. P. 111, 113.

⁴ Journal de Paris. 19 messidor (7.VII.95). Vol. 2. P. 1167.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

⁶ Observations sur le droit de cité... P. 26.

⁷ Ср. у Г. Бабефа: «По этой конституции у вас нет одного короля, у вас их пять». «Второе обращение к inferнальной армии и санкюлотам Аппаса», 18 фрюктидора III года (4 сентября 1795 года). Бабеф Г. Указ. соч. Т. 3. С. 421.

⁸ Цит. по: Peltier J.G. Op. cit. Vol. 2. № 16. 19.IX.95. P. 508-509.

Однако эта кажущаяся сложность предложенной Комиссией системы организации властей и их взаимоотношений во многом обуславливалась стремлением большинства депутатов организовать реальное разделение властей, под которым понималось не только разделение на законодательную, исполнительную и судебную власти, но и разделение самого законодательного корпуса на две палаты. Характерно, что относительно необходимости разделения властей в принципе (если не брать проблему разделения функций внутри той или иной ветви власти) разногласий практически не отмечается, оно напрямую ассоциируется у депутатов со свободой. Как говорил Тибодо, «свободу составляет лишь разделение властей, их независимость»¹.

В стенах Конвента полнее всего теоретическую необходимость разделения властей обосновывал Сийес. «Одно единство означает деспотизм, одно разделение – анархию, – говорил он. – Разделение, совмещенное с единством дает социальные гарантии, без которых всякая свобода непрочно». «Я знаю лишь две системы разделения властей, – продолжал философ, – систему равновесия (*l'équilibre*) и систему состязательную (*le concours*), или, говоря иными словами, систему противовесов и систему организованного единства».

При этом две палаты, даже если одной предоставлено право вето – это все равно система «единого действия», это деспотизм (поскольку обе палаты принадлежат к власти законодательной). Однако именно так работает система противовесов – например, в Англии, где, по мнению Сийеса, не создается реального равновесия. Публицисты, отмечает он, часто путают «единство действия» и «единое действие». «Мы хотим первого, они устанавливают второе». У строящих дом рабочих налицо единство действия, но отнюдь не единое действие – соответственно, эти понятия необходимо четко различать.

Вторая система – не давать несколько голов одному телу, а разделить их, снабдив к тому же правом вето. Это состязательная система. «В системе равновесия, – отмечал Сийес, – учреждают

¹ Thibaudeau A.C. Opinion de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le jury constitutionnel. P., III. P. 2.

постоянную гражданскую войну между народным представительством и исполнительной властью»¹.

Как мы видим, в соответствии с теориями Сийеса, проект Комиссии не учреждал реального разделения властей, поскольку вся власть находилась в руках Законодательного корпуса, а наличие у него «нескольких голов» реально ничего не меняло. Вместе с тем, для депутатов эти построения были слишком отвлеченными и абстрактными. Они считали, что достаточно не предоставлять Законодательному корпусу исполнительной власти, и разделение властей будет реализовано. Безусловно, на эту решимость повлиял и опыт последних лет, когда Конвент не имел реального противовеса². Было и подходящее теоретическое объяснение: поскольку нация слишком велика, она делегирует часть своей власти представителям, которые разделены на две части – принимающие законы и исполняющие их³.

Однако, как правило, историки (в том числе и историки права)⁴ не отказывают Конституции III года в том, что этот принцип был в ней реализован. Более того, они полагают, что он был доведен до своего логического завершения, если не до абсурда. И в самом деле, Законодательный корпус не мог никоим образом вмешиваться в работу Директории, требуя от нее лишь ежегодный финансовый отчет, а Директория, в свою очередь, практически не имела возможности повлиять на составление законов. Все было сделано, чтобы разграничить обязанности двух ветвей власти; помимо этого, они могли сноситься друг с другом только посредством специальных государственных посланников. Отметим, что подобные оценки берут свое начало уже в XVIII веке, в том числе, например, у Ж. Неккера⁵.

¹ *Sieyès E.J.* Opinion de Sieyès sur plusieurs articles des titres IV et V du projet de constitution, prononcée à la Convention le 2 thermidor de l'an troisième de la République. P. , III.

² Ср. с приходившими в Комиссию письмами: A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 34; Ibid., d.183 bis * 3/2. Doc. 55.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 36.

⁴ *Sautel G.* Op. cit. P., 1990. P. 249-250; *Homan Gerlof D.* Jean-François Reubell. French Revolutionary, patriot, and director (1747-1807). Hague, 1971. P. 100; *Szramkiewicz R., Bouineau J.* Op. cit. P. 138-141.

⁵ *Necker J.* Examen de la constitution de l'an III, extrait du dernier. P., VIII. P. 5.

В то же время существует и иная точка зрения, высказанная профессором права Мишелем Тропером. Он отмечает, что в конституционной традиции, известной XVIII веку, существовало два способа взаимодействия властей между собой. Один, – «равновесие властей» – не предусматривал жесткую специализацию, предоставляя исполнительной власти ее главное оружие: право вето. Таким образом, исполнительная власть в некотором роде становилась частью законодательной, поскольку приобретала право влиять на составление законов. Эти идеи защищал Монтескье в VI главе XI книги «Духа законов»; по этому принципу были построены конституция Массачусетса и государственное устройство Англии.

Второй способ, – «абсолютное разделение властей» – исходил из того, что их функции необходимо резко разграничить, установив при этом четкую иерархию, подчинение исполнительной власти законодательной. С того момента, как исполнительная власть оказывалась полностью отстраненной от составления и принятия законов (и, как следствие, лишена права вето), она становилась лишь простым орудием законодательной. За это выступал Руссо, эти идеи восприняли конституции Пенсильвании и Франции в 1793 году.

Нетрудно заметить, что Конституция III года соответствует второму способу взаимодействия властей. Директория не просто избирается Советами – она полностью зависит от них, поскольку ее члены в любой момент могут быть обвинены с достаточно расплывчатой формулировкой: за действия, направленные на свержение конституции. Это подразумевало, что Директория становится простым исполнителем не только принятых законов, но и политической воли законодателей. Вместе с тем она оказывается лишенной права вето, законодательной инициативы, права ратификации мирных договоров, не может выносить суждение о легитимности выборов, не назначает высших финансовых должностных лиц республики.

Что же тогда подразумевалось под разделением властей? Тропер отвечает и на этот вопрос. По его мнению, с точки зрения термидорианцев, как и в 1789 году, разделить власти означало не допустить их сосредоточения в одних руках, не допустить деспотизма. Более того, разговоры о необходимости создания сильной исполнительной власти также укладываются в эту концепцию.

Сильной, но не по отношению к законодательной, а по отношению к администрации, отданной под ее начало. В качестве итогового вывода Тропер объявляет ложным тезис о том, что в конституцию не был заложен способ разрешения конфликтов между властями, что привело к невозможности для системы функционировать без постоянных переворотов – в иерархической структуре по определению один приказывает, а другой подчиняется¹.

Анализ дискуссии не позволяет ответить на вопрос, в какой мере депутаты, за исключением разве что Сийеса, отдавали себе в этом отчет. Скорее, мне представляется верным обратное: большинство из них искренне хотело добиться разделения властей, воспринимая эту формулу как некое магическое словосочетание, способное уберечь от многих бед, однако они плохо представляли себе, что же это такое на самом деле. Что и привело в итоге к построению системы, внутреннюю логику которой безупречно описывает М. Тропер.

Проблема разделения властей была стержневой и для особого проекта, внесенного Сийесом 2 термидора (20 июля) прямо в середине дискуссии, когда половина конституции была уже утверждена в первом чтении².

Обращает на себя внимание то, что Ларевельер-Лепо в своих мемуарах утверждал, будто Комиссия ничего не знала о проекте вплоть до вечера 2 термидора, когда Сийес потребовал, чтобы его предложения были представлены Ассамблее от ее имени. Биограф Сийеса Ж.Д. Бреден объясняет это следующим образом: Сийес был «человеком последнего момента, способный перед тем, как взять слово, разорвать свои бумаги и переписать их», то есть, возможно, Комиссии и было что-то показано³, но это сильно отличалось от

¹ *Troper M. La séparation des pouvoirs et l'histoire constitutionnelle française. P., 1980. P. 192 et suiv.; Idem. La séparation des pouvoirs dans la constitution de l'an III. A paraître.*

² Лучше понять этот проект позволяет недавняя публикация многих бумаг из архивов Сийеса: *Des manuscrits de Sieyès. 1773-1799. P., 1999. P. 464 et suiv.*

³ В этом плане совершенно не понятно, а на чем основывается один из американских биографов Сийеса, полагая, что его план был обсужден в Коиссии одиннадцати. *Дейсен Ван Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм // Аббат Сийес. От Бурбонов к Бонапарту. Спб., 2003. С. 68.*

реального текста выступления¹. Наряду с этим П. Бастид отмечает, что, с одной стороны, Комиссия одиннадцати недолюбливала Сийеса², из-за чего он и решил выступить прямо перед депутатами, а с другой, – Сийес был настолько занят в Комитете общественного спасения, что только с 15 мессидора (3 июля) смог начать работать над Конституцией – именно поэтому к началу термидора его проект был еще не совсем готов³.

Концепция Сийеса предусматривала принципиально иную организацию власти в республике – создание четырех корпусов народных представителей: Трибуната (прямая параллель с Трибуналом Руссо), в котором должно быть в три раза больше депутатов, чем в департаментских, – с правом предлагать законы; правительства – 7 человек, исполняющих и предлагающих законы; законодательного корпуса (*législature*) – для голосования по законам, с численностью в 9 раз большей, нежели в департаментах, и конституционного суда, составляющего 3/20 законодательного корпуса⁴. Попутно он подверг резкой критике проект Комиссии, отмечая, что тот не в состоянии обеспечить «социальный порядок»⁵.

Тибодо от имени Комиссии холодно поблагодарил оратора и посетовал, что Сийес не поделился своими идеями раньше⁶,

¹ *Bredin J.D.* Op. cit. P. 360.

² Ср. у А. Нетона: Сийес отказался сотрудничать с Комиссией одиннадцати, так как «для него у Конвента не было более достаточно энергии, его престиж не был более достаточно высок, его голос не был более достаточно слышим». *Neton A. Sieyès (1748-1836).* P., 1901. P. 253.

³ *Bastid P.* Op. cit. P. 170-171. Однако Ларевельер-Лепо в своих мемуарах недвусмысленно отмечает, что со стороны Комиссии были сделаны вполне конкретные и неоднократные шаги к сотрудничеству, которое Сийес холодно отверг, не поставив в известность о своем плане не только Комиссию, но и Конвент, поскольку после составления базового проекта всем депутатам было предложено представить также и свои, если таковы имеются. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 229-230, 239-240.

⁴ Любопытно, что в начале Сийес употреблял термин «la Jurie constitutionnaire», отказываясь от английского слова «Jury», но уже 18 термидора он говорит «le Jury constitutionnaire», употребив старый вариант лишь два раза.

⁵ *Sieyès E.J. Opinion de Sieyès... P., III.*

⁶ В своих воспоминаниях Тибодо отмечает, что Сийесу предлагалось участвовать в работе Комиссии и не будучи ее членом, однако тот отказался. *Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 186.*

поскольку они весьма интересны. Однако, заявил Тибодо, все это весьма похоже на уже обсуждающийся проект¹: Трибунат – Совет пятисот, Законодательный корпус – Совет старейшин, нет Конституционного суда, но Директории и так предписано не исполнять законы, противоречащие конституции. Отличие лишь в том, что Конвент не предоставил исполнительной власти права законодательной инициативы. Однако лучше бы ей такого права и не предоставлять, так как именно от нее исходит наибольшая опасность узурпации, поскольку она действует постоянно. К тому же никто не мешает ей высказывать свое мнение о законопроектах. В заключение Тибодо предложил отправить проект Сийеса в Комиссию одиннадцати и получил на это согласие Конвента².

Чрезвычайно интересно, что в несколько сомнительных с точки зрения аутентичности мемуарах одного из членов комиссии, Дюран-Майяна, сказано, что именно ему и принадлежала первоначально мысль о необходимости учреждения конституционного суда, но, «предложив этот институт, я больше этим не занимался. Может быть, эта идея пользовалась бы большим успехом в Комиссии, чем в Конвенте, где ее представлял и поддерживал г-н Сийес»³. Однако никакие другие мемуары с которыми мне довелось работать, это свидетельство не подтверждают, а из всех историков оно заинтересовало, насколько мне известно, только А. Олара⁴. Более того, из членов Комиссии идеи Сийеса не пришли по душе не только Тибодо: Ларевельер-Лепо в своих воспоминаниях также дает им весьма недвусмысленную отрицательную оценку⁵.

Однако Сийес на этом не успокоился. 18 термидора он развивает и поясняет свою мысль, особенно заостряя внимание на конституционном суде, мысля его как 1) кассационный суд в конституционном порядке; 2) место, где будут вырабатываться требуемые

¹ Замечу, что, говоря об этом эпизоде, биограф Сийеса Бастид специально подчеркивает принципиальное различие проектов Сийеса и Комиссии. *Bastid P.* Op. cit. P. 170.

² *Moniteur.* № 308. P. 1239.

³ *Durand de Maillane P.T.S.* Op. cit. P. 275.

⁴ *Aulard A.* La Constitution de l'an III... P. 119.

⁵ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 243-244.

дополнения к конституции; 3) дополнение в виде естественного законодательства к существующему позитивному. Предполагалось, что каждые 10 лет суд будет публиковать за три месяца до созыва первичных собраний свой проект улучшения Конституции, а народ станет решать, хочет ли он делегировать Законодательному корпусу право ее изменить. Помимо этого, каждый год 1/10 членов суда должна была формировать особый «суд естественной справедливости», в задачу которого входило рассмотрение всех обращений отдельных граждан. Конституционному суду также предоставлялось право аннулировать любые государственные акты. Свое второе выступление Сийес мотивировал тем, что Комиссия одобрила его проект (!), что и подвигло его изложить дополнительные соображения¹.

Первое, что бросается в глаза при чтении этих выступлений Сийеса – усложнение структуры по сравнению с проектом Комиссии, изложенное к тому же не самым простым и доступным языком, что не могло не повлиять на отношение к его предложениям. Как отмечал один из биографов депутата, «плохо понятый проект Сийеса был плохо принят»². Аналогичные высказывания можно встретить и у современников: «Г-н Сийес пишет книги на языке Сивиллы. С помощью трех или четырех невнятных (*tudesque*) слов он создает целую науку; по правде говоря, его книг не понимают, а его книгопродавец выступает в роли *драгомана*, чтобы подстегнуть желание их купить»³.

После выступления началась широкая дискуссия, да и позднее отзвуки идей Сийеса не раз звучали в речах различных депутатов – как его сторонников, так и оппонентов. Те, кто поддерживал проект, призывали по-новому посмотреть на взаимоотношения властей, которые обрели бы в лице конституционного суда необходимого ар-

¹ *Sieyès E.J.* Opinion de Sieyès, sur les attributions et l'organisation du jury constitutionnaire proposé le 2 thermidor, prononcée à la Convention Nationale le 18 du même mois, l'an 3 de la République. P., III.

² *Bredin J.D.* Op. cit. P. 368.

³ *Loyseau J.R.* Aux assemblées primaires. Avis d'un Citoyen qui aime la liberté, & desire ardemment le retour de l'ordre & de la tranquillité. Le 12 Fructidor, l'an III de la République. P., III. P. 15.

битра. «Если бы законодательный корпус соединил действие с волей, он издавал бы, по выражению Монтескье, “тиранические законы, чтобы тиранически их исполнять”, – предостерегал Майль. – Если бы исполнительная Директория соединила волю с действием, она бы присвоила себе суверенитет, то есть стала бы деспотом». Необходимо, чтобы обе власти не могли перейти границ, определенных конституцией, следовательно, необходим конституционный суд¹, который мог бы заодно, по предложению П.А. Гарро (*Garrau*), судить и Директоров².

Это уже всерьез подрывало предложенный Комиссией проект, и Дону с Берлье ринулись в бой, заявив, что по их общей с Сийесом точке зрения конституционный суд не должен иметь никакого отношения к Директорам; к тому же необходимо, чтобы он выносил свои решения по поводу понятий, а не личностей³. А многие другие депутаты стали доказывать, что конституционный суд – и вовсе излишний институт в будущей политической системе.

Во-первых, если Совет пятисот примет что-либо, противоречащее конституции, Совет старейшин и так отменит его решение. Во-вторых, подобное учреждение в Пенсильвании подвержено всем партийным дразгам и отнюдь не конституцией руководствуется в своих решениях. В-третьих, суд может подмять под себя все остальные власти, а их и так три – три гарантии соблюдения конституции, так неужели один суд это перевесит? В-четвертых, как наглядно показал П.Ф. Лувэ из Соммы, система и так сверху донизу пронизана гарантиями: «Конституция и граждане имеют истинную гарантию в судах, которые контролирует кассационный суд, в администрации, которую контролирует исполнительная власть, в кассационном суде и исполнительной власти, которые контролируются законодательным корпусом, в двух частях законодательного корпуса, работающих раздельно, причем одна ничего не может

¹ Вообще, как заявил Майль, «идея конституционного суда – это, с моей точки зрения, одна из самых прекрасных политических концепций, порожденных человеческим разумом».

² *Moniteur*. № 314. Р. 1265.

³ *Moniteur*. № 315. Р. 1269-1270.

сделать без другой...»¹. (Характерно, что Дюран-Майян, когда много позднее признавался, что жалеет о том, что в то время не поддержал проект Сийеса, все-таки отмечал, что создание конституционного суда излишне усложняло всю конструкцию².)

Таким образом, проект Сийеса был отвергнут³, хотя, стоит признать, что в бумагах Комиссии есть десятки предложений, авторы которых настаивают на том, что подобный орган – чаще всего его называют цензурой – совершенно необходим⁴. Однако, по большому счету, предложенная им система действительно не знаменовала создание третьей независимой власти – судебной (для этого полномочия конституционного суда были слишком узки). К тому же рискну высказать серьезные сомнения в том, что создание этого дополнительного института, равно как и внедрение системы Сийеса в целом, придали бы французской политической системе дополнительную устойчивость. С другой стороны, часть публицистов пугали широкие полномочия, которые Сийес предусматривал для конституционного суда. «Г-н Сийес утомил ее [Комиссию одиннадцати. – Д.Б.] своим конституционным судом, – писал в те дни один из них, –

¹ *Louvet P.F.* Opinion contre la proposition d'un jury constitutionnaire, prononcée le 24 thermidor, an troisième, par P.F.Louvet (de la Somme), représentant du Peuple. P., III; *Berlier T.* Opinion de Berlier, sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor, l'an troisième. P., III; *Thibaudeau A.C.* Opinion de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le jury constitutionnel, prononcée dans la séance du 24 thermidor. P., III; *Faure P.J.D.G.* Opinion de P.J.D.G. Faure sur le Jury constitutionnaire, proposé par Sieyès et la Commission des Onze, et autres objets relatifs à l'état actuel. P., III; *La Réveillère-Lépeaux L.* Opinion sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor par L.M.Réveillère-Lépeaux, Député de Maine-&-Loire. P., III; *Moniteur*. № 329. P. 1326; № 330. P. 1329; *Ibid.* № 331. P. 1332.

² *Bastid P.* Op. cit. P. 171.

³ Рискну высказать предположение, что Сийес этого коллегам так и не простил. Известна фраза, брошенная им Лувэ: «Знаете, почему [одобрена конституция. – Д.Б.]? Потому что и те, кто ее предлагал, и те, кто ее принимали, одинаково над ней смеялись» (АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 12.). Не забудем также, что Сийес отказался войти в Директорию – не исключено, что по тем же мотивам (*Bredin J.D.* Op. cit. P. 377).

⁴ См., например: A.N., С 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 52; *Ibid.*, d.183 bis * 3/3. Doc. 91, 105; *Ibid.*, С 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 68; *Ibid.*, С 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 91. См. также: *Ronzier R.* Op. cit. P. 77-79.

да и всем своим планом, в соответствии с которым сотня его избранных, честолюбцев, интриганов, получила бы возможность взять в свои руки все ветви власти, и едва выйдя из-под одной тирании, мы тут же подпали бы под другую, обладающую ста способами нанести вред вместо десяти¹»². В конституционном суде видели даже некую параллель королевской власти, за которую якобы и выступал Сийес³.

Однако в связи с обсуждением роли суда в потенциальных изменениях Конституции, в Конвенте возник другой вопрос, не затронутый Сийесом: а надо ли вообще в будущем что либо менять в тексте основного закона, не приведет ли сама возможность подобных изменений к деспотизму или анархии⁴? К тому же будущая Конституция III года казалась депутатам настолько совершенной, что они просто не видели смысла в дополнительных гарантиях ее устойчивости: «Как только конституция будет введена в действие, счастье возродится вместе с социальным порядком; и тот, кто захочет покуситься на эту благодетельную конституцию, найдет столько же противников, сколько есть граждан» (и это не мнение одиночки: прения закрываются, и Конвент единодушно отвергает проект Сийеса). А Ж.Ф. Филипп-Дельвиль (*Philippe-Deleville*) даже потребовал смертного приговора для каждого, кто захочет ее изменить. Депутатам представляется важным даже то, как именно записать: «Когда опыт обнаружит несоответствия в конституции...» или «Если...». Опасаются и специальной ассамблеи для ревизии конституции: Гийомар и Ларевельер-Лепо настаивают, чтобы она могла вносить только те изменения, которые ей предложены – не более того – чтобы не поменяли всю конституцию⁵.

Рассмотрев основные моменты дискуссии, можно уже подвести и первые итоги. Очевидно, что опыт шести лет Революции приводит Конвент к выводам, которых тот жестко придерживается: опасно доверять судьбу страны народным низам, нужно сделать все, чтобы предотвратить узурпацию власти одним человеком, нельзя включать

¹ Под «десятью» имеются в виду «децемвиры».

² *Loyseau J.R.* Op. cit. P. 19-20.

³ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 45.

⁴ *Moniteur*. № 330. P. 1329.

⁵ *Moniteur*. № 332. P. 1336.

в Декларацию прав положения, грозящие подорвать стабильность будущего государственного устройства.

В то же время многие идеи, высказанные в проектах и включенные в текст конституции, мы вправе называть фундаментальными и принципиальными: отсутствие права на восстание, введение имущественного ценза, института выборщиков, двухпалатного парламента, частичного обновления законодательного корпуса. Нельзя не отметить и еще один момент: в ходе дискуссии депутаты показали себя настоящими «представителями народа» – огромное количество встречавшихся в переписке Комиссии мыслей, дополнений и уточнений были высказаны, независимо от этого, и с трибуны Конвента. Помимо упомянутых выше, можно привести еще немало примеров: и предложение, чтобы вновь избранные депутаты делились на палаты по жребию, и переход депутатов из одной палаты в другую в ходе легислатуры¹, и запрет эмигрантам участвовать в первичных собраниях² и многое, многое другое.

Резонно ли, в таком случае, говорить, что предложение присылать свои проекты было лишь игрой в демократию? Мне кажется, что нет. Правда, они послужили не базой для будущей конституции, как на это надеялись многие корреспонденты, а лишь своеобразным индикатором, указывающим слабые места как старой, так и новой конституций, наиболее популярные идеи. Трудно утверждать, что то или иное предложение попало в проект именно благодаря переписке Комиссии. Далеко не все вошло в окончательный текст конституции, предложенный на утверждение народа. Однако несомненно, что между Комиссией одиннадцати и ее корреспондентами существовал реальный обмен мнениями, и они, в основной массе, поддерживали проводившийся Конвентом курс на изменение Конституции 1793 года, поддерживали общее направление проводимых реформ.

И все же я далек от того, чтобы преувеличивать влияние многочисленных авторов проектов на решения Комиссии одиннадцати и, тем более, Конвента. Целый ряд принципиальных идей так и остался на бумаге: прямые выборы; четырехлетний срок легислатуры с

¹ Moniteur. № 305. P. 1229.

² Moniteur. № 340. P. 1369.

обновлением каждые два года наполовину (стал трехлетний срок с обновлением ежегодно на треть); имущественный ценз для членов Совета старейшин (в связи с появлением выборщиков и ценза для них необходимость в нем отпала); попытка сделать Директорию ответственной за неисполнение законов.

Теперь же, после завершения анализа проектов и дискуссии, остается еще один вопрос: на чьи суждения опирались депутаты в своих выступлениях. В ком они видели пример для подражания? И наоборот, кто им казался представляющим наибольшую угрозу? Как осмысливали последние шесть лет, какие выводы делали из того, что пережили вместе со всей страной? Этому и будет посвящен следующий раздел работы.

Глава VI

«Законодатели, если бы Руссо был среди вас!»

Разрабатывая и обсуждая проект Конституции III года Республики, законодатели действовали не на пустом месте: к их услугам был не только опыт предшествовавших революций и 1789-1795 годов, но и богатое теоретическое наследие философов и мыслителей. Разумеется, оно активно использовалось революционерами и до Термидора, однако мне представляется важным посмотреть, что нового появилось в отношении к духовным и политическим авторитетам летом 1795 года, поскольку это позволяет учесть еще одну немаловажную составляющую психологии термидорианской элиты.

Для историографии нередко характерно определенное противопоставление влияния на революционеров Руссо и Монтескье: считается, что в 1791 году более актуальными казались философские построения Монтескье, а затем «авторитет Монтескье-политика, слишком умеренного и компромиссного для столь бурного времени, был существенно подорван»¹, и Конституция 1793 года была уже «проникнута идеями Руссо»². Эта же линия хорошо видна и по публикациям произведений философов в годы Революции: пик изданий Руссо приходится на 1792-1793 годы, а затем их количество резко сокращается. С Монтескье же картина обратная: он почти не издается во времена диктатуры монтаньяров, «зато в 1795 году внимание к произведениям философа во Франции резко повышается и появляется целый поток новых его публикаций»; Монтескье впервые начинает издаваться больше, чем Руссо³. Небезынтересны в этой

¹ Плавинская Н.Ю. Монархия и республика Монтескье // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 196.

² Манфред А.З. Великая французская революция. С. 145.

³ Плавинская Н.Ю. Публикация произведений Монтескье в 1789-1799 годах // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 174, 175.

связи слова одного из издателей Монтескье того периода – Лароша, – который считал, что «после пяти лет несчастий и ожесточения» возникла необходимость «привлечь внимание к истинным принципам конституции». Позднее, в Совете пятисот даже обсуждался вопрос о перенесении праха философа в Пантеон, а издатели одного из его собраний сочинений торжественно подарили этому же Совету первый том¹.

Интерес при Термидоре к идеям Монтескье не вызывает сомнений: анализ дискуссии в Конвенте показывает, что она в значительной степени была пронизана представлениями, сформировавшимися под влиянием «Духа законов». Другое дело, что, как и многие до них и после них, законодатели III года Республики выбирали из трудов философа лишь отдельные фрагменты, совершенно не пытаясь следовать его рекомендациям в целом или верить его трудами гармонию создаваемой ими республиканской системы. Хотя подобное фрагментарное обращение к теориям Монтескье, по большому счету, было лишено смысла, тем не менее, сюжетов, которые рассматривались через призму идей философа, было немало.

Едва ли не самый важный из них – это необходимость разделения властей²: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, – писал Монтескье, – необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» (XI, IV)³. В свое время Б. Манен отмечал, что Революция расходится с Монтескье в том, каким образом должно быть произведено разделение властей⁴, – и действительно, депутаты так и не решились предоставить, например, исполнительной власти право вето, которое Монтескье считал необходимым для того, чтобы она реально могла противостоять законодательной (XI, VI). С другой стороны, положение о том, что исполнительную власть ни в коем

¹ Плавинская Н.Ю. Публикация произведений Монтескье... С. 177, 182.

² А. Эсмен подчеркивает, что этим Европа и Америка обязаны прежде всего Монтескье. *Esmein A. Eléments de droit constitutionnel français et comparé*. P., 1899. P. 269.

³ Ссылки даются с указанием номера книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: *Монтескье III.-Л. Избранные произведения*. М., 1955.

⁴ *Manin B. Montesquieu // DCRF*. P. 798.

случае нельзя доверять кому-либо из членов законодательного собрания, было проведено весьма последовательно (не считая небольшой отсрочки до выборов V года). Вводилось и предусматриваемое философом деление на две палаты – Баррас в своих мемуарах прямо пишет, что это было сделано не без влияния Монтескье¹.

Чувствуется влияние Монтескье и в дискуссии о том, кто может стать избирателем. «Для республики столь же важно определить, – подчеркивал философ, – как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии знать, кто государь». Хорошо видно, что эта часть Конституции III года была выстроена в полном соответствии с тезисами Монтескье: когда народ не может управлять непосредственно («неспособен вести дела сам»), отмечал философ, он должен делать это через своих представителей и самостоятельно избирать лишь своих уполномоченных (II, II). Помимо этого, Монтескье был уверен, что самые бедные не должны быть избирателями – и в этом Конвент также был с ним солидарен². Можно привести и другие примеры: здесь и учет возрастного фактора при формировании различных палат (V, VII), и предоставление исполнительной власти права лишь на короткое время арестовывать граждан, в случае возникновения чрезвычайной опасности (ст.145 Конституции III года), и мнение о необходимости разрешить гражданам говорить и писать все, что не запрещено законом (XIX, XXVII), и многое другое³.

Разумеется, имя Монтескье всплывало не только в стенах Конвента. Оно неоднократно упоминалось в переписке Комиссии одиннадцати⁴ и посвященных новой конституции памфлетах⁵. Однако нельзя не признать, что непосредственно в дискуссии о Конституции оно упоминается лишь трижды, что, разумеется, достаточно мало. В то же время Руссо упоминается в 5 раз больше – 15 раз.

¹ *Barras P. Op. cit. Vol. 1. P. 240.*

² См., например, выступление Мерлена из Дуэ. *Moniteur*. № 295. P. 1188.

³ См., например, выступление Гийомара – прямые параллели с Монтескье. *Moniteur*. № 302. P. 1217.

⁴ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 6; Ibid., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 1; Ibid., AA 34. Doc. 1016.

⁵ См., например: *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 147.*

У Монтескье и Руссо разные идеи, писал Редерер, но если бы они имели возможность общаться, то извлекли бы из этого обоюдную пользу¹. Воспользовались ли депутаты возможностью «извлечь пользу» из синтеза идей двух философов?

В историографии Революции давно уже стала общим местом мысль о том, что, как писал А. Коббен, «существует немного авторов, которых интерпретировали бы столь разнообразно, как Руссо»². «Выяснение того, до какой степени люди 1789 года плохо понимали или извращали идеи Жан-Жака, само по себе составило бы материал для целого коллоквиума», – справедливо отмечает Н. Хэмпсон³. «Сколько раз защитники трона и алтаря Лалли-Толандаль, Калонн, Малле дю Пан, Ривароль, д'Антрэг упрекали своих противников в извращении уроков женеvского философа, в нарушении его наиболее ясных заветов», – добавляет Э. Чэмпиион⁴. Одним словом, Руссо ставили себе на службу как революционеры, так и контр-революционеры.

Дискуссионной также остается «ответственность» философа за диктатуру монтаньяров и Революцию в целом. Так, например, Коббен высказывал уверенность, что «“Общественный договор” Руссо не имел установленного влияния до Революции и лишь весьма спорное – в ходе нее»⁵; к тому же, если исходить из того, что Робеспьер перенес идеи Руссо в план практической политики, то в этом попросту не было необходимости – деспотизму можно было бы научиться и у Старого порядка⁶. Фюре также подчеркивал, что «Руссо никоим образом не “несет ответственности” за французскую революцию, но очевидно, что он, сам того не осознавая, заложил культурные основы для революционного сознания и революционной практики»⁷.

¹ Journal de Paris. 4 messidor (22.VI.95). Vol. 1. P. 1107.

² Cobban A. Rousseau and the Modern State. Hamden, 1961. P. 28.

³ Hampson N. Social History of the French Revolution. Toronto, 1966. P. 463-464.

⁴ Champion E. J.J.Rousseau et la Révolution Française. P., 1909. P. 160. См. также: Robisco N.B. Jean-Jacques Rosseau et la Révolution française: une esthétique de la politique (1792-1799) // AHRF. 1993. № 291. P. 131.

⁵ Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968. P. 22.

⁶ Cobban A. Rousseau and the Modern State. P. 30.

⁷ Furet F. Penser la Révolution française. P. 58.

Как мы уже видели, после 1794 года количество изданий Руссо идет на убыль – не без оснований считается, что его авторитет был значительно поколеблен после падения Робеспьера. И если принято считать, что при составлении конституции 1793 года Монтескье затмевали Руссо и Мабли¹, то отношение к Руссо законодателей III года видится исследователям совершенно по-разному: если одни полагают, что «реакционная буржуазия» отказалась от всего, что было внесено в предыдущие конституции под влиянием Руссо², то другие, столь же уверенно, отмечают прямое влияние Руссо на термидорианскую конституцию³. Нельзя забывать и о пышном празднике, связанном с переносом праха Руссо в Пантеон, приходящемся именно на Термидор. И хотя по мере дальнейшего развития Революции Руссо пользовался у законодателей все меньшим и меньшим авторитетом⁴, посмотрим, что восприняли из его наследия термидорианцы.

Как известно, Руссо, в отличие от Монтескье, полагал, что право голоса должно принадлежать всем гражданам (IV, I)⁵, поскольку иначе суверенитет не будет осуществлен. Эти же мысли прослеживаются и у Кондорсе (на которого, кстати, дважды ссылались во время дискуссии)⁶, и у Буасси д'Англа в его речи от 5 мессидора⁷. Кроме того, Руссо полагал, что народ нельзя подкупить (в чем

¹ См., например: *Смаргон И.З.* Учение Монтескье о государстве и его влияние на идеологию французской буржуазной революции конца XVIII века // ЛГУ. Ученые записки. Серия исторических наук. Л., 1940. Вып. 6. С. 69.

² См., например: *Les constitutions de la France...* P. 94; *Godechot J.* *Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire.* P., 1951. P. 396.

³ См., например: *Meunier A.* *Les coups d'état du Directoire.* P., 1927. Vol. I. P. 249.

⁴ А. Мейнье отмечает, что Директория предпочитала видеть в Руссо скорее моралиста и религиозного теоретика, нежели излишне демократичного политика, а «Консулат был смертелен для идей Руссо». *Ibid.* Vol. I. P. 20, 21.

⁵ Ссылки даются на номер книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.

⁶ См., например: *Moniteur.* № 333. P. 1340.

⁷ Однако Эсмен считает, что они ошибались, так как суверенитет, как писал Руссо, и неотчуждаем (II, I), и неделим (II, II), а потому право голоса необходимо рассматривать не как неотъемлемое право, а как социальную функцию. *Esmein A.* *Op. cit.* P. 187-193.

далеко не все депутаты были с ним согласны), но легко обмануть (II, III, хотя в другом месте он и пишет о том, что «людей прямых и простых трудно обмануть именно потому, что они просты» – IV, I) – и здесь сомнений не было. Кстати, фраза Руссо о том, что «человек добр, люди – злы» (*L'homme est bon, les hommes sont méchants*) постоянно была на слуху у современников¹, а один из них даже дает к ней следующий комментарий: «То есть, когда люди образуют общество, которое не организовано на прочных началах, при помощи силы, направляемой законом, то оно несет в себе лишь опасности, разногласия и несчастья»². Пояснения, разумеется, столь же спорные, как и большинство комментариев к Руссо.

Можно вспомнить немало и иных идей философа, которые при Термидоре по-прежнему оставались актуальными. Здесь и вред, который может проистекать от создания групп внутри народа (II, III); и мнение, что общая воля не может высказываться по поводу предмета частного (II, VI), что было одним из аргументов во время дискуссии о том, кто должен избирать членов Директории; и напоминание о том, что «всякий закон, пока народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен» (III, XV), явно оказавшее влияние на решение вынести конституцию, как и в 1793 году, на референдум. Не исключено, что идея Трибуната также взята Сийесом из «Общественного договора» (IV, V). Не забудем и высказанную в свое время Л. Сциу мысль о том, что ст. 16 второй главы Конституции об образовательном цензе для избирателей напрямую вдохновлена идеями знаменитого философа³.

И хотя далеко не все положения Руссо были приемлемы для депутатов, все же говорить о каком-либо неприятии философа, а тем более о его намеренном устранении с политического небосклона, нет оснований. Аргументом здесь может служить не только частота его упоминаний, хотя она сама по себе достаточно характерна, но и их

¹ См., например: *Grégoire H. Mémoires de Grégoire, ancien évêque de Blois, député à l'Assemblée Constituante et à la Convention Nationale, sénateur, membre de l'Institut. Paris, 1837. Vol. 1. P. 455.*

² *Benicasa B., comte de. Journal d'un voyageur neutre. L., 1796. P. 39.*

³ *Sciout L. Op. cit. Vol. 1. P. 297.*

контекст. На Руссо неоднократно ссылаются в доказательство своих тезисов (причем не только на «Общественный договор», но и на другие произведения), называя его при этом выдающимся философом¹. Когда два депутата – Гарран и Майль – вступают в полемику, весомыми аргументами в ней служат именно цитаты из Руссо: их вескость бесспорна для обоих, вопрос лишь в истолковании². Выступая против лишения преступников гражданских прав, тот же Гарран напоминает знаменитую фразу философа о том, что и в тюрьме человек свободен (IV, II)³ – и таких примеров немало.

Очевиден пиетет и к самой личности мыслителя. Так, например, депутат Тало (*Talot*) называл его среди наиболее достойных людей, не имевших потомства⁴, а другой законодатель опасался, что если запретить принимать участие в выборах людям, лишенным собственности, новый Руссо может не быть избран⁵. «Законодатели, если бы Руссо был среди вас!», – восклицает Сен-Мартен, пытаясь убедить коллег⁶. А если судить, например, по речи Камбасереса, произнесенной 20 вандемьера при перенесении праха Руссо в Пантеон, и вовсе не было философа более почитаемого и человека более достойного⁷.

Отметим также, что в проектах, отправленных в Комиссию одиннадцати, упоминания Руссо встречаются намного чаще Монтескье⁸. Один из авторов даже сопровождает рукопись весьма показательной пометкой: «Это Руссо мне ее продиктовал»⁹. Многократно

¹ Moniteur. № 302. P. 1217; № 312. P. 1257-1258; № 318. P. 1279; № 282. P. 1137.

² Moniteur. № 332. P. 1336.

³ Moniteur. № 290. P. 1169.

⁴ Moniteur. № 307. P. 1236.

⁵ Moniteur. № 302. P. 1218.

⁶ Moniteur. № 313. P. 1263. Здесь хотелось бы обратить внимание еще на один нюанс, отмеченный Н.Б. Робиско. Если другие мыслители всегда цитировались ради их принципов, пишет он, то у Руссо неизменно стремились получить моральное одобрение. *Robisco N.B. Op. cit.* P. 134.

⁷ Jean-Jacques Rousseau dans la révolution française 1789-1801. P., 1977. P. 2.

⁸ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 53; Ibid., d.183 bis * 3/3. Doc. 108; Ibid., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 81; A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 104; A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 1; Ibid., d.183 bis * 13. Doc. 12.

⁹ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 31.

упоминается философ и в посвященных принятию новой конституции памфлетах¹.

Активно используют имя Руссо и в спорах, ведущихся за пределами Конвента. Так, например, рассуждая о наилучшем способе организации исполнительной власти, Редерер пишет: «Руссо отмечает в магистрате, который управляет, три принципа действия: общественный интерес, интерес магистратуры и личный интерес. Он обращает внимание на то, что личный интерес стоит на первом месте в сознании магистрата, интерес учреждения (*corps*) – на втором, государственный интерес – на третьем. Это показывает, говорит он, что если все управление находится в руках одного человека, частная воля и воля института (*corps*) совершенно едины, и посему достигают самой большой силы. А поскольку использование силы зависит от воли, наиболее активные правительства – правительства одного». Соответственно, делается характерный для просветителей вывод о том, что чем больше магистратов, тем слабее правительство². Не удивительно, что, доведя эту мысль до логического завершения, Фрерон писал в своей газете, что если бы Жан-Жака Руссо можно было бы спросить, какую конституцию дать Франции, этот великий человек без колебаний ответил бы: «Королевскую власть»³.

В то же время, видны и первые признаки неоднозначного отношения к идеям Руссо. Начинают звучать критические нотки, во многом объясняемые, на мой взгляд, опорой на Руссо во времена диктатуры монтаньяров, когда, как отмечал А.В. Чудинов, «его, казалось бы, совершенно абстрактные парадоксы на некоторое время обрели плоть и кровь»⁴. Эти нотки пока еще крайне редки, хотя и достаточно громки. Так, например, один из памфлетистов пишет: «До каких пор мы будем иметь смелость говорить лишь полуправду? Почему бы честно не признать, что принципы общественного договора Руссо в основе своей ложны, применительно к

¹ См., например: *Alcoran républicain...*; *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 125-126; *Ronzier R.* Op. cit. P. 31.

² *Journal de Paris.* 26 messidor an III (14.VII.95). Vol. 2. P. 1195-1196.

³ Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 423.

⁴ Чудинов А.В. Утопии века Просвещения. М., 2000. С. 42.

представительному правлению?»¹. «Доктрина Руссо, – уверен автор другого памфлета, – это доктрина каннибала, который переживает, что человеческая кровь не льется достаточно обильно; доктрина, вызревшая в полоумной голове фанатичного идиота, способная и сейчас еще породить маратов, каррье, робеспьеров»². И хотя подобные мысли отнюдь еще не были общим местом, это, разумеется, не мешало участвующим в дискуссии как в стенах Ассамблеи, так и за ее пределами, отбирать, как это всегда и делалось, только те фрагменты из произведений Руссо, которые подтверждали их мысли, благополучно отбрасывая то, что в эти жесткие рамки не укладывалось³. Как и раньше, при всем различии, а в какой-то мере даже противоположности, существующей между концепциями Руссо и Монтескье, идеи этих двух философов мирно соседствовали в головах депутатов: оба философа вошли в годы Революции в своеобразный круг обязательных авторитетов, что нередко подражало начетничеству, оперирование вырванными из контекста цитатами, некритичное отношением к вошедшим в пантеон «богам»⁴.

В некоторой степени это относится и к целому ряду других мыслителей. Как правило, контекст их упоминания весьма мало-содержателен. Чаще всего, имя используется в ряду других для того,

¹ *Vasselin G.V.* Respect à la propriété et aux autres droits du citoyen; ou Le seul point de ralliement des Représentés aux Représentans et des Gouvernés aux Gouvernans. P., s.d. P. 3.

² *Langloys J.Th.* Qu'est-ce qu'une Convention Nationale? P., 1795. P. 14. См. также весьма критичные отзывы о Руссо в: *Le Libre penseur*. № 1. P. 14. Первые примеры критики Руссо встречаются и у депутатов Конвента. См., например: *Faure P.J.D.G.* Op. cit. P. 3.

³ Хотелось бы оговорить, что подобное отношение к идеям философа было характерно отнюдь не только для термидорианцев. Так, например, А.В. Чудинов отмечает, что Робеспьер опирался на авторитет Руссо – как требуя полной отмены смертной казни, так и призывая скорее отправить короля на эшафот. Все зависело от того, что было выгоднее в данной политической ситуации. *Чудинов А.В.* На облаке утопии... С. 32.

⁴ Ср. у Р. Шартье: «Не вероятнее ли другое: что Революция придумала Просвещение, желая доказать свое законное происхождение и ища свои корни в основополагающих текстах философов, для чего примирила их авторов, несмотря на бросающиеся в глаза различия, и сплотила их задним числом». *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 14.

чтобы подкрепить свою мысль как можно большим количеством пользовавшихся уважением мыслителей. Именно таким образом апеллируют, например, к авторитету Мабли¹. Автор широко известных в XVIII веке произведений, горячо приветствовавший торжество республиканских принципов в США и допускавший, в отличие от Руссо, идею прямого народного представительства², этот философ без сомнения не мог остаться незамеченным членами Конвента. Однако его концепция также весьма противоречива. Наряду с утверждениями о том, что «счастье [...] возможно только при общности имуществ» (I, II)³ и что необходимо насильственно дробить движимое и недвижимое имущество, «накопленное жадностью и тщеславием» (II, I), в его трудах встречаются и тезисы весьма близкие термидорианцам: о том, что «природа предназначила людей быть равными» (I, II), что в Англии отнюдь не достигнуто разделение властей, поскольку король волен вмешиваться в законодательство, и что звание гражданина не должно уничтожать достоинства человека.

Кого еще упоминают законодатели в своих речах? Круг их интересов широк, у многих чувствуется хорошее образование: встречаются имена Вольтер⁴, Монтень и Тацит⁵, Бентам⁶, Макиавелли⁷, персонажи античных мифов⁸, Библии⁹ и даже развенчанный Мирабо¹⁰.

На параллелях с античностью хотелось бы остановиться подробнее. Так, 20 раз в ходе дискуссии встречаются ссылки на Древнюю Грецию, в том числе 6 раз на Спарту и 4 на Афины; из конкретных имен дважды упоминается Платон, по одному – Солон и Сократ.

¹ Moniteur. № 305. Р. 1229. Упоминается Мабли и в одном из проектов. A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 81.

² Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 297-298.

³ Ссылка дается на номер книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: Мабли Г. Избранные произведения. М.-Л., 1950.

⁴ Moniteur. № 307. Р. 1236.

⁵ Moniteur. № 307. Р. 1235.

⁶ Moniteur. № 334. Р. 1346.

⁷ Moniteur. № 330. Р. 1330.

⁸ Moniteur. № 282. Р. 1137.

⁹ Moniteur. № 336. Р. 1354.

¹⁰ Целых три раза. См., например: Moniteur. № 282. Р. 1137.

Чуть меньше – 16 раз – вспоминают Древний Рим; из персоналий – Катона, братьев Гракхов, Мария и Цицерона¹. В историографии встречается даже мнение, что само название Совета старейшин было инспирировано Герусией в Спарте². И, как правило, эти упоминания содержат в себе одну общую мысль – необходимо быть достойным примера древних, помнить об опыте их законодательных институтов.

Разумеется, в проведении параллелей с античностью термидорианцам отнюдь не принадлежала пальма первенства. О том влиянии, которые оказали Древняя Греция и Древний Рим (вернее, их образы, закрепившиеся в сознании образованной элиты XVIII века) на Французскую революцию, написано и сказано уже немало, и едва ли есть смысл останавливаться здесь на этом подробнее. «В самом деле, – отмечает К. Моссе, – почему, несмотря на то, что современный мир предлагал другие примеры политических режимов, которые сильно влияли на составителей различных конституций, выработанных в это смутное время, испытывалась настоятельная необходимость ссылаться на древних, отождествлять себя с героями Плутарха или грезить о спартанском или римском обществе»³? Быть может, дело в том, что античный мир выработал концепции свободы и равенства, именно в античности впервые была опробована демократия, о которой теперь мечтали⁴? Несомненно, здесь сказалось влияние Руссо (который, правда, по мнению А. Герар, «любил античность не благодаря знанию, а благодаря невежеству»⁵),

¹ Пестрят экскурсами в античность и проекты, присылаемые в Комиссию. См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 4; Ibid., d.183 bis * 3/2. Doc. 37; Ibid., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 1, 38.

² *Szramkiewicz R. Bouineau J. Histoire des institutions*. P., 1992. P. 139.

³ *Mossé C. L'Antiquité dans la Révolution française*. P., 1989. P. 9.

⁴ Ibid. P. 11.

⁵ Стоит отметить, что, вообще, далеко не всегда участники революции подражали античности, действительно зная, о чем идет речь. Едва ли не лучшим примером здесь может служить фригийский колпак, который никогда ранее не был символом свободы, что не помешало большинству революционеров оставаться при своем мнении. *Wrigley R. Le bonnet de la liberté: culture classique et culture populaire // Les droits de l'homme...* P. 349-350. Обратим внимание, что, по его словам, и после Термидора этот головной убор не только не вышел из моды, но и имел широкое распространение.

Монтескье и других просветителей, а также успехи археологии – открытие Геркуланума и Помпей, сделанные в XVIII веке¹.

Особый пиетет к античности питал и Конвент, причем с самого начала своей работы. В зале заседаний стояли бронзовые статуи Нумы, Ликурга, Платона и Брута²; выступления многих депутатов не обходились без ссылок на давно ушедшие времена. Согласно проведенным Ж. Буино подсчетам, на первом месте в этом плане оказывался Робеспьер, однако в его списке есть и часть участников дискуссии, среди которых Эшассерье-старший (39 упоминаний), Буасси д'Англа (24), Тибодо (20), Камбасерес (19), Лувэ (15), Дюбуа-Крансе (11), Майль (10), Боден (7), Ларевельер-Лепо, Ланжюине, Крезе-Латуш, Дону (по 2)³. При этом депутаты Конвента (а затем и обоих Советов) упоминали Рим чаще, чем Грецию⁴, что также имеет немало объяснений: с одной стороны, Рим воспринимался как пример республиканского героизма, теоретическая модель для институтов⁵; с другой стороны, именно сочинения римских классиков заставляли тогда читать в школе⁶. Так, например, ссылаясь на Рим, упоминая Брута, Кориолана и Курция, Боден, выступая в Конвенте 13 фрюктидора (31 августа), говорил: «Мы сейчас обращаемся к суровой истории, мы спрашиваем этого неподкупного свидетеля; он разворачивает перед нашими глазами панораму античности; и мы компенсируем столько бед, вызванных деспотизмом, трогательным примером, проявленным республиканцами по отношению к своему отечеству»⁷.

Ссылки на античность, стремление видеть в ней пример для подражания не ограничиваются стенами Конвента. Так, в одной из статей, посвященной обсуждению проекта Конституции, Редерер умудряется в одном абзаце упомянуть для подтверждения своей

¹ Guérard A. The Life and Death of an Ideal. N.Y., 1956. P. 283.

² Meister H. Op. cit. P. 101.

³ Bouineau J. Les toges du pouvoir (1789-1799) ou La Révolution de droit antique. Toulouse, 1986. P. 505.

⁴ Ibid. P. 143-157.

⁵ Mossé C. Op. cit. P. 155.

⁶ Parker H.T. The Cult Of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago, 1937. P. 17.

⁷ Moniteur. № 347. P. 1397.

мысли афинян, Солона, Ликурга, Спарту и римлян¹. А в небольшой статье графа де Монлозье всего на двух соседних страницах можно встретить имена Мария, Суллы, Цезаря, Помпея, Антония, Октавиана и Августа².

Однако в термидорианский период в отношении к античности появляется и нечто новое. Когда депутат Лекуантр в запале клянется головой Брута, это неожиданно вызывает смех³. В чем же здесь дело? Мне кажется, что все чаще и чаще подобная риторика начинает восприниматься как риторика якобинская, и потому, собственно, и отвергается. Появляется критическое отношение к античности, причем основная тяжесть удара падает опять же на Рим, который теперь рассматривается как источник, откуда именно якобинцы черпали примеры для подражания⁴.

Весьма характерен в этом отношении большой доклад, с которым в 1795 году Вольней выступил в Эколь нормаль. Обрушиваясь с резкой критикой на царивший в стране культ античности, Вольней с иронией говорил: «Наши предки клялись Иерусалимом и Библией, а новая секта клянется Спартой, Афинами и Титом Ливием». По его мнению, это «новый вид религии», как всякая религия заслуживающий безусловного осуждения. Он призывал: «Прекратим же поклоняться древним, у которых вместо Конституции была олигархия, вместо политики – исключительные права городов, вместо морали – право сильного и неприятие всего чуждого (*étranger*)...». Говоря о равенстве, продолжал он, «забывают, что Спарта была аристократией с тремя тысячами знати, которые держали в повиновении двести тысяч рабов»⁵.

¹ Journal de Paris, 4 messidor (22.VI.95). Vol. 1. P. 1106.

² Montlosier F.D., comte de. Op. cit. P. 37-38.

³ Moniteur. № 186. P. 758.

⁴ В одном из своих памфлетов Боден дает несколько любопытных штрихов к восприятию якобинцами античности, отмечая их стремление проецировать в прошлое современные им политические ярлыки и рассматривать деятелей античности с позиций 1793 года. Так, например, он вспоминает, что Робеспьер-младший как-то назвал Цицерона фейяном. Baudin P.C.L. Du fanatisme et des cultes. P., III. P. 31.

⁵ Цит. по: Raskolnikoff M. Volney et les Idéologues: le refus de Rome // Revue historique. 1982. № 542. P. 360.

И Вольней не одинок. Анализ памфлетов и переписки Комиссии одиннадцати позволяет выявить ту же тенденцию. «Рядом с высокомерным спартиатом, – писал Ронзье, – я вижу несчастного илота... Пусть мне не превозносят добродетель римлян даже в первые годы республики; на несколько добродетельных людей там были тысячи бесчеловечных, вооруженных кнутами, чтобы унижать своих рабов»¹. Созвучны этому и некоторые слова, произносимые с трибуны Конвента. Так, например, Жан Дебри в своей большой речи, произнесенной 27 мессидора (15 июля) говорил: «В Спарте были илоты, иными словами, целая нация в самом позорном рабстве и лишенная всех гражданских и естественных прав»². А в чрезвычайно популярной при Термидоре комедии Дюканселя «Внутренний мир Революционных комитетов или Современные Аристиды» – едкой сатире, направленной против якобинцев, тупые и безграмотные члены революционного комитета (иными словами, Комитета общественного спасения) все выведены под римскими именами. Любовь к Риму начинает идентифицироваться с террором³.

Однако вернемся к дискуссии. В принципе, складывается ощущение, что депутаты стремятся видеть на скамьях Конвента не только Руссо, в своих спорах они свободно сталкивают мнения многих философов и политиков, как если бы те действительно принимали участие в обсуждении затрагиваемых ими проблем. Так, рассматривая в *Journal de Paris* вопрос о том, нужен ли двух- или однопалатный Законодательный корпус, Редерер приводит по этому вопросу мысли не только Руссо, но и Тюрго, Адамса, Мабли, Кондорсе, Сийеса⁴.

Хорошо известен депутатам Национального конвента и законодательный опыт других стран Европы⁵, прежде всего Англии и

¹ *Ronzier R.* Op. cit. P. 25, 29. Об этом же писал и, например, Ж.В. Васселен: *Vasselin G.V.* Respect à la propriété et aux autres droits du citoyen. P. 30-31. Та же мысль встречается и в переписке Комиссии. См., например: А.Н., С 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 49.

² *Moniteur.* № 303. P. 1220.

³ *Raskolnikoff M.* Op. cit. P. 359.

⁴ *Journal de Paris*, 15 prairial (3.VI.95). Vol. 1. P. 1031-1032.

⁵ *Moniteur.* № 282. P. 1137.

Голландии¹; обращаются даже к примеру итальянских государств². Причем, если Голландия рассматривается, по большей части, как сборище курьезов, то английский опыт анализируется гораздо вдумчивее. В целом в дискуссии упоминание Англии встречается 34 раза, из них 5 в ярко выраженном положительном контексте и 7 – в отрицательном.

Взгляды на английскую модель государственной системы действительно были при Термидоре более чем неоднозначны: с одной стороны, во многом оставалась в силе традиция видеть в Англии пример для подражания³, с другой, – нельзя было не учитывать, что революция там закончилась реставрацией монархии, что и после нее в стране благополучно существуют король и знать (в частности, палата лордов)⁴. Так, А. Эсмен отмечал, что именно во время Революции сознание французов (в том, что касается конституционного права) мало-помалу отходит от английских принципов⁵. Кроме того, напряженные отношения Англии с Французской республикой также придавали стремлению видеть в ее политической системе полезный опыт определенный налет непатриотичности.

Именно поэтому к Термидору на место стремления соответствовать английским канонам приходит стремление доказать, что можно создать конституцию не хуже и не следуя английским образцам. Наша Конституция готовилась в спешке, признает А. де Лезей-Марнезия, но все равно она едва ли не лучшая в Европе; в Англии все будет приходить в упадок, а во Франции – совершенствоваться⁶.

¹ Moniteur. № 298. P. 1199-1200; № 297. P. 1198; № 298. P. 1200; № 299. P. 1204; № 303. P. 1220. Замечу, что не только депутатам. Так, например, Воблан в «Размышлениях об основах Конституции» в качестве примера стран, где благополучно используется разделение властей, приводит не только Афины, Рим и Спарту, но и Англию, Соединенные Штаты и Швецию, которая одно время была, по мнению ряда просветителей, самой демократичной страной в мире. Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 415-416.

² Moniteur. № 334. P. 1345.

³ Подробнее об этом см., например: *Bonno G.* La constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. P., 1931.

⁴ Moniteur. № 283. P. 1140.

⁵ *Esmein A.* Op. cit. P. 30.

⁶ *Lezay-Marnezia A. de.* Des causes de la révolution... P. 65.

А, может быть, в Англии и вовсе нет никакой демократии? Конечно нет, уверен Ж. Ле Фебюр. Ведь хотя «народ и избирает представителей в палату общин, но совращенный, опьяненный во время выборов честолюбцами, которые домогаются его голосов, он оказывается продан и покинут этими представителями»¹. Ну разве может такая система служить примером для подражания?!

Что же касается Английской революции, то, как ни странно, из ее деятелей, кроме О. Кромвеля, упоминается лишь А. Сидней, участвовавший в революции на стороне парламента, бывший членом трибунала, судившего Карла I, написавший трактат «Рассуждения о правительстве» и казненный, будучи заподозренным в участии в антикоролевском заговоре в 1683 году. Судя по всему, этот образ был прекрасно знаком депутатам: Сидней упоминается наряду с Сократом и Катон², а Лувэ вспоминает его в своем стихотворении, написанном, когда он скрывался от якобинцев³. Таким образом, если для конституционного комитета Лалли-Толандаля и Мунье в 1789 году «опыт – это прежде всего английский пример, обогащенный недавним американским конституционным выбором»⁴, то теперь на место восхищения Великобританией приходит восхищение Соединенными Штатами. Английская революция была уже давно, да и ее итог пугает многих депутатов⁵, а вот американская свершилась совсем недавно и еще свежа в памяти⁶. Малле дю Пан в принципе считал, что в 1795 году «жирондисты приняли за основу искаженную конституцию Соединенных Штатов»⁷. Американский

¹ *Le Febure G.* République fondée sur la nature phisique et morale de l'homme. S.l., 1798. P. 6.

² *Moniteur.* № 285. P. 1148.

³ *Louvet J.B.* Mémoires de Louver de Couvrai sur la Révolution française. P., 1889. Vol. 1. P. 174. Сидней упоминается и в одном из проектов, отправленных в Комиссию: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 37.

⁴ *Baker K.M.* Op. cit. P. 544.

⁵ *Moniteur.* № 305. P. 1228.

⁶ О том, что американский конституционный опыт был французам хорошо известен см.: *Martucci R.* «Liberté chérie»: l'opinion française et les constitutions américaines // *Constitution & Révolution aux États-Unis d'Amérique et en Europe (1776/1815)*. Macerata, 1995. P. 173-207.

⁷ *Mallet du Pan J.* Op. cit. Vol. 2. P. 147.

народ называют «нашим старшим братом на попрание свободы», «старшими братьями в революции», отмечают его процветание¹.

Вообще, американская конституция служит признанным образцом². Лакретель-младший вспоминал позднее, что во время обсуждения конституции «наиболее просвещенным умам» представлялся именно пример США³ (хотя Камбасерес и Гарран наряду с ней предлагали воспользоваться и английской моделью⁴). И только Ларевельер-Лепо критиковал заокеанскую политическую систему, полагая, что и в ней не до конца проведен принцип разделения властей⁵. Цифры показывают, что в дискуссии Соединенные Штаты упоминаются 37 раз (немногим больше, чем Англия), из них 8 явно положительно.

Однако в реальности боязнь слишком сильной исполнительной власти предопределила отказ от президентской республики по американскому образцу. Как отмечал Редерер, «проект отказывается совету из пяти человек во власти, которую конгресс не побоялся вручить президенту Соединенных штатов»⁶. Не было заимствовано и избрание палат на различный срок, избирательное право ограничено конкретным цензом; относительно похожи лишь взаимоотношения между палатами. Тем не менее, это не помешало во время дискуссии часто ссылаться на США именно в положительном смысле и тщательно анализировать американский законодательный опыт⁷.

Из американских государственных деятелей признается авторитет Б. Франклина⁸, но гораздо более интересно то, что в доказательство необходимости баланса трех властей Буасси ссылается не на

¹ Moniteur. № 283. P. 1139; № 302. P. 1218.

² Moniteur. № 304. P. 1224-1225; № 290. P. 1169.

³ Lacretelle C.J.D. (*jeune*). Précis historique de la Révolution française. Directoire exécutif. P., 1803. Vol. 2. P. 2.

⁴ Moniteur. № 303. P. 1220; № 305. P. 1229.

⁵ Moniteur. № 305. P. 1227.

⁶ Journal de Paris, 1 thermidor (19.VII.95). Vol. 2. P. 1216. В той же газете была опубликована большая статья Лезей-Марнезия об американском вето. Ibid., 5 fructidor (22.VIII.95). Vol. 2. P. 1357-1358.

⁷ См., например: Moniteur. № 311. P. 1253; № 315. P. 1270; № 318. P. 1282; № 331. P. 1332; № 334. P. 1345.

⁸ Moniteur. № 299. P. 1203.

кого-либо, а на С. Адамса, обычно не входившего в отечественной историографии в первые ряды теоретиков¹. В то же время идеи Адамса весьма созвучны мыслям французских законодателей: он выступал за неделимость суверенитета, поскольку суверенитет, с его точки зрения, заключался в том, что народ раз в один-два года избирает своих представителей и правителей, предоставляет избранному им же Сенату право обвинять их и делегирует право управлять, которое возвращается к нему перед очередными выборами. К тому же совсем недавно, в 1794 году, в послании законодателям Массачусетса он призывал помочь Франции².

Однако многократные ссылки на опыт Соединенных Штатов разбиваются об иную точку зрения: американский народ может придумывать сколько угодно правильных и полезных вещей, но на французской почве они, увы, неприменимы³. «Когда вы ссылаетесь на Соединенные Штаты, – говорил Ларевельер-Лепо, – посмотрите, каково различие между ними и нами! Сельскохозяйственные профессии практически у всех жителей, всех собственников; их вдумчивый характер, огромное расстояние между их поселениями, средняя населенность даже самых больших городов, простота нравов, – все стремится поддерживать между ними мир; а у нас все стремится к беспокойству»⁴. Другой депутат, Гарран, уверен, что в Америке «нравы еще пребывают во всей их непорочной простоте,

¹ Moniteur. № 283. Р. 1140. В «Истории США» о нем лишь несколько упоминаний, самое большое из которых связано с тем, что Адамс не смог принять взглядов Т. Пэйна. История США. М., 1983. Т. 1. С. 129.

² Adams S. Selections from his writings. N.Y., 1946. Р. 86, 87, 90.

³ Ср. у П. Генифе: «Рождение нового общества в Соединенных Штатах произошло без большого напряжения. Оно выглядело скорее как отдаленное следствие той революции, которую совершал каждый будущий американец, когда, покидая старую Европу, порывал с государственной религией, монархией и аристократией. [...] Англия подарила им свободы и институты, которые достаточно было только приспособить к их республиканским принципам, чтобы на долгий срок конституционным путем обеспечить себе свободу. Французская революция произошла в совершенной иной ситуации. Она провозгласила гражданское равенство в аристократическом обществе и политическую свободу в самой могущественной монархии Европы». *Gueniffey P. La politique de la Terreur*. Р. 53-54.

⁴ Moniteur. № 305. Р. 1227.

привычка к свободе столь же стара, как само основание этих колоний»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что депутаты Конвента ощущали себя в общем потоке европейской и американской истории: они вдумчиво анализировали зарубежный опыт, практически ни одно заимствование не проходило без дискуссии. И о многом знали не понаслышке: приводятся цитаты, анализируются институты (хотя, конечно, не обходится и без неточностей). И речь идет о собственном месте не только в истории, но и во всемирной цепи революций. При этом очевидно, что английских революционеров участники дискуссии явно считали своими предшественниками. И, одновременно, больше всего на свете боялись повторить английский путь, завершившийся реставрацией монархии; в стремлении доказать, что Английская революция ничего не принесла народу, часто отвергалось даже то положительное, чего она в реальности достигла. Неоднозначно и восприятие Америки. С одной стороны, американская революция – безусловно, достойный пример для подражания. С другой, термидорианцы не захотели использовать многое из того, что предлагал заокеанский законодательный опыт. Отсюда и попытки, признавая заслуги американской революции, подчеркнуть несопоставимость американских и французских условий: то, что хорошо для них, не подходит для нас. Ведь никакой опыт предшествующих революций не может заменить своего, французского.

Погружаясь в политическую борьбу вокруг принятия Конституции, невольно отмечаешь, что революционный опыт выступает как реальный участник процесса: на него многократно ссылаются авторы и депутаты различной политической ориентации, к нему взывают, увещевают сделать все, чтобы ошибки прошлого не повторились, в нем черпают аргументы².

¹ *Moniteur*. № 318. P. 1282.

² См., например: *Moniteur*. № 292. P. 1178; *Hénoul J.B.* Première lettre d'un citoyen à la Convention Nationale, sur l'ordre à établir dans la République. P., s.d. P. 4; *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 44, 49, 55, 62, 148, 149; *Paine Th.* Dissertation sur les premiers principes de gouvernement. P., III. P. 31, 134; A.N., C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 49; Ibid., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 22; Ibid., d.183 bis * 6/2. Doc. 44, 52; Ibid., d.183 bis * 7/2. Doc. 32.

«В чем кроются причины всех наших ошибок? – спрашивает автор одного из памфлетов. – В неопытности. Одно неправильное действие влечет за собой другое; оглядываются назад, но повернуть вспять уже поздно»¹. Из документов эпохи следует, что многие современники рассматривали Термидор, как своеобразный синтез, итог революции, в полной мере унаследовавший многие беды и горести различных ее этапов. От монархии нам досталась развращенность, от революционных лет – анархия, говорил Гарран². Более того, если верить Буасси, то коррупция и анархия связаны, хотя бы через Конституцию 1793 года, поскольку она – творение и той, и другой³. Нельзя не отметить, что к опыту апеллируют не только республиканцы, но и роялисты – и среди них сам Людовик XVIII. «Ужасный опыт, – пишет он в своей Веронской декларации, – прекрасно просветил вас о ваших бедах и их причинах»⁴.

Рассматривая Революцию как путь проб и ошибок, термидорианцы не без грусти отмечают, что не все в ней было так, как хотелось, и, тем не менее, важен итог – она победила. «Не стоит упрекать себя ни за беды, ни за ошибки, – говорил в конце II года Республики член Комитета общественного спасения со дня его основания Ж.-Б.-Р. Линде. – Всегда ли мы были, всегда ли мы могли быть тем, чем мы хотели быть? Мы все занимались одним и тем же делом; одни сражались смело и раздумчиво; другие в пылу горячности набрасывались на те препятствия, которые они хотели уничтожить и сокрушить... Кто захочет потребовать у нас отчета за те вещи, которые невозможно предвидеть и направлять? Революция совершена; она в равной мере творение всех»⁵. И, тем не менее, термидорианцы не раз ужасаются, оглядываясь назад. «Мы пережили, – пишет один из них, – блокаду Анрио, неронизм Марата,

¹ *Pochon J.M.* Conseil public pour toutes les classes de la société. Généralement pour toutes les affaires de famille, commerciales, judiciaires et administratives. P., IV. P. 3.

² *Moniteur*. № 318. P. 1282.

³ *Moniteur*. № 281. P. 1132.

⁴ *Louis XVIII.* Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d.. P. 4.

⁵ Цит по: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 77.

восстания Паша со товарищи, циркуляры героев 2 сентября, федерализм Амара, суда с кингстонами Каррье, массовые расстрелы Колло, проконсулат Жозефа Лебона, чистки Барера, заговоры Фукье-Тенвиля, совесть судей 22 прериаля и, в особенности, божественность Робеспьера»¹. Тем сильнее желание термидорианцев, «чтобы опыт не был полностью утерян, чтобы события прошлых лет не повторялись в тех же формах»².

Еще более выпукло говорил о пройденном пути Буасси д'Англа в своей знаменитой речи, предварявшей обсуждение новой Конституции: «Мы прожили за шесть лет шесть веков. Наконец настала счастливая эпоха, когда мы, перестав быть гладиаторами свободы, можем стать ее истинными основателями... Пришло время извлечь уроки из преступлений монархии, ошибок Учредительного собрания, колебаний и отступлений назад Законодательного собрания, злодеяний тирании децемвиров³, бедствий анархии, бед Конвента, ужасов гражданской войны; лишь размышляя о широкой картине причин революции, прогрессе общественного мнения, бурной смене точек зрения и событий, лишь помня об отправной точке, пути, на который вы вступили, вашей собственной позиции, вы можете определить ту грань, которую вы не хотите переходить»⁴.

Революционное наследие давит на депутатов, «анархия» стоит за спиной, страх перед ней подчас не дает разумно действовать⁵. Вообще, как писал граф Б. де Беникаса о депутатах, «все люди этого типа полны страха и не без основания. Они пережили ужасные

¹ *Vasselin G.V.* La verité sur la constitution de Collot-d'Herbois. Par un citoyen de la section Le Pelletier. P., III. P. 5-6.

² *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 62.

³ Имеются в виду члены Комитета общественного спасения времен диктатуры монтаньяров, которых при Термидоре нередко именовали «децемвирами».

⁴ *Moniteur*. № 281. P.1131-1132. Ср.: «За те девять лет, что Франция желала новую конституцию, целые века прошли перед нашими глазами». *Fantin-Desodoards A.* Op. cit. P. 3. И еще одно мнение, принадлежащее редактору «Котидьен» Галле: «Шесть лет революции, самого большого урока, какой только могут получить люди, кажутся потерянными для французов, привыкших жить, петь, спорить, драться, но только не думать». Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 2. № 15. 12.IX.95. P. 432-433.

⁵ *Moniteur*. № 332. P. 1336-1337.

испытания: и детали того, что происходило в ужасную эпоху 1793 и 1794 годов, потрясали сердце и разум»¹. А Ж.Г. Пелтье говорит уже конкретно об участниках дискуссии, что и Буасси, и другие авторы проектов конституции «все еще связаны путами террора»². Навязчивый страх перед анархией и есть те самые «путы террора», которые предопределили, в частности, роковую слабость исполнительной власти³.

Исходя из революционного опыта Конституция III года часто оценивается и другими авторами. Так, один из современников писал о том, что в ней учли ошибки 1789 и 1791 годов и хотели предотвратить преступления и беды 1792 и 1793 годов⁴. Есть и сходные мнения, высказанные уже в наше время. «Она вдохновлялась принципами 1789, – полагал Д. Рише, – пересмотренными и исправленными в соответствии с опытом 1793 и 1794 годов»⁵. Или, как писал А. Мейнье, Конституция III года – «лишь Конституция 1791 года, подправленная в соответствии с опытом четырех последних лет»⁶.

Таким образом, депутаты не только ощущали себя в общем контексте мировой истории и использовали, по мере желания и возможности, тот опыт, который был ими накоплен за годы Революции; в Конвенте существовало и определенное единодушие по поводу того, кто или что является теоретическим или практическим авторитетом, а что решительно неприемлемо. Насколько депутатам удалось пройти между Сциллой и Харибдой, между анархией и реставрацией, можно судить по тексту самой конституции. Здесь же важно то, что они чувствовали себя не первооткрывателями, а продолжателями, стремящимися избежать ошибок как своей, так и

¹ *Benicasa B., comte de*. Op. cit. P. 21.

² *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 6. 11.VII.95. P. 372.

³ Хотя, скажем, К.М. Бейкер считает, что при принятии этой Конституции «философские принципы, а не исторический опыт играли решающую роль». *Baker K.M.* Op. cit. P. 546.

⁴ *Meister H.* Op. cit. P. 151.

⁵ *Richet D.* Coups d'état // DCRF. P. 44.

⁶ *Meynier A.* Op. cit. P. 249. Естественно, что подобные оценки напрямую накладываются на историографические споры по поводу оценки Конституции III года Республики, которых я касался ранее.

английской и американской революций. Оставалось живо и теоретическое наследие, накопленное в предреволюционные годы: Руссо, несмотря ни на что, служил не меньшим авторитетом, чем Монтескье. И, кроме того, Конституцию писали специалисты, люди, достаточно образованные, чтобы осмыслить это наследие и решить, что необходимо из него сохранить, а от чего отказаться.

Дискуссия же тем временем завершается, позиции по основным вопросам определены, теперь необходимо лишь ввести Конституцию в действие и закончить Революцию.

Глава VII

Декреты о двух третях

Принятие новой конституции означало для законодателей не только более или менее абстрактное завершение Революции, но и целый ряд практических шагов, связанных с необходимостью распустить Конвент и назначить выборы в новые органы государственной власти. Этот процесс с самого начала казался депутатам крайне принципиальным: печальный опыт Учредительного собрания¹, депутаты которого решили не выдвигать свои кандидатуры на выборах в Законодательное собрание, навел их на мысли о том, что в новом парламенте большинство должно принадлежать людям, разделяющим стремления и идеи членов Конвента – в противном случае, вся их работа по тщательному конструированию государственной машины окажется поставленной под сомнение.

Итогом подобных опасений и явилось предложение Комиссии одиннадцати сделать обязательным переизбрание в Совет пятисот и Совет старейшин двух третей членов Конвента², что и было впоследствии закреплено в двух декретах – от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа 1795 года), вошедших в историю как «декреты о двух третях». Убедить депутатов в необходимости данной меры Комиссия поручила Бодену, выступившему 1 фрюктидора (18 августа) со специальным обширным докладом на эту тему. «Отставка Конституанты в достаточной степени научила вас, – говорил он, обращаясь

¹ См., например: *Faure P.J.D.G. Opinion de P.J.D.G. Faure sur le Jury constitutionnaire, proposé par Sieyès et la Commission des Onze, et autres objets relatifs à l'état actuel.* Р., III. Р. 12. Впоследствии, об этом же говорили и мемуаристы. См., например: *Lavalette A.M., comte de.* Op. cit. Р. 141; *Thibaudeau A.C. Mémoires...* Р. 187.

² Любопытно мнение Ж. Дюваля о том, что этого не ожидали (*Duval G.* Op. cit. Vol. 2. Р. 303.), хотя журнал Ж.Г. Пелтье писал о такой возможности еще в середине июня 1795 года. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. Р. 436.

к депутатам, – что полностью обновленный законодательный корпус, который должен заставить работать еще неопробованную конституцию, – верный способ с ней покончить»¹.

Если верить переправленному в Петербург донесению из Парижа, эта проблема разделила Комитет общественного спасения на три группировки. «Первая хочет, чтобы Конвент продлил свои полномочия и создал Временное правительство до наступления всеобщего мира», этой точки зрения якобы придерживались Сийес и его сторонники. Вторая группировка, возглавляемая Тальеном², настаивала на том, чтобы немедленно после одобрения Конвентом конституция была вынесена на утверждение первичными собраниями. Третья же, самая малочисленная, предлагала, чтобы законодатели сами разделились на Совет старейшин и Совет пятисот, «не теряя возможности вновь объединиться в Конвент, если конституция не станет работать»³.

1. Принятие декретов 5 и 13 фрюктидора

Однако, по мнению Комиссии одиннадцати, в Конституции и так был заложен механизм, позволявший депутатам без дополнительных усилий приобрести большинство в новом Законодательном корпусе. Как подчеркивал Боден, тот «отнодь не должен целиком состоять из членов Конвента. В соответствии с конституцией, он подлежит обновлению на треть и кому, как не вам, следует скрупулезно это соблюдать». Напоминая коллегам, что подобное обновление должно было поставить заслон на пути «стремления к новшествам, особенно сомнительного, когда форма управления страной уже установлена», Боден делал следующий вывод: «Национальный интерес и конституция в равной мере накладывают на нас обязанность

¹ *Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze.* P. 16.

² Есть основания формально усомниться в правдивости этих сведений: письмо написано 18 августа 1795 года, однако уже 2 августа Тальен вышел из Комитета общественного спасения.

³ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 94. Л. 78-78об.

сохранить две трети членов Конвента в новом законодательном корпусе»¹.

Характерно, что тем, кто в принципе выступал против подобного решения, даже не дали высказаться. Конвент явно не хотел, чтобы была замечена совершенная Комиссией логическая подмена: новая конституция, безусловно, требовала обновления законодателей всего на треть, однако едва ли это касалось тех, кто уже находился у власти в момент ее вступления в силу. Так, например, депутату Ж.Б.М. Саладену (*Saladin*) пришлось издавать речь за собственный счет с пометкой, что 5 фрюктидора он уже был на трибуне, однако его лишили слова и обозвали контрреволюционером. «Определяя способ обновления законодательного корпуса, – писал Саладен, – конституционный акт действительно устанавливает это обновление на треть. Однако мы, творцы конституции, можем ли мы утверждать, что должны сами подчиняться закону, который мы же написали для создаваемых в силу конституции властей? Разве Национальный конвент, созданный лишь для исправления порочной конституции и подготовки другой, лучшей, может сам подчиняться этой новой конституции?». Заставляя депутатов в принципе задуматься над тем, что означает словосочетание «Национальный конвент», и настаивая на избрании совершенно нового Законодательного корпуса, Саладен далее отмечал: необходимо просто заявить, что членов Конвента можно переизбирать, и предложить народу выбрать две трети именно среди них, никак на этом не настаивая².

Помимо этого, принципиальное решение сохранить в составе будущего Законодательного корпуса две трети депутатов Конвента порождало множество сугубо технических проблем. И едва ли не главная из них – кто именно должен решать, кому оставаться в числе депутатов?

Самым простым способом, признавал Боден, было бы «прибегнуть к жребию между всеми людьми, в равной мере достойными

¹ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 26, 27.

² *Saladin J.-B.-M.* Motion sur la Nécessité de laisser au peuple l'élection libre de la totalité du prochains Corps Législatif . Par Saladin, représentant du peuple, député par le département de la Somme. P., III. P. 5-6, 7-8.

выбора народа; однако жребий может исключить тех, кому крепость тела позволит справиться с новым бременем, сохранив тех многих из вас, кому подорванное здоровье и беспорядок в домашних делах не позволяют вновь становиться законодателем»¹. Не решает проблемы и предоставление депутатам возможности самим определить, кто останется в новых органах власти: слишком уж это будет напоминать «чистки» времен якобинцев; Конвенту не нужны новые разногласия под самый финал его работы. Да и сами «чистки», в общем-то, уже не нужны: «Мы исключили из наших рядов тех, кто был запятнан преступлениями или подозревался в них», ныне остались лишь «ревностные республиканцы, непримиримые враги монархии»².

Другим вариантом было бы позволить подать в отставку всем, кому требовался отдых, однако Комиссия справедливо посчитала, что количество таких людей едва ли совпадет с требуемым. Исходя из этого, Боден предлагал, что если желающих подать в отставку откажется слишком мало, недостающих исключит жребий; в то же время специально оговаривалось, что ничто не помешает этим людям сразу же участвовать в выборах на общих основаниях. Если желающих окажется слишком много, жребий полагался неуместным – в этом случае Боден предполагал индивидуальный подход, для которого предусматривал создание специального «суда доверия» (*jury de confiance*) из числа депутатов. Сами же декреты Комиссия предлагала вынести на утверждение народа параллельно с конституцией.

Членам Конвента тема показалась слишком важной, чтобы принимать решение сгоряча: доклад и проект декрета были опубликованы, дискуссия по ним отсрочена. Когда же депутаты приступили к обсуждению, то выяснилось, что предложения Комиссии не устраивают практически никого.

Тон дебатов задал депутат Ж.Ш.Г. Делайе (*Delahaye*), решительно выступивший против «суда доверия» из опасений, что тот

¹ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 27.

² *Ibidem.* Ср. в выступлении Гамона 23 термидора (10 августа): «После того, как мы завершили очищение Национального конвента, после того, как перед судом предстали те из наших коллег, кто тиранил или обкрадывал народ, поручивший им защищать свою собственность и свою свободу...». *Gamon F.G.* Op. cit. P. 8.

получит слишком большую власть; кроме того, он увидел противоречие в том, что декреты предлагается вынести на одобрение народа, вместо того чтобы предоставить народу возможность самому решить, кто станет его избранными. Иначе говоря, «комиссия представляет Нации право, которым та не сможет воспользоваться». Вместо этого Делаайе предлагал, чтобы все решения принимались исключительно самим народом, а Конституция вступила в действие только через полгода.

Эта идея сразу вызвала настоящий шквал критики, помешав адекватно воспринять выступление Делаайе в целом и заставив его коллег предлагать свои варианты, порой не менее экстравагантные. Так, например, Л.Ж. Шарлье (*Charlier*), отметив, что подобный переходный период едва ли кого-то устроит, напомнил, что Конвент, по сути дела, состоит из членов трех законодательных корпусов: Учредительного собрания, первым провозгласившего права человека, Законодательного собрания, ниспровергнувшего трон, и собственно Конвента, установившего республику (сам он, кстати, также являлся бывшим членом Законодательного собрания). Соответственно, Шарлье предложил, чтобы члены двух предыдущих Собраний добровольно отказались от своих мест в Советах в пользу членов непосредственно Конвента. Стоит ли говорить, что это предложение также принято не было. Однако поступило много иных, в основном сводившихся к трем идеям: либо чтобы список остающихся у власти депутатов составил Конвент, не прибегая к помощи народа, либо чтобы решение принимал сам народ – без каких бы то ни было ограничений или при условии сохранения двух третей членов Конвента¹.

При дальнейшем обсуждении выявилось еще несколько нюансов. С одной стороны, даже сами члены Конвента не настолько хорошо знали друг друга, чтобы судить, кто достоин войти в новый Законодательный корпус, а кто нет. С другой стороны, как отмечал Тальен, депутаты представляли всю нацию, и только она имела право оценивать их поведение². Определенный отпечаток на дебаты

¹ Moniteur. № 337. Р. 1355-1358.

² Moniteur. № 338. Р. 1359-1360.

накладывал и страх не получить достаточного количества голосов в случае вынесения кандидатур на рассмотрение народа, что было бы равносильно вотуму недоверия. К тому же вставал вопрос: народ – это кто? Первичные собрания или собрания выборщиков?¹

Дискуссия понемногу зашла в тупик, в результате чего 5 фрюктидора был принят переработанный проект, предложенный Комиссией: все депутаты, кроме тех, кто был обвинен или арестован, имеют право войти в будущий Законодательный корпус, а собрания выборщиков обязаны избрать не менее двух третей Советов именно из них. В следующем же году половина из этих депутатов покинет Законодательный корпус, обеспечив тем самым норму ротации; кто именно – решит жребий. В остальном декрет касался уточнения порядка голосования по Конституции (кстати, производить его тайно или явно оставлялось на усмотрение граждан)².

К 13 фрюктидора (30 августа) ситуация уже несколько изменилась. Поскольку стало ясно, что департаменты могут просто-напросто не переизбрать две трети членов Конвента, собраниям выборщиков предписывалось, во-первых, заниматься переизбранием депутатов раньше, чем выборами оставшейся трети, во-вторых, разрешалось выбирать не только из депутатов от своего департамента, а в-третьих, предлагалось избрать достаточно большое количество заместителей с тем, чтобы в случае необходимости Конвент мог сам «кооптировать» необходимое количество человек. Декретом также регламентировалось, что выборы будут производиться отдельно по Советам, в три тура, с абсолютным большинством голосов в первых двух. Эти предложения Комиссии были одобрены практически без обсуждения³.

Некоторых исследователей занимает вопрос, кто же был истинным автором этих декретов? И хотя среди возможных «претендентов» называют и Сийеса⁴, и Дону⁵, все же наибольшего внимания заслуживает версия, по которой эту мысль впервые высказал,

¹ Moniteur. № 339. Р. 1363, 1366.

² Moniteur. № 340. Р. 1368-1369.

³ Moniteur. № 347. Р. 1398.

⁴ Так полагал, к примеру, Малле дю Пан. *Clapham J.H.* Op. cit. Р. 175-176.

⁵ *Bessand-Massenet P.* La France après la Terreur. Р. 65.

правда, скорее как опасение, Дюпон де Немур. Известно, что журнал Пелтье еще в середине июля опубликовал его статью, где Дюпон де Немур выступал против того, чтобы обновленный на две трети Конвент оставался у власти. «Если Национальный конвент, – подчеркивал он, – хочет, как пытается нас убедить, процветания нашей многострадальной родины, он должен без колебаний оставить свой пост, и дать народу возможность назначить ему преемников»¹.

В то же время, у меня есть определенные сомнения в подлинности авторства этой статьи: как сам Дюпон де Немур писал тогда о французах: «Они узнали опасности и беды, неотделимые от революций, и что каждый новый Законодательный корпус хочет совершить революцию»², и в этом плане решение Конвента, скорее, должно было вызвать у него одобрение. Помимо этого, он же предложил в своем достаточно рано появившемся проекте Конституции, чтобы обновление Законодательного корпуса проводилось ежегодно на одну четверть. Правда, в отношении Конвента в этом проекте предлагалась достаточно сложная и запутанная система, основанная на том, что предварительно депутатскому корпусу следовало бы очиститься, отдав под суд виновных и пригласив вместо них заместителей: «Очищение даст таким образом Национальному конвенту сто членов, которые не были виновниками ни преступлений, ни бед»³. Однако имеющиеся противоречия можно попытаться объяснить тем, что Дюпон де Немур, не будучи в принципе противником сохранения у власти части Конвента, вел спор лишь о квоте депутатов, ежегодно покидающих палаты. Так, в другой своей ранней работе он писал, дискутируя с бывшей тогда в ходу идеей ротации законодателей наполовину: «Декретировать предложенную конституцию, предписывающую обновление законодательного корпуса наполовину, – то же самое, что декретировать будто она не существует. Декретировать эту форму обновления на будущее – это декретировать революцию каждые два года». Как видим, выражения более чем резки, однако борьба

¹ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 436.

² *Dupont de Nemours P.S.* Du pouvoir législative... P. 38.

³ *Ibid.* P. 39, 53-60.

ведется лишь за обновление на четверть, кажущееся автору наиболее разумным¹.

Отмечу попутно, что за пределами Конвента предложений по обновлению практически не было высказано, что, впрочем, легко объясняется малым сроком – с 1 фрюктидора (даты речи Бодена) до одобрения второго декрета прошло всего 12 дней. Так, в переписке Комиссии одиннадцати я нашел лишь один реальный проект, предусматривавший следующую процедуру: Буасси д'Англа² называет еще двух коллег, которым он доверяет, те объединяются в комитет и, свободно, по-республикански все обсудив, предлагают еще пятерых. Эти восемь называют еще десять, эти восемнадцать еще десять – и так до двух третей³.

Все остальное – ремарки и замечания. Например, рекомендовали выплатить компенсацию той трети уходящих в отставку депутатов, чьи дела были запущены из-за их отсутствия на местах⁴. Обращали внимание на то, что многие депутаты потеряли доверие своих избирателей, предлагая еще треть обновить в следующем жерминале – за это время «новички» вполне могли бы уже чему-то научиться⁵. Была высказана и идея просто объявить депутатов переизбираемыми, без какого бы то ни было специального ограничения при выборах⁶.

Хотя на первый взгляд декреты о двух третях могут показаться сугубо техническими решениями, не затрагивающими (особенно с учетом мотивации, оглашенной Боденом) сути новых выборов, общественным мнением они были восприняты совсем по-иному: депутаты Конвента нередко рассматривались в то время как люди, задержавшиеся во власти, привыкшие навязывать свое мнение народу, не считаясь с его истинными нуждами. Если депутаты настойчиво подчеркивали, что это именно они избавили народ от

¹ *Dupont de Nemours P.S. Observations sur la constitution...* P. 45-46.

² Это, несомненно, говорило о том авторитете, которым пользовался Буасси при Термидоре.

³ *Nau-Deville*, 9 fructidor, an III. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 29.

⁴ A.N., AA 34. Doc. 1001.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/2. Doc. 60.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 20.

тирании Робеспьера, то сам народ справедливо возлагал на Конвент ответственность за все непопулярные меры времен диктатуры монтаньяров, включая экономическое регулирование и Террор.

Как отмечали многие современники, в то время «всеобщим чувством была ненависть, скорее живая, чем глубокая, к Конвенту и его депутатам, от которых всеми силами хотели избавиться – чувство, в общем-то, безразличное к форме правления, в виду того, что прекращалось их господство»¹. «Правление Конвента, не поддерживаемое более казнями, было низко и достойно лишь презрения; все честные люди желали свержения его»². В докладе, подготовленном для английского правительства в апреле 1795 года, читаем: «О Республике, Свободе или Равенстве не говорят иначе как с весьма выразительными гримасами; о представителях народа – не иначе как с напускным презрением»³.

Хотя, как мы видели ранее, историки нередко были убеждены, что термидорианцы действовали в интересах «буржуазии», даже она, по мнению Ж.Г. Пелтье, ныне была настроена против депутатов, поскольку «Конвент исчерпал все ресурсы среднего класса граждан» с помощью максимума и реквизиций. И, «хотя Конституция возвела их в ранг активных граждан и поставила на один уровень с большими сеньорами в плане военных и политических прав, их уязвленная гордость не может простить ни Конвенту, ни республике того, что они смешаны с простолюдинами; и равенство, которое некогда их столь обогатило, ныне стало мучением»⁴. К тому же с каждым днем ситуация осложнялась, «к моменту появления декретов началась открытая война между парижской молодежью и ее бывшими вождями – термидорианцами»⁵. Но что говорить о людях, которые смотрели на Конвент со стороны, если даже Ларевельер-Лепо писал впоследствии, что Конвент в то время был «лишь неорганизованной толпой, разнородной массой, составленной из бессвязных остатков

¹ Allonville A.F. Op. cit. Vol. 3. P. 399.

² Marmont A.F.L. Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832 imprimés sur les manuscrits original de l'auteur. P., 1857. Vol. 1. P. 82.

³ Historical Manuscripts commission. Vol. III. P. 64.

⁴ Peltier J.-G. Op. cit. Vol. 1. № 1. 6.VI.95. P. 20-21.

⁵ Duval G. Op. cit. Vol. 2. P. 303.

всех партий, которые одна за другой брали в нем верх и терпели поражение»¹.

В этих условиях бурная реакция на известие о том, что две трети депутатов собираются и дальше находиться у власти, не замедлила воспоследовать.

Возьмем для начала переписку Комиссии одиннадцати: если ее корреспонденты и не успели прислать своих проектов декретов, то уж, по крайней мере, они не преминули высказать им свою оценку. «Я не думаю, что можно представить себе что-нибудь более абсурдное и более политически недальновидное», – прямо отмечал один из них, напоминая о примере Ликурга. Результатом будет постоянная вражда между старыми и новыми депутатами, «правление факций», «самая отвратительная тирания», «ужасное восстание»². «Способ избрания по третям порочен, – уверен другой, – он покушается на величие Народа-суверена и сохраняет места за людьми, которые недостойны этого»³. Помимо апелляции к народному суверенитету⁴, использовались и другие аргументы – например, международный престиж Франции. Декреты «представили вас внимательной Европе как честолюбцев и узурпаторов», – предупреждают депутатов жители Амьена⁵.

Можно сказать, что в целом реакция современников была более или менее единодушной: резко отрицательной. В Париже поговаривали, что Комиссия одиннадцати (*sic!*) хочет захватить власть⁶, а в одном из памфлетов было даже сказано, что она не случайно

¹ Тот факт, что автор добавляет: «Состояние, в котором находился Конвент, было точным слепком с того, в котором находилась Франция» не меняет, на мой взгляд, самой оценки. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 246.

² A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 2.

³ A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 129.

⁴ Ссылка на народный суверенитет вообще была в этой связи очень популярна. См., например: A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 136; Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne, à la Convention Nationale. 13 fructidor, 3e année. S.l., s.d.

⁵ Adresse de l'assemblée primaire de la deuxième section de la Commune d'Amiens à la Convention Nationale. 27 fructidor an III // A.N., B II 63. Doc. 186.

⁶ *Aulard A.* Paris pendant la Réaction thermidorienne et sous le Directoire. P. , 1899. Vol. 2. P. 183.

предложила организовать правительство из пяти директоров и шести министров¹.

Самые осторожные писали в газеты письма с крамольным, по тем временам, вопросом: «Доверие большинства нации к 500 членам Конвента обязывает ли меньшинство к тому же?»². В прессе появилось множество статей о попрании свободы выборов³. «Эта мера вызвала всеобщее возмущение, – вспоминал впоследствии барон де Френилли, – потому что никто, кроме его [Конвента. – Д.Б.] приспешников, не хотел, чтобы он оставался могущественным и безнаказанным»⁴. «Это постановление возбудило негодование во всей Франции, – согласен с ним граф де Воблан. – Все осознавали ужасную тиранию Конвента. Власть, сохраненная в руках двух третей его членов, встревожила всех французов, кроме тех, кто делил ответственность за преступления или воспользовался плодами этой тирании»⁵. «Этот декрет нарушает национальную волю», – писал в письме своему брату 26 фрюктидора (12 сентября) еще один современник⁶.

После публикации декретов они очень скоро стали мишенью для насмешек. «Откуда весь этот шум против *двух третей*?» – спрашивал *Le Censeur des journaux* в одном из столь популярных в то время диалогов. И отвечал: «Это реванш, взятый двумя первыми сословиями против *третьего*»⁷. Общий настрой народа был,

¹ Moniteur. № 337. P. 1358.

² Journal de Paris. 5 vendemiaire (27.IX.95). Vol. 3. P. 20. А. Олар также отмечает сильную оппозицию декретам в секциях и в прессе. Aulard A. Paris pendant la Réaction thermidorienne... Vol. 2. P. 229, 282. Ср. также: «Каждое утро девять или десять газет рассыпались в несправедливостях к Конвенту. Их поддерживали памфлетисты, чьи писания бесплатно распространялись в Париже и в департаментах». Dulaure J.A. Histoire de la Révolution, du Consulat et de l'Empire. P., 1850. P. 335.

³ См., например: Journal de Paris, 22 fructidor (8.IX.95). Vol. 2. P. 1427.

⁴ Frénilly F.A. Souvenirs du baron de Frénilly, pair de France (1768-1828). P., 1909. P. 197.

⁵ Vaublanc V.M. Op. cit. Vol. 2. P. 367; см. также Georgel J.-F. Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du Dix-huitième siècle, depuis 1760 jusqu'en 1806-1810, par un contemporain impartiale. P., 1818. Vol. 5. P. 380-381.

⁶ Ruault N. Gazette d'un Parisien sous la Révolution. Lettres à son frère. 1783-1796. P., 1976. P. 386.

⁷ Le Censeur des journaux. № 24. 20.09.95. (4ème jour complémentaire). P. 4.

согласно полицейским донесениям, таков: «Не переизбирать этих мошенников»¹. В анонимном памфлете «К выборщикам», прямо говорилось: «Ясно выражено мнение всей Франции, чтобы вы не отдавали своих голосов ни одному из членов трех ассамблей»². «Для Национального конвента единственный способ организовать хорошую конституцию – это объявить себя неспособным оказать Франции эту услугу», – писали в Комиссию одиннадцати³. В столице сочиняли издевательские песенки, посвященные декретам⁴. Неприятие декретов было настолько сильным, что корреспонденты Комиссии одиннадцати даже интересовались, не придется ли первичным собраниям снова собираться, чтобы повторно высказаться по этому поводу⁵, и предлагали принять особое дополнение к Конституции, чтобы успокоить тех, кого взволновали декреты⁶.

На первый взгляд, подобных высказываний большинство, однако немало было и иных. «Говорят, – писал в конце лета 1795 года Л.П. Сегюр, – что люди, которые имели необходимое рвение, чтобы сделать революцию, редко имеют достаточно осторожности, чтобы быть законодателями; что у революционеров слишком много личных врагов, и что часто увлекаемые потоком обстоятельств или живостью своего характера, они переходили границы справедливости». В то же время, если полностью переизбрать депутатов Конвента, что в наибольшей степени соответствовало бы принципам, это было бы наименее разумно с практической точки зрения, поскольку могло повлечь за собой новую революцию⁷. А Бенжамен Констан и спустя несколько лет оставался уверен, что «большинство Конвента, просвещенное длительными несчастьями, имело чистые намерения»⁸.

Сходные мысли встречаются и у авторов мемуаров. Один из них спрашивает: должны ли были депутаты после принятия консти-

¹ *Madelin L.* Op. cit. P. 231.

² *Aux électeurs.* S. l., s. d. P. 1.

³ A.N., C 229, d.183 bis * 7/2. Doc. 54. P. 5.

⁴ Несколько текстов см. в: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 3. № 18. 3.X.95. P. 190, 253.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 29.

⁶ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 30.

⁷ *Ségur L.-P., l'ainé.* Suite de pensées politiques. S.l., s.d. P. 1-2.

⁸ *Constant B.* Op. cit. P. 34.

туции стать обычными гражданами? Истории известны такие примеры: Солон, опубликовав свои законы, удалился в Египет и Лидию. Ликург, получив от Спарты обещание соблюдать законы до его возвращения, покончил с собой на Крите, и прах велел бросить в море, чтобы даже мертвым не вернуться в Спарту. Но Азия не шла тогда войной на Спарту и Афины, чтобы уничтожить эти законы, а здесь вся Европа против Франции – в этих условиях решение членов Конвента остаться у власти выглядит весьма разумно. В полном согласии с Боденом, тот же автор полагал, что дух Конституции, так или иначе, был соблюден: при каждом обновлении, должно оставаться большинство, привычное к исполнению законодательных функций¹. Существовали и иные резоны для принятия декретов: так, например, барон де Барант был уверен, что, поскольку общественное мнение оказалось настроено против депутатов, возникла реальная угроза интересам Революции².

Газеты также отмечали, что декреты вызвали горячее одобрение у крайней левой части электората. Например, *Courrier universel* опубликовал письмо из Руана от 14 сентября, в котором говорилось: «В то время, когда свобода выборов оказалась столь дерзко попорана, улицы заполнили террористы, кричащие “Да здравствует Гора!”». При этом члены народных обществ якобы даже угрожали тем, кто не хотел голосовать³.

Разумеется, были довольны и сами члены Конвента. Лувэ писал в эти дни в своем *La Sentinelle*: «Одобрение декретов 5 и 13 фрюктидора – залог [прочности] Конституции»⁴. Показательный ответ противникам декретов дал впоследствии другой депутат, Байель, полемизировавший по этому поводу с мадам де Сталь. Вот пример его аргументации. Де Сталь писала: «То, что республика осталась в руках членов Конвента, было большим бедствием для Франции». – «А что, – спрашивал бывший член Конвента, – надо было отдать ее в

¹ *Fantin-Desodoards A. Histoire philosophique de la Révolution de France depuis la première Assemblée des Notables jusqu'à la paix de Presbourg. P., 1807. Vol. 6. P. 390-391, 394.*

² *Barante A.-G.-P. Histoire de la Convention Nationale. Vol. 6. P. 243-244.*

³ *Courrier universel. 2ème jour complémentaire (18.09.95.). P. 3.*

⁴ *La Sentinelle. N° 94. 3 vendémiaire (25.09.95). P. 379.*

руки врага или неизвестно кого? И кто еще мог дать столь веские гарантии против привилегированных?»¹.

Оценки современников действительно неоднозначны и во многом зависят не столько от отношения к самим декретам, сколько от общего видения роли Конвента и его места в Революции. Так, например, сторонникам декретов ссылки как на опыт Учредительного собрания², так и на опасность роялизма кажутся весьма убедительными: «Без этого декрета роялизм, быть может, задушил бы республику в колыбели»³. В то же время, их противники не менее уверенно говорят об обратном: не опыт Учредительного собрания вдохновил депутатов и не страх перед возможной реставрацией, а страх за собственную жизнь и нежелание покидать насиженные места, отказываться от власти⁴.

Хотя, казалось бы, с годами эмоции должны были уйти в прошлое, историки в плане отношения к декретам о двух третях разобщены не менее современников. С определенной осторожностью можно сказать, что большинство относится к ним отрицательно; при этом нередко обвинения депутатов Конвента в узурпации народного суверенитета⁵ более уместны, на мой взгляд, в устах «патриотов 89-го года». Характерно, что часто это влечет за собой и соответствующую лексику, заставляя забыть об аргументах⁶.

¹ *Bailleul J.-Ch.* Op. cit. Vol. 2. P. 267.

² См., например: *Journal de Paris*. Vol. 2. 14 messidor (2.VII.95). P. 1147; *Pasquier E.-D.* Mémoires de Chancelier Pasquier. P. , 1894. Vol. 1. P. 122; *Iung Th.* Lucien Bonaparte et ses mémoires. P. , 1882. Vol. 1. P. 133; *Staël A.L.G.* Considerations... P. 103.

³ *Fantin-Desodoards A.* Histoire philosophique de la Révolution de France. Vol. 6. P. 397. См. также воспоминания О. Барро: «Конвент хотел дать бой реакции, вызванной кровавым режимом террора» (*Barrot O.* Mémoires posthumes de Odilon Barrot. P. , 1875. Vol. 1. P. 2-3) и Левассера (*Levasseur R.* Op. cit. P. 695).

⁴ См., например, *Hyde de Neuville J.G.* Op. cit. Vol. 1. P. 128; *Dumouriez Ch.F.* De la République. P. 24-26; *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 3. № 17. 26.IX.95. P. 17.

⁵ См., например: *Petot J.* Les Grandes étapes du régime républicain français (1792-1969). P., 1970. P. 236.

⁶ См., например, мнение английского историка К. Доусона, писавшего, что декреты – это «наглая попытка непопулярного и дискредитированного собрания удержаться у власти против желания народа» (*Dawson Ch.* Op. cit. P. 120), или Ж.Ж. Шевалье, полагавшего, что «эти декреты уникальны как бесстыдная демонстрация политиками своего желания остаться у власти». (*Chevallier J.J.* La vie et les mémoires du général Dumouriez. P., 1972. P. 86).

Встречаются в исторической литературе и высказывания в пользу декретов, хотя их значительно меньше. «Были ли декреты о двух третях незаконными?» – вопрошает А. Мейнье. И отвечает, что поскольку 22 октября 1793 года Конвент постановил, что правительство остается революционным до заключения всеобщего мира, а во фрюктидоре III года всеобщего мира еще не было, депутаты вполне имели право на подобную меру¹. Хотя это, конечно, слабое утешение, особенно если учесть, что принятие Конституции и должно было положить конец власти революционного правительства².

Помимо этого, в общем и целом положительно оценивают декреты и те исследователи, которые видят их цель в сохранении стабильности и преемственности. Интересен также угол зрения известного итальянского историка А. Саятта, отмечавшего, что это была очень важная дата в конституционной истории Франции, «законный акт рождения того, что составляет один из трех базовых элементов политической жизни демократической нации – акт рождения класса политиков»³.

Нет согласия и по поводу истинной мотивации депутатов. Что ими руководило – стремление остаться у власти⁴; не допустить победу на выборах как роялистов⁵, так и «террористов»⁶; желание сделать выводы из опыта Учредительного собрания⁷ или же несколько мотивов сразу, как полагает, скажем, М. Лайонс, приписывающий термидорианцам желание одновременно сохранить «преемственность, стабильность и собственные места»⁸?

¹ *Meynier A. Op. cit. Vol. II. P. 3.*

² Хотелось бы отдельно отметить точку зрения С. Абердама, считающего, что декреты «полностью изменяют конституцию». *Aberdam S. Bicentenaire, aller et retour // Critique Communiste. 1993. № 130-131. P. 30.*

³ *Saitta A. Le Costituenti francesi del periodo rivoluzionario. 1789-1795. Firenze, 1946. P. 247.*

⁴ См., например: *Hobsbaum E.J. The Age of Revolution. N.Y., 1969. P. 72; Singaraud J.Ph. Problèmes politiques et constitutionnels en France – germinal an III – messidor an IV. P., 1985. P. 107.*

⁵ См., например: *Rudé G. The French Revolution. L., 1988. P. 119.*

⁶ *Zivy H. Le treize vendémiaire an IV. P., 1898. P. 112.*

⁷ *Doyle W. Op. cit. P. 319.; Sydenham M.J. Op. cit. P. 69.*

⁸ *Lyons M. Op. cit. P. 20*

Однако наиболее популярными, так сказать, «соперничающими», остаются в историографии две магистральные точки зрения. Первая – членами Конвента руководило прежде всего стремление сохранить власть. Наиболее убедительно ее обосновывал специально занимавшийся этим вопросом Ж.-П. Сюратто: «Примерно пятнадцать депутатов почти в течение года постоянно оставались у власти, несмотря на необходимость ежемесячного обновления части Комитета Общественного спасения и на уменьшение его полномочий. Среди них Мерлен из Дуэ, Ребель, Баррас, Сийес, Ларевельер, то есть первоначально избранные пять Директоров, Бреар, Трейар, Эшассеро-старший, Берлье, Боден, Дону, Крезе-Латуш, Лувэ и, в меньшей степени, Буасси д'Англа, Дюран-Майян, Камбасерес, Лесаж из Эр-и-Луара, Ланжюине, благосклонность к которому уменьшалась. Целью законов 5 и 13 фрюктидора именно и являлось сохранить власть этих людей и их сторонников»¹. Вторая же точка зрения заключается в том, что на депутатов повлияла, прежде всего, опасность победы роялистов на выборах и, как следствие, реставрации монархии².

Разумеется, я далек от попыток объяснить столь важное решение законодателей какой-либо одной мотивацией; несомненно, имел место комплекс причин. Хотелось бы только подчеркнуть, что многих и многих депутатов, оказавшихся в Совете старейшин или в Совете пятисот в 1795 году, охотно переизбирали в Законодательный корпус и позднее – уже отнюдь не под нажимом декретов.

Сложно подвергать сомнению и возможность восстановления монархии во Франции летом-осенью 1795 года. Не останавливаясь специально на этой теме³, поскольку она, очевидно, выходит за

¹ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // *AHRF.* 1951. № 4. P. 388. Интересно посмотреть упоминание в подобном контексте имен самих членов Комиссии одиннадцати.

² См., например: *Historical Dictionary of the French Revolution, 1789-1799.* Westport, 1985. Vol. 2. P. 986; *Bourne H.E.* The Revolutionary Period in Europe. N.Y., 1922. P. 225; *Morabito M., Bourmaud D.* Histoire constitutionnelle et politique de la France (1789-1958). P., 1993. P. 125.

³ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Год 1795: несостоявшаяся реставрация // *ФЕ.* 2003. М., 2003. С. 34-74; *Bovykine D.* Les décrets de «deux tiers», l'ambition du pouvoir, ou une mesure indispensable // *Le tournant de l'an III.* P. 43-53.

рамки данного сюжета, отмечу, что в то время как шансы на приход роялистов к власти насильственным путем (в частности, на успех высадки на Кибероне¹) представляются мне весьма сомнительными, два других варианта реставрации – примирение общества вокруг фигуры малолетнего Людовика XVII при организации регентства из сторонников конституционной монархии, включая часть депутатов Конвента, и победа роялистов на выборах 1795 года, о чем речь еще пойдет далее, видятся мне вполне реальными.

В документах той эпохи есть немало свидетельств о том, сколько надежд возлагали монархисты (после смерти Людовика XVII в июне 1795 года и провала Киберонской операции) на грядущие выборы². Роялисты не осмелятся в открытую атаковать Конвент, писал в начале сентября *Le Censeur des journaux*, однако «они прикрываются выборами, будучи уверенными, что новая ассамблея также захочет составить конституцию; и так от конституции к конституции неизбежно вернутся к конституции 1788 года»³. И если эту цитату можно считать всего лишь журналистским предположением, то едва ли то же самое можно сказать о записке, представленной маршалом де Кастри Людовику XVIII⁴, но и в ней речь идет о том же – о надеждах, которые можно возлагать после смерти Людовика XVII на предстоящие выборы.

Кроме того, источники содержат упоминания и о других крайне любопытных документах. 7 фрюктидора (24 августа) в письме, направленном в Комиссию одиннадцати, один из жителей Кальвадоса сообщал, что «в соответствии со сведениями многих патриотов, достойных самого большого доверия, кажется очевидным, что эmissары аристократии отбыли из Парижа, чтобы доставить их

¹ Подробнее см., например: *Champagnac J.-F.* Quiberon. La répression et la vengeance. P., 1989.

² Ф. Ангеран даже сообщает о том, что после выборов граф д'Артуа планировал высадиться на западе Франции, а принц Конде должен был одновременно с ним начать наступление из-за Рейна во главе армии Пишегрю. *Engerand F.* Ange Pitou. Agent royaliste et chanteur des rues. (1767-1846). P., 1899. P. 106. Впрочем, планы роялистов по подавлению Революции при помощи военной силы, несомненно, представляют собой отдельный сюжет.

³ *Le Censeur des journaux.* № 6. 2.09.95 (16 fructidor). P. 2.

⁴ *Castries.* A.N., 306 AP 29 (326 mi 18). Doc. 24.

сторонникам в департаментах план, который был ими принят, чтобы помешать одобрению Конституции»¹.

Упоминания об этом загадочном «плане» встречаются и в газетах, правда, значительно позднее. Так, 23 сентября *Le Censeur des journaux* писал, что 12-го из Лондона прибыл план, 15-го отправленный в департаменты. Приводятся и обширные цитаты. Так, якобы, предусматривалось «расточать помпезные похвалы конституции, чтобы лучше обмануть глупцов», рисовать «кошмарный портрет Конвента, прослеживая его преступления с момента основания до сегодняшнего дня», «повторять все общие места против тирании и в пользу народного суверенитета», объявить заседания первичных собраний непрерывными, «чтобы противопоставить их могущественный авторитет легитимному», «воспользоваться общей неразберихой, чтобы призвать Монсеньера графа д'Артуа»².

4 октября *La Sentinelle* также сообщает о некоторых инструкциях, на сей раз отправленных графом д'Артуа своим доверенным лицам в Париже. В них якобы предусматривалось одобрение Конституции одновременно с провалом декретов, объявление заседаний секций непрерывными, постоянное упоминание о народном суверенитете и даже избрание Рише-Серизи³ выборщиком. А в итоге отмечалось, что необходимо «покончить любой ценой с Национальным конвентом и сделать все лучше, чем 31 мая»⁴.

В какой мере эти «планы» (или «план») реальны, а в какой – воображаемы? Если бы не письмо из Кальвадоса, можно было бы без труда заподозрить журналистов в желании обвинить роялистов в происходящих событиях: текст, приведенный Лувэ, и без того достаточно подозрителен. В то же время нельзя не заметить поразительное соответствие этих «планов» реальности. Ведь уже 13

¹ A.N., C 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 29.

² *Le Censeur des journaux*. № 27. 23.09.95. (1 vendémiaire). P. 2.

³ Жан Тома Элизабет Рише-Серизи (1754-1803) – при Термидоре издатель одной из самых популярных контрреволюционных газет, *L'Accusateur Public*, тираж которой порой доходил до 10 000 экземпляров. Сыграл значительную роль в восстании 13 вандемьера, имел репутацию признанного роялиста.

⁴ *La Sentinelle*. № 103. 12 vendémiaire (4.10.95.). P. 414.

фрюктидора (30 августа) Боден говорил в Конвенте: «Роялизм впервые неожиданно объявил себя ярым защитником суверенитета того самого народа, который он хотел поработить»¹.

Вызывало возмущение и то, что Конвент, приступая к разработке новой конституции, не взял себе за труд посоветоваться с народом, какую форму правления предпочесть. Боден, выступая от имени Комиссии одиннадцати, нашел этому удобное оправдание: уже при избрании депутатов в 1792 году нация дала им мандат на отмену королевской власти, что и было зарегистрировано в многочисленных протоколах выборов². Он преподносил этот факт как абсолютно очевидный и даже писал в одной из своих работ: «Я с трудом могу объяснить себе безумие тех, кто может питать столь преступную надежду перед лицом мнения, высказанного столько раз и столь торжественно самой могущественной нацией во вселенной»³. Аналогичные мысли можно найти и у других депутатов. «Вы провозгласили республику, однако это сам народ ее захотел, – подчеркивал Саладен, – ведь вы – всего лишь его орган, это он вам приказал ее провозгласить»⁴.

Однако подобная точка зрения активно оспаривалась в публицистике. «Довольно необычно, что эти полномочия, дремавшие с того времени, – писал автор анонимного памфлета “Несколько размышлений о принятии конституции 1795 года”, – пробудились именно сегодня, и что доверители (*commettans*) узнали от их уполномоченных о распоряжениях, который сами же отдали». Может быть, прежде чем обсуждать республиканскую конституцию,

¹ *Moniteur*. № 346. Р. 1394.

² *Baudin P.-C.-L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze*. Р. 11-12. Замечу, что еще во флореале Боден писал: «Эта единодушная отмена [королевской власти – Д.Б.], прошедшая без единого протеста, была лишь выражением воли департаментов, как это доказывают протоколы собраний выборщиков, составленные во время провозглашения депутатов» *Baudin P.-C.-L. Anecdotes...* Р. 3. Однако обратим внимание на то, что Тибодо в своих мемуарах честно пишет: Комиссия не хотела, чтобы форма правления обсуждалась в первичных собраниях. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* Р. 180.

³ *Baudin P.-C.-L. Du fanatisme et des cultes...* Р. 3.

⁴ *Saladin J.-B.-M. Op. cit.* Р. 11.

стоит узнать, хочет ли народ республику¹? Чтобы упразднить королевскую власть, первичные собрания даже не созывались, напоминает анонимный издатель газеты *Le libre penseur*².

Если обратиться к переписке Комиссии одиннадцати также становится видно, что далеко не все ее корреспонденты исходили из того, что республика в обязательном порядке должна быть сохранена. Если хотите стабильности, говорилось в одном из писем в Комиссию, учитывайте национальный характер французов. Руссо, Монтескье – за республику ли они? Отнюдь нет, они за «монархическое правление, умеренное демократией»³. «Когда нравы в целом хороши, можно принять демократию, несмотря на ее бури. Когда они плохи, стоит прибегнуть к аристократии. Когда же они очень плохи, лишь единый хозяин может сохранить государство. К сожалению, именно последний случай – наш», – высказывал свое мнение другой корреспондент⁴. В принципе, в сегодняшних условиях, размышлял третий, можно учредить «монархическую республику» с наследственными главой государства и членами Сената⁵.

На отсутствие в проекте Комиссии отдельной статьи, провозглашавшей Францию республикой, также обратили внимание, благо в Конституции 1793 года отмена королевской власти торжественно провозглашалась. Сказано, что французская республика едина и неделима, отмечал один из корреспондентов, но нигде предварительно не объявлено, что Франция – республика⁶.

Более того, уже с первых дней своего существования Комиссия одиннадцати получала письма о том, что ситуация в стране отнюдь не благоприятствует сторонникам республики. «Несмотря на намерения Национального конвента, со всех сторон взывают к эмигрантам и королевской власти, – говорилось в одном из проектов. – Опасность неминуема, роялизм подступает со всех концов

¹ Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795, adressées à la Nation française. Nemours, 6 fructidor, an 3e. S.l., s.d. P. 6.

² Le libre penseur. N° 3, 1795. P. 77.

³ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 82.

⁴ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 2.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 6.

⁶ A.N., C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 75.

республики»¹. Подобные послания, предупреждающие об усилении роялистской активности, шли не только в Комиссию одиннадцати: об этом же сообщали и в другие комитеты Конвента, а также отдельным депутатам². Добавлю, что некоторые недоработки в самом проекте новой конституции также давали роялистам объект для критики. Так, например, указание размера жалования депутатам в натуральной форме позволило в некоторых районах «разъяснить» крестьянам, что хлеб для этого будет реквизироваться именно у них. В ряде случаев, это даже послужило причиной того, что они отвергли Конституцию на референдуме³.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство источников, доступных Конвенту в целом и Комиссии одиннадцати в частности, – пресса, памфлеты, переписка, донесения представителей в миссиях⁴, – практически в один голос говорили, с одной стороны, об усилении роялистской опасности, с другой, – о том, что планы возможной реставрации связаны с грядущими выборами. Нельзя исключить, что большинство депутатов Конвента могли смотреться в кривое зеркало общественного мнения, пусть даже изготовленное – сознательно или бессознательно – их собственными руками. Но, так или иначе, летом 1795 года они, получая со всех сторон предупреждения о возможности скорого краха республики, должны были осознать, что сохранить ее без необходимой корректировки конституции представляется проблематичным. Именно такой корректировкой и стали декреты о двух третях.

Сохранить – для себя или для народа? Очевидно, что разные депутаты руководствовались разными мотивами. «Что с того, что

¹ *Projet de Constitution. Envoyé le 26 floréal, an 3e de la République, à la Convention Nationale, par le citoyen Dauxion, de la Commune de Limoux (département de l'Aude). A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126, P. ii, vi.*

² См., например, письмо Лавала (департамент Майенн) Сийесу от 1 термидора III года. A.N., 284 AP 9, d.5.

³ Beauvais, canton d'Auneuil, département de l'Oise. A.N., C 230, d.183 bis * 8/1. Doc. 51. К последнему утверждению следует относиться с некоторой долей осторожности, поскольку официальные протоколы все же показывают утверждение проекта в этом кантоне. A.N., V II 74. P. 149.

⁴ См., например, письмо Мерлена из Тионвиля Мерлену из Дуэ от 12 мая 1795 года. *Merlin R. Merlin de Thionville d'après des documents inédits. P., 1927, P. 590.*

наши имена будут обеспечены, если мы спасли Родину?» – спросит впоследствии один из членов Конвента¹. Конвенту «отнюдь не простили того, что он спасся, даже спасая родину»², – «ответит» ему мемуарист. Однако вывод о том, что угроза реставрации монархии не была для Конвента лишь пропагандистским ходом, видится мне достаточно обоснованным.

2. Восстание 13 вандемьера

Представляя Конвенту проект решения о сохранении у власти двух третей членов Конвента, Боден специально подчеркивал: «Ваша Комиссия одержима, дорогие коллеги, не жаждой власти, а стремлением к внутреннему миру»³. Однако в реальности именно принятие декретов о двух третях нарушило тот хрупкий внутренний мир, которого термидорианцам удалось достигнуть к лету 1795 года. Как утверждал очевидец, после этого «в секциях говорили уже не много, не мало, как о том, чтобы пойти на Конвент, перебить всех его членов, назначить временное правительство и провести новые выборы»⁴. Другой современник вспоминал, что декреты даже поставили в первичных собраниях под вопрос саму республику⁵. Способствовало нагнетанию напряжения и то, что декреты в известной мере разрушили планы роялистов. Правда, как писал впоследствии Малле дю Пан, они находили для себя утешение в мысли о том, что «Нетленное откровение» 1795 года не просуществовало и единого дня, расценивая декреты как первый государственный переворот: «Узурпация двух третей и деспотизм Директории, заточили ее, как и предыдущие, в архивы Камю»⁶.

¹ Цит. по: *Meynier A. Op. cit. II. P. 2.*

² *Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Op. cit. Vol. 1. P. 272.*

³ *Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze. P. 28.*

⁴ *Duval G. Op. cit. Vol. 2. P. 305.*

⁵ *Fain A.J.F. Op. cit. P. 306.*

⁶ *Mallet du Pan J. Correspondance politique pour servir à l'histoire du républicanisme français. Hambourg, 1796. P. 42.* Ср. у Болью: «Если бы не декреты о двух третях, Конституция еще могла бы существовать». *Beaulieu C.F. Op. cit. Vol. 6. P. 206.* Арману Гастону Камю (1740-1804), депутату от третьего сословия в Генеральных штатах и депутату Конвента, было поручено организовать и возглавить Национальный архив.

Более того, прямым следствием декретов о двух третях явилось восстание 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года), которое еще ждет своего кропотливого исследователя. Тем не менее, мне представляется, что бытующий в отечественной историографии взгляд на это восстание как сугубо роялистское¹ не совсем корректен – и долговечность этой точки зрения тем более удивительна, что она была убедительно опровергнута еще Н.И. Кареевым².

На деле же, оценка этого последнего *journée* Революции, выявление его причин и движущих сил весьма не просты, что можно наглядно проиллюстрировать широчайшим спектром мнений современников и историков³. Если одни полагают, что 13 вандемьера роялисты сами оказались разделены на сторонников конституционной и абсолютной монархии⁴, то другие уверены: «Отрицать, что 13 вандемьера, так же, как 5 октября 1789 года было делом рук Орлеанизма, значит либо неправильно судить о простейших составляющих (*premiers éléments*) революции, либо верх недобросовестности»⁵. Если одни видят в 13 вандемьера «буржуазную оппозицию»⁶, то другие, – стремление «продлить анархию»⁷, а третьи, напротив, утверждают, «что секции взялись за оружие не для того, чтобы совершить контрреволюцию, не чтобы распустить представительство, а против многочисленной когорты террористов, вновь вооруженных от имени правительственных комитетов»⁸.

«Роялисты вот уже несколько лет пытаются доказать, что это восстание парижан было благородным порывом в пользу Бурбонов, – писал впоследствии такой весьма осведомленный очевидец, как

¹ См., например: Манфред А.З. Великая французская революция. С. 205; Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 431.

² Кареев Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистским? Харьков, 1914.

³ Подробнее см.: Добролюбский К.П. Вандемьерский мятеж (1795 г.) // Труды Одесского государственного университета. История. Одесса, 1939. Т. 1. Глава III.

⁴ Ducoudray E. Vendémiaire (Journée du 13) // DHRF. P. 1077.

⁵ Gallais J.P. Dix-huit fructidor. Vol. 1. P. 19.

⁶ Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 56.

⁷ Aux curieux, vie privée des cinq membres du Directoire Exécutif séant au palais du Luxembourg à Paris; ou Les puissans tels qu'ils sont. P., an V. P. 5.

⁸ Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire... P. 8-9.

граф де Лавалетт, ставший в 1796 году адъютантом Бонапарта, беседовавший к тому же со многими непосредственными участниками событий, – я утверждаю, что это не так. Действительно, в секциях было сделано несколько инсинуаций в пользу королевской семьи, но столь слабых, столь отвлеченных (*détournées*), что на них обратили мало внимания»¹.

Небезынтересно, что хотя восстание 13 вандемьера было официально объявлено роялистским, документы той эпохи также нередко свидетельствуют об обратном. В частности, 27 вандемьера (19 октября) было принято постановление Комитета общественной безопасности, предписывающее всем офицерам, находившимся в Париже, отчитаться о своем поведении 12-14 вандемьера. Их объяснительные записки, доклады и свидетельства, нередко заверенные вышестоящими чинами или депутатами Конвента, сохранились в досье серии АВ XIX 197 Национального архива. Анализ этих текстов показывает, что лишь в двух из них и отмечается, что гражданин такой-то выступил против «восставших и роялистов», в остальных же документах упоминаний о роялизме крайне мало. Нередко подчеркивается, что аттестуемые – верные республиканцы, однако противопоставления не просматривается; скорее, эти упоминания делались в рамках общей традиции той эпохи. Так, например, об одном из генералов говорится, что «в момент кризиса он постоянно находился на том посту, на котором во все времена должны находиться все истинные республиканцы, защитники Закона и заклятые враги роялистов и анархии». Само же восстание описывается в терминах достаточно абстрактных: «многие секции восстали против Закона, подняли оружие против Национального конвента», а того, в свою очередь, необходимо было защищать от «негодяев, желающих его задушить». Даже слово «восстание» встречается не так часто; нередко говорят по-другому: «кризис», «дело» (*affaire*).

Весьма схоже в этом плане и письмо участника восстания, руководителя военной организации одной из парижских секций, переправленное в Санкт-Петербург послом (или, как тогда говорили,

¹ Lavalette A.M., comte de. Op. cit. P. 148.

полномочным министром) России во Франции¹ И.М. Симолиным: в тексте идет речь о выступлении против тирании (*pouvoir usurpé*), но ничего не говорится о роялизме².

В итоге мне представляется наиболее корректной постановка проблемы, сформулированная Д. Сазерлэндом: «Это было едва ли не самое странное из всех парижских восстаний. Если оно было роялистским, это ни разу не было признано ни в петициях, ни в декларациях инсургентов. Если оно просто было направлено против декретов Конвента о двух третях, его успех помог бы роялистам, однако агенты Претендента³, находившиеся в городе, отрекались от него, как от творения монархистов конституционных. Если протест был антитеррористическим, секции были сведущими в использовании языка народного суверенитета и права на восстание в антинародном деле. Если восстание резонно представляется “буржуазным”, самую большую единую категорию составляли ремесленники и подмастерья. Люди, работавшие своими руками, составляли почти треть арестованных, чей род занятий был известен»⁴.

Намечая предварительные подходы к изучению этого события, которое в новейшей историографии пока еще не стало объектом специального исследования, отмечу, что его «роялистская» интерпретация среди современников была все же преобладающей⁵. Эта точка зрения являлась настолько общепринятой, что разделяющие ее, как правило, не утруждали себя излишними доказательствами, сообщая лишь новые подробности. Так, например, Бодо (который был современником, но не очевидцем событий) писал: «В намерения секций входило перебить почти всех членов Конвента,

¹ К 1795 году Симолин давно уже покинул территорию Франции, однако официально сохранил за собой этот пост и по-прежнему отправлял петербургскому двору донесения, касающиеся положения дел в республике. Подробнее см.: Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю. И.М. Симолин – русский посланник в революционном Париже // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 2001. Вып. 4.

² АВПРИ. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518. Л. 92.

³ Имеется в виду Людовик XVIII.

⁴ Sutherland D.M.G. Op. cit. P. 275.

⁵ См., например: Baudot M.A. Op. cit. P. 27; Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 236, 256. Любопытно и его определение события: «кровавая катастрофа».

которые их не устраивали и число которых было велико, и создать ядро из пяти или шести на выбор, которым предоставили бы возможность править по-королевски». Чуть ниже он уточнял свою мысль – этим депутатам предстояло создать основу нового Законодательного корпуса – и даже называл имена: Ланжюине, Буасси д'Англа, Лесаж из Эр-и-Луара, Анри-Ларивьер (*Herry Larivière*), Дюран-Майян и Дульсе де Понтекулан, признавая, что не уверен лишь в последнем¹. Не премину отметить, что четверо из шести – члены Комиссии одиннадцати. Однако правомерен вопрос: откуда такие подробности, не лежит ли на них отпечаток проведенного впоследствии термидорианцами «расследования»?

Другие современники менее «точные», но их выводы находятся в том же русле. Естественно, как и после других *journées*, в Конвент хлынул поток одобрительно-благодарственных писем. Их авторы опять же не сомневаются, что все было организовано роялистами, или, как выразился один из них, монстрами, влекомыми ужасным фанатизмом².

Это неудивительно, поскольку роялистскую интерпретацию активно внедрял Конвент. Достаточно посмотреть, например, письмо Комитета Общественного спасения представителям при армиях от 16 вандемьера (8 октября), в котором излагалась официальная версия событий. Отметив, что «роялизм и анархия – в равной степени враги общественного порядка», Комитет продолжал: «Даже в самом сердце Парижа роялисты и шуаны развязали гражданскую войну»³.

В то же время, парижские секции резко отвергали обвинения в роялизме, отмечая, что для Конвента это лишь удобный предлог, чтобы оправдать произведенное им нарушение народного суверенитета. Так, сообщая о том, что декреты были единогласно отвергнуты,

¹ Baudot M.A. Op. cit. P. 121, 146-147.

² Pecauld, Chalon-sur-Marne, 17 vendémiaire, an IV. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 31.

³ Recueil des Actes du Comité de Salut public. Publié par F.-A.Aulard. P., 1951. Vol. 28. P. 737. См. также: Baudin P.-C.-L. Declaration sur les motifs... P. 3; Recit fidele des terribles évènements arrivés dans la commune de Paris, dans les journées du 13, 14 et 15 Vendémiaire. P., s. d. P. 3.

и в то же время 1485 из 1527 голосовавших приняли Конституцию, первичное собрание секции Верности подчеркивало, что никогда еще в нем не было столько народа. «Провозглашение этого Результата – единственный ответ, который достоинство Первичного собрания позволяет сделать тем, кто с этой Трибуны осмелился утверждать, что собрания были либо немногочисленны, либо состояли из роялистов»¹.

Таким образом, резкая реакция Парижа на провозглашенные итоги принятия Конституции становится более понятной: секции заподозрили откровенную фальсификацию, резонно спрашивая, как декреты могли быть одобрены, если в одном только Париже по меньшей мере 75 000 человек проголосовали против них².

Помимо этого, и сам Конвент немало постарался, чтобы вызвать в свой адрес максимально отрицательную реакцию секций: произнесенные с его трибуны речи (которые сразу же становились широко известны в столице) только подливали масла в огонь. Выступление Бодена от имени Комиссии одиннадцати 1 вандемьера (22 сентября) еще проникнуто духом примирения: напоминая о Древнем Риме, где «град противопоставляли миру», Боден отмечал, что Париж – центр наук и искусств, хвалил живущих в нем «полезных и трудолюбивых людей» и подчеркивал, что никто не оспаривает его революционных заслуг³. Однако уже в опубликованном 3 вандемьера (25 сентября) обращении «К парижанам – друзьям свободы и республики» говорилось: «Потерпите ли вы, чтобы кучка интриганов, бунтовщиков, анархистов и убийц ввергла вас в ужасы гражданской войны?». Естественно, что голосовавшие против декретов едва ли могли смириться с подобными ярлыками, к тому же их изрядно разозлила содержащаяся там же угроза перенести заседания Конвента в Шалон-на-Марне и привести в боевую готовность войска, в соответствии с законом от 1

¹ Section de la Fidelité. 26 fructidor, an III. A.N., B II 61. Doc. 68.

² A.N., C 231, № 183 * bis 11/1. Doc. 9. P. 7.

³ Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention nationale, au nom de la commission des onze, par P.C.L. Baudin, Député par le Département des Ardennes, dans la Séance du 1er Vendémiaire de l'an IV, sur la convocation des Assemblées électorales. P., s. d. P. 6-7, 8-9.

жерминаля¹. Сыграло свою роль и то, что буквально накануне голосования Дюбуа-Крансе нецензурно и несправедливо обругал петиционеров – опять же представителей секций Парижа².

В петициях и листовках секций действительно нет ни слова о восстановлении монархии – лишь возмущение политикой Конвента, которую рассматривали, как откровенно антипарижскую, с одной стороны, и нарушающую народный суверенитет, с другой. Один из таких текстов представляется мне достойным того, чтобы привести его здесь целиком, тем более, что он был принят в секции Лепелетье, традиционно считающейся одной из зачинщиц восстания:

«Ответ на воззвание Национального конвента

От 4 вандемьера, четвертого года,

Первичное и постоянное³ собрание

Не обращаясь для того, чтобы вам ответить, к эпохам более отдаленным, не вспоминая свидетельства о благодарностях, которые вы нам расточали во время трудной борьбы против разбойников и убийц, которую мы поддерживали, начиная с 9 термидора и в особенности в дни жерминаля и прериала, мы упомянем лишь то, что произошло с начала созыва первичных собраний.

Что вы сделали? Вы покусились на Суверенитет Народа своими декретами 5 и 13 фрюктидора. Декретом от 21 того же месяца⁴, вы продолжили те же попытки; вы ввели войска, чтобы нас напугать. Ваши комитеты вновь извергли в общество всех агентов и приспешников террора. Вы аплодировали их подстрекательским петициям у вашего барьера; вы предоставили им убежище на ваших трибунах; они заглушали своими воплями тех из ваших коллег, кто имел смелость сказать правду; вы распространяли, развешивали повсюду самую ужасную клевету против парижан; вы лишали нас всякой возможности на нее ответить и объясниться перед департаментами, обрывая любые связи. Вы наметили жертвы в своих продажных журналах; вы возобновили

¹ Procès-verbal de la Convention Nationale. Imprimé par son ordre. P., IV. Vol. 70. P. 68-69.

² Vasselin G.V. Op. cit. Vol. 4. P. 146.

³ В самом заголовке уже содержится вызов Конвенту: срок заседаний первичных собраний был им строго регламентирован.

⁴ Этот декрет запрещал первичным собраниям объединяться и посылать эмиссаров друг к другу.

проскрипции Марата и Монтаньяров, указывая кинжалам на те или иные костюмы, на те или иные личности; вы обманывали ваших доверителей, приписывая большинство [голосов] декретам о двух третях, выражая мнение Франции, когда две тысячи первичных собраний еще не высказались, считая за большинство французов едва ли пятидесятую часть имеющих права голоса Нации. Все эти факты установлены; всеобщий крик поднимается, чтобы обвинить вас в них.

Каково же было, напротив, поведение наших Первичных собраний? Повсюду величественное зрелище великого Народа, достойно вступившего в свои права; спокойно обсуждающего свои самые кровные интересы; единодушно утверждающего необходимый способ управления, столь же единодушно отвергающего преступную узурпацию. Вы осмелились отнестись как к интриганам, анархистам, убийцам к людям, которых мы только что почтили своим доверием; но посмотрите на себя: ваши одежды окрашены невинной кровью; тысячи ваших Доверителей задущены, города разрушены, торговля уничтожена, порядочность гонима, аморальность, атеизм, разбой обожествлены, анархия и голод повсюду, казна разграблена – вот ваше творение.

Слышали ли в наших собраниях хоть единый призыв к мятежу? Хоть единый намек на неорганизованность? Нет: все голоса направлены, и это правда, против вас; они направлены против слишком долгой тирании, которую мы не желаем более терпеть. Все, что мы сделали, справедливость, принципы, разум дают нам право сделать, и если Представители Нации не в состоянии умереть на своем посту, когда Родина в опасности, Представляемые сумеют умереть, если надо, за свои права.

Вы делаете нас ответственными за свою безопасность; гоните же тогда террористов, которых вы не перестаете собирать вокруг себя, и не ждите от нас ничего, покуда они – хозяева вашей крепости: палачам и жертвам не о чем договариваться. Впрочем, можно ли отвечать за вклад, который тебе не доверяли? Вы окружили себя жандармами, вы сформировали полицейский легион, весь силовой аппарат сплотился вокруг вас; тот, кто боится в подобной ситуации, либо ожидает увидеть от других то же зло, которое сам причиняет, либо чувствует, что пользуется властью, которая более ему не принадлежит.

Но odioзные подозрения, которые вы питаете по поводу наших Первичных собраний – не более, чем еще одна клевета, поскольку вы прекрасно знаете, что тот, кто был столь долго под ножом убийц и кто не устает требовать их наказания, никогда не сможет и не захочет стать им подобным.

Составлено и принято единогласно в Первичном собрании Лепелетье, 4 вандемьера, 4-го года Республики, единой и неделимой»¹.

«В декретах 5 и 13 фрюктидора не видят и не хотят видеть ничего, кроме жажды власти, – сообщал в Комиссию одиннадцати 8 вандемьера (30 сентября) аноним из Парижа. – Народу не перестают говорить: беды, которые вы пережили – лишь предзнаменования тех, которые предстоят, если вы сохраните 2/3 тех, кто был их причиной и основой»².

Следует отметить, что, пожалуй, нигде голосование по декретам не происходило так долго и тяжело, как в Париже. Секции сразу же отвергли все поставленные Конвентом ограничения по срокам созыва первичных собраний, равно как и запрещение сноситься друг с другом. Так, например, секция Предместья Монмартр с 20 по 25 фрюктидора приняла 37 (!) делегаций других секций (от некоторых не по одному разу), в основном по поводу декретов о двух третях³. Во время заседаний реакцией на ограничение избирательного права были предложения, в свою очередь, ограничить всевластие законодателей. Как в протоколах, так и в листовках, отмечаются намерения предоставить выборщикам «императивный мандат» (*mandat impératif*), объявить заседания непрерывными и не переизбирать ни одного члена Конвента⁴.

Получался своеобразный замкнутый круг: рассматривая действия Конвента как покушение на народный суверенитет, секции сами нарушили закон, давая Конвенту право ответить репрессиями. 21 фрюктидора (7 сентября) Дону, выступая на этот раз от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности⁵, заявил,

¹ A.N., C 231, d.183 bis *11/1. Doc. 9.

² A.N., C 231, d.183 bis *10/2. Doc. 84.

³ Assemblée primaire de la Section du Faubourg Montmartre. A.N., В II 61. Doc. 103.

⁴ A.N., C 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 9. Отметим, что те же предложения содержатся и в листовке «Уведомление французам», которая также имела резкую антиякобинскую направленность и призывала не допускать в выборщики «никаких кровопийц, террористов, доносчиков, санкюлотов, честолюбцев и интриганов». Ibid. Doc. 10.

⁵ 15 фрюктидора (1 сентября) Дону был избран членом Комитета общественного спасения.

обращаясь к депутатам: «В той же мере, в которой вы должны уважать волю народа, сам народ должен помешать одной из составляющих его секций¹ узурпировать национальный суверенитет. Подобная узурпация будет иметь место, если с опорой на шесть тысяч первичных собраний будет создана центральная власть, независимая от закона, который есть выражение общей воли. Такой центральный комитет пригоден лишь на то, чтобы подготовить гибельное восстание – такое, как 2 сентября или 31 мая. [...] Национальный конвент выразит волю всех французов, если спокойно и твердо подавит первые же ростки мятежа»². Оставшиеся верными Конвенту парижане предлагали, чтобы его депутаты присутствовали во всех 48 секциях в качестве наблюдателей³ и даже опасались второй раз собирать секции, как это было положено по закону, для чтения протоколов⁴.

Помимо приведенных выше соображений, нельзя не подчеркнуть, что на состояние умов избирателей, в частности в Париже, в немалой мере влияло множество ходивших в то время слухов, вносивших свою лепту в общую дезориентацию. «Некоторым доставляет удовольствие, – писал в начале мая 1795 года *Courrier universel*, – распространять среди наименее просвещенных классов народа наиболее абсурдные и противоречивые слухи. Чем более абсурден слух, чем более он нелеп, тем более можно быть уверенным, что он обретет успех». Приводится и несколько примеров: говорили, например, что Конвент распространяет отравленные рис и картошку, чтобы погубить санкюлотов⁵. «Вчера вечером распространился слух, – пишет *Le Censeur des journaux* 11 сентября, – что

¹ Имеется в виду предложение секции Лепелетье собрать 48 представителей от всех парижских секций для выработки совместной декларации.

² *Daunou P.C.F.* Rapport fait par Daunou au nom des Comités de Salut public et de sûreté générale, dans la séance de la Convention nationale du 21 fructidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. Fructidor, an III. P., III. P. 2.

³ *Anonyme*. Section du Théâtre français. 27 fructidor, an III. A.N., C 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 43.

⁴ Le President de l'assemblée primaire de la section du Museum (Paris). Vendémiaire, an IV. A.N., C 231, d.183 bis * 10/2. Doc. 68.

⁵ *Courrier universel*. 12 floréal (1.05.95.). P. 2.

Конвент установил виселицы, чтобы повесить непринявших конституцию. Виселицы оказались столбами для фонарей»¹. «Прошел слух, – делится *Bulletin républicain*, – что в намерения правительства входит восстановить террор»².

Реакция властей показывает, что слухи отнюдь не считали столь уж безобидными. Не случайно, Комитет общественной безопасности давал в газеты информацию, оправдываясь, что он не приказывал арестовывать тех, кто носит «зеленые галстуки³ и воротники» – несколько человек, одетых таким образом, арестовали отнюдь не из-за костюма⁴. А комиссия административной полиции Парижа разослала специальное письмо с сообщением, что дочь Людовика XVI все еще находится в Тампле, а не в Шуази, как написали многие газеты⁵.

И, наконец, еще одно соображение. Современниками высказывалась гипотеза о том, что противостояние ряда первичных собраний и Конвента было искусственно спровоцировано и активно подогревалось (в том числе, посредством принятия декретов о двух третях и излишне резких и даже агрессивных выступлений в стенах Конвента) самими же депутатами, стремившимися заставить первичные собрания отвергнуть Конституцию, что автоматически продлевало их полномочия. Называются и конкретные имена. Так, например, в одном письме из Парижа, отправленном в середине сентября, говорилось, что первичные собрания «направляет партия Ланжюине. К этой же партии недавно присоединились Сийес и Камбасерес. Кроме трех уже названных депутатов, ее лидерами в Конвенте являются Буасси д'Англа, Дульсе, Анри Ларивьер, Мерлен⁶, а за его пределами в качестве инструментов используются

¹ Le Censeur des journaux. № 15. 11.09.95. (25 fructidor). P. 4.

² Bulletin républicain. № 303. 3 thermidor (21.07.95.). P. 1210. См. также: Courier universel. 29 messidor (17.07.95.). P. 2.

³ Зеленый галстук нередко рассматривался в то время, как отличительный признак роялиста.

⁴ Annales de la République française. № 276. 10 messidor (28.06.95). P. 1.

⁵ La Sentinelle. № LI. 26 thermidor (13.08.95.). P. 197-198.

⁶ Не ясно, о ком из двух Мерленов – из Дуэ или из Тионвиля – здесь идет речь.

Лакретель¹ и Лагарп^{2»3}. И действительно, ряд предложений, высказанных в это время в Конвенте (как, скажем, предложение Тальена кассировать выборы) не дают возможности пренебрегать и этой версией.

В заключение этих нескольких страниц о восстании 13 вандемьера, хотелось бы отметить, что для современников оно отнюдь не было неожиданным. «Говорят о близящемся выступлении, о новом первом прериаля, должном помешать одобрению Конституции. Мы надеемся, что мудрость правительства сможет его предотвратить», – писал еще 20 августа *Le Censeur des journaux*⁴. Даже находившийся в миссии Мерлен из Дуэ высказывал Мерлену из Тионвиля свои опасения по поводу Парижа в письме, датированном 24 фрюктидора (10 сентября) – почти за месяц до начала событий⁵.

Тем не менее, кровавое восстание Конвент не предотвратил. Не смог? Не захотел, считая, что публичный разгром «роялистов» в данный момент только пойдет на пользу? Едва ли это восстание следует и далее именовать «роялистским», однако несложно

¹ Скорее всего, имеется в виду не Пьер-Луи де Лакретель (старший) – бывший депутат Законодательного собрания, а Шарль-Жан-Доминик де Лакретель – известный журналист, имевший тогда устойчивую репутацию роялиста. Эта политическая фигура может быть интересна еще в одном плане: изучение биографии Лакретеля показывает, что до лета 1795 года он не только не находился в оппозиции Конвенту, но и был автором речей некоторых его депутатов. И лишь Киберон, а затем и навязывание декретов о двух третях толкнули Лакретеля в лагерь противников существующей власти. *Barrault É. Lacretelle, un écrivain face à la Révolution française (1766-1855) // АНRF. 2003. № 333.*

² Скорее всего, имеется в виду Жан-Франсуа де Ла Гарп (*La Harpe*) – известный литератор, близкий в свое время к Вольтеру. При якобинцах несколько месяцев находился в тюрьме, после освобождения примкнул к роялистскому лагерю.

³ Лакретель и Ла Гарп были, наряду с Рише-Серизи, лидерами секции Лепелетье. АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 95. Л. 11.

⁴ *Le Censeur des journaux*. № 1. 20.08.95. (11 fructidor). Р. 3.

⁵ *Merlin de Thionville A.C. Vie et correspondance de Merlin de Thionville publié par M. Jean Reynaud. P., 1859. Р. 246.* А мадам де Сталь в своем памфлете предостерегала роялистов, что их выступление против Конвента вновь повергнет страну в хаос. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure... Р. 62.*

заметить, что в некоторых чертах поведение секций вполне соответствует роялистским инструкциям, о которых речь шла ранее. Случайное совпадение? Влияние монархистов? Или роялисты, как считали некоторые современники, сумели воспользоваться искренним недовольством республиканцев и повести их за собой¹? Эти вопросы по-прежнему остаются без ответа – ясно лишь, что восстание 13 вандемьера еще ждет своих внимательных и, по возможности, неангажированных исследователей.

¹ *Boucher-Laricharderie*. De l'influence de la Révolution française sur le caractère national. P., VI. P. 36-37.

Глава VIII

Референдум и выборы 1795 года

После того, как Конвент одобрил и текст Конституции, и декреты о двух третях, они были вынесены на утверждение первичных собраний. Помимо этого, те должны были назвать выборщиков, в задачу которых входило уже непосредственное избрание депутатов.

Анализ этих событий интересен для нас с нескольких точек зрения. Во-первых, при отсутствии в XVIII в. социологических опросов, выборы и референдум – единственное, что позволяет «измерить» уровень поддержки народом той политической линии, которую термидорианцы проводили со времен свержения Робеспьера и его соратников. Во-вторых, накануне и во время этих событий и власти, и отдельные граждане постоянно задавали Конвенту вопросы по неясным для них статьям Конституции и декретов, что дает возможность посмотреть, какие недочеты содержали эти документы, какие моменты были недостаточно проработаны или не совсем понятны.

Результатов референдума затаив дыхание ждал весь Конвент – решалась не только его судьба и судьба его творения, но, как подчеркивал французский историк М. Рейнар, «речь шла о том, чтобы общественное мнение одобрило методы и способы, позволяющие положить конец великому кризису, длящемуся с 1789 года». Эти результаты очень показательны, отмечает тот же автор, поскольку практически не голосовали только эмигранты, но их было не так много¹, чуть менее 120 тысяч человек².

Замечу, что вопрос о предоставлении эмигрантам права голоса в Конвенте даже не ставился. Здесь законодатели были единодушны,

¹ *Reinhard M.* Op. cit. Vol. 1. P., 1956. P. 53, 54. Разумеется, не голосовали и женщины.

² *Bourne H.E.* Op. cit. P. 226.

как показывает, например, отрывок из отчета о заседании 5 фрюктидора (22 августа) III года:

«Лежандр: Граждане, если эмигранты вернутся во Францию, они должны найти здесь себе могилу, иначе эта многострадальная земля станет могилой для республики.

Вся Ассамблея и все присутствующие: Да, они найдут ее здесь!»¹

Всего в голосовании по вопросу об одобрении Конституции приняло участие около миллиона ста тысяч человек; при этом по положению было разрешено голосовать всем, кто имел право высказаться два года назад по якобинскому проекту. Сразу возникает вопрос: много это или мало?

Очевидно, для того, чтобы ответить на него, необходимо хотя бы приблизительно представлять, какова была на тот момент численность населения Франции. По разным оценкам, к началу 1796 года она составляла от 27.800.000 до 32.900.000 человек². Современники чаще всего упоминают цифру в 25 миллионов³, однако встречается 24⁴, 26⁵ и 27 миллионов (как считает один из корреспондентов Комиссии одиннадцати, в старой Франции было 25 миллионов человек, завоевания добавили еще 2⁶). Однако по мнению Ленуар-Лароша, если учитывать население завоеванных стран, то можно насчитать и все 30⁷. Депутаты Конвента также называли цифры от 25⁸ до 27⁹ миллионов.

Вторая проблема, которую необходимо решить, – количество имевших право голоса. Т. Пейн, бывший в то время членом

¹ Moniteur. № 340. P. 1369

² Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 20.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 32; C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 84; C 228 d.183 bis * 4/3. Doc. 86; C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 49; C 229, d.183 bis * 6/3. Doc. 71; C 229, d.183 bis * 7/3. Doc. 84; AA 34. Doc. 1031; Observations sur le droit de cite... P. 9; Laborde-Noguès J. Op. cit. P. 3; Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795... P. 7; Lezay-Marnezia A. de. Les ruines ou Voyage en France. P. 37.

⁴ A.N., C 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 112.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 74.

⁶ A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 36.

⁷ Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 35.

⁸ Moniteur. № 303. P. 1220.

⁹ Moniteur. № 290. P. 1168.

Конвента, рассуждал следующим образом: «Если во Франции 24 миллиона человек, то 12 миллионов будут мужчины и 12 – женщины. Из 12 миллионов мужчин шесть миллионов будет старше 21 года, а шесть – моложе»¹. Доксьен, автор одного из присланных в Комиссию проектов, называет цифру вдвое большую – 12 миллионов человек². Расчеты неизвестного журналиста из *Le Censeur des journaux* кажутся более реалистичными: «Количество голосующих во Франции, за вычетом женщин, стариков, больных, путешествующих, слуг (*domestiques*) и безразличных может быть оценено примерно в два миллиона»³.

Однако мы располагаем и более точными цифрами современных историков, хотя приходится, к сожалению, оговориться, что применительно к эпохе Революции вряд ли кто-нибудь когда-нибудь сможет вовсе без погрешностей назвать количество имевших право голоса: слишком неполны источники. Если не вдаваться в излишние подробности, то, по мнению С. Абердама, в 1793 году право голоса имела примерно четверть населения. Однако «имевший право голоса», подчеркивает историк, не значит «голосовавший». Сказывалось и большое количество «воздержавшихся», и определенное сопротивление местной администрации увеличению числа голосующих⁴. Общие оценки П. Генифе, автора капитального труда, посвященного выборам, в общем-то сходны. С его точки зрения, в 1793 году имело право голоса от 22 до 27 % населения (в зависимости от департамента)⁵.

Таким образом, в референдуме приняло участие примерно 14-17 % имевших право голоса⁶. Взятая сама по себе, эта цифра кажется

¹ Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 576; *Idem*. Dissertation sur les premiers principes de gouvernement. P. 12.

² A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126. P. 33.

³ Le Censeur des journaux. № 32, 29.09.95. (7 vendémiaire). P. 2.

⁴ Aberdam S. L'élargissement du droit de vote, de 1792 à 1793. P. 255-270; *Idem*. 1793: leur droit de vote et le nôtre // Critique communiste. Mai 1993. № 130-131. P. 28. См. также: *Idem*. Guerre civile et légitimation: le cas de la constitution de 1793. P. 335-338.

⁵ Gueniffey P. Le nombre et la raison. P. 93.

⁶ Сходную цифру называет и М. Рейнар – примерно 14 %.. Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 55.

достаточно скромной, однако прежде чем делать какие-либо выводы, следует сравнить ее с числом участвовавших в предыдущем референдуме – по Конституции 1793 года. Тогда голосовал 1 869 004 человека, то есть примерно 27 % имевших право голоса. В чем же причина столь значительного уменьшения числа голосовавших?

Как мне представляется, дело не в том, что Конституция «не нравилась», хотя граф д'Аллонвиль, вспоминая, что она была принята единогласно, утверждает, будто сам видел, как в протоколах первичных собраний, сообщающих об одобрении Конституции, часто стояло: «За неимением лучшего», «В ожидании лучшего»¹. Скорее, на изменение количества решивших выразить свою волю повлиял целый комплекс факторов.

Во-первых, несомненна апатия после шести лет революционных бурь (к тому же не забудем, что предыдущий референдум ни к чему не привел – Конституция 1793 года так никогда и не вступила в силу). Переболев политикой, народ потерял к ней вкус и интерес. В конце августа *Gazette française* писала: «Всему народу предложена Конституция, но никто не говорит о Конституции»². К этому необходимо прибавить еще и нелюбовь к Конвенту, речь о которой уже шла ранее.

Во-вторых, как отмечает Д. Сазерлэнд, уменьшение числа голосовавших между двумя референдумами «хотя и реально, но может быть все же преувеличено. К III году гражданская война распространилась столь широко, что многие первичные собрания на западе и юге вообще не собирались»³.

В-третьих, не были учтены голоса в тех первичных собраниях, которые не представили точных списков, ограничившись лишь сообщением о принятом решении. А в их числе было ни много, ни мало как 18 парижских секций, и это решение Конвента стало позднее одним из поводов для восстания 13 вандемьера⁴.

В-четвертых, даже если отбросить популярные при Термидоре разговоры о том, что якобинская конституция принималась чуть ли

¹ Allonville A.F. Op. cit. Vol. 3. P. 339.

² Цит. по: Aulard A. Paris pendant la Réaction thermidorienne... Vol. 2. P. 178.

³ Sutherland D.M.G. Op. cit. P. 274.

⁴ Reinhard M. Op. cit. Vol. 1. P. 55.

не насильно, несомненно, значительное влияние – по крайней мере, на процент участвовавших в голосовании, если не на его результат, – местной администрации (которая была в 1793 году значительно более активна), а также якобинцев и других революционных клубов¹.

Каковы же результаты голосования? Их огласил в Конвенте 1 вандемьера IV года (23 сентября 1795 года) Ж.П. Гомэр (*Gomaire*) от имени Комитета по декретам: в голосовании по Конституции участвовало 958 226 человек², за высказалось 914 853, против – 41 892. По декретам о двух третях: голосовало 263 131 человек, за – 167 758, против – 95 373³. Через несколько дней последовала поправка: за Конституцию 1 057 390, против – 49 978; за декреты о двух третях 205 498, против – 108 754⁴. Один департамент проголосовал против Конституции – Мон-Террибль, так и не принявший французскую аннексию⁵. 19 департаментов отвергли декреты.

Комментарии различны. Многие современники восприняли эти цифры как крах правительственной политики. Н. Рюоль 3 вандемьера (25 сентября) писал: «Во Франции не нашлось и миллиона проголосовавших за республику, и едва 150 000 за переизбрание 500 членов Конвента, республиканцы в меньшинстве... Против Конвента роялисты, недовольные или якобинцы, и все бедняки»⁶. Однако были и оптимистичные отзывы: все-таки победа. В том, что Конституция одобрена большинством народа, «никто не сомневается», – подчеркивал один из публицистов, вновь отмечая, что декреты не содержат в себе ничего необычного: ведь и в Конституции заложено обновление Законодательного корпуса всего на треть⁷.

¹ *Gueniffey P.* Le nombre et la raison. P. 180, 247-252.

² Добавлю к этой цифре, что в 269 протоколов первичных собраний (в том числе, в большинстве протоколов, поступивших из армий) количество голосовавших указано не было.

³ *Moniteur*. № 4, l'an IV.

⁴ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 199.

⁵ В марте 1793 года Рауракская республика, образованная на территории Швейцарии, после проведенного под давлением французов референдума была присоединена к Франции и стала департаментом Мон-Террибль. В 1800 году он слился воедино с департаментом Верхний Рейн.

⁶ *Ruault N.* Op. cit. P. 387.

⁷ *Chazot.* Quelques observations adressés aux citoyens de Paris sur l'exercice de la souveraineté. S.d. // A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 104.

К тому же, как я уже говорил, многие делали ставку на провал декретов на референдуме¹, рассчитывая, что в этом случае роялисты легко завоюют большинство в Законодательном корпусе, что, в свою очередь, означало мандат на формирование правительства. Когда Конвент объявил об одобрении декретов, маски были сброшены. В одном из памфлетов, вышедших в эти дни, открыто говорилось, что «голосовавшие за смерть² не умрут в своей постели, если не потопятся умереть». Заканчивался же он призывом: «Убейте их!»³ Баррас также вспоминал, что декреты о двух третях встретили самое ожесточенное сопротивление в первичных собраниях именно потому, что там засели роялисты⁴. Это свидетельство можно было бы взять под сомнение, однако сообщения из провинции дают ту же картину. Вот, скажем, письмо из Лиона. Его автор утверждает: «Роялисты одобрили конституцию, зная, что без декретов она не продержится». В тех первичных собраниях, которые декреты отвергли, сторонники монархии преобладали. И Париж, считает тот же корреспондент, был против декретов, поскольку в нем доминируют «факции и сторонники Старого порядка»⁵. Говорили также, что в ряде бюллетеней рядом с вопросом о том, одобряется ли конституция, были записаны слова: «Мы хотим короля»⁶.

Разумеется, Конвент сделал все возможное, чтобы Конституция и декреты были приняты. Так, например, современники отмечают беспрецедентное для них решение о том, чтобы армия также обсуждала Конституцию и голосовала⁷: у офицеров было немало возможностей повлиять на волеизъявление своих подчиненных, что они порой и делали. Так, русские дипломаты передавали в Санкт-Петербург слова генерала Ле Фебюра (*Le Febure*) о том, что он

¹ О чем пишет, например, Ларевельер-Лепо: *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 256.

² То есть, «цареубийцы» – депутаты Конвента, проголосовавшие за казнь Людовика XVI.

³ Цит. по: *Блан Л.* Указ. соч. Спб., 1909. Т. XII. С. 397.

⁴ *Barras P.* Op. cit. Vol. 1. P. 241.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 50. 6 vendémiaire de l'an IV.

⁶ АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 95. Л. 220б.

⁷ *Vasselín G.V.* Mémorial révolutionnaire de la Convention. Vol. IV. P. 247.

распорядился не зачитывать (как это было предписано) в своем подразделении текст Конституции, поскольку она все равно должна была быть принята¹. Аналогичное заявление сделал и попавший в плен генерал Дю Тур (*Du Tour*)².

Как после всякого референдума нередко мнения о том, что его итоги были фальсифицированы³. Ж.В. Васселен справедливо замечает, что «единственный способ узнать правду – напечатать результаты голосования по каждому первичному собранию и отослать в каждую администрацию департамента, чтобы она могла их проверить, отвергнуть или одобрить. Это и было предложено Конвенту первичными собраниями Парижа. Но могло ли быть принято такое предложение? Ведь это обнаружило бы громадное количество голосов против, и Конвент постановил, что декреты приняты»⁴.

Поскольку, действительно, ничего подобного сделано не было, то противники Конвента получили право утверждать, что большинство французов отказалось одобрить декреты – следовательно, они незаконны⁵. При этом делались ссылки на то, что во время референдума был неясен статус декретов. Что это было? – спрашивали члены одной из парижских секций (секции Майль). – Закон? Проект закона? Текст, вынесенный на обсуждение? Помимо этого, «среди первичных собраний, обсуждавших декрет от 5 фрюктидора, одни отослали в Конвент результаты [голосования] по декретам, другие не посчитали это необходимым. Главарь национального конвента, привыкшие добиваться своего любой ценой, решили воспользоваться этой разницей в подходах. Из того, что некоторые отправили протоколы обсуждения этого вопроса, они заключили, что декреты можно приравнять к конституционному акту. Из молчания остальных был сделан вывод, что те негласно

¹ АВПРИ. Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518. Л. 740б-75.

² АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 838. Л. 210б.

³ *Georgel J.-F.* Op. cit. Vol. 5. P. 380-381; *Vasselin G.V.* Mémorial révolutionnaire de la Convention. Vol. IV. P. 282; *Barbé-Marbois F. de.* Journal d'un déporté non jugé ou Déportation en violation des lois décrétées le 18 fructidor an V (4 septembre 1797). Vol. 1. P., 1835. P. 14.

⁴ *Vasselin G.V.* Mémorial révolutionnaire de la Convention. Vol. 4. P. 282.

⁵ *Danican A.* Le fléau des tyrans et des septembriseurs. P. 34.

поддерживают или, по крайней мере, не возражают»¹. Эта цитата явно показывает, что хотя в историографии зачастую принято рассматривать Конституцию и декреты как единое целое, для современников это было отнюдь не столь однозначно.

Так обстояло дело с референдумом. Но за ним последовали выборы, результаты которых могут быть для нас даже более интересными, поскольку они уже проводились по новой Конституции.

Как писал Ж. Малле дю Пан 6 декабря 1795 года, «большая часть новой трети и 160 бывших членов Конвента составляют меньшинство Законодательного корпуса. Они роялисты *“par opinion”*»². Он же отмечал в другом письме: новая треть на три четверти состоит из роялистов³. Одна треть, избранная в Законодательный корпус, сообщает барон де Френилли, роялистская, и в обеих палатах возникло «странное сочетание из двух неистовых республиканцев и одного истинного роялиста»⁴. Более того, в стране даже ожидали, что избранная треть вновь соберет первичные собрания, чтобы обойти декреты⁵.

Значит ли это, что большинство выборщиков были роялистами? Совсем не обязательно. Можно сказать и более осторожно: «Электорат второй ступени состоял из людей, которые во II году прямо пострадали или постоянно находились под угрозой, которые также пострадали от инфляции III года, и которые станут главными объектами принудительных займов Директории. Последствия предоставления права гражданства этим группам будут сказываться на всех выборах вплоть до фрюктидорского переворота V года»⁶. И все же по весьма трезвой оценке Малле дю Пана, в начале 1795 года сторонники реставрации во Франции составляли около трети населения⁷, а многие из них как раз и вошли в состав электората.

¹ Qu'est-ce que le décret du 5 fructidor? Opinion d'un citoyen de l'Assemblée primaire de la section du Mail. P., s.d. P. 3, 4.

² Цит по: The French Revolution. Edited by Paul H. Beik. L., 1970. P. 343.

³ Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan... Vol. 2. P. 191.

⁴ Frénilly F.A. Op. cit. P. 197.

⁵ Fantin-Desodoards A. Histoire de la République française. P. 14-15.

⁶ Sutherland D.M.G. Op. cit. P. 273.

⁷ Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan... Vol. 2. P. 127.

Каковы же точные цифры? Предупредив, что «в эту эпоху даже количество избранных установить трудно»¹, нам их все же сообщает в своей блестящей и до сих пор остающейся классической статье Ж.-П. Сюратто, специально занимавшийся изучением этого вопроса²:

	Роялисты		Конституционные республиканцы		
	Контрреволюционные	Умеренные	Умеренные	Центристы	Радикальные (avancés)
2/3	39	5	139	197	11
1/3	49	68	—	45	53
Итого	88	73	139	242	64

У остальных депутатов «партийная принадлежность» не определена. Добавлю также, вслед за Д. Сазерлэндом, что из 234 новых депутатов только четверо заседали ранее в Конвенте, а 171 ни разу не избирались в национальные органы власти³.

Стоит обратить внимание и на то, что обстановка, в которой проходили выборы, была далека от безмятежного спокойствия. Письма, приходившие в Комиссию одиннадцати в сентябре 1795 года дают нам возможность попытаться взглянуть на этот процесс изнутри. Из всего корпуса документов Комиссии мной было проанализировано 57 сообщений, в которых говорилось об участии роялистов в первичных собраниях⁴. Результаты текстологического анализа содержат мало неожиданного, однако дают возможность увидеть, что для авторов писем (которые нередко отождествляют себя с «патриотами») «роялисты» – это прежде всего аристократы, дворяне и эмигранты, действующие в тесном союзе с «фанатиками» (как тогда нередко называли священников или верующих). Их

¹ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF. № 4. 1951 P. 374.

² Можно сравнить его данные с цифрами М. Лайонса, который полагал, что из новой трети более полутора сотен депутатов – роялисты. По его мнению, были избраны примерно 80 «твердых» роялистов и еще столько же конституционных. *Lyons M.* Op. cit. P. 20.

³ *Sutherland D.M.G.* Op. cit. P. 275.

⁴ В основном эти материалы находятся в фондах Комиссии одиннадцати (A.N., C 229-232), а также в серии AA 34 того же архива. Помимо этого, привлекались документы A.N., 284 AP 9. Doss. 5; Ibid., F7 4439/3. Doss. 4 (Aubry). Doc. 146; Ibid., B II 63. Doc. 176.

главное оружие – интриги, используя которые они добились голосования против декретов и провели своих выборщиков.

Есть еще несколько любопытных наблюдений. Упоминания о том, что роялисты как препятствуют одобрению Конституции, так и голосуют за нее, разделяются практически поровну. Также достаточно характерны намеки на то, что сторонники монархии имеют общие цели с анархистами, а в одном письме даже прямо отождествляются с ними¹. В то же время немаловажно, что практически уходит и старая якобинская связка «роялисты – иностранцы»; теперь они, скорее, представляются сугубо внутренними врагами².

Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении материалы более подробно. Как считали корреспонденты Комиссии, самый распространенный способ, который использовали противники республики, чтобы добиться своего, – это манипулирование неграмотной и нередко зависящей от них массой населения. Отвергшие Конституцию – «все малообразованные сельские граждане, введенные в заблуждение священниками»³, – сообщают в Конвент из дистрикта Ош (департамент Жер).

Другой пример представляет город Мулен (департамент Алье). После выборов в урне было найдено 80 бюллетеней, заполненных одной и той же рукой и, естественно, с одними и теми же кандидатами. Организовал это все «глава оружейной мануфактуры (человек из самой зловредной аристократии)». Как выяснилось, его

¹ Я вынужден отметить, что на моем материале не подтверждаются выводы М. Делепла (едва ли не единственного на сегодняшний день исследователя понятия «анархия») о том, что оно в равной мере ассоциировалась и с роялизмом, и с политической практикой III года Республики (*Deleplace M. La notion d'anarchie pendant la Révolution française (1789–1901). Formation d'un concept. Thèse de Doctorat de l'Université de Paris I. P., s.d. P. 318–322*). Хотя в материалах Комиссии можно найти следы и такого употребления (см., например: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 91), мне видится, что для термидорианцев «анархия» прежде всего ассоциировалась с якобинским режимом.

² Отметим, однако, что в написанном примерно в то же время памфлете мадам де Сталь утверждается, что сторонники абсолютной королевской власти – одни лишь иностранцы, по большей части англичане. *Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure. P. 46*.

³ А.Н., С 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 51. 23 fructidor de l'an III.

люди раздали рабочим бюллетени, сказав, что это верный способ обеспечить себе хлеб. «Многие коммуны данного департамента не только не хотели принимать Конституцию, но даже открыто требовали Короля»¹.

Сходная картина и неподалеку от Парижа: «Патриоты 1789 года, придя в первичные собрания Ножана-сюр-Сен, со скорбью наблюдали, как празднует победу Роялизм, заставивший отвергнуть декрет от 5 фрюктидора. С того момента, как он стал известен, они не переставали работать с наименее просвещенными гражданами». Потом это же большинство, используя интриги, избирало угодных ему выборщиков².

Зачастую в письмах чувствуется неподдельная горечь и тревога за судьбы республики. Коммуна Монтобан (Ло): «Сегодня те, кто ставил паруса на корабле государства, объявлены виновными, репрессированы, не нужны, арестованы, обвинены, приговорены, а эмигранты и роялисты – единственные, кто находится под защитой». Не удивительно, что на выборах в коммуне также победили роялисты, «наиболее явные контрреволюционеры». Да и полиция в этом регионе находится в руках «у эмигрантов, а также зеленых и желтых галстуков»³.

Помимо этого, нередко тревожные сообщения, прямо указывающие, что в первичных собраниях доминируют роялисты. «Представители, – предупреждают из Сен-Квентена, – повсюду торжествуют аристократия и фанатизм. Наши выборщики – никто иные как священники, дворяне, сеньоры, преступные аристократы»⁴. По всей стране «хотят вновь воздвигнуть трон на трупах республиканцев», вторят им граждане из коммуны Авис. Везде «отцы защитников родины – мишень для постоянных оскорблений родственников и друзей неприсягнувших священников и эмигрантов». Первичные собрания заполнены «бывшими дворянами»⁵. После всех этих

¹ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 12.

² Около 120 подписей. A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 27.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 30. Выражение «зеленые и желтые галстуки» употреблялось в то время для обозначения роялистов.

⁴ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 33.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 109.

свидетельств неудивительно, что, как писал один из республиканцев, адресуясь Буасси д'Англа, во время референдума часто можно было услышать: «Да здравствует Король! Долой Конвент!», а многие к тому же еще распевали контрреволюционные песни¹.

Дело доходило до раскола первичных собраний – как, скажем, это произошло в кантоне Пюльтлож (Мозель). Там было два отдельных голосования; одно – для патриотов, второе – для «роялистов и фанатиков»². Если в данном случае неизвестно, какое голосование было признано законным, то в коммуне Бурнхаупт (Верхний Рейн), где сложилась сходная ситуация, исход ясен: патриоты удалились, чтобы собраться в более спокойный день, а «аристократы и роялисты» остались и избрали выборщиков³. Сообщения о том, что роялисты изгоняли из первичных собраний «патриотов», называя их «террористами», также отнюдь не единичны⁴.

Разумеется, я далек от того, чтобы принимать на веру все эти суждения. «Патриот» вполне мог рассматривать как «роялиста» того, кто голосовал против Конституции, независимо от его истинных мотивов⁵. Врагами «патриотов» оказываются не только роялисты, но и «террористы, анархисты, кровопийцы и расточители»⁶, что говорит о немалой размытости этих эпитетов. В свою очередь и «патриотов» кое-где называли «якобинец, террорист, кровопийца (поскольку именно таковы высокопарные слова всех тех, чье мнение мы не имеем счастья разделять)»⁷.

¹ A.N., AA 34. Doc. 1019. См. также: A.N., C 230, d.183 bis * 9/2. Doc. 68.

² A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 1.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 83.

⁴ См., например: A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 98; A.N., В II 66. Doc. 264, 278.

⁵ Не случайно один из авторов, резко выступая против каких бы то ни было «ярлыков», предлагал объявить, что «тот, кто позволит себе говорить о своем согражданине, как об аристократе, террористе, демагоге и т.д., будет очень сурово наказываться». A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 30.

⁶ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 38.

⁷ A.N., C 230, d.183 bis * 9/1. Doc. 16. «Часто можно увидеть, – говорит по этому поводу еще один автор, – что человек, называемый аристократом в 89-м году, или умеренным в 92-м, или федералистом в 93-м, именуется ныне и преследуется как террорист». A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 36.

В то же время следует отметить, что даже такое расплывчатое понятие, как «патриоты», все же имело общие для многих авторов черты, позволяющие выявить магистральную линию его употребления. Характерно, что оно необычайно тесно смыкается с другим понятием – «патриоты 1789 года». Выскажу предположение, что под «1789 годом» в данном случае понимается лишь возвращение к изначальной чистоте целей и помыслов, а не к конкретной ситуации постепенного возникновения конституционной монархии¹. Не случайно один из авторов называл патриотов 89-го года «последователями, старыми друзьями революции, яростными защитниками Республики»², а референдум по республиканской конституции рассматривали как «призыв к энергии патриотов 89-го»³. При этом, те, кто обращался в Конвент и называл себя «патриотом», как правило, резко выступал как против роялизма⁴, так и против терроризма и вандализма⁵, могли даже пострадать при якобинцах⁶. «Победители Бастилии, патриоты 1789 года, честные люди, которые не участвовали ни в разграблении общественного достояния, ни в жестокостях, когда лилась кровь невинных, – обращался депутат Ф.М. Деренти (*Derenty*) к своим коллегам по поводу декрета 5 фрюктидора, – все вы, подвергшиеся проскрипциям и с честью носившие цепи, свидетельствовавшие о слишком пылком стремлении к тому, чтобы *жить свободным или умереть*»⁷. Как сказано в

¹ Существовал и еще один аспект: было ощущение, что в 1789 году лагерь революционеров оставался единым. В 1795 году «немало превозносили почти полное единодушие, с каким, казалось, была осуществлена революция 1789 года», – напишет много позднее Буонарроти. *Буонарроти Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 132.

² Adresse des républicains nantais aux Corps législatifs et au Directoire exécutif. Nantes, s.d. P. 1.

³ Adresse des citoyens composant la section de l'Union, commune de Limoges, département de la Haute-Vienne, légalement convoqués en assemblée primaire, le 25 fructidor, troisième année républicain. À la Convention Nationale. S.l., s.d. P. 1.

⁴ См., например: A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 27.

⁵ Canton de Manat, département de l'Ariège. A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 25, 26.

⁶ *Merlin J.-P.-R.* Essai ou considérations politiques sur les révolutions de France, jusqu'à l'acceptation de la nouvelle Constitution, présentée par la Convention nationale, le 5 fructidor, an 3 de la République. Albi, 1795. P. 1.

⁷ *Derenty F.-M.* Opinion de François-Marie Derenty, député du département du Nord, sur l'exécution du décret du 5 fructidor. Fructidor, l'an III. P., III. P. 1.

другом документе, патриотам противостоят «террористы, роялисты, негодяи всех цветов»¹.

Таким образом, как это ни парадоксально, «патриоты 1789 года» – это в основном те, кто считает себя согласным с политикой, проводимой термидорианским Конвентом, или, как говорил аббат Грегуар, «патриоты 89-го года – это также и патриоты 95-го»². Если отбросить абстрактные положительные эпитеты, которыми зачастую в изобилии награждают себя авторы писем («друзья порядка и справедливости, люди добродетельные, порядочные и моральные»³), остается все та же борьба против роялизма и якобинизма⁴.

В правильности подобной трактовки убеждают и несколько статей Бабефа, в которых раскрывается, что же такое, с его точки зрения, патриоты 89-го года. Так, например в № 39 своей газеты *Le Tribun du peuple* он отмечает: «Это наименование весьма неудачное, подсказанное правительством и тем более неприемлемое, что оно как бы исключает патриотов 92, 93 и 95 годов, стоящих выше первых». Тем не менее, он признает, что под этим названием скрываются прежде всего республиканцы. После чего продолжает: «Ну что же! Пусть будет так. Патриоты 89-го! но и только 89-го! Ведь никогда ваши души не горели живым пламенем, зажженным чистой любовью к равенству и полной свободе»⁵. Слова Бабефа еще раз подтверждают, что эти люди – противники как якобинизма (что для Бабефа особенно ненавистно), так и роялизма.

Не менее любопытно обстоит дело и с едва ли не главным оружием роялистов – «интригами». Начну с того, что об опасности интриг в первичных собраниях и при избрании депутатов в Конвент писали еще весной, предупреждая, что нередко вместо 500 голосующих первичные собрания сводятся к 40-50 интриганам⁶. Причину

¹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126.

² Цит по: *Hermon-Belot R. L'abbé Grégoire, la politique et la vérité.* P., 2000. P. 370.

³ A.N., C 230, d.1 83 bis * 8/3. Doc. 133.

⁴ Характерен в этом отношении, например, бланк Комитета общей безопасности. Слева вверху: «Война сторонникам террора». Справа – «Война сторонникам эмигрантов и королевской власти». A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 109.

⁵ *Бабеф Гракх.* Указ. соч. Т. 4. С. 109, 122.

⁶ A.N., C 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 33.

такого положения дел корреспондент Комиссии видел в необразованности основной массы избирателей¹. Сейчас «все окружены интриганами», – бил тревогу другой автор².

Предлагались и конкретные способы борьбы с интригами. Например, публиковать списки потенциальных выборщиков, а затем и списки тех, кого реально избрали, с указанием, кто сколько голосов получил³. При этом особое внимание рекомендовалось обратить на первичные собрания, поскольку «обычно собрания народа состоят лишь из честолюбцев, интриганов, аморальных созданий, невежд, для которых родина – ничто. Они – хозяева бюро и трибун, выборов, обсуждений»⁴. Интриганы, судя по письмам, обладают совершенно необъяснимой властью над честными людьми. «Если в собрании 50 интриганов и 550 простых людей, 50 интриганов выигрывают все выборы»⁵.

Анализируемые письма и петиции представляются тем более интересным источником, что для Конвента и Комиссии одиннадцати они служили своеобразным «окном в мир», а довольно часто и показателем общественного мнения. Ведь под многими из них стояли десятки, а то и сотни подписей. И опять же – если со всех концов страны сообщали о сильной роялистской угрозе⁶, об объединении монархистов, о возрождении их надежд, об их попытках повлиять на общественное мнение, то меры, принятые Конвентом для защиты республики (в частности, декреты о двух третях) кажутся достаточно логичными.

Однако составить полное представление о выборах невозможно, не выяснив еще один вопрос: как часто упоминаются в переписке Конвента нарушения установленной процедуры, подтасовки, фальсификации, незаконное изгнание граждан из первичных собраний?

¹ См. также: A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 108, 113; Ibid., C 230, d.183 bis * 8/1. Doc. 49.

² A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 99.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 31.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 5/2. Doc. 76.

⁵ A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 88.

⁶ Насколько я могу судить, писем, направленных против «террористов» и «якобинцев», в корпусе документов считанные единицы.

Прежде всего, выясняется, что подобных жалоб относительно немного – всего 48. На мой взгляд, это связано с тем, что в соответствии со ст. 43 Конституции III года только *Законодательный корпус* мог принимать решения о законности выборов. Иными словами, принять жалобу или протест имели право лишь в столице. В то же время многим наверняка было ясно, что при заранее ограниченных сроках созыва как первичных собраний, так и собраний выборщиков, Конвент физически не успеет отреагировать на большинство запросов хотя бы потому, что реально получит их уже *после* того, как выборы закончатся.

Не удивительно, что наибольшее количество жалоб поступило от тех, кто был более всего заинтересован в положительном решении того или иного вопроса – самих граждан. Нередко при этом они заявляют в своих посланиях, что одобряют Конституцию¹, и просят восстановить справедливость. Круг нарушений весьма широк: изгнание из первичных собраний, избрание большего или меньшего числа выборщиков, избрание выборщиками людей, не набравших большинства голосов, вмешательство местной администрации в ход выборов, отсутствие проверки дохода как граждан, так и выборщиков, несоблюдение всех мыслимых цензов и даже отсутствие подсчета числа голосовавших. Характерно при этом, что мне удалось обнаружить лишь один документ, отмечающий нарушения в работе собрания выборщиков – все остальные относятся к первичным собраниям².

Однако приписать эти нарушения злему умыслу какой-либо одной политической группировки практически невозможно: рядом с письмом, автор которого был изгнан из первичного собрания «интригой и объединенной группировкой фанатизма и роялизма»³, ложится другое письмо, авторы которого были не просто изгнаны,

¹ Попутно замечу, что об одобрении Конституции в некоторых случаях специально сообщали даже лишенные права голоса заключенные. См., например: A.N., C 230, d.183 bis * 8/2. Doc. 95.

² Не исключен был даже вариант, когда первичное собрание, по тем или иным причинам, делилось на две части, и каждая часть избирала *своих* выборщиков. См., например: Section de la Fraternité de Toulouse, département de la Haute-Garonne. 24 fructidor, an III. A.N., C 230, d.183 bis * 8/1. Doc. 33.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 10/2. Doc. 73.

но и оскорблены тем, что их называли «аристократами, шуанами и черными кокардами»; многих из них даже били ногами¹. Положение усугублялось и царившей неразберихой, и незнанием собственных обязанностей, и, в некоторых случаях, ущемленным самолюбием².

Немалый интерес представляет и анализ официальных отчетов, отправляемых в Конвент. После проведения голосования все департаменты должны были переслать в столицу документ с длинным названием «Распределение и перепись голосов первичных собраний и армий по поводу одобрения конституции, представленной французскому народу Национальным конвентом во фрюктидоре 3-го года Французской республики единой и неделимой». Он представлял из себя бланк, в который предлагалось вписать точные цифры по первичным собраниям (имевших право голоса, голосовавших, за, против и т.д.).

При этом, хотя первичным собраниям недвусмысленно предлагалось высказать свое мнение о декретах, которые рассматривались как дополнение к конституционному акту, процент воздержавшихся, «незаметивших» их, поражает воображение. Рассмотрим конкретные цифры по нескольким департаментам, взятых в разных концах страны³.

Департамент Сомма. Всего показано 82 первичных собрания. Против декретов – 36. Ни слова о декретах – 6. Против Конституции – 4, из них потрудились упомянуть о декретах одно. Сразу становится видно, что далеко не всегда все участвовавшие в голосовании по конституции голосовали по декретам. Например, в Амьене все 559 присутствовавших высказались за конституцию, однако за декреты всего 61 человек, а против – 21. К тому же декреты нередко отвергались теми первичными собраниями, которые единогласно или почти единогласно принимали конституционный акт⁴.

¹ 5 листов подписей. A.N., C 230, d.183 bis * 8/2. Doc. 116.

² См., например: A.N., C 230, d.183 bis * 9/2. Doc. 94.

³ Подчеркну, что это официальные сводки, которые непременно требуют сверки с конкретными протоколами.

⁴ Dépouillement et recensement du voeu des assemblées primaires et des armées pour l'acceptation de la constitution présentée au peuple français par la Convention Nationale en Fructidor de l'an 3e de la République française une et indivisible // A.N., B II 63. Doc. 174.

Департамент Йонна. 69 первичных собраний. В двух потребовали вернуться к Конституции 1791 года. Не говорили о декретах в 26, отвергли их напрямую – 19 (таким образом, всего 45). Против Конституции – 7, из них 5 не упомянули о декретах. Одно отвергло Конституцию, мотивируя это системой оплаты депутатов¹.

Департаменты Тарн и Де-Севр. Несмотря на значительное расстояние между ними, их власти решили проблему сходным образом. Показав в сводке незначительное число первичных собраний, не упомянувших о декретах (3 из 61 в Тарне и 6 из 56 в Де-Севре), они отметили, что против декретов и против Конституции не голосовал никто. В специальной графе, посвященной декретам, напротив большинства первичных собраний значится «никаких претензий» (*aucune réclamation*)². Однако на деле, если посмотреть непосредственно протоколы, это означает, что при голосовании декреты попросту не были упомянуты³.

Любопытно, что даже выборочный анализ знакомит с немалым количеством хитростей, которые использовались департаментскими властями, чтобы не привлекать внимания к провалу декретов⁴. Так, скажем, в департаменте Морбиан сводку вообще решили толком не заполнять, приложив к ней дополнительный документ, составленный со значительными нарушениями установленной формы. Чтобы вопрос о декретах не возникал, было указано, что в департамент они прибыли только 26 фрюктидора (12 сентября)⁵. Однако анализ протоколов говорит о том, что, с одной стороны, декреты были в первичных собраниях и до этой даты, а с другой, – и после нее по ним не голосовали⁶.

Наиболее интересными мне показались результаты по департаменту Сена. Здесь из 59 первичных собраний 50 проголосовали

¹ A.N., В II 66. Reg. A. 11. Doc. 209.

² A.N., В II 63. Doc. 67, 278.

³ См., например, A.N., В II 63. Doc. 208, 261, 262 по Тарну и doc. 7, 19, 46, 47 по Де-Севр.

⁴ Характерно, что о декретах «забывали» даже в некоторых официальных обращениях департаментских властей по поводу выборов. См., например: Les administrateurs et procureur-général-syndic du département de l'Aube, aux citoyens Officiers Municipaux de la Commune d... Troyes, III.

⁵ A.N., В II 55. Doc. 205, 206.

⁶ См., например, A.N., В II 55. Doc. 167, 189, 197.

против декретов, а 2 о них вообще не упомянули. Еще две секции отвергли ст. 2 декрета от 5 фрюктидора (поскольку именно в ней говорилось об обязательном переизбрании двух третей депутатов Конвента) и полностью декрет от 13-го. Поскольку заседания некоторых первичных собраний длились не один день, в шести из них была произведена переголосовка по декретам, и во второй раз они набрали хотя бы несколько голосов. Так, скажем, если посмотреть данные по Парижу, то в секции Верности 20 фрюктидора все были против, а 25-го из 1492 голосовавших семеро уже за. В секции Фонтана Гренель цифры «более весомы»: во второй раз из 1844 голосовавших 61 высказались за декреты¹.

Нет сомнений, что современники прекрасно знали о возможностях подобной «двойной бухгалтерии». В адресе парижских секций, обращенном к Конвенту, говорилось: «Две тысячи первичных собраний не высказались. Ваш комитет счел, что их молчание можно расценить как одобрение»². Жители Монтелимара (Дром), в письме, направленном в Комиссию одиннадцати, называли декреты «гибельными и покушающимися на народный суверенитет». Они требовали от Конвента опубликовать подробный отчет о выборах с разбивкой по первичным собраниям и недвусмысленно утверждали: те, кто не послал протоколы с результатами голосования, декреты отвергли. Далее, они отмечали, что избиратели считают декреты недействительными, поскольку за них проголосовало менее двухсот тысяч человек³.

Анализ материалов этой серии дополняет картину и в отношении нарушений установленной процедуры голосования. С одной стороны, он позволяет сопоставить жалобы с мест с официальными документами. Так, например, мэр одного из кантонов департамента Орн сообщает в Конвент 24 фрюктидора (10 сентября), что ему не прислали вовремя ни Конституцию, ни распоряжения о созыве первичных собраний. В итоге из более чем 1400 имевших право голоса в первичном собрании присутствовало только 16 человек –

¹ A.N., В II 61. Doc. 120.

² Цит. по: *Vasselin G.V. Mémorial révolutionnaire de la Convention* Vol. 4. P. 285.

³ A.N., С 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 112.

они и отвергли Конституцию. В то же время сводками эта информация не подтверждается¹.

С другой стороны, далеко не все обиженные писали в Комиссию одиннадцати – многие предпочитали обратиться, скажем, в Комитет по законодательству. Упомяну лишь несколько документов. Так, например, из кантона Гротес (Тарн) пришло письмо, под которым сразу 30 подписей. Его авторы жалуются, что они были обвинены муниципалитетом как террористы и лишены права голоса².

Если здесь политическая ориентация муниципалитета еще может вызывать сомнения, то автор другого письма, пришедшего из того же департамента, уже напрямую говорит о том, что аристократы и роялисты нарушали процедуру в первичном собрании³. Однако нельзя не сказать, что попадают письма, хотя их и единицы, противоположной направленности. Так, в петиции, озаглавленной «Жалоба Патриота, угнетенного несколькими интриганами 3-ей секции коммуны Амьен», некий Норберт Лоран сообщает, что из первичного собрания, напротив, изгнали всех не террористов, обвинив их в роялизме и фанатизме⁴.

Каковы же общие результаты выборов? Большинство осталось за консервативными термидорианцами, при этом были вновь избраны наиболее правые из них⁵. Учитывая всю условность подобного разделения на группировки, обратим внимание на левую часть таблицы на с. 262, составленной по материалам Ж.-Р. Сюратто. Очевидно, что если рассматривать реальные выборы (то есть ту долю депутатов, избрание которых находилось за рамками декретов о двух третях), то победа роялистов не вызывает сомнений. Таким образом, с определенной осторожностью можно даже сказать, что, не будь декретов о двух третях, роялисты вполне могли бы завоевать большинство в Законодательном корпусе.

¹ Jean Faveau, maire. Canton de Longny, district de Mortagne, département de l'Orne. 24 fructidor, an III. Но не подтверждается сводкой по департаменту: A.N., В II 74. Р. 152.

² A.N., В II 63. Doc. 282.

³ A.N., В II 63. Doc. 287.

⁴ A.N., В II 63. Doc. 176. См. также: A.N., С 230, d.183 bis * 9/2. Doc. 90.

⁵ *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // AHRF, № 1. 1952. Р. 47-48; № 4. 1951. Р. 388.

В заключение хотелось бы рассмотреть еще один вопрос, благо переписка Комиссии одиннадцати дает такую возможность¹: какие проблемы возникали у властей и отдельных граждан в ходе выборов? И, соответственно, какие положения законодательства были не слишком понятны?

Мне удалось насчитать 79 запросов по процедуре выборов. Анализ показывает, что наибольшее количество вопросов вызвал порядок формирования собраний выборщиков и их работы (очевидно, что это не случайно, ведь именно там реально избирались депутаты будущих Советов). Вот лишь некоторые из множества вопросов. Что делать, если избранный депутатом отказывается им быть, а собрание выборщиков настаивает²? Может ли секция избирать выборщиков из других первичных собраний того же кантона³? Кто должен судить, имеет ли гражданин право быть выборщиком? Как заменить выборщика, про которого выяснилось, что он не имеет права им быть? Какие бумаги должен предоставлять гражданин, чтобы стать выборщиком⁴?

В то же время, хотя многие члены первичных собраний предполагали, что выборщики должны быть целиком и полностью выразителями их воли, Конвент (в рамках той же самой логики, которая заставляла его настаивать, что депутаты – «представители», а не «уполномоченные» народа) занял ровно противоположную позицию. «Одна из самых абсурдных идей, – заявил Боден от имени Комиссии одиннадцати, – это стремление рассматривать выборщиков как своеобразных уполномоченных избравших их первичных собраний, в том плане, что они должны быть ограничены конкретными полученными ими инструкциями. Они получают единственное право – избирать, и получают его на основании общей воли, безотносительно желаний той или иной местности»⁵. Конвент не

¹ Помимо известных фондов Комиссии, дополнительно использовался лишь один документ – A.N., F7 4606. Doss. 3. Copet 117.

² A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 105.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 20.

⁴ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 13.

⁵ *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention nationale, au nom de la commission des onze. P. 12-13.

случайно остановился на двуступенчатой системе выборов и не соби-
рался отказываться от своего влияния на собрания выборщиков; под
этим углом зрения, конкретные сложности, возникавшие в ходе их
формирования, отходили для него на второй план.

Целая группа вопросов вызвана принятым незадолго до выбо-
ров декретом Конвента, запрещающим родственникам эмигрантов
занимать общественные должности. Следует ли исключить из
собраний выборщиков родителей эмигрантов¹? Можно ли назначить
выборщиком отца или родственника эмигранта²? Могут ли занимать
должности и быть выборщиками родители депортированных и
неприсягнувших священников – те ведь не эмигранты³? И уж совсем
неожиданный запрос: в департаменте Верхняя Вьенна выборщиком
избран внесенный в списки эмигрантов – законно ли это⁴?

Разброс тем, не связанных с работой собраний выборщиков,
достаточно велик. Отметив повышенное внимание к избранию
местных органов власти, подчеркну, что едва ли не самыми
конфликтными были вопросы, связанные с беженцами и другими
мигрантами, в том числе учащимися, сезонными рабочими и т.д.
Как правило, местные первичные собрания отказывались их
интегрировать⁵, а созыв для них отдельных первичных собраний
властями не поощрялся⁶. Добавляло проблем и отсутствие на местах
окончательной ясности в вопросе о том, как должны голосовать
волонтеры⁷.

Помимо этого, были проблемы и ситуации достаточно экзотич-
ные, которые не всегда можно было предусмотреть заранее. Напри-
мер: на 1108 граждан, имеющих право голоса, положено 2 первич-
ных собрания. Но голосовать пришел только 61 человек. Сколько

¹ A.N., C 231, d.183 bis * 10/3. Doc. 124; Ibid., d.183 bis * 11/1. Doc. 20.

² A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 4.

³ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 24.

⁴ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 84.

⁵ Что не удивительно, если учесть, что мигрантов могло быть в несколько
раз больше, чем коренных жителей. См., например: A.N., C 229, d.183 bis *
7/3. Doc. 103.

⁶ См., например, A.N., C 230, d.183 bis * 8/2. Doc. 74, 104; Ibid., C 231, d.183 bis
* 10/3. Doc. 132.

⁷ A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 130.

собраний созывать в этом случае¹? Другой вариант: выборщик подал в отставку и его заменил следующий за ним по списку (*1er suppléant*). Теперь, когда первичные собрания уже разошлись, подавший в отставку снова хочет быть выборщиком. Что делать²? А единственный вопрос по декретам о двух третях был задан Генеральным прокурором-синдиком департамента Жиронда. Как, спрашивает он, переизбрать 8 депутатов из 12, если 7 казнены, а остальные 5 ничем себя не проявили³?

В итоге, изучение материалов, поступавших в Конвент в ходе референдума и выборов 1795 года, приводит к трем основным выводам.

Во-первых, можно предположительно говорить о том, что декреты о двух третях фактически не были одобрены первичными собраниями, в том числе и проголосовавшими за Конституцию. В основе подобной ситуации могли лежать самые разные причины – от восприятия декретов как попытки покушения на народный суверенитет⁴ до нежелания видеть в новых органах власти все тех же депутатов Конвента⁵.

Во-вторых, декреты не зря казались депутатам едва ли не единственной мерой, способной остановить растущую волну роялизма. Преобладание крайне правых во вновь избранной трети Законодательного корпуса позволяет предположить аналогичный исход в том случае, если бы выборы проводились без ограничений.

Помимо этого, нельзя сбрасывать со счетов многочисленные сообщения о доминировании роялистов в первичных собраниях. Хотя я и готов предположить, что слово «роялист» в некоторых случаях вполне могло быть ярлыком, не обладающим реальным политическим содержанием, обращает на себя внимание отсутствие столь же многочисленных упоминаний о засилье «террористов» – слова, в то время не менее модного.

¹ A.N., C 230, d.183 bis * 8/3. Doc. 127.

² A.N., C 230, d.183 bis * 8/2. Doc. 124.

³ A.N., C 229, d.183 bis * 7/2. Doc. 42.

⁴ См., например: Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne...

⁵ См., например: Frénilly F.A. Op. cit. P. 197.

В-третьих, наибольшее количество жалоб и протестов было связано с тем, что Конвент, позаботившись предусмотреть все детали переизбрания двух третей своих депутатов, недостаточно ясно высказался по поводу множества процедурных вопросов, вызывавших сложности на местах.

Хотя из бумаг Комиссии одиннадцати видно, что первоначально несколькими ее членами предлагалось включить в проект специальный раздел, посвященный правилам голосования¹, по неясным причинам впоследствии от этой идеи решено было отказаться. В результате, хотя Конституция определяла даже количество курьеров, находящихся на службе у Директории, регламент работы первичных собраний и собраний выборщиков многим так и остался неизвестен, поскольку основной закон ограничился на этот счет единственным требованием: избирать тайным голосованием (ст. 31).

Не исключено, что причиной этого являлось стремление Конвента «закончить Революцию» как можно скорее и формально передать власть новым государственным органам, отлично осознавая, что он оставляет в своих руках сразу два инструмента воздействия на политику Франции в ближайшие годы: доминирование своих членов в будущем Законодательном корпусе и предоставление именно ему права высказываться о законности выборов и, соответственно, при желании, их кассировать, как это и происходило при Директории.

¹ См., например: A.N., C 232, d.183 bis * 16. Doc. 1, 2.

Заключение

«Корабль республики, столько раз попадавший в бурю, уже коснулся берега, – торжественно объявил Камбасерес в октябре 1795 года. – Революция окончена. (*La Révolution est faite*)»¹.

В известной степени, всю работу термидорианского Конвента можно рассматривать как подчиненную именно этой цели – завершению Революции. Не отказываясь от мысли, что действия свергнувших Робеспьера депутатов были во многом спонтанны, хаотичны и ориентированы на злобу дня, возможно, тем не менее, выделить ту линию, которая и привела в итоге к решению отказаться от временного революционного порядка управления, принять новую конституцию и распустить Конвент. С первых же дней после переворота деятельность новой политической элиты французского общества представляла собой своеобразное критическое осмысление тех мер, идей и конфликтов, которыми были наполнены предшествующие годы. Отказ от «крайностей» (завершение «Великого террора», отмена максимума, процессы над наиболее одиозными «террористами»), попытка вернуть Конвенту статус истинного национального представительства (возвращение в него исключенных ранее депутатов), заключение мира с ведущими европейскими державами – все это фрагменты одной мозаики, единой политической линии, направленной на то, чтобы дать стране долгожданные спокойствие и стабильность.

«Дискуссия в Конvente была быстрой, однако она была и полностью свободной, – подчеркивал Боден в программной речи от имени Комиссии одиннадцати. – Эта быстрота объясняется, несомненно, многими причинами и, прежде всего, глубинным осознанием необходимости прийти к финалу»². Выступая за прекращение Рево-

¹ Цит. по: *Miquel P.* La Grande Révolution. P., 1988. P. 544.

² Если не указано иное, все цитаты в Заключении взяты из речи Бодена от 1 фрюктидора III года Республики и приводятся по изданию: *Baudin P.C.L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze.

люции при сохранении ее главных политических и социально-экономических завоеваний, термидорианцы сумели найти (при наличии разногласий по тактическим вопросам) консенсус по всему кругу основных проблем и противоречий, что дало им возможность не только разработать и утвердить текст новой конституции в стенах Конвента, но и получить широкую поддержку общества, проявившуюся в принятии этого документа на референдуме.

«Легко убедиться, что хотя подготовительная работа была долгой, хотя она основывалась лишь на приверженности определенным принципам и не была принята сторона ни одной из партий, – продолжал Боден, – не удивительно, что с нашей трибуны не было слышно большого количества речей по тем вопросам, которые в 1789 году обсуждались торжественно и с размахом, поскольку тогда они были внове, тогда как сейчас – всем знакомы». И действительно, термидорианцам удалось успешно отразить атаки и слева (со стороны социальных слоев, стремившихся к возвращению диктатуры монтаньяров и введению в действие Конституции 1793 года), и справа (со стороны монархистов, имевших в 1795 году сразу несколько реальных возможностей прийти к власти). Основой же для сплочения французского общества стали идеи политического центра, во многом воплощенные в знаменитом лозунге той эпохи: «Ни короля, ни анархии».

Едва ли эта доминанта отказа от экспериментов и возвращения к социальной стабильности была бы столь популярна, если бы не опыт предшествующих лет Революции, показавший, что многие благие идеи, владевшие умами в 1789 и в 1793 годах, увы, не применимы на практике. В 1795 году уже ощущалась настоятельная необходимость «показать Франции и всей Европе, что, предлагая нации проект конституции», депутаты «не ограничиваются чистой теорией, а полностью уверены в возможности ее реализации на практике». Свою задачу термидорианцы видели в подведении своеобразного итога Революции, в том, чтобы, образно говоря, завершить, наконец, возведение того здания, которое начинали строить до них и которое уже имело фундамент и стены. При общем курсе на сохранение идеологии Просвещения в качестве теорети-

ческой базы, они оказались вынуждены подвергнуть ревизии те меры, которые были приняты их предшественниками из Учредительного и Законодательного собраний и даже ими самими в первые полтора года работы Конвента.

Враги Конвента нередко говорят, отмечал Боден, обращаясь к депутатам, что «часть из вас – виновники тех бед, которые опустошили Францию и продолжают поныне давить на ее плечи. Другие же были их молчаливыми свидетелями. Одним словом, вас упрекают либо в преступлении, либо в соучастии. [...] Но чем же занимались эти суровые критики, столь смело обрушивающиеся на вас сегодня и бывшие столь трусливыми, когда нужно было помочь вам в борьбе против ваших угнетателей? [...] Какой гражданин открыто выступил против апостола убийств и грабежей, [...] который отравлял Республику своими кровавыми теориями? У него оказалось достаточно верных сподвижников, чтобы воплотить их в жизнь».

Несомненно, термидорианцы – это, в основной массе, те же самые депутаты, которые совсем недавно аплодировали Робеспьеру и его сторонникам. Те же, которым Каррье бросил в лицо свою знаменитую фразу: «Здесь все виновны, вплоть до колокольчика председателя». Прошлое тяготило членов Конвента, однако они от него не отказываются, полагая, что аналогичный упрек можно было бы бросить и многим другим французам. В то же время, именно груз прошлого задавал ту тональность, в которой проходила дискуссия вокруг принятия новой конституции – как в стенах Национального конвента, так и во всем обществе. Определенная слабость Директории, отсутствие механизма разрешения конфликтов между различными ветвями власти, подчинение Директории Советам – на решении составить Конституцию III года именно таким образом явно лежит отпечаток страха, который испытывали депутаты во времена диктатуры монтаньяров.

В этом плане не удивительно, что уже имевшаяся и одобренная на референдуме, но не введенная в действие Конституция 1793 года казалась термидорианцам решительно неприемлемой и неприменимой на практике, не предоставляющей достаточных гарантий стабильности и прав собственности, созданной монтаньярами лишь

для самооправдания и обмана народа. Два года назад почти тот же самый Конвент с восторгом голосовал за нее, теперь же она виделась депутатам «самым опасным из всех идолов, которые только может воздвигнуть анархия, кодексом децемвиров, возводившим ее в систему под священным именем конституции». Не только пресловутое право на восстание, но и целый ряд других ее положений воспринимался в 1795 году как не выдержавший проверку временем и способный спровоцировать лишь новые революционные бури.

Однако прошлое для термидорианцев – это не только монтаньяры, но и те силы, которые привели их к власти и служили им опорой. «Не заставляйте меня напоминать вам, – говорил Боден, имея в виду осаду Конвента войсками Анрио на рубеже мая-июня 1793 года, – о самом ужасном преступлении, когда бы то ни было совершенном, когда превратившийся в генерала палач осмелился осадить вас в том святилище, где мы сейчас находимся, и удерживать вас в нем пленниками». Более того, «они убедили многих малообразованных граждан, что ряд депутатов их предал, называя тех агентами Питта и Дюмуре» и «эта ложь имела успех». Хотя Конституцию III года вынесли на референдум (проводившийся всего второй раз в истории Франции), полностью доверить судьбу страны ее гражданам законодатели не решились. Они ввели двухступенчатую систему выборов, настояли на утверждении законопроектов самим Законодательным корпусом, приняли декреты об обязательном переизбрании двух третей членов Конвента, заранее предопределив состав будущего парламента.

Иными словами, во всей деятельности термидорианцев ощущается постоянное противоречие между признаваемым ими в теории образом народа-суверена, которому принадлежит власть в стране и который один может избирать своих представителей, и реальным, пугающим их народом, восстания которого привели к свержению монархии и победе якобинцев; народом, который требовал «Хлеба и Конституции 1793 года» и насаживал на пики головы депутатов.

В поисках выхода из этой ситуации термидорианцы настойчиво пытались каким-то образом поделить народ на «чистых» и «нечистых»; на тех, кто будет поддерживать Конституцию, выступая

за стабильность, и тех, кто будет с ней бороться. Они считали, что главной опорой нового режима должны стать собственники и просвещенные граждане, так как именно эти категории людей более всего заинтересованы в прочной и твердой власти. Несмотря на подобное разделение, воплощенное в виде имущественного ценза, депутаты в то же время стремились идеологически объединить общество на основе предлагаемого ими компромисса: «Долгое время мы писали на дверях наших домов слово “Братство”, которое на деле было братством Каина и Авеля». Сутью этого компромисса должен был стать не только политический проект, способный удовлетворить большинство французов, не только провозглашение всеобщей амнистии, но и отказ от пересмотра экономических итогов Революции и произведенного ей передела собственности в аграрной сфере. Этими же соображениями, на мой взгляд, объясняется и адресованное всем желающим предложение присылать в столицу свои проекты нового основного закона страны.

Безусловно, эти проекты не послужили, да и не могли послужить (как надеялся ряд их авторов) основой для того текста, который предложила Конвенту Комиссия одиннадцати, однако анализ дискуссии вокруг принятия Конституции III года Республики показывает: они являлись для депутатов определенным индикатором общественного мнения, позволившим выявить наиболее популярные в обществе идеи, многие из которых вошли впоследствии в текст конституции. Их можно назвать фундаментальными и принципиальными: отсутствие права на восстание, введение имущественного ценза, института выборщиков, двухпалатного парламента, частичного обновления законодательного корпуса. Нельзя не отметить и еще один момент: в ходе дискуссии депутаты показали себя настоящими «представителями народа» – огромное количество встречавшихся в переписке Комиссии мыслей, дополнений и уточнений были высказаны, независимо от нее, и с трибуны Конвента.

Разумеется, трудно говорить о том, что тот или иной тезис попал в итоговый проект именно благодаря переписке Комиссии. Далеко не все вошло в окончательный текст Конституции, предложенный на утверждение народа. Несомненно лишь одно: между

Комиссией одиннадцати и ее корреспондентами существовал реальный обмен мнениями; они, в основной массе, поддерживали и проводившийся Конвентом курс на изменение Конституции 1793 года, и общее направление политики термидорианцев.

Итоги референдума и выборов 1795 года показали, что большая часть населения хотела стабильности и была готова пойти едва ли не за любой силой, которая бы ее убедительно пообещала. Именно эти люди одобрили Конституцию III года – пусть даже, порой, за неимением лучшего или с надеждой на приход к власти умеренных монархистов. Тем не менее, далеко не все испытывали по отношению к членам Конвента чувство признательности, были готовы и в будущем доверить им управление страной, что наглядно продемонстрировало как малое количество голосов, отданных за декреты о двух третях, так и результаты выборов. Однако хотелось бы отметить любопытный парадокс: несмотря на то, что Конвент в целом был в обществе не очень популярен, многие его депутаты надолго – до падения Империи, а часть и после Реставрации – оставались в рядах французской политической элиты.

Выводы, которые можно сделать из документов той эпохи, не ограничиваются рамками одного только Термидора. Сама Революция начинает видеться в 1795 году по-иному – в целом это, безусловно, благотворный акт, но, в то же время, он принес немало бед и страданий французскому народу. И прежде всего в этом повинна его насильственная составляющая. От Террора, как политики государственного насилия, Конвент всего за год проходит путь до неприятия – пусть на теоретическом, декларативном уровне – насилия как способа решения накопившихся проблем. «Цель революции, – утверждал Боден – это реформа всех недостатков, накопившихся до такой степени, что они уже не поддаются исправлению без сильных и всеобщих потрясений». Однако основной акцент теперь переносится не на разрушительную, а на созидательную цель, которая стоит перед революционерами: «Пришло время, когда за иллюзиями следует реалистичность, когда добросовестность приходит на смену шарлатанству».

Прагматизм, практические интересы, безусловно, служат камертоном для законодателей III года Республики. Это были люди,

постепенно порывавшие с идеологическим наследием диктатуры монтаньяров и ряда просветителей – верой в справедливое и хорошее для всех общество, которое можно немедленно построить силой закона, верой в то, что людей можно заставить быть счастливыми, в примат идеологии над политикой, – порывавшие в пользу политического реализма и отказа от абстрактной философии. Из их уст часто еще можно услышать якобинскую риторику, но их творение – Конституция III года – уже мало напоминает Конституцию 1793 года. Многие еще уповают на Силу, но большинство пытается противопоставить Силе Закон. В то же время депутаты остаются людьми своей эпохи, в их речах нередко сквозит уверенность, что необходимо лишь принять еще один идеальный закон, отточить еще одну формулировку, обсудить еще одну поправку – и мир вокруг изменится; естественно, что когда этого не произошло, наступило разочарование.

Это уже не идеалисты, однако у них мало общего с расхожим образом депутатов термидорианского Конвента, кочующим по страницам книг и учебников – серых, продажных личностей, мечтавших исключительно о власти и наживе. Участники дискуссии, и в особенности члены Комиссии одиннадцати, предстают перед нами как умелые и прагматичные политики, искусные ораторы, опытные полемисты.

«Пусть опыт Конвента научит вас, – говорится в памфлете, озаглавленном “Прощальные слова Национального конвента французскому народу”. – Посмотрите, какова была до сегодняшнего дня цена его долгих и мучительных трудов; большая часть его членов выбита проскрипциями: одних препроводили на эшафот, других принудили самим подарить себе смерть; тех вы видели брошенными в тюрьмы, эти нашли убежище в мрачных подземных пещерах, иные, более счастливые, погибли от вражеских пуль в рядах защитников свободы. Какой батальон когда-либо выходил из битвы столь поредевшим?»¹.

¹ Сомнительно, чтобы этот текст был официальным, однако он несомненно относится к 1795 году и отпечатан во «Французской типографии». Les adieux de la Convention Nationale au peuple français. P., s.d. P. 3-4.

С принятием новой конституции деятельность Конвента была завершена; он самораспустился и передал власть Директории. Термидорианцы были уверены, что им удастся то, что не удалось их предшественникам: завершить Революцию и создать такую государственную машину, которая успешно проработает десятилетия. Как мы знаем, этого не произошло: Директория просуществовала всего четыре года и уступила власть Наполеону. Но это не отменяет главного: с финалом Термидора завершился неотъемлемый и принципиальный этап в истории Революции – первый этап подведения итогов и переосмысления ценностей.

Библиография

Архивные материалы

Archives Nationale

С 226-232 – фонды Комиссии одиннадцати

АА 34 – бумаги, пропавшие из фондов Комиссии одиннадцати

АВ XIX 197 – отчеты офицеров о 12-14 вандемьера IV года

29 AP 11 – фонд Редерера

172 AP 1 – фонд Бодена

284 AP – фонд Сийеса

306 AP 29 – фонд де Кастри

В II 55-74 (326 mi 18) – протоколы и результаты выборов и референдума 1795 года

F7 4606 – фонды министерства полиции; бумаги, изъятые у Буасси д'Англа

Архив Внешней политики Российской Империи

Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 838.

Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. Д. 92, 93, 94, 95.

Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 74/6. Д. 441.

Ф. 93. Сношения России с Францией. Оп. 93/6. Д. 518.

Bibliothèque Nationale

Mss. 21891 – фонд Дону

Национальный конвент

Baudin P.-C.-L. Anecdotes et réflexions générales sur la constitution, par P.C.L. Baudin, député par le département des Ardennes;

Imprimées par ordre de la Convention nationale. Floréal, l'an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze, par P.C.L. Baudin, député par le département des Ardennes, dans la séance du 1er Fructidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. P., fructidor, an III.

Baudin P.C.L. Rapport fait à la Convention nationale, au nom de la commission des onze, par P.C.L. Baudin, Député par le Département des Ardennes, dans la Séance du 1er Vendémiaire de l'an IV, sur la convocation des Assemblées électorales. P., De l'Imprimerie de la République, s.d.

Berlier Th. Opinion de Berlier, sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor, l'an troisième. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Fructidor, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Bonguiot M. Motion d'ordre sur l'organisation de la Constitution républicaine, faite le 23 germinal, l'an III, par Marc Bonguiot. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Cambacérès J.J.R. Rapport sur le mode de préparer les lois organiques de la Constitution, et sur les moyens de la mettre partiellement et successivement en activité, présenté par Cambacérès, au nom de la Commission instituée 10 germinal. Imprimé par ordre de la Convention Nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Convention Nationale. Plan d'organisation d'un gouvernement intermédiaire, jusqu'à ce que la Constitution puisse être organisée, présenté à la Commission des seize, par la section qui elle avoit chargée de cet objet, composée des Représentans du peuple Thibaudeau, Romme et Merlino. P., De l'Imprimerie nationale. Floréal, an III.

Daunou P.C.F. Essai sur la constitution, par P.C.F. Daunou, Député du Pas-de-Calais; Imprimée par ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, 1793.

Daunou P.C.F. Rapport fait par Daunou au nom des Comités de Salut public et de sûreté générale, dans la séance de la Convention nationale du 21 fructidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. P., De l'Imprimerie de la République. Fructidor, an III.

Daunou P.C.F. Rapport sur les moyens de donner plus d'intensité au gouvernement actuel, présenté au nom de la commission des onze, par P.C.F. Daunou, Représentant du Peuple. Imprimé par ordre de la Convention nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

De Bry J. Opinion de Jean Debry, député de l'Aisne, sur la nécessité de deux lois organiques de la Constitution de 1793, accepté par le Peuple Souverain. Imprimée à Avignon, le 2 floréal, an 3. Avignon, De l'imprimerie de Vincent Raphel, III.

Derenty F.-M. Opinion de François-Marie Derenty, député du département du Nord, sur l'exécution du décret du 5 fructidor. P., De l'Imprimerie Nationale. Fructidor, l'an III.

Faure P.J.D.G. Opinion de P.J.D.G. Faure sur le Jury constitutionnaire, proposé par Sieyès et la Commission des Onze, et autres objets relatifs à l'état actuel. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Fructidor, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Fréron L.M.S. Discours de Fréron, sur les plans de Gouvernement proposés par le représentant du Peuple Thibaudeau & par la commission des onze. Imprimé par ordre de la Convention nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Gamon F.G. Discours sur les moyens de rallier l'opinion publique aux vrais principes de la révolution, et de rétablir la concorde entre tous les français; contenant un résumé historique des principaux événemens qui ont eu lieu depuis le 10 août 1792; prononcé par Gamon, Représentant du peuple, dans la séance du 23 thermidor, l'an 3e de la République française. P., De l'Imprimerie Nationale. Thermidor l'an 3.

Lambert Ch. Projet de loi pour garantir la sûreté de la représentation nationale. Imprimé par ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Lanjuinais J.D. Opinion sur le gouvernement provisoire de la République, par Lanjuinais, député par le département d'Ille et Vilaine. Imprimée par ordre de la Convention nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

La Réveillère-Lépeaux L.M. Opinion sur le jury constitutionnaire, prononcée dans la séance du 24 Thermidor par L.M. Réveillère-Lépeaux, Député de Maine-&-Loire; Imprimée par ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Louvet P.F. Opinion contre la proposition d'un jury constitutionnaire, prononcée le 24 thermidor, an troisième, par P.F. Louvet (de la Somme), représentant du Peuple. Imprimé par ordre de la Convention Nationale. Fructidor, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Merlin Ph.Ant. (de Douai). Discours et projet de déclaration des principes essentiels de l'ordre social et de la République française, prononcés à la Convention nationale dans la séance du 23 germinal, an 3, par Ph.-Ant. Merlin (de Douai); Imprimés par ordre de la Convention nationale. Germinal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Merlin Ph.Ant. (de Douai). Projet de décret, présenté par Ph.Ant. Merlin (de Douai) à la séance du 8 germinal de l'an troisième. Imprimé par ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Pelet J. Opinion sur la situation extérieure et intérieure de la France, avec quelques observations sur la constitution de 1793; Prononcée par Pelet, Député par le département de la Lozère à la séance du 19 germinal, an 3. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Germinal, l'an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Poultier F.-M. Organisation du gouvernement de la République française, propre avant et après l'établissement de la Constitution démocratique. Imprimée par l'ordre de la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Convention Nationale. Plan d'organisation d'un gouvernement intermédiaire, jusqu'à ce que la Constitution puisse être organisée, présenté à la Commission des seize, par la section qui elle avoit chargée de cet objet, composée des Représentans du peuple Thibaudeau, Romme et Merlino. P., De l'Imprimerie nationale. Floréal, an III.

Saladin J.-B.-M. Motion sur la Nécessité de laisser au peuple l'élection libre de la totalité du prochains Corps Législatif. Par Saladin, représentant du peuple, député par le département de la Somme. P., De l'Imprimerie du dépôt des lois, III.

Sieyès E.-J. Opinion de Sieyès sur plusieurs articles des titres IV et V du projet de constitution, prononcée à la Convention le 2 thermidor de l'an troisième de la République. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Thermidor, l'an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Sieyès E.-J. Opinion de Sieyès, sur les attributions et l'organisation du jury constitutionnaire proposé le 2 thermidor, prononcée à la

Convention Nationale le 18 du même mois, l'an 3 de la République. Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Thermidor, l'an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Thibaudeau A.-C. Discours de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le gouvernement actuel de la République française, prononcé dans la séance du 7 Floréal. Imprimé par ordre de la Convention nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Thibaudeau A.-C. Opinion de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le jury constitutionnel, prononcée dans la séance du 24 thermidor; Imprimée par ordre de la Convention Nationale. Thermidor, l'an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Villetard A. Opinion sur le gouvernement provisoire de la République; par Alexandre Villetard, Député par le département de l'Yonne. Imprimée par ordre de la Convention nationale. Floréal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Пресса

Gazette nationale ou Moniteur universel. III-IX.1795

Révolution française, ou Analyse complete et impartiale du Moniteur. P., 1801.

Révolution française. Table alphabétique du Moniteur de 1787 jusqu'à l'an 8, de la République (1799). P., 1802. Vol.1-2.

Annales de la République française, et journal historique et politique de l'Europe. 1795.

Bulletin républicain, papier-nouvelles de tous les pays et de tous les jours. 1795.

Courier de Marseille. Journal patriotique, littéraire, politique et de commerce. Par Lacoste-Mezieres. № 28. 10 Thermidor (28.07.95.).

Courier républicain. 1795.

Courier universel, du citoyen Husson. 1795.

Courier universel, extraordinaire. 24 messidor (12.07.95.).

Journal de Paris. 1795.

Journal des hommes libres de tous les pays, ou le Républicain. 1795.

L'Indicateur universel, ou tableau politique de la France et de l'Europe. № 268. 14.08.95.

L'Observateur des groupes. 1795.

La Sentinelle. 1795.

Le Censeur des journaux. 1795.

Le Chant du coq, ou le réveil nouveau du peuple. № 1, [1795].

Le Libre penseur, par un Anonyme, qui bientôt se nommera. 1795.

Le Precurseur de la quatrième législature. 1795.

Peltier J.G. Paris pendant l'année 1795. Londres, 1795.

Памфлеты

À demain. Le grand jour. Circulaire adressée à quelques Citoyens de Paris. J.H. Vrai Français. P., III.

À la Convention Nationale, la section du centre de Dijon, 10 et 20 Germinal, l'an III. Dijon, De l'Imprimerie de Frantin, 3.

À tous les français, sur la clôture, par arrêté, des Réunions de Citoyens. S.l., s.d.

Adresse aux français, de la part de tous les Chefs des armées Catholiques & Royalistes, au nom de Sa Majesté très-chretienne Louis XVII, Roi de France & de Navarre. S.l., s.d.

Adresse aux français, réunis en Assemblées primaires. S.l., s.d.

Adresse des administrateurs du département de l'Aube, à la Convention Nationale. Troyes, III.

Adresse des citoyens composant la section de l'Union, commune de Limoges, département de la Haute-Vienne, légalement convoqués en assemblée primaire, le 25 fructidor, troisième année républicain. À la Convention Nationale. S.l., s.d.

Adresse des citoyens de Clermont-Ferrand, département du Puy-de-Dôme, à la Convention Nationale. 6 prairial, l'an troisième. Clermont-Ferrand, De l'Imprimerie de Bertet, s.d.

Adresse des français à leurs malheureux compatriotes encore sous le joug de la Convention. Londres, 1795.

Adresse des républicains nantais aux Corps législatifs et au Directoire exécutif. Nantes, De l'Imprimerie de P.F. Hérault, s.d.

Adresse du Conseil Général de la Commune de Chalons-sur-Marne, à la Convention Nationale. 13 fructidor, 3e année. S.l., s.d.

Adresse du comité révolutionnaire du district de Carpentras à la Convention Nationale, du 2 vendémiaire, l'an troisième de la République française, une et indivisible. Carpentras, Chez Vincent Raphel, imprimeur du Comité révolutionnaire, III.

Alcoran républicain, ou institutions fondamentales du Gouvernement Populaire ou légitime. Generalif, Maison Patriarchale et Champêtre, III.

Analyse des idées principales sur la reconnaissance des droits de l'homme en société et sur les bases de la constitution. P., De l'Imprimerie nationale, s.d.

Anecdotes secretes sur le 18 fructidor, et nouveaux mémoires des déportés à la Guiane, écrits par eux-mêmes, et faisant suite au journal de Ramel. P., Chez Guguet et Cie, s.d.

Atrocités dévoilées de Fouquier-Thinville, accusateur public, des juges de l'ancien tribunal, et de Robespierre. P., De l'Imprimerie de la Rue S. Fiacre, III.

Audouin P.J. Achevons la Révolution. Fructidor, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Audouin P.J. Quelques idées sur une partie de ce qu'il y a à faire et à éviter dans l'organisation de la Constitution, par Audouin, député à la Convention Nationale. Imprimés par ordre de la Convention Nationale. Germinal, an III. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Aux citoyens représentans Merlin (de Douai), A. Dumont, Bréard, Lacombe (de Tarn), Fourcroy, Dubois-Crancé, Syeyes, Rewbell, Laporte, Rovere, Legendre, Lomont, Gauthier, Ysabeau, Calès, Pémartin, Delecroy, Montmayou, Mathieu, Perrin, Anguis... P., De l'Imprimerie de Campe-non, s.d.

Aux curieux, vie privée des cinq membres du Directoire Exécutif séant au palais du Luxembourg à Paris; ou Les puissans tels qu'ils sont. P., De l'Imprimerie nationale, V.

Aux électeurs. S.l., s.d.

Baudin P.-C.-L. Declaration sur les motifs d'après lesquels a été proposée, et les circonstances dans lesquels a été décrétée par la Convention la loi d'amnistie du 4 brumaire de l'an IV, dont il a été le rapporteur. P., Chez Baudouin, s.d.

Baudin P.-C.-L. Du fanatisme et des cultes. P., De l'imprimerie de Belin, III.

Baudin P.-C.-L. Eclaircissemens sur l'article 355 de la Constitution, & sur la liberté de la Presse. P., De l'Imprimerie nationale, IV.

Boissy d'Anglas F.A. Projet de constitution pour la République française, rédigé et présenté par Boissy d'Anglas, député du département de l'Ardèche à la Convention nationale // Archives parlementaires de 1789 à 1860. P., Paul Dupont, Editeur, 1902

Boucher-Laricharderie. De l'influence de la Révolution française sur le caractere national. P., De l'Imprimerie de Du Pont, VI.

Bournat. Opinion du citoyen Bournat, Conservateur des Forêts Nationales du Département de Vaucluse, sur le projet de Constitution présenté par la Commission des onze. S.l., s.d.

Brizé-Fradin C.-A. Opinion sur la nécessité de ne confier la Puissance législative et exécutive qu'à des Citoyens âgés de quarante ans, et à des Pères de Famille. Soissons, De l'imprimerie du C. Courtois, s.d.

Calonne Ch.A. de. Lettre de M. de Calonne au citoyen auteur du prétendu rapport fait à S.M. Louis XVIII. Londres, Boffe, 1796.

Cambon plaidant la cause de ses 73 collegues détenus, ou la verité sur les événemens du 31 mai. P., De l'Imprimerie de F.Porte, IV.

Catéchisme de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Bruxelles, De l'imprimerie de Tutot, III.

Catéchisme des décades, ou Instruction sur les fêtes républicaines, établies par La Convention Nationale. Commercy, De l'Imprimerie de Denis, III.

Catéchisme révolutionnaire ou histoire de la révolution française, par demandes et par réponses. A l'usage de la jeunesse républicaine et de tous les peuples qui veulent être libres. Avec la traduction allemande. Strasbourg, J.G.Treuttel, III.

Chansonnier de la République pour l'an 3: dédié aux Amis de la Liberté. Bordeaux, Chez Chapuy, III.

Chansonnier français-républicain pour la IIIe année de la Rep. Fr. P., Chez Debarle, s.d.

Charlotte Corday. Tragedie en trois actes et en vers. S.l., 1795.

Chazot. Quelques observations adressés aux citoyens de Paris sur l'exercice de la souveraineté. S.l., s.d.

Chastellain J.-Cl. Pacte social, combiné sur l'intérêt physique, politique et moral de la Nation française et autres nations, peuples et puissances de l'Europe. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Colignon. Descente de la jeunesse anglaise, au pas de charge. P., Chez Prevost, s.d.

Constant B. De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier. Des réactions politiques. Des effets de la terreur. P., Champs/Flammarion, 1988.

Danican A. Le fléau des tyrans et des septembriseurs, ou Réflexions sur la révolution française. Lausanne, 1797.

Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire, ou les parisiens vengés. S.l., 1796.

Daunou P.C.F. Essai sur les garanties individuelles que réclame l'état actuel de la société. P., Foulon et comp., 1819.

De Bry J. Idées élémentaires pour asseoir une Constitution. P., De l'Imprimerie nationale, s.d.

Delaplanche. Plan d'organisation applicable à la Constitution qui convient le mieux à la République Française. P., III.

Dumouriez Ch.L. Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Mars 1795. Hambourg, chez B.G.Hoffmann, 1795.

Dumouriez Ch.L. De la République. Suite du coup d'œil politique sur l'avenir de France. Decembre 1795. Hambourg, chez B.G.Hoffmann, 1795.

Dumouriez Ch.L. Lettre du Général Dumouriez au Traducteur de l'Histoire des sa vie pour servir de suite au Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, chez B.G.Hoffmann, 1795.

Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif et du pouvoir exécutif, convenables à la République française. P., Chez Du Pont, III.

Dupont de Nemours P.S. Observations sur la constitution proposée par la commission des onze et sur la position actuelle de la France. P., Chez Du Pont, III.

Dutasta. Les faux patriotes démasqués. Bordeaux, Ches Deschamps et Dubois, III.

Ferrand de. Des causes qui ont empêché la contre-révolution en France et considérations sur la révolution sociale. Berne, Chez Em.Haller, 1795.

Fréron L.M.S. Mémoire historique sur la réaction royale, et sur les massacres du midi. P., Louvet, 1796.

Fréron L.M.S. Mission du citoyen Fréron, ex-député à la Convention Nationale et Commissaire du Gouvernement, dans les départements des Bouches du Rhône, de Vaucluse, de la Drôme, du Gard, des Hautes et Basses Alpes et du Var. Rapport fait au Directoire Exécutif. P., s.d.

Fronde. De l'Armée du Nord, le 20 messidor, l'an troisième de la République française, une et indivisible. Frond, soldat républicain, à Messieurs les Royalistes, Anarchistes et Buveurs de sang de toute espèce. P., De l'imprimerie de la République, III.

Gallais J.-P. Dix-huit fructidor; ses causes et ses effets. Hambourg, 1799. Vol. 1.

Gros de Luzene. [Sans titre]. P., De l'Imprimerie de G.F.Galletti, aux Jacobins Saint-Honoré, s.d.

Hékel J.M. Bases d'une constitution pour la nation française. P., Chez Maret, III.

Hékel J.M. Nécessité des loix organiques, ou La constitution de 1793, convaincu de Jacobinisme. P., Chez Maret, III.

Hénoul J.B. Première lettre d'un citoyen à la Convention Nationale, sur l'ordre à établir dans la République. P., De l'Imprimerie des Frères Fleschelle et Compagnie, s.d.

Hénoul J.B. Seconde lettre d'un citoyen à la Convention Nationale, sur l'ordre à établir dans la République. P., De l'Imprimerie des Frères Fleschelle et Compagnie, s.d.

Julian L., Mechin A. Mémoire sur le Midi, présenté au Directoire Exécutif. P., De l'Imprimerie de Desenne, IV.

Laborde-Noguès J. Apperçus sur la Constitution Républicaine à donner au Peuple français. Aux citoyens représentants du peuple composant la Commission des Onze de la Convention nationale, pour organiser les Loix Constitutionnelles de la République. 3 prairial, an 3. P., III.

Langloys J.-Th. Des gouvernemens qui ne conviennent pas à la France. P., De l'Imprimerie du Bureau général des Journaux, 1795.

Langloys J.-Th. Qu'est-ce qu'une Convention Nationale?. P., De l'Imprimerie du Bureau général des Journaux, 1795.

Lanjuinais J.D. Œuvres. P., Dondey-Duprèpère et fils, 1832. Vol. 1.

Lauraguais B., Dastin Ch. Opinion du Censeur, sur la Conjuration du 30. Chauny, Chez Moreau, Imprimeur, III.

Le Febure G. République fondée sur la nature phisique et morale de l'homme. S.l., 1798.

Lefebvre L. Plan de Constitution. S.l., 1795.

Lefebvre E. Considérations politiques et morales, sur la France. P., VI.

Le Peletier de Saint-Fargeau F. Réfléxions sur le moment présent, offertes à la Convention Nationale. P., De l'Imprimerie de R. Vatard, s.d.

Le Peletier de Saint-Fargeau F. Réflexions sur le moment présent. P., De l'Imprimerie de R. Vatard, IV.

Lenoir-Laroche J.J. De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. P., Chez Agasse, III.

Les adieux de la Convention Nationale au peuple français. P., De l'Imprimerie Française, s.d.

Les Administrateurs du district de Chalon s.s. à leurs concitoyens. Chalon-sur-Saone, De l'Imprimerie Républicaine, III.

Les administrateurs et procureur-général-syndic du département de l'Aube, aux citoyens Officiers Municipaux de la Commune d... Troyes, III.

Les aventures du petit Gouly, suivies de sa Promenade, de sa Confession & de sa mort arrivée le même jour. P., De l'Imprimerie des Sans-Culottes, s.d.

Les citoyens composant la Société Populaire de Grasse, Département du Var, à la Convention Nationale. 14 vendemiaire, an 3. Grasse, De l'imprimerie des Freres Dufort, s.d.

Lettre d'un allemand à un de ses amis en France, sur la question: s'il est de l'intérêt de la République Française de conserver ses conquêtes à la rive gauche du Rhin?. S.l., s.d.

Lezay-Marnezia A. de. De la foiblesse d'un gouvernement qui commence, et de la nécessité où il est de sa rallier à la majorité nationale. P., Chez Brigitte Mathey, Desenne, Maret, IV.

Lezay-Marnezia A. de. Des causes de la Révolution et de ses résultats. P., De l'Imprimerie du Journal d'Economie publique, 1797.

Lezay-Marnezia A. de. Les ruines ou voyage en France, pour servir de suite à celui de la Grèce. P., Maret, 1795.

Lezay-Marnezia A. de. Qu'est-ce que la Constitution de 1795? // *Peltier J.G.* Paris pendant l'année 1795. Londres, Boffe, 1795. Vol. II.

Lezay-Marnezia A. de. Qu'est-ce que la constitution de 93? Constitution de Massachusett. P., Chez Migneret, Imprimeur, III.

Lezay-Marnezia A. de. Les ruines ou Voyage en France, pour servir de suite à celui de la Grèce. 4e édition. P., Chez Migneret, Imprimeur, IV.

Louis XVIII. Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d.

Louvet J.-B. J.B.Louvet à ses collègues. P., De l'Imprimerie Marchant, s.d.

Loyseau J.R. Aux assemblées primaires. Avis d'un Citoyen qui aime la liberté, & desire ardemment le retour de l'ordre & de la tranquillité. P., De l'Imprimerie de la Veuve d'Ant.-Jos. Gorsa. Le 12 Fructidor, l'an III de la République.

Maistre J. de. Ecrits sur la Révolution. P., PUF, 1989.

Manuel des assemblées primaires et électorales de France, avec de notes sur les Factions d'Espagne, d'Orléans, etc.etc... Hambourg, s.d. [an V]

Marchena J. J. Marchena, aux assemblées primaires. P., De l'imprimerie de Cretot, s.d.

Marchena T. Point de gouvernement révolutionnaire, ou observations sur le Projet de Décret présenté par Thibaudeau, à la séance du 7 Floréal. S.l., s.d.

Maugras J.B. Dissertation sur les principes fondamentaux de l'association humaine. P., De l'Imprimerie de la citoyenne Desbois, IV.

Merlin J.-P.-R. Essai ou considérations politiques sur les révolutions de France, jusqu'à l'acceptation de la nouvelle Constitution, présentée par la Convention nationale, le 5 fructidor, an 3 de la République. Albi, Chez D.A. Baurens, 1795

Merlin de Thionville A.C. Capet et Robespierre. P., s.d.

Miranda. Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France, et sur les remèdes convenables à ses maux. P., De l'imprimerie de la rue de Vaugirard, III.

Montgaillard M.-J. de. The State of France in may 1794. L., 1794.

Montlosier F.D., comte de. Des effets de la Violence et de la Modération dans les affaires de France. À M. Malouet. Londres, Boffe, 1796.

Montlosier F.D., comte de. Vues sommaires sur des moyens de paix pour la France, pour l'Europe, pour les Emigrés. Londres, Boffe, 1796.

Necker J. Examen de la constitution de l'an III, extrait du dernier Ouvrage de M. Necker, publié au commencement de l'an V. P., De l'Imprimerie de Crapelet, VIII.

Observations sur le droit de cité, et sur quelques parties du travail de la commission des onze. P., Chez Vatar et Associés, III.

Opinion sur l'acceptation de la Constitution de 1795. Signé C.B. S.l., s.d.

Paine Th. Dissertation sur les premiers principes de gouvernement. P., De l'imprimerie de la rue de Vaugirard, III.

Paine Th. The Complete Writings of Thomas Paine. Collected and Edited by Philip S. Foner, Ph. D. N.Y., The Citadel Press, 1945. Vol. 1-2.

Petion J. Projet de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen; et d'une constitution républicaine démocratique. Présenté au Peuple Français par Jérôme Petion père, Homme de loi. Chartres, De l'Imprimerie de Fr.Durand, s.d.

Petitain L.-G. La vérité à la commission des Onze. P., Chez Desenne, III.

Petitain L.-G. Un mot pour deux individus auxquels personne ne pense, et auxquels il faut penser une fois. P., III.

Plaidoyer de Lysias, contre les membres des anciens comités de salut public et du sureté générale. P., Chez Du Pont, III.

Pochon J.-M. Conseil public pour toutes les classes de la société. Généralement pour toutes les affaires de famille, commerciales, judiciaires et administratives. Paris, 10 prairial, an IV. P., IV.

Pochon J.-M. Hommage à la liberté. P., s.d.

Pochon J.-M. Le désir de la paix, ou proposition d'un moyen pour la faire. P., De l'imprimerie de Lesguilliez, frères, V.

Pochon J.-M. Observations sur la déclaration des droits de l'homme de la constitution de 1791, 1793 et 1795. P., De l'Imprimerie de L.F. Longuet, III.

Prudhomme L. Histoire général et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution français, à dater du 24 août 1787. Convention Nationale. P., Faubourg-Germain, 1797.

Qu'est-ce que le décret du 5 fructidor? Opinion d'un citoyen de l'Assemblée primaire de la section du Mail. P., De l'Imprimerie de Cretot, s.d.

Que de têtes qui branlent ! ou Grande prédiction pour l'an trois de la république. P., De l'Imprimerie du Peuple, s.d.

Quelques pourquoi sur la nouvelle déclaration des droits de l'homme. S.l., s.d.

Quelques réflexions sur l'acceptation de la Constitution de 1795, adressées à la Nation française. Nemours, 6 fructidor, an 3e. S.l., s.d.

Recit fidele des terribles évènements arrivés dans la commune de Paris, dans les journées du 13, 14 et 15 Vendémiaire. P., De l'Imprimerie du Courrier de Paris, s.d.

Réclamation des pères et mères d'émigrés à la Convention Nationale. Angoulême, De l'Imprimerie Jardin de l'Orangerie, III.

Réflexions sur le plan de constitution présenté par la commission des onze. Par l'Auteur des réflexions sur les bases d'une constitution. P., De l'Imprimerie de Gueffier, s.d.

Rivarol A. de. Petit Dictionnaire des grandes hommes de la Révolution. P., Editions Desjonquères, 1987.

Ronzier R. Du Gouvernement ou principes naturels pour le rendre aussi bon que solide, avec une garantie suffisante des Droits de l'Homme et du Citoyen. Montpellier, Chez G. Izar et A. Ricard, 1795

Servan J. Idées à repandre parmi les Habitans de la campagne et les Propriétaires fonciers. Imprimé et envoyé dans les Départemens par ordre du Comité de salut public. P., De l'imprimerie de la République, III.

Ségur L.-P., l'ainé. Suite de pensées politiques. S.l., s.d.

Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix intérieure // *Staël A.L.G. de.* Œuvres complètes de madame la baronne de Stael-Holstein. P., Firmin Didot frères, 1838.

Staël A.L.G. de. Réflexions sur la paix adressées à M. Pitt et aux français // *Staël A.L.G. de.* Œuvres complètes de madame la baronne de Stael-Holstein. P., Firmin Didot frères, 1838.

Thieriet C. Coup d'œil sur les lois organiques à former par la Convention nationale, pour mettre en activité la constitution de 1793, adopté & livré à l'impression par C.Thiriet, député par le département des Ardennes. Imprimé par ordre de la Convention. P., De l'Imprimerie nationale, III.

Tissot F.P. Souvenirs de la journée du 1er prairial, an III. P., Dauterive, 1798.

Valrivière F. Aux amis de la paix et de la Constitution de l'an III. Cahors, Chez Richard, père et fils, 1795

Varlet. Gare l'explosion. S.l., III.

Vasselin G.-V. La vérité sur la constitution de Collot-d'Herbois, par un citoyen de la section Le Pelletier. P., De l'Imprimerie de J.M. Chevet, III.

Vasselin G.-V. Respect à la propriété et aux autres droits du citoyen; ou Le seul point de ralliement des Représentés aux Représentans et des Gouvernés aux Gouvernans. P., De l'Imprimerie des Frères Fleschelle, s.d.

Vaublanc V.M. Au corps législatif. S.l., s.d.

Переписка

Baudin P.-C.-L. Lettres de Baudin à Laharpe; et de Laharpe à Baudin. P., De l'Imprimerie de J.M. Chevet, 1795.

Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789-1815) publiée avec introduction, notes et appendices par M. Léonce Pingaud. P., 1889. Vol. 2.

Louis XVIII. Correspondance de Louis XVIII avec le duc de Fitz-James, le marquis et la marquise de Favras et le comte d'Artois. Publiée par P.R.A. P., De l'Impr. de Charles, 1815.

Louis XVIII. Lettre du Roi Louis XVIII à M. Mounier, ex-Président de la 1re Assemblée constituante. Vérone, Février 1795. Bordeaux, Imp. de F. Degréteau, s.d.

Louis XVIII. Lettre du Roi à S.A.S. M. le prince de Condé. A Vérone, le 24 juin 1795. S.l., s.d.

Louis XVIII. Lettres. A S.A.S. M. le Duc de Bourbon (24.06.95), à S.A.S. M. le Duc d'Enghien (24.06.95), à M. l'Archevêque de Paris, et autres Evêques et Clergé de France, retirés à Constance (06.95). S.l., s.d.

Mallet du Pan J. Correspondance politique pour servir à l'histoire du républicanisme français. Hambourg, P.F. Fauche, 1796.

Monroe J. The Writings. Edited by Stanislaus Murray Hamilton. New York, G.P. Putnam's sons, 1899. Vol. II. 1794-1796.

Публикации документов

Документы истории Великой французской революции. М., 1990. Т. 1.

Aulard A. Paris pendant la Réaction thermidorienne et sous le Directoire. Recueil des documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris. P., 1899. Vol. 2.

Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L., 1899. Vol. III.

La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Présentée par Stéphane Rials. P., 1988.

Recueil des Actes du Comité de Salut public. Publié par F.-A. Aulard. P., 1923, Vol. 27. P., 1951. Vol. 28.

Stewart J.H. A Documentary Survey of the French Revolution. New York, The Macmillan Company, 1951.

Мемуары

Брок, виконт де. Французская революция в показаниях современников и мемуаров. СПб., 1892.

Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1948. Т. 1.

Дез-Ешпероль А. Судьба одной дворянской семьи во время террора. СПб., Изд. А.С. Суворина, 1882.

Allonville A.F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. P., 1841. Vol. 3, 4.

Arnault A.V. Souvenirs d'un sexagénaire. P., 1833. Vol. 2.

Barras P. Mémoires de Barras, membre du Directoire. P., 1895. Vol. 1.

Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. 3ème edition. P., 1875. Vol. 1.

Barthélemy F. Mémoires de Barthélemy. 1768-1819. Publiés par Jacques de Dampierre. 2ème edition. Montpellier, 1914.

Benicasa B., comte de. Journal d'un voyageur neutre, depuis son départ de Londres pour Paris le 18 novembre 1795 jusqu'à son retour à Londres le 6 février 1796. L., 1796.

Berryer P.-N. Souvenirs de M. Berryer, doyen des avocats de Paris de 1774 à 1838. P., 1839. Vol. 1.

Cambacérès J.J.R. Mémoires inédits. P., 1999. Vol. 1.

Castille H. Histoire de soixante ans. La Révolution. P., 1863. Vol. 4.

Chastenay L.M.V. de. Mémoires de madame de Chastenay. 1771-1815. Publiés par Alphonse Roserot. P., 1896. Vol.1.

Chodieu P.-R. Mémoires et notes de Chodieu, représentant du peuple à l'Assemblée législative, à la Convention et aux armées. (1761-1838). Publiés d'après les papiers de l'auteur. P., 1897.

Dumouriez Ch.-F. La vie et les mémoires du général Dumouriez. P., 1822-1823. Vol. 1-4.

Duval G. Souvenirs thermidoriens. P., 1844.

Fain A.J.F. Manuscrit de l'an trois (1794-1795). P., 1828.

Ferrand A.-F.-C., comte de. Mémoires du comte Ferrand, ministre d'état sous Louis XVIII, publiés pour la société d'histoire contemporaine par le vicomte de Broc. P., 1897.

Frénilly F.A. Souvenirs du baron de Frénilly, pair de France (1768-1828). P., 1909.

Georgel J.-F. Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du Dix-huitième siècle, depuis 1760 jusqu'en 1806-1810, par un contemporain impartiale. P., 1818. Vol. 5.

Gohier L.-J. Mémoires. P., 1824. Vol.1.

Grégoire H. Mémoires de Grégoire, ancien évêque de Blois, député à l'Assemblée Constituante et à la Convention Nationale, sénateur, membre de l'Institut. P., 1837. Vol. 1.

Guilhermy J.-F.-C., baron de. Papiers d'un émigré. 1789-1829. Mises en ordre par le colonel de Guilhermy. P., 1886

Hautpoul A. de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Mémoires inédits publiés par le comte Fleury. P., 1904.

Hyde de Neuville J.G. Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. La Révolution – Le Consulat – L'Empire. P., 1888. Vol. 1.

Iung Th. Lucien Bonaparte et ses mémoires. 1775-1840. D'après les papiers déposés aux archives étrangères et d'autres documents inédits. P., 1882. Vol. 1.

Laffon-Ladebat A.D. Journal de ma déportation à la Guyane française. (Fructidor an V – ventôse an VIII). 2ème édition. P., 1918.

Larevellière-Lépeaux L. Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national publiés par son fils. P., 1895. Vol. 1.

Lavalette A.M., comte de. Mémoires et souvenirs du comte Lavalette, ancien aide de camp de Napoléon, Directeur des Postes sous le Premier Empire et pendant les Cent-Jours. P., 1905.

Levasseur R. Memoires de R. Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. P., 1989

Louvet J.-B. Mémoires de Louvet de Couvrai sur la Révolution française. P., 1889. Vol. 1.

Mallet du Pan J. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan pour servir à l'histoire de la Révolution française recueillis et mis en ordre par A. Sayous. P., 1851. Vol. 1, 2.

Malouet P.V. Mémoires de Malouet. P., 1874. Vol. 2.

Marmont A.F.L. Mémoires du duc de Raguse de 1792 à 1832 imprimés sur les manuscrits original de l'auteur. P., 1857. Vol. 1.

Meister H. Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). P., 1910.

Miot de Milito A.-F. Mémoires du comte Miot de Milito. 1788-1815. P., 1858. Vol. 1-3.

Montpensier, duc de. Mémoires // Mémoires de Cléry, de M. le duc de Montpensier, de Riouffe. P., 1847.

Noailles P., duc de. Anne-Paule-Dominique de Noailles, marquise de Montagu. Nouvelle édition. P., 1889.

Nodier Ch. Souvenirs de la Révolution et de l'Empire. P., 1872. Vol. 1.

Pasquer E.-D. Mémoires de Chancelier Pasquier publiés par M. le duc d'Audiffret-Pasquer. 5ème édition. P., 1894. Vol. 1.

Pouthas Ch.-H. Une famille de bourgeoisie française de Louis XIV à Napoléon. P., 1934.

Quesné J.S. Confessions de J.S. Quesné depuis 1778 jusqu'à 1826. P., 1828. Vol. 1.

Ruault N. Gazette d'un Parisien sous la Révolution. Lettres à son frère. 1783-1796. P., 1976.

Sergent Marceau A.-F. Reminiscences of a Regicide. Edited from the original mss. by M.C.M. Simpson. L., 1889.

Taillandier A.-L. Lettres à mon fils sur les causes, la marche et les effets de la Révolution française. P., 1820.

Thibaudeau A.-C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol. 1. Convention.

Vaublanc V.M. Mémoires sur la Révolution de France et recherches sur les causes qui ont amené la révolution de 1789 et celles qui ont suivie. P., 1833. Vol. 2.

Работы по истории Революции, написанные современниками

Bailleul J.Ch. De l'esprit de la Révolution et de ses résultats nécessaires. Chalons, 1814.

Bailleul J.Ch. Examen critique des considérations de Mme la baronne de Stael, sur les principaux événemens de la Révolution française, avec des observations sur Les dix ans d'exil, du même auteur, et sur Napoléon Bonaparte. P., 1822. Vol. 2.

Barante A.G.P. Histoire de la Convention Nationale. P., 1853. Vol. 5, 6.

Barante A.G.P. Histoire du Directoire de la République française. P., 1855. Vol. 1.

Baudot M.-A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974.

Beaulieu C.F. Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution de France, avec des notes sur quelques événemens et quelques institutions. P., 1803. Vol. 6.

Dauban C.A. Paris en 1794 et en 1795. Histoire de la rue, du club, de la famine composée d'après des documents inédits particulièrement les rapports de police et les registres du comité de Salut public. P., 1869.

Durand de Maillane P.T.S. Histoire de la Convention Nationale suivie d'un fragment historique sur le 31 mai, par le comte Lanjuinais, pair de France. P., 1825.

Fantin-Desodoards A. Histoire de la République française, depuis la séparation de la Convention Nationale jusqu'à la Conclusion de la Paix entre la France et l'Empreur. P., Cartelet, 1798.

Fantin-Desodoards A. Histoire philosophique de la Révolution de France depuis la première Assemblée des Notables jusqu'à la paix de Presbourg. 5ème édition. P., 1807. Vol. 6.

Gallais J.-P. Histoire de France depuis la mort de Louis XVI jusqu'au traité de paix du 20 novembre 1815. P., Janet et Cotelte, 1820. Vol. 1.

Lacretelle C.J.D. (jeune). Précis historique de la Révolution française. Convention nationale. P., 1803. Vol. 1-2.

Lacretelle C.J.D. (jeune). Précis historique de la Révolution française. Directoire exécutif. P., 1803. Vol. 1-2.

Lacretelle C.J.D. (jeune). Dix annés d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842.

Mercier S. Paris pendant la Révolution (1789-1798) ou Le Nouveau Paris. P., 1862. Vol. 1-2.

Norvins J.M. de Montbreton, baron de. Essai sur la Révolution française depuis 1789 jusqu'à l'avènement au trône de Louis-Philippe d'Orléans le 7 août 1830. P., 1832. Vol. 1.

Paganel P. Essai historique et critique sur la Révolution française, ses causes, ses résultats. Par M***. 3ème édition. P., 1815.

Prudhomme L. Histoire impartiale des révolutions de France depuis la mort de Louis XV. P., 1824. Vol. 10.

Staël A.L.G. de. Considérations sur la Révolution française. P., 1983.

Vasselin G.-V. Mémorial révolutionnaire de la Convention. P., De l'Imprimerie de J.Baillio et D.Colas, 1797. Vol. IV.

Работы, посвященные Термидору

Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ. 2003. М., 2003.

Бовыкин Д.Ю. Либеральные ценности и опыт революции // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

Бовыкин Д.Ю. Термидор, или Миф о конце Революции // Вопросы истории. 1999. № 3.

Бовыкин Д.Ю. Термидор: старые проблемы и новые споры // ФЕ. 2000. М., 2000.

Боск Я. «Арсенал для подстрекателей» // ИЭФР.

Добролюбовский К.П. Вандемьерский мятеж (1795 г.) // Труды Одесского государственного университета. История. Одесса, 1939. Т. 1.

Добролюбский К.П. Новая экономическая политика термидорианского Конвента. Отд. оттиск из «Записок одесского інституту народньої освіти». Одесса, 1927. Т. 1.

Добролюбский К.П. Пресса в Париже после 9 термидора // Исторические записки. 1938. № 3. Отд. оттиск.

Добролюбский К.П. Театр в эпоху термидора // ИЭФР.

Добролюбский К.П. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса, 1949.

Добролюбский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. М.-Л., 1930.

Кареев Н.И. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора II года. По архивным источникам. Пг., 1915.

Кареев Н.И. Было ли парижское восстание 13 вандемьера IV года роялистским? Харьков, 1914.

Колоколкин В., Моносов С. Что такое термидор. М.-Л., 1928.

Согрин В.В. Революция и термидор // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 5.

Тарле Е.В. Жерминаль и прерияль. М., 1957.

Туган-Барановский Д.М. О проблемах изучения нисходящей фазы революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989.

Филимонова М.А. Еще раз о Термидоре в Америке. Сопоставительный анализ завершающих фаз Французской и Американской революций конца XVIII века // Американский ежегодник. 1999. М., 2001.

Черняк Е.Б. 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции. // 200 лет Великой французской революции. ФЕ. 1987. М., 1989.

Щеголев П.П. После Термидора. Л., 1930.

Эрдэ Д.И. 9 термидора в исторической литературе. М.-Л., 1931.

Aulard A. La Constitution de l'an III et la République bourgeoise // La RF. 1900. Vol. 38. № 2.

Aulard A. Le Régime politique après le 9 thermidor // La RF. 1900. Vol. 38. № 1.

Baczko B. Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989.

Baczko B. Les Girondins en Thermidor // La Gironde et les Girondins. P., 1988.

Baczko B. Une passion thermidorienne : la revanche // Histoire et théorie des sciences sociales. Mélanges en l'honneur de Giovanni Busino. Genève-Paris, 2003.

Baczko B. Thermidoriens // DCRF.

Baecque A. de, Well N. L'arrosoir thermidorien. Entretien avec Bronislaw Baczko // Le Monde de la Révolution française. Juin 1989. N° 6.

Bosc Y. Arrêter la révolution, conserver la Révolution // LTAIII.

Bosc Y. Boissy d'Anglas et le rejet de la Déclaration de 1793 et l'an III // L'an I et l'apprentissage de la démocratie. Colloque, St Ouen, 21-24 juin 1993. Editions PSD Saint-Denis, 1995.

Bosc Y. Le conflit des libertés. Thomas Paine et le débat sur la Déclaration et la Constitution de l'an III. Thèse. Université Aix-Marseille I – Université de Provence. 2000.

Bosc Y. Le droit naturel: enjeux d'une référence dans le débat sur la déclaration de l'an III // Langages de la Révolution (1770-1815). Actes du 4ème colloque international de lexicologie politique. P., 1995.

Bosc Y. Paine et Robespierre: propriété, vertu et revolution // Robespierre. De la Nation artésienne à la République et aux Nations. Actes du Colloque, Arras, 1-3 avril 1993. Lille, 1994.

Bosc Y. Thomas Paine et les constitutions de 1793 et 1795: critique de la république formelle // Thomas Paine ou La République sans frontières. Etudes réunies par Bernard Vincent. Nancy, 1993.

Bouloiseau M. Les Comités de surveillance d'arrondissement de Paris sous la réaction thermidorienne // AHRF. 1933 Vol. X.

Bovykine D. La Commission des Onze devant l'opinion public // La République directoriale. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (22, 23 et 24 mai 1997). Clermont-Ferrand, 1998. T. 1. P. 193–205.

Bovykine D. Les décrets de «deux tiers», l'ambition du pouvoir, ou une mesure indispensable // LTAIII.

Bovykine D. Le pouvoir exécutif dans la constitution de l'an III // Mélanges Michelle Vovelle. Volume de l'Institut d'Histoire de la Révolution Française. P., 1997. P. 291–297.

Brunel F. Aux origines d'un parti de l'ordre: les propositions de constitution de l'an III // Mouvements populaires et conscience sociale. Colloque de l'Université Paris VII – C.N.R.S. Paris, 24-26 mai 1984. P., 1985.

Brunel F. Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne. Pour une analyse politique de l'échec de la voie jacobine // AHRF. 1979. № 237.

Brunel F. Thermidor. La chute de Robespierre. Bruxelles, 1989.

Brunel F., Goujon S. Les martyrs de Prairial. Textes et documents inédits. Genève, 1992.

Church C. Du nouveau sur les origines de la Constitution de 1795 // Revue historique de droit français et étranger. 1974. № 4.

Fryer W.R. Republic or Restoration in France? 1794-7. Manchester, 1965.

Fuoc R. La réaction thermidorienne à Lyon (1795). Lyon, 1989.

Galmiche P. L'élaboration de la constitution de l'an III. La commission des onze. Thèse du Doctorat en Droit. Université de Paris. Faculté de droit. P., 1949.

Gendron F. La jeunesse sous thermidor. P., 1983.

Hincker F. Comment sortir de la terreur économique? // LTAIII.

Hunt L., Lansky D., Hanson P. The Failure of the Liberal Republic in France, 1795-1799: The Road to Brumaire // Journal of Modern History. December 1979. Vol. 51.

Koubi G. La Déclaration des droits et des devoirs de l'homme et du citoyen // PRSR.

Lajusan A. Le plébiscite de l'an III // La RF. Vol. 60. № 7. 14.I.1911.

Le Bozec C. An III: créer, inventer, réinventer le pouvoir exécutif // AHRF. 2003. № 332.

Lefebvre G. Les Thermidoriens. P., 1937.

Luzzatto S. L'autunno della rivoluzione. Lotta e cultura politica nella Francia del termidoro. Torino, 1994.

Luzzatto S. La constitution de l'an III et l'«opinion» thermidorienne // Constitution & Révolution aux États-Unis d'Amérique et en Europe (1776/1815). Macerata, 1995.

Mathiez A. La réaction thermidorienne. P., 1929.

Mitchell H. Vendémiaire, a Revaluation // The Journal of Modern History. IX.1958. Vol. XXX. № 3.

Ozouf M. De thermidor à brumaire: le discours de la Révolution sur elle-même // *Revue historique*. I-III.1970. № 493.

Ozouf M. Les décrets des deux tiers ou les leçons de l'Histoire // *PRSR*.

Ozouf M. Thermidor ou le travail de l'oubli // *Ozouf M.* L'Ecole de la France. Essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. P., 1984.

Ozouf M. The terror after the terror // *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture*. Vol. 4. The Terror. Edited by Keith Michael Baker. Oxford, 1987.

Pertué M. Constitution de l'an III // *DHRF*.

Rémond R. Repenser l'an III // *PRSR*.

Schlieben-Lange B. *Knapstein F.* Les Idéologues avant et après Thermidor // *AHRF*. I-III.1988. № 271.

Sciout L. Le Directoire. Première partie. Les Thermidoriens. Constitution de l'an III. – 18 Fructidor. Montpellier, 1895. Vol. 1.

Singaraud J.-Ph. Problèmes politiques et constitutionnels en France – germinal an III – messidor an IV. Thèse pour le Doctorat de troisième Cycle. Université René Descartes. Paris V. Faculté de Droit. P., 1985.

Suratteau J.-R. Les élections de l'an IV // *AHRF*. 1951. № 4; 1952. № 1.

Troper M. La constitution de l'an III ou la continuité : la souveraineté populaire sous la Convention // *PRSR*.

Woronoff D. La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire. 1794-1799. P., 1972.

Zivy H. Le treize vendémiaire an IV. P., 1898.

Персоналии

Аббат Сийес. От Бурбонов к Бонапарту. Спб., 2003.

Тырсенко А.В. Конституционный оракул (Политические идеи Э.Ж. Сийеса в III г. Республики) // *ФЕ*. 2000. М., 2000.

Черткова Г.С. Грахх Бабеф в период термидорианской реакции. М., 1980.

Черткова Г.С. К истории Термидора (Неопубликованное письмо из архива Грахха Бабефа) // *ИЭФР*.

- Allegret M.* Daunou // Le souvenir napoléonien. Février 1987. № 351.
- Barney R.* Montesquieu dans la Révolution Française // AHRF. 1990. № 279. I-III.
- Barrault É.* Lacretelle, un écrivain face à la Révolution française (1766-1855) // AHRF. 2003. № 333.
- Bastid P.* Sieyès et sa pensée. P., 1970.
- Bouvier P.* Les papiers de Daunou à la Bibliothèque Nationale // La RF. 1912. Vol. 63.
- Bredin J.D.* Sieyès. La clé de la Révolution française. P., 1988.
- Champion E. J.-J.* Rousseau et la Révolution Française. P., 1909.
- Clapham J.H.* The Abbé Sieyès. An Essay in the Politics of the French Revolution. L., 1912.
- Clement J.P.* Essai sur les fondements d'une politique libérale à la fin du XVIIIe siècle et au début du XIXe siècle. Daunou – Boissy d'Anglas – Lanjuinais. Thèse pour le doctorat d'état mention droit publique. Université de droit, d'économie et de sciences sociales de Paris (Paris II), 1974.
- Cobban A.* Rousseau and the Modern State. Hamden, 1961.
- Dorigny M.* Boissy d'Anglas // DHRF.
- Dorigny M.* Daunou // DHRF.
- Dorigny M.* Creuzé-Latouche // DHRF.
- Dorigny M.* Lanjuinais // DHRF.
- Dorigny M.* Louvet // DHRF.
- Engerand F.* Ange Pitou. Agent royaliste et chanteur des rues. (1767-1846). P., 1899.
- Gainot B.* Pierre Guyomar et la revendication démocratique dans les débats autour de la constitution de l'an III // PRSR.
- Glyndon G. van Deusen.* Sieyes: his Life and his Nationalism. N.Y., 1970.
- Guibert-Sledziewski E.* Daunou et la question des garanties individuelles // Les droits de l'homme et la conquête des libertés. Actes du colloque de Grenoble-Vizille. Grenoble, 1988.
- Hermon-Belot R.* L'abbé Grégoire, la politique et la vérité. P., 2000.
- Jean-Jacques Rousseau* dans la révolution française 1789-1801. P., 1977.

Le Bozec C. Boissy d'Anglas et la Constitution de l'an III // PRSR.

Le Bozec C. Boissy d'Anglas, un grand notable libéral. Aubenas d'Ar-dèche, 1995.

Le Bozec C. Le républicanisme du possible: les opportunistes (Boissy d'Anglas, Lanjuinais, Durand-Maillane) // AHRF. 1995. № 1.

Maspero-Clerc H. Un journaliste contre-révolutionnaire. Jean-Gabriel Peltier (1760-1825). P., 1973.

Mathiez A. Quelques lettres de Durand de Maillane // La RF. 14.X.1900. Vol. 39. № 4.

Merlin R. Merlin de Thionville d'après des documents inédits. P., 1927. Vol. 2.

Merlin de Thionville A.C. Vie et correspondance de Merlin de Thionville publié par M. Jean Reynaud. P., 1859.

Meynier A. Jean-Jacques Rousseau révolutionnaire. P., 1912.

Neton A. Sieyès (1748-1836). P., 1901.

Nicolle B. Lanjuinais et la constitution de l'an III // PRSR.

Raskolnikoff M. Volney et les Idéologues: le refus de Rome // Revue historique. 1982. № 542.

Romain J-P. Louis XVII. Roi de Thermidor. P., 1995.

Stern A. Siéyès et la Constitution de l'an III // La RF. 14.X.1900. Vol. 39. № 4.

Suratteau J.-R. Baudin // DHRF.

Suratteau J.-R. La Revellière-Lépeaux // DHRF.

Suratteau J.-R. Thibaudeau // DHRF.

Taillandier A.H. Documents biographiques sur P.-C.-F. Daunou. P., 1841.

Использованные сокращения

ИЭФР – Исторические этюды о французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998.

НиНИ – Новая и новейшая история

ФЕ – Французский ежегодник

AHRF – Annales historiques de la Révolution française

La RF – La révolution française.

DCRF – *Furet F. Ozouf M.* Dictionnaire critique de la Révolution française. P., 1988.

DHRF – *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989.

LTAPII – Le tournant de l'an III. Réaction et Terreur blanche dans la France révolutionnaire. Actes du 120e congrès national des sociétés historiques et scientifiques. Aix-en-Provence, 23-29 octobre 1995. P., 1997.

PRSR – 1795. Pour une République sans Révolution. Colloque International. 29 juin – 1 juillet 1995. Rennes, 1996.

Указатель имен

А

Адамс С., 210, 214
Аллонвиль А.Ф., граф д', 46, 85,
92, 137, 181, 257
Амар Ж.-П.А., 217
Анри-Ларивьер П.Ф.И., 245, 251
Анрио Ф., 216, 281
Антрэг Л.Э.А.А. д', 200
Арди А.Ф., 119

Б

Бабеф Г., 13, 14, 20, 33, 38, 49, 64,
84, 184, 267, 309
Бар Ж.Э., 71
Барант А.Ж.П., барон де, 92, 232
Барбару Ш.Ж.М., 95
Барер Б., 46, 47, 54, 67, 217
Баррас П., 40, 53, 58, 82, 94, 180,
199, 235, 259
Бартелеми Б.Ф., 179, 183
Бартелеми Ж.А., 179
Бернарден де Сен-Пьер Ж.А., 141
Беникаса Б., граф де, 217
Бентам И., 206
Берлье Т., 79, 99, 103, 104, 105,
149, 172, 192, 235
Бийо-Варенн Ж.Н., 46, 47
Бисси Ж.Ф., 106
Боден П.Ш.Л., 7, 50, 66, 79, 80,
88, 99, 100, 103, 105, 106, 108,
109, 111, 140, 142, 163, 167, 180,
181, 208, 209, 220, 221, 222, 223,

227, 232, 235, 238, 241, 246, 274,
278, 279, 280, 281, 283, 286
Бодо М.А., 57, 82, 92, 96, 129, 134,
244
Болью К.Ф., 94, 241
Бонапарт Н., 5, 16, 63, 79, 86, 93,
188, 243, 309
Бонгьо М.Ф., 73
Борда П., 168
Бреар Ж.Ж., 61, 235
Брессон Ж.Б.М.Ф., 109
Бриссо Ж.П., 60
Буасси д'Англа Ф.А., 7, 10, 11, 13,
37, 40, 50, 81, 82, 83, 84, 85, 86,
95, 99, 100, 101, 103, 105, 110,
117, 122, 125, 132, 136, 144, 150,
160, 167, 172, 173, 175, 179, 181,
184, 201, 208, 213, 216, 217, 218,
227, 235, 245, 251, 265, 286
Буасью П.Ж.Д., 120
Бурбоны, 98, 177, 188, 242, 309
Бурдон (из Уазы) Ф.Л., 87
Бюзю Ф.Н.Л., 95, 96

В

Васселен Ж.В., 210, 260
Верньо П.В., 60
Виллетар Э.П.А., 146, 178
Воблан В.М.В., граф де, 52, 68,
108, 109, 181, 211, 230
Вольней К.Ф., 90, 141, 209, 210
Вольтер Ф.М., 206
Вулан Ж.А., 82

Г

Гамон Ф.Ж., 154, 171, 223
Гара Ж.Д., 81
Гарран-Кулон Ж.Ф., 126, 137, 146,
203, 213, 214, 216
Гарро П.А., 192
Гийемарде Ф.П.М.Д., 178
Гийомар П.М.А., 44, 132, 169, 194,
199
Глейзаль К., 90
Гомэр Ж.Р., 258
Грегуар А., 129, 267
Гупийо де Монтэго Ф.Ш.Э., 98
Гюаде М.Э., 95

Д

Даникан А., 92, 94
Дантон Ж.Ж., 53, 54, 95
Дебри Ж.А.Ж., 61, 106, 120, 210
Делаайе Ж.Ш.Г., 223, 224
Делейр А., 59, 168, 173
Демулен К., 40, 97
Деренти Ф.М., 266
Дефермон Ж., 125
Джефферсон Т., 76
Дону П.К.Ф., 7, 11, 22, 50, 75, 78,
85, 86, 87, 99, 100, 101, 102, 103,
104, 105, 109, 112, 119, 120, 132,
133, 140, 142, 146, 167, 172, 178,
180, 182, 192, 208, 225, 235, 249,
286
Дульсе де Понтекулан Л.Г., 179,
245, 251
Дю Тур, генерал, 260
Дюбуа-Крансе Э.Л.А., 61, 104, 132,
133, 177, 208, 247
Дюваль Ж., 27, 220

Дюмон А., 52
Дюмурье Ш.Ф., 71, 137, 166, 181,
281
Дюпон де Немур П.С., 64, 109, 110,
135, 146, 156, 180, 226
Дюран-Майян П.Т., 59, 87, 88, 95,
99, 103, 180, 190, 193, 235, 245

Ж

Женисье Ж.Ж.В., 178
Жиро-Пузолъ Ж.Б., 132

К

Калонн Ш.А., 200
Камбасерес Ж.Ж.Р., 61, 62, 67, 70,
73, 74, 91, 148, 170, 178, 179, 203,
208, 213, 235, 251, 278
Камю А.Г., 241
Карно Л., 92, 180
Каррье Ж.Б., 36, 40, 47, 58, 217,
280
Кастри, А.Ш.О. де Ла Круа, герцог
де, 7, 236, 286
Клозель Ж.Б., 71
Клоотс А., 138
Колло д'Эрбуа Ж.М., 40, 47, 113,
217
Кондорсе Ж.А.Н., 142, 201, 210
Констан Б., 30, 231
Крезе-Латуш Ж.А., 70, 79, 88, 89,
99, 103, 117, 130, 131, 132, 146,
169, 179, 208, 235
Кутон Ж.А., 40, 41

Л

Ла Гарп Ж.Ф. де, 252

Лавалетт А.М., граф де, 243
Лакретель П.Л. де (старший), 251
Лакретель Ш.Ж.Д. де (младший),
50, 52, 213, 251, 252
Лалли-Толандаль Т.Ж., 182, 200,
212
Ланжюине Ж.Д., 11, 40, 50, 75, 86,
89, 90, 91, 95, 99, 103, 105, 120,
123, 125, 126, 127, 131, 132, 138,
147, 163, 170, 171, 178, 179, 180,
182, 208, 235, 245, 251
Лаплас П.С., 141
Ларевельер-Лепо Л.М., 28, 40, 50,
53, 57, 61, 62, 67, 74, 78, 79, 84,
86, 89, 91, 93, 94, 99, 100, 103,
119, 133, 172, 179, 180, 182, 188,
189, 190, 194, 208, 213, 214, 228,
235, 259
Ле Фебюр Ж., 212
Ле Фебюр, генерал, 259
Левассер Р., 30
Лежандр Л., 52, 53, 89, 255
Лезей-Марнезия А. де, 65, 82, 110,
115, 116, 127, 135, 161, 164, 184,
211, 213
Лекуантр Л., 67, 209
Ленуар-Ларош Ж.Ж., 72, 113, 116,
128, 146, 151, 155, 174, 255
Лесаж Д.Т. (из Эр-и-Луара), 70,
79, 95, 99, 103, 104, 117, 131, 163,
179, 180, 235, 245
Линде Ж.-Б.-Р., 216
Лувэ Ж.Б., 52, 79, 80, 90, 95, 96,
99, 103, 104, 105, 117, 148, 177,
178, 179, 192, 193, 208, 212, 232,
235, 237
Лувэ (из Соммы) П.Ф., 192
Луи-Филипп, 98

Людовик XVI, 8, 59, 60, 62, 80, 86,
88, 179, 236, 251, 259
Людовик XVII, 8, 59, 60, 88, 179,
216, 236, 244
Людовик XVIII, 59, 60, 88, 90,
216, 236, 244

М

Мабли Г.Б. де, 161, 201, 206, 210
Майль Ж., 60, 68, 117, 118, 126, 177,
178, 192, 203, 208
Малле дю Пан Ж., 50, 51, 83, 200,
212, 225, 241, 261
Малуэ П.В., 83
Мартен Ж.Б., 154, 183, 203
Матье Ж.Б.Ш., 70
Мерлен (из Дуэ) Ф.А., 62, 180, 252
Мерлен (из Тионвиля) А.К., 69,
240, 251, 252
Мерсье Л.С., 83
Местр Ж. де, 155
Мирабо О.Г.Р., 206
Монж Г., 141
Монлозье Ф.Д., 209
Монро Дж., 7, 76
Монтескье Ш.Л., 89, 128, 175, 187,
192, 197, 198, 199, 200, 201, 203,
205, 208, 219, 239
Монтескью-Фезенсак А.П., 179
Мунье Ж.Ж., 125, 212

Н

Наполеон III, 98
Невшато Ф. де, 110
Неккер Ж., 186
Нодье Ш., 26, 27

О

Одуэн Ж.П., 65, 67

П

Паганель П., 27, 150

Пейн Т., 125, 130, 131, 138, 255

Пеле Ж., 70, 71, 106

Пелтье Ж.Г., 7, 52, 68, 179, 180,
218, 220, 226, 228

Пеньер-Дельзор Ж.А., 61, 171

Петион Ж., 87, 96, 106, 107, 115,
125, 164

Петион Ж. (старший), 96, 107, 115

Петитэн Л.Г., 163

Пишегрю Ж.Ш., 161, 180, 236

Пуант Н., 127

Пултье Ф.М., 106, 170

Р

Раффрон Н., 129

Ребель Ж.Ф., 180, 235

Редерер П.Л., 65, 109, 179, 200,
204, 208, 210, 213

Ривароль А., 200

Рише-Серизи Ж.Т.Э., 237, 252

Робеспьер М.М.И., 22, 36, 38, 40,
87, 175, 200, 205, 208, 209

Ронзье Р., 154, 210

Рошамбо Ж.Б., 179

Ру Л.Ф., 169

Рузэ Ж.М., 118, 146

Руссо Ж.Ж., 139, 140, 152, 153, 161,
175, 187, 189, 197, 199, 200, 201,
202, 203, 204, 205, 206, 207,
210, 219, 239, 318

Рюоль Н., 258

С

Саладен Ж.Б.М., 222, 238

Сегюр Л.П., 231

Семонвиль Ш.Л., 179

Сен-Жюст Л.А., 20, 23, 24, 36, 39,
40, 45, 169

Сен-Мартен Ф.Ж., 178, 203

Сидней А., 212

Сийес Э.Ж., 7, 40, 50, 52, 62, 67,
69, 70, 74, 86, 90, 91, 97, 101,
109, 110, 124, 160, 166, 178, 179,
180, 185, 186, 188, 189, 190, 191,
192, 193, 194, 202, 210, 221, 225,
235, 240, 251, 286, 309

Симолин И.М., 244

Сталь А.Л.Ж. де, 52, 53, 86, 174,
182, 232, 252, 263

Сталь Л.Ж. де, 52, 53, 86, 174, 182,
232, 252, 263

Субрани П.А., 97

Т

Таво Л.Ж.Н.Ф., 182

Тало М.Л., 203

Тальен Ж.Л., 40, 52, 53, 68, 90,
171, 221, 224

Тибо А.А.М., 120

Тибодо А.К., 40, 50, 57, 68, 70, 74,
79, 90, 95, 96, 97, 98, 99, 100,
103, 104, 109, 117, 130, 131, 140,
149, 158, 163, 167, 170, 171, 173,
177, 178, 180, 182, 185, 189, 190,
208, 238

Треяр Ж.Б., 179, 235

Тюрго А.Р.Ж., 210

Ф

Филипп-Дельвиль Ж.Ф., 194
Фор П.Ж.Д.Г., 120
Франклин Б., 140
Френилли Ф.А., барон де, 230, 261
Фрерон С.Л.М., 52, 53, 67, 70, 75,
135, 204
Фукье-Тенвиль А., 35, 36, 46, 47,
217
Фуше Ж., 40, 53, 58, 59, 94

Ш

Шарлье Л.Ж., 224
Шенье М.Ж., 52, 120

Э

Эрман Ж.Ф., 182
Эшассерье Ж. (старший), 177, 178,
182, 208, 235
Эшероль А. дез, 28

Оглавление

Введение	5
Глава I. Споры о Термидоре	9
1. Миф о конце революции	13
2. Термидорианская реакция	26
Глава II. Франция и Конвент в 1795 году	46
1. Политическая ситуация во Франции после 9 термидора	46
2. «Факции» или партии?	49
Глава III. Как закончить Революцию?	64
1. Вопрос о конституции в повестке дня	64
2. Комиссия одиннадцати	78
Глава IV. Декларация прав: человека или гражданина?	112
Глава V. «Ни короля, ни анархии!»: организация исполнитель- ной и законодательной власти	149
Глава VI. «Законодатели, если бы Руссо был среди вас!»	197
Глава VII. Декреты о двух третях	220
1. Принятие декретов 5 и 13 фрюктидора	221
2. Восстание 13 вандемьера	241
Глава VIII. Референдум и выборы 1795 года	254
Заключение	278
Библиография	286
Указатель имен	313

Table des matières

Introduction.....	5
Chapitre I. Thermidor en débat.....	9
1. Le mythe de la fin de la Révolution	13
2. La réaction thermidorienne	26
Chapitre II. La France et la Convention nationale en 1795.....	46
1. Les enjeux politiques après le 9 thermidor	46
2. Des « factions » ou des partis	49
Chapitre III. Comment terminer la Révolution ?.....	64
1. La Constitution à l'ordre du jour	64
2. La Commission des Onze	78
Chapitre IV. La Déclaration des droits : de l'homme ou du citoyen ?	112
Chapitre V. « Ni le roi, ni l'anarchie » : le pouvoir législatif et le pouvoir exécutif	149
Chapitre VI. « Représentants, si Rousseau était au milieu de vous ! » ..	197
Chapitre VII. Les décrets des deux tiers.....	220
1. L'adoption des décrets des 5 et 13 fructidor.....	221
2. La journée du 13 vendémiaire.....	241
Chapitre VIII. Le référendum et les élections de 1795.....	254
Conclusion	278
Sources d'archives / Bibliographie.....	286
Index des noms de personnages.....	313

Научное издание

Бовыкин Дмитрий Юрьевич

**РЕВОЛЮЦИЯ ОКОНЧЕНА?
ИТОГИ ТЕРМИДОРА**

Подписано в печать 02.06.2005
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Усл. печ. л. 18,7. Тираж 500 экз.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7

Отпечатано в ООО «Альта-Принт»
115492, г. Москва, 1-я Стекольная ул., д. 7, стр. 3
тел. (095) 748-47-60